

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

МОСКВА "НАУКА" 1996

ББК 66.2(07)

A22

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-31970*

Авторский коллектив:

В.Г. ХОРОС, Г.И. МИРСКИЙ, К.Л. МАЙДАНИК, Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА,
И.А. ЗЕВЕЛЕВ, Н.А. КАРАГОДИН, М.Н. КУНЬЩИКОВ,
Э.Л. ЛЕБЕДЕВА, А.Ф. ОНИКИЕНКО, Д.О. ПРУДКОВА,
Е.Б. РАШКОВСКИЙ, Н.Г. РОГОЖИНА, В.В. РЫБАКОВ, В.В. СУМСКИЙ,
А.Ю. УМНОВ, Е.А. ФЕДЯКОВА, М.А. ЧЕШКОВ

Ответственный редактор

доктор исторических наук В.Г. ХОРОС

Рецензенты:

доктор исторических наук Э.В. КЛОПОВ

доктор исторических наук А.В. ГОРДОН

Авторитаризм и демократия в развивающихся странах /
А 22 В.Г. Хорос, Г.И. Мирский, К.Л. Майданик и др. – М.: Наука,
1996. – 336 с.

ISBN 5-02-012202-5

В чем состоит связь между экономическим ростом и политическими структурами? Почему в одних случаях развитие успешно осуществляется авторитарной политической властью, а в других – демократической? Насколько закономерна наметившаяся в последнее время в "третьем мире" тенденция перехода от авторитаризма к демократии? Эти и другие проблемы рассматриваются в работе, посвященной политической модернизации в развивающихся странах за последние три десятилетия. В книге делается попытка сопоставить опыт стран Азии, Африки и Латинской Америки с современной политической ситуацией в России.

Для политологов, экономистов, востоковедов, широкого круга читателей.

А 0804000000-167
042(02)-96 54-96, I полугодие

ББК 66.2(07)

ISBN 5-02-012202-5

© В.Г. Хорос, Г.И. Мирский,
К.Л. Майданик и др., 1996

© Издательство "Наука",
оформление, 1996

© Российская академия наук, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще лет десять назад подобная работа готовилась бы иначе. Ее концептуальные рамки были бы известны задолго до исследования: "третий мир" как арена борьбы между капитализмом и социализмом, противопоставление "проимпериалистических" (безусловно, авторитарных) режимов "народно-демократическим" и т.д. Многими советскими обществоведами реальность вообще рассматривалась лишь в качестве податливого материала для подтверждения априорной идеологической схемы. Но и серьезные, оригинальные научные работы и непредвзятые построения, сохранившие значение по сей день (в нашем "третьем мире" их было, пожалуй, больше, чем в смежных дисциплинах) — несли на себе печать мировоззренческой предопределенности конечных выводов.

Теперь ситуация радикально изменилась. Кризис тоталитарно-коммунистических ценностей и самой идеи социализма превратил нас из учителей ("обладателей Истины") в учеников. Стремление разрабатывать новые методологические подходы, готовность и способность освоить реальный опыт мировой истории становится не только необходимой научной установкой, но и важнейшим условием, без которого нынешних проблем в России не решить.

Цель данного исследования — изучение политических процессов и структур Латинской Америки, Азии и Африки во второй половине XX в. с точки зрения динамики и баланса авторитарных и демократических форм власти, их связи с социально-экономическим развитием.

Какие политические условия в развивающемся обществе наилучшим образом обеспечивают хозяйственный и социальный подъем, преодоление отсталости, достижение автономности? Почему одни политические режимы оказываются в состоянии проводить эффективную экономическую стратегию и стимулировать рост благосостояния своих сограждан, а другие — нет? Каковы здесь корреляты между социальными агентами (субъектами), с одной стороны, политикой и экономикой — с другой? Какие закономерности определяют тенденцию перехода от авторитаризма (и тоталитаризма) к демократии? Эти и подобные вопросы жизненно важны для сегодняшней России. Тем более что многие из рассматриваемых стран гораздо ближе к нам по ряду важнейших параметров развития, в том числе и политического, нежели большинство стран Запада. Разумеется, любое плодотворное использование "чужого" опыта возможно лишь с учетом как особенностей той или иной страны (а тем более такой страны, как Россия),

так и изменения общей ситуации в мире по сравнению с изучаемым периодом (в данном случае – 60–80-ми годами).

Во всяком исследовании важны как методологический подход, так и теоретико-категориальный инструментарий.

Мы не можем сказать, как это считалось обязательным ранее, что методологической базой данной работы является общая марксистская теория. Не потому, что разделяем модную в посттоталитарной публицистике (в меньшей мере – общественной мысли) тенденцию безудержного отрицания марксизма как такового. Как всякое крупное общественное учение, марксизм принадлежит истории человеческого знания и любое (или почти любое) направление современной общественной мысли несет в себе его элементы. Однако мы считаем, что ряд определяющих теоретических построений в классическом марксизме (формационная модель, учение о классах и др.) подлежит как минимум серьезной коррекции. Пока эта работа лишь начинается. Сегодня же можно констатировать, что одни основные теоретические положения марксизма устарели, а другие, в противовес претензиям на всеобщность, оказываются лишь относительно истинными (для определенного исторического этапа, в определенных условиях и т.п.).

Впрочем, процесс релятивизации научного знания – явление не только посттоталитарного обществоведения. Кризис марксистской парадигмы научного знания (особенно в его советском варианте) разворачивается параллельно глубоким изменениям в социальных науках на Западе. Эти изменения нацелены на выработку новой "исторической формации науки", отличной не только от позитивистского идеала, но и нормативов науки Нового времени вообще. Прорисовывается фундаментальный ценностный сдвиг, заключающийся в крушении мифа "прометеевского человека" и веры в значимость науки как абсолютной ценности.

Эти трансформации не могли миновать и ту область научного знания, предметом которой с середины XX в. стали страны Азии, Африки и Латинской Америки. Здесь в 50–70-е годы доминировали идеи модернизации и центропериферической картины мира. Они и явились основаниями для различных теоретико-исследовательских направлений, ведущими из которых являются школы модернизации и зависимости. В рамках первой акцентировалось вовлечение традиционных обществ в процессы, преобразующие их в современные структуры; в русле второго направления подчеркивались неравномерность, диспропорциональность развития в рамках мирового капитализма.

Теории модернизации (М. Леви, Д. Эптер, Э. Шилз, С. Блэк, К. Дейч, Ф. Риггз и др.) нередко подвергались критике за преимущественную приверженность социальной статике и европоцентризму, хотя некоторые представители этой школы подчеркивали значимость культурных и цивилизационных особенностей неевропейских обществ (например, Ш. Эйзенштадт). Тем не менее многие понятия и положения этой школы стали достоянием мировой науки в изучении как социальных и экономических процессов развития, так и политических структур. Более того, идея модернизации на Западе получает как бы

второе рождение в ответ на критику со стороны постмодернизма; на Юге эта идея достаточно популярна и ориентирует стратегии развития в таких гигантах, как Индия и Китай; в России эта же идея имеет влияние на достаточно широкие слои населения, да и немало оснований в самой индустриальной структуре постсоветского общества.

Теории школы зависимости (или центропериферийности) представлены такими именами, как Р. Пребиш, С. Фуртадо, С. Амин и А.Г. Франк¹. Достоинства данных теорий заключаются в том, что развивающиеся общества изучаются в контексте мировых связей, а также через призму их воздействия на внутренние трансформации в этих обществах.

В целом по своим подходам названные две школы могут быть определены как школы эндогенности и экзогенности. Заметим, что в рамках обоих подходов осталась открытой "вечная" проблема природы, баланса и роли внешних и внутренних факторов в эволюции развивающегося мира. Поскольку в 70–80-е гг. развивающиеся страны все более втягивались, с одной стороны, в процессы интернационализации и глобализации, а с другой, стремились восстановить культурную и историческую преемственность, то фундаментальные дихотомии обеих школ и их подходов явно теряли свою жесткость.

В такой теоретико-познавательной ситуации возникает необходимость преодолеть ограниченность обоих подходов, попытаться их синтезировать, или, по меньшей мере, соподчинить в некоей более широкой теоретической рамке. Первая операция ныне вряд ли возможна; вторая – куда более реальна и может осуществиться, на наш взгляд, в русле миросистемных и глобальных концепций, где акцентируется взаимосвязанность и единство мира². Идя по этому пути, можно эффективно использовать инструментарий, разработанный обеими классическими школами, адаптируя его, естественно, и к новой мировой ситуации, и к новым формам теоретического знания о мире в целом.

Таким образом, в нашей работе не ставится целью ни создание новой синтезированной теории, ни разработка принципиально нового подхода. Задача значительно скромнее и заключается в том, чтобы, используя теоретическое наследие обеих школ, по возможности углубить его, а главное применить к решению более конкретной задачи – изучение политического опыта незападных обществ в процессе развития.

* * *

В предлагаемой работе авторы сочетают конкретно-страновой анализ (case studies) с обобщениями. Материалы по политическому развитию (модернизация – авторитарные тенденции – демократизация) наиболее характерных стран группируются в определенные типы. После этого полученные результаты суммируются в плане выделения как специфических, так и общих закономерностей политических процессов в

соответствующих обществах. Конкретные материалы рассматриваются по определенным критериям, дающим возможность сравнения. Критерии будут разъяснены (см. введение).

Научные координаторы книги – К.Л. Майданик, Г.И. Мирский, В.Г. Хорос, М.А. Чешков. Научно-вспомогательная работа выполнена Т.В. Степановой, Т.А. Неробеловой, Т.В. Беловой. Ученый секретарь монографии – Н.И. Степанова.

¹Истоки этих теорий прослеживаются и раньше, в том числе в трудах школы "экономического романтизма" XIX в. в России (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон).

²См. работы по глобальному моделированию, "мировому порядку", экологической проблематике и пр. // Восприятие мировых проблем. Париж, 1986.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ПОСТТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Понятие модернизации. Категория модернизации – перехода от традиционного общества к современному – многомерна, обладает комплексным характером, определяется и толкуется по-разному. Мы будем исходить из трех ее признаков, являющихся, с нашей точки зрения, необходимыми и достаточными.

Это, во-первых, смена преобладающей формы общественного труда (аграрного – индустриальным). Во-вторых, дифференциация ранее слабо расчлененного общества на отдельные сферы (экономическую, политическую, правовую, культурную), обладающие собственной, относительно автономной логикой существования и развития, в том числе по отношению к государству (становление так называемого гражданского общества). Наконец, атрибутом модернизации является формирование автономно-суверенного индивида, личности как основного (первичного) субъекта общества. Правда, в различных регионах и цивилизациях формирование последнего признака протекает по-разному. В наиболее развитом виде он представлен в обществах Запада. На Востоке личность складывается в рамках того или иного типа корпорации (община, землячество, каста, расширенная семья и пр.).

Модернизация охватывает длительный исторический период примерно от XVI в. по настоящее время (для большинства стран он еще не завершен). По своему значению модернизационный переход сопоставим с эпохой неолитических революций, сменой собирательства и пастушества земледелием.

Традиционное общество было основано на простом воспроизводстве, ремесленных технологиях, общинно-корпоративистских ценностях, почтения к авторитету и возрасту, ориентации на прошлое и его повторение. Оно являло собой как бы "самоподдерживающуюся неизменность". Конечно, и в нем имели место изменения, но они происходили по большей части спонтанно, не проистекая из субъективного целеполагания индивидов и групп. Современное, индустриальное общество, наоборот, можно определить как "самоподдерживающуюся изменяемость". Человек в нем не только готов воспринимать постоянные сдвиги в технологии, стандартах потребления, правовых нормах и ценностных ориентациях, но способен инициировать их. Возникает качественно иной тип общества, развитие которого несет с собой вместе с тем и новые проблемы.

Модернизация – это комплексный процесс. Она захватывает все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политико-

правовую и культурную. Изменения в этих сферах тесно связаны между собой и коррелируют друг с другом.

Экономическая модернизация означает существенное повышение производительности труда в сельском хозяйстве, индустриализацию, развитие транспорта и коммуникаций, создание национального воспроизводственного хозяйственного комплекса, расширяющееся участие в мировом хозяйстве. Основными векторами в этом развитии служат реализация принципов и структур рыночной экономики, а также научно-технический прогресс, нарастающее приложение достижений науки к практике в форме технологии.

В социальной сфере модернизация несет с собой беспрецедентный по сравнению с обществами традиционного типа рост социальной мобильности, дифференциацию социальных групп, в том числе на профессиональной основе. Урбанизация приводит к значительному сокращению доли крестьянства и сельского населения, росту "третьего сословия", буржуазии, промышленного пролетариата, средних слоев. На определенном этапе модернизации (индустриального, капиталистического развития) возникает тенденция к сравнительному сближению доходов различных групп (при росте их потребления), что в системе рыночного хозяйства становится ведущим стимулом прогресса производства. Социальная модернизация включает также развертывание системы массового образования, медицинского обслуживания и социально-го обеспечения.

В социокультурном плане происходит существенная трансформация традиционных ценностей. Появляется Личность, "прорастающая" внутри традиционных общинно-корпоративных структур или освобождающаяся от них. Доминантами ее поведения становятся установка на персональные достижения, высокая оценка личных заслуг, готовность к переменам. Автономизация человека в обществе тесно связана с секуляризацией, ограничением мировоззренческих и иных функций религии и ее учреждений.

В пору своей зрелости модернизированное общество обладает рядом количественных параметров, принципиально отличающих его от традиционного. В десятки раз повышается показатель ВВП на душу населения; доля индустриального сектора в народном хозяйстве достигает 70% и более (против 5–8% в традиционном обществе); налоги формируют от 1/4 до 1/2 ВВП (5%); на инвестиции расходуется от 1/6 до 1/4 ВВП (1–2%). Разница в доходах высших и низших групп не превышает 5–6:1, в то время как в традиционных обществах она составляет 15–20:1. Продолжительность жизни достигает 70–75 лет (против 25–50). Аналогичны другие показатели – охват населения средним (80–100%) и высшим (более 30%) образованием, медицинским обслуживанием, средствами массовой коммуникации и т.п., – которые несоизмеримы с соответствующими показателями доиндустриальных обществ¹. Приведенные сопоставления характеризовали уровень модернизации развитых стран в 50–60-е годы. С тех пор эти нормы стали еще выше – тем более по мере вступления обществ Запада (и Японии) в постиндустриальную фазу.

Процесс модернизации предполагает определенные механизмы ее осуществления (стихийная и направляемая модернизация), характер модернизации (органическая или неорганическая – в первую очередь в зависимости от способности того или иного общества к саморазвитию), тип социальной организации модернизирующегося общества (капитализм, формы, ему сопутствующие, а также альтернативные).

Стихийная модернизация была в наибольшей мере характерна для стран Запада в периоды позднего средневековья и постсредневековья. Она проходила через постепенное, самопроизвольное накопление предпосылок в тех или иных сферах общественной жизни, соединение (или несовместимость) которых приводили к качественным сдвигам. Вместе с тем и на Западе, и – в качественно большей мере – на ближней и дальней периферии процесс модернизации все чаще становился результатом сознательных усилий отдельных групп, элит и прежде всего – государства.

В обоих случаях успешность модернизации во многом зависела от того, насколько процесс изменений протекал органично, т.е. вырастал из предшествующих структур, охватывал все сферы общественной жизни, воспринимался большинством общества (или хотя бы значительной его частью) как естественный, поддерживался ими и соответственно принимал характер саморазвития.

В экономическом плане модернизация осуществлялась, как правило, через реализацию оптимальной для данного общества линии развития, "разматывающей цепочки факторов", когда сдвиг в одном хозяйственном секторе влечет за собой прогресс в другом (аграрная революция – индустриализация – экспортная экспансия и т.п.). Последовательность этих сдвигов или фаз и их направление зависели от конкретных условий той или иной страны – стартового потенциала, наличия ресурсов, качества рабочей силы, социальных структур, степени интегрированности в мировой рынок.

В институциональном плане модернизация означала как адаптацию традиционных социальных институтов (семья, община, церковь, каста и пр.) к современным функциям, так и изменение функций этих институтов, приводившее в конце концов к трансформации самих институтов (эволюция средневекового парламента, появление ассоциаций нового типа на месте прежних общин и землячеств и т.п.).

С цивилизационной точки зрения для модернизации (особенно – органической) характерны как симбиоз, так и синтез традиционных и современных ценностей, который состоит в использовании или переинтерпретации одних ценностей традиционной культуры при нейтрализации других, а также в создании или восприятии новых, современных ценностей и "прививке" их к древу национальных культурных традиций. Здесь многое определяет уровень развития традиционной культуры модернизирующегося общества, ее содержательный потенциал, степень открытости контактам извне и, наконец, прочность связи (или, наоборот, глубина разрыва) между культурной элитой и широкими слоями населения, наличие более или менее значительного посреднического слоя между ними.

Далее – проблема разнообразия форм социальной организации модернизирующихся обществ и, в частности, форм, отличных от капитализма.

Капитализм, став в XIX–XX вв. адекватной формой модернизации (по всем ее трем параметрам), тем не менее оставался – вплоть до последних десятилетий – локализованным в одном цивилизационном ареале (Запад). В других ареалах, даже там, где капитализм более или менее укоренился и сложился как способ производства (ряд стран Латинской Америки и Арабского Востока), он не "организовал" общества на собственных принципах. Только на Западе капитализм был тождествен модернизации, как и модернизация – капитализму: "к Востоку от Суэца" (и к Югу) образовались явные ножницы между модернизацией и капиталистической формой организации обществ.

Это обстоятельство определило возникновение иных (новых) видов или форм социальной организации.

В XX в. сложилось несколько основных их разновидностей. Первая – генерированная естественным развитием самого капитализма на Западе – реализовалась под эгидой государства в виде "неприбыльного" госсектора и разветвленной "социальной инфраструктуры" (так называемое государство благосостояния).

Вторая – неотрадиционалистская – возникла на основе специфических незападных традиций и в значительной мере в порядке реакции на экспансию капитализма; здесь основной социальной единицей был не суверенно-автономный индивид, но та или иная коллективная общность – от племени/рода/ или общины до корпорации, включая такой институт, как государство (Саудовская Аравия, Марокко и др.).

Третья – социалистическая – рождается с Октября 1917 г., расширяясь в середине XX в. на Восточную Европу, а в 50–70-е годы на "третий мир"; она имеет основанием полное тождество государства и общества (так называемый реальный социализм).

Процесс модернизации проходит различные фазы. Обычно различают такие стадии, как осознание цели, консолидация модернизаторски настроенной элиты, период трансформации и, наконец, интеграция общества на новой основе (С. Блэк). Иногда это разграничение проще: период ограниченной модернизации и затем ее омассовление, распространение на все общество (Ш. Эйзенштадт). Выделяют также раннеиндустриальную, позднеиндустриальную и, наконец, постиндустриальную фазу. Последняя фактически выходит за рамки модернизации, поскольку в постиндустриальном обществе начинают формироваться качественно новые черты: информационная революция, индивидуализация потребления, примат духовных стимулов над материальными, рост творческих функций в сфере труда. Нынешние развитые страны находятся в начале этой фазы.

Основная периодизация модернизации связана с неравномерностью ее протекания в мировом пространстве и историческом времени. Инициатором модернизации и ее первым эшелонам стал регион Запада. Внутри него, конечно, можно выделить разновидности и модели, отражающие особенности конкретной страны или группы стран, а также

отличающиеся сроками развертывания модернизации (Англия, континентальная Западная Европа, США, переселенческие колонии типа Австралии или Канады). Но все они были связаны геополитическим и историко-культурным единством, что привело примерно к одному и тому же типу индустриального общества.

Определяющие черты первого эшелона – органический в целом характер модернизации, ее длительность и постепенность (с XVI в., если не раньше); относительная синхронность вызревания различных предпосылок и элементов буржуазной формации.

В остальных странах и регионах – основная часть планеты – модернизация приняла характер, во многом отличный от западной. Дело не только в сдвинутых (иногда на столетия) сроках ее развертывания, но и в значительно меньшей степени ее органичности. В первую очередь это связано с тем, что главный импульс модернизации исходил здесь извне – из стран первого эшелона, ушедшего вперед Центра складывающейся мирообщности. Историческое время, "отпущенное" на модернизацию, по сравнению с Западом, значительно сокращено. Правда, общество, где совершается запоздалая модернизация, может использовать уже имеющиеся достижения более развитых стран. Проблема, однако, заключается в том, чтобы приспособить аборигенные традиционные структуры и ценности к использованию "чужих" достижений в короткий исторический отрезок времени, занимающий жизнь трех–четырёх, а иногда даже одного–двух поколений.

Среди обществ запоздалой модернизации можно выделить второй эшелон (Россия, некоторые южно- и восточно-европейские государства, а также Япония, осуществлявшие модернизацию на независимой национальной основе). В терминах миросистемной теории И. Валлерстайна они образуют Полупериферию, а одна из этих стран (Япония) в конце концов сумела войти в ядро Центра.

Третий эшелон – это страны Латинской Америки, Африки и подавляющее большинство стран Азии. Это – мировая Периферия, которая изначально интегрировалась в общемировой процесс модернизации через систему колониализма и зависимости, в качестве сырьевого придатка к Центру. Разделяя со вторым эшелоном ряд общих черт позднего развития, модернизация стран "третьего мира" вместе с тем изначально обладала значительной спецификой.

Дело в том, что исходным пунктом для "третичной модернизации" послужили не просто докапиталистические, но патриархальные, общинно-племенные, государственно-общинные ("азиатские") структуры. Их культура и цивилизации, существенно отличные от европейских, явились объектами модернизации. Внутренние предпосылки модернизирующих процессов (и в структурах, и в общественном сознании) были здесь еще слабее, нежели в странах второго эшелона, и процесс модернизации не просто испытывал воздействие извне, но был неукорененным, неорганичным в своем исходном виде.

Поэтому третичная модернизация характеризовалась очаговостью, инверсией стадий, фрагментарностью и обилием переходных и тупиковых структур, аморфностью сознания и деятельности социальных

субъектов. Отсюда – вероятностный и, более того, периодически обратимый характер процесса модернизации в этом эшелоне.

Наконец, важной особенностью третьего эшелона стало то обстоятельство, что модернизация в регионах мирового Юга осуществляется в эпоху выявления и быстрого обострения глобальных проблем. Демографический, экологический и продовольственный кризисы становятся для молодых государств объективными ограничителями развития. Одновременно вхождение стран Центра в постиндустриальную фазу еще более усложняет задачи модернизационного рывка в отстающих обществах, хотя, как показывает опыт некоторых "новых индустриальных стран" Азии, не превращает их в невыполнимые.

Сегодня в третьем эшелоне модернизации можно выделить различные группы. Одна из них – страны Восточной и Юго-Восточной Азии, вписавшиеся в новейший поворот мировой экономики (70–80-е годы), которые вырвались из Периферии в Полупериферию и по некоторым параметрам даже начинают приближаться к Центру. Другая – вчерашние лидеры индустриальной модернизации в "третьем мире", забуксовавшие на определенном этапе (крупные страны Латинской Америки). Еще одна группа – типичные страны "третьего мира" с характерными для них структурными дисбалансами и секторами отсталости (Индия, ряд арабских и латиноамериканских стран). Наконец, группа наименее развитых – стагнирующих и даже деградирующих стран (преимущественно африканских), где трудно говорить о каких-либо заметных достижениях в процессе модернизации.

В странах запоздалого развития особенно наглядно проявляется, что модернизация – это не только исторический прогресс, но и проблематичное, рискованное предприятие, стимулирующее острые общественные противоречия, напряжения и конфликты.

На пути модернизации встают различные барьеры и опасности. Наиболее типичными из них являются анклавность современного сектора в обществе; элитарный или верхушечный характер модернизации; раскол между модернизирующимися и традиционалистски настроенными слоями населения; диспропорции между развитием города и деревни и др. Элитарная, ограниченная модернизация, ориентированная не на все национальное общественное пространство, а лишь на его отдельные привилегированные сектора, являются непрочной и ущербной, сколь ни значительны были бы ее успехи на каких-то направлениях. Такое диспропорциональное развитие неизбежно порождает общественные конфликты, которые способны затормозить процесс, направить его по зигзагообразным или тупиковым путям и даже повернуть вспять. История модернизации (особенно в странах запоздалого старта) знает периодические срывы (например, в России в начале XX в., в Японии 30–40-х годов нынешнего века, в Иране в конце 70-х – начале 80-х годов и т.д.), периоды застоя и преобладания попятных тенденций.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к социалистической модели развития и ее спутникам (некапразитие, соцориентация). Насколько они эффективны как средство модернизации? Является ли социалистический антикапитализм вариантом модернизации

или, так сказать, ее "псевдоморфозом", своего рода историческим подобием или даже тупиком? Известно, что в СССР и других социалистических странах форсированная индустриализация и курс на "полную экономическую самодостаточность" привели к серьезным диспропорциям, воспрепятствовавшим созданию общества массового потребления. В результате эти страны переживают сейчас острейший системный кризис, оказались неспособными к постиндустриальным формам развития, а для завершения индустриальной его фазы вынуждены перейти к реформам либерального типа. Был ли социализм для этих стран неизбежным поворотом, этапом в процессе модернизации или уклонением от нее? Этот вопрос сегодня требует осмысления.

Политическая модернизация. Это – особое специфическое направление модернизации и в то же время обеспечение процесса в целом в сфере властных отношений.

В традиционном обществе властные структуры, доминируя над обществом, в то же время непосредственно выполняли достаточно ограниченный круг функций: военное дело, поддержание порядка, организация общественных работ, сбор налогов. В модернизированном или модернизирующемся обществе достижение последним большей свободы от государства и самообособление сферы политики сопровождается значительным расширением задач, решаемых в этой сфере. В круг последних включается осуществление определенной экономической стратегии, проведение целенаправленной политики развития и перераспределения ресурсов, развертывание системы массового образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, многочисленных информационных служб. Конечно, методы управления и общий объем деятельности политико-государственной власти варьируются в каждом конкретном случае.

Политическая модернизация означает вместе с тем глубокое реформирование традиционной политической культуры и прежней политической структуры насильственным или мирным путем. Политические лидеры начинают признаваться таковыми не на основе их иерархического статуса и авторитета, но оцениваются по их собственным заслугам – реальным или приписываемым. Происходит разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, относительно автономные по отношению друг к другу. Рационально разграничиваются функции центральной и местной власти, последняя в значительной мере начинает действовать на началах самоуправления. Важнейшим (хотя и не единственным) вектором политической модернизации становится процесс демократизации. Этот процесс по общему правилу протекает противоречиво, неравномерно, прерываясь не только эпизодами, но и длительными периодами господства противостоящей, авторитарной тенденции. Однако, в целом, в глобальном масштабе демократизация выступает как поступательный процесс.

Политическая демократия – это не просто определенная субординация властных структур, система сдержек и противовесов, плюрализм политических партий, рационализация бюрократических институтов и соответствующие правила политического поведения. Это еще – спе-

цифический договор, "contrat social" между государством и обществом. Принимается законодательство, которое не только закрепляет демократические процедуры публичной власти, но и гарантирует права человека, его собственность, предпринимательскую деятельность и т.д. против любого государства, в том числе самого демократического. Как необходимый кореллят и база политической демократии вырастает гражданское общество – широкий комплекс общественно-политических самостоятельных ассоциаций граждан (профсоюзы, творческие объединения, конфессиональные общины, семья и пр.), через которые широкие массы населения выражают свои интересы, формируют общественное мнение, влияя на политические структуры, защищают свои права.

Политическая модернизация обычно начинается с расщепления традиционной политической элиты, кристаллизации в ней модернистски настроенных деятелей, а также с отпочкования от традиционного управленческого слоя оппозиционных групп, аутсайдеров. Во взаимодействии этих групп рождается новая, модернизаторская политическая элита, которая ищет опоры в тех или иных массовых секторах населения и в конце концов оказывается у руля власти.

Как и модернизация в целом, политическая модернизация – это процесс, занимающий длительный исторический период. В Англии, например, только на борьбу королевской власти с парламентом ушло пять веков, а окончательное завершение политической модернизации произошло лишь к середине нынешнего века. Основной долгосрочной тенденцией политической модернизации для стран первого эшелона было поступательное формирование демократических структур, постепенное вырастание их из добуржуазных политических и правовых институтов. При этом модернизация в политической сфере была тесно состыкована со сдвигами в других областях (экономической, социальной и культурной) и зачастую являлась естественным порождением этих сдвигов.

В странах запоздалой модернизации роль политического фактора выступает более весомой, порой определяющей. И это естественно. Стартовая ситуация в этих обществах была крайне неблагоприятной для "стихийной" модернизации (более низкий, нежели в странах "первого эшелона" уровень социальной дифференциации и социальной самостоятельности; сравнительно слабое развитие городов или иной их характер по сравнению с европейскими аналогами; менее выраженное национальное единство; консерватизм культурных традиций; наследие колониализма и пр.). Процесс развития не обладал здесь органическим, поступательным характером. Отсюда повышенная роль политической власти, государства как "толкача" и организатора модернизации – роль тем значительная, чем позже то или иное общество начинает нелегкое восхождение к структурам индустриальной цивилизации. С этим связано появление такого феномена, как "авторитаризм развития (или модернизации)".

Авторитарные политические тенденции были свойственны и ряду стран первого эшелона, особенно на начальных этапах индустриали-

зации. Н.А. Симония указывает в этой связи на феномен бонапартизма в европейских обществах². Во втором эшелоне "авторитаризм модернизации" проявился с гораздо большей силой и практически повсеместно (Россия до 1917 г., Япония эпохи Мейдзи, кемалистская Турция и др.). В истории же стран "третьего эшелона" – вплоть до 80-х годов XX в. – авторитаризм предстает как норма политической эволюции, отклонением от которой выступают отдельные национальные случаи (Индия, Малайзия, Коста-Рика). Однако при этом в одних случаях авторитаризм оказывается совместимым с модернизацией или способствующим ей (Мексика, "драконы" Восточной Азии), в других – ведет к консервации традиционных или неотрадиционных структур (большинство африканских режимов, ряд латиноамериканских стран, особенно в первой половине XX в.).

Политическая модернизация также наталкивается на свои препятствия и ловушки. Наиболее распространенными из них выступают националистическая политика, приводящая к автаркии; крайности технократизма, игнорирующего социальные нужды общества, и популизма, приносящего в жертву социальной политике эффективность экономического развития; неспособность или нежелание политической власти распространить импульс модернизации (и плоды ее) с элитарного на массовый уровень; неглубокое, механическое восприятие современных политических ценностей и норм при фактическом доминировании традиционной политической культуры. Многие из этих опасностей проявляются в практике функционирования политического авторитаризма, наиболее распространенного в эшелонах запоздалой модернизации. Но и демократия может приводить общество к острейшим социальным конфликтам и неэффективности проводимой политики.

Быть может, самой опасной ловушкой политической модернизации в XX в. стал тоталитаризм. Он явился порождением "недозрелой" индустриальной цивилизации, индустриализации "угля и стали", массового стандартизированного производства, когда возник соблазн использования невиданных ранее технических средств для всеохватывающего контроля над обществом. На почве массивификации социальных процессов и выросли монополизм в экономике и империализм в политике, что привело к мировым войнам, революциям и появлению тоталитарных режимов, как "черных", так и "красных". Эти опасные тенденции преодолевались как "самоходом" (смягчение монополистических и империалистических тенденций в западном мире, самоисчерпание тоталитарных структур в социалистических странах), так и насильственным уничтожением тоталитарных режимов.

Основные категории анализа. В соответствии с темой исследования анализ будет вестись преимущественно в политологическом плане. Но учитывая комплексный характер процесса модернизации, рассмотрение политических аспектов должно неизбежно дополняться другими срезам – экономическими, социальными и культурологическими.

Изучение опыта политической модернизации в данной работе будет базироваться в основном на материалах развивающихся стран, треть-

его эшелона мировой модернизации. Здесь предметом исследования прежде всего выступает политический авторитаризм.

Авторитаризм как тип политической власти независимо от способа ее организации (теократия, традиционная автократия, личная или корпоративная диктатура, олигархия и др.) имеет в этих странах глубокие исторические корни, опосредованные позже, уже в ходе модернизации устойчивыми элементами традиционной политической культуры. При этом нас будет особо интересовать та разновидность авторитарной политической организации, которую мы уже обозначили как "авторитаризм развития" или "авторитаризм модернизации". Другие разновидности авторитаризма будут рассматриваться в основном под углом зрения несоответствия задачам и процессам модернизации.

В отличие от политической демократии авторитаризм определяется следующими чертами:

- доминирование власти (государства) над обществом;
- примат исполнительной власти над другими ее секторами;
- ограничение (в той или иной форме) легальной оппозиции.

Эти черты свойственны и "авторитаризму развития". Но на определенном этапе развития данные характеристики эволюционируют, принимая относительно смягченную, рационализированную форму. Ибо политический авторитаризм, действительно стремящийся к модернизации, не может не быть озабочен поисками социальной опоры вне традиционных правящих групп, расширением своей массовой базы. Отсюда потребность в том, чтобы "выслушать" соответствующие социальные группы, наладить механизм обратной связи и т.д. В принципе "авторитаризм модернизации" совместим с какими-то элементами политического либерализма — существованием политических партий (пусть верхушечных и контролируемых), правовыми нормами и даже сравнительно "вольной" прессой. Степень постепенного "смягчения" авторитарного режима, его демократизации (иногда — добровольной, иногда — вынужденной) является важным показателем того, насколько он вписывается в процесс модернизации.

Другими показателями функциональности авторитарной политической системы на этапе модернизации развивающегося общества являются проведение эффективной экономической стратегии, нацеленной на преодоление периферийности, национальная интеграция, обеспечение политического суверенитета. Эти задачи решаются сочетанием различных методов, в том числе репрессивных.

Существует разнообразный набор характеристик и оценок механизма функционирования политической власти и ее взаимодействия с обществом. В интересующем нас случае развивающихся стран основными такими критериями (и параметрами исследования) представляются следующие:

стартовая ситуация, которая вытекает как из предшествующей истории, так и из конкретных обстоятельств возникновения данной политической власти (экономический кризис, вооруженный конфликт, национальное движение и т.п.), что в значительной мере определяет

характер и дальнейшую эволюцию соответствующего политического режима;

роль внешних воздействий, взаимодействия геополитических сил, а также степени вписанности той или иной страны в мировое хозяйство;

состав политической элиты, уровень ее гомогенности, ее непосредственная социальная опора;

тип отношений элиты и масс (патернализм, вертикальная мобильность, элементы самоуправления), что определяет возможности политической мобилизации и вовлечения в процесс развития различных групп населения;

основные структуры и институты власти, их способность к установлению обратных связей, включая взаимоотношения центральной и местной администрации;

роль национального лидера и его ближайшего окружения в выработке и проведении в жизнь эффективной экономической и социальной стратегии;

использование в процессе развития, политической и социальной мобилизации масс национальных культурных традиций, без чего практически невозможна "идеология развития";

степень, характер и механизмы достижения консенсуса в обществе.

Последний критерий представляется особенно важным, ибо без консенсуса, более или менее широкого или хотя бы частичного, осуществление модернизации невозможно. При этом имеется в виду как консенсус внутри правящей элиты, так и между элитой и массами, достаточно значительными массовыми слоями.

Говоря о консенсусе, мы имеем в виду анализ таких его параметров, как предмет (по поводу чего), участники, способ выработки и, конечно, виды консенсуса (консенсус интересов и ценностей).

Консенсус может быть выражен различными способами: через голосование, опросы общественного мнения, массовые признаки одобрения или, наоборот, отсутствие явного массового неодобрения (но не по принципу "народ безмолствует"). Иногда консенсус возникает как аванс провозглашаемому политическому курсу, иногда – как результат деятельности политической власти. Но в любом случае консенсус означает принятие тех изменений, которые несет с собой процесс модернизации или по крайней мере не "отбрасывание" этих изменений массовым сознанием и поведением. Напротив, отсутствие минимального единства в обществе, наличие серьезных противоречий и конфликтов, неотрадиционалистских сил может заблокировать модернизацию или существенно деформировать ее.

Понятие консенсуса, тесно связанное с проблемой легитимности власти (ее источниками), позволяет анализировать политические отношения и структуры в обществе, где нет четко выраженных сил и ситуаций социальной гегемонии. В странах "третьего мира" механизмы консенсуса или легитимности представляются более сложными и менее определенными, нежели, скажем, в Европе XIX – первой половины XX в. с характерными для нее более четкой социально-классовой

стратификацией и более артикулированными интересами тех или иных групп.

Критерий консенсуса используется авторами для классификации основных разновидностей политического авторитаризма в "третьем мире". Здесь выделяются:

авторитаризм при отсутствии консенсуса или в условиях псевдоконсенсуса. Речь идет о ситуациях, когда политика авторитарного режима либо, по сути, далека от модернизации, хотя и прикрывается декларациями о "единстве нации во имя развития" и т.п., либо не принимается подавляющим большинством населения страны и(или) не способная объединить вокруг провозглашенных целей и реальных институтов власти большую часть правящих групп;

авторитаризм на базе ограниченного консенсуса. В обществе существует лишь частичное согласие – как внутри правящей элиты, так и между нею и остальным населением. Эта ситуация создает для модернизаторского сектора ситуацию риска, которая может привести к срыву модернизации или ее замедлению. Однако возможен и иной исход, когда успехи модернизаторской политики приводят к расширению общественного согласия и дальнейшему продвижению вперед проводимых преобразований;

авторитаризм на базе широкого консенсуса, который возникает, как правило, при особых ситуационных обстоятельствах, способствующих сплочению общества, и благодаря наличию национальных социокультурных традиций, благоприятных для восприятия ценностей развития.

Пик преобладания авторитаризма в политической жизни развивающихся стран приходится на конец 60-х – 70-е годы. Однако на стыке 70-х и 80-х годов обозначилась тенденция перехода от авторитарных форм правления к либеральным и демократическим. Произошедший сдвиг объясняется рядом причин, как внутренних, так и внешних. Любой авторитаризм, даже "просвещенный", содержит в себе неустраняемые внутренние изъяны с точки зрения возможности адекватного отражения интересов общества большинства и автономии индивидуума. Что же касается "авторитаризма развития", то именно в том случае, когда он успешно решает экономические и социальные задачи модернизации, он вольно или невольно подрывает почву собственного существования. Добровольно или вынужденно в данном случае совершается переход к демократическим формам правления – это вопрос обстоятельств.

Эрозия политического авторитаризма в странах "третьего мира" связана с общемировыми процессами. Речь идет не только о сознательном воздействии извне (включая феномен "цепной реакции" демократизации). По-видимому, еще большее значение имеет вступление стран Центра в постиндустриальную фазу развития и, следовательно, необходимость для "догоняющих" обществ совмещать на данном этапе модернизации индустриальные и постиндустриальные тенденции. Можно предположить, что такое совмещение превышает возможности авторитарной власти и наряду с сопутствующим кризисом социалисти-

ческого этатизма инициирует переход к демократии или поиски такового.

Задача исследования здесь заключается в том, чтобы определить, насколько эта тенденция является устойчивой или, наоборот, обратимой, соответствуют ли процессы демократизации в модернизирующихся обществах созревшей объективной реальности или опережают ее.

В этой связи новое значение и звучание приобретает проблема институционализированной политической демократии в "третьем мире". Речь идет о тех сравнительно немногих развивающихся странах (прежде всего Индии), где политическая демократия утвердилась достаточно прочно и давно, практически с начала независимого существования. Исследовательская задача состоит, во-первых, в том, чтобы выяснить причины такой удачной "пересадки" западогенных политических форм на незападную почву, во-вторых, выявить специфику политической демократии в условиях мировой "периферии". На наш взгляд, здесь важно понять не только механизм действия соответствующих политических институтов, но и особенно формирования гражданского общества незападного типа.

Наконец, отдельный блок изучения образуют политические модели антикапиталистического, социалистического типа (Китай, страны соц-ориентации и др.). Данные режимы обладают громадной, качественной спецификой в связи с наличием элементов тоталитаризма. Излишне говорить, насколько важна эта тема для понимания политических процессов, происходящих на территории бывшего Советского Союза.

¹Black C.E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y., Evanston a.l., 1966. P. 9-22.

²Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 196 и далее.

АВТОРИТАРИЗМ В УСЛОВИЯХ ПСЕВДОМОДЕРНИЗАЦИИ И(ИЛИ) ПСЕВДОКОНСЕНСУСА

Авторитарные режимы, о которых пойдет речь в данной главе, составляет как бы "пехоту" "третьемирского" авторитаризма; их, наверное, было больше, чем всех остальных, вместе взятых. Это прежде всего большинство государств Тропической Африки и малых стран Латинской Америки, а в 60–70-х годах – и многие страны Ближнего Востока. По ряду признаков к ним же можно отнести и военные диктатуры в таких относительно развитых обществах, как аргентинское и уругвайское.

Эти режимы, возникшие в различных исторических ситуациях, объединяют следующие признаки:

отсутствие или провал реального модернизационного, качественно меняющего основы традиционных структур, проекта;

неспособность режимов добиться ни национального, ни мажоритарного консенсуса (за исключением – подчас – самого момента их возникновения);

хрупкость, непрочность, "неорганичность" консенсуса в самих верхах, не имеющего иной экономической "скрепы", кроме коррупции, иной политической платформы, кроме удержания власти, иных средств для этого, кроме жестокого подавления антирежимных сил.

Как уже отмечалось, в рассматриваемый период большинство режимов подобного рода было установлено в двух исторических ситуациях. Первая хронологически была связана с кризисом раннекапиталистических структур в малых странах Латинской Америки – от Гаити до Боливии (и в определенной мере – Парагвая). Можно сказать, что история этого региона дала наиболее богатую коллекцию авторитарных режимов XX в. От традиционных олигархических режимов и каудильистских диктатур через проимпериалистические диктатуры и популистские режимы первой половины века (в Мексике – до 90-х годов) к контрреволюционным и контрреформаторским диктатурам 50–60-х годов и затем к военно-популистским режимам второго поколения и к авторитарно-бюрократическим (военно-фашистским) диктатурам Южного конуса в 60–80-х годов – таков "послужной список" сходных разновидностей политического авторитаризма данного типа в Латинской Америке.

В данной главе рассматривается лишь один из вариантов этого набора – один из самых кровавых и в то же время контрпродуктивных – авторитарные режимы Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа.

Вторая историческая ситуация, оказавшаяся питательной почвой для подобных режимов, создавалась на стыке 50-х и 60-х годов в Тро-

пической Африке – и прежде всего там, где массовое антиколониальное движение было слабым – или было подавлено, а к власти пришли военные или "трибократия". Здесь по общему правилу речь шла скорее о "предкапиталистической" ("предклассовой") чисто элитарной модернизации, планы которой провозглашались синхронно с реальностью создания (не преобразования) национального государства. Как и в латиноамериканском случае, рассматривается пример, который фокусирует наиболее явно основные негативные черты данной разновидности политического авторитаризма.

1.1. ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЦЕНТРАЛЬНО-АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа)

По степени укорененности, устойчивости и преемственности авторитарных режимов три центрально-американские страны не знали себе равных даже в Латинской Америке. Уже с начала XX в. в Никарагуа и Гватемале существовали "классические диктатуры". Лишь в Сальвадоре в первой трети века сложилась относительно стабильная система "олигархической демократии", которая, однако, рухнула на рубеже 30-х годов, и здесь также была установлена военная диктатура. С 30-х и до 80-х годов диктаторские режимы практически непрерывно – за исключением периода гватемальской революции 1944–1954 гг. – находились у власти во всех трех центрально-американских республиках. До начала 60-х годов эти режимы представляли собой политическое оформление традиционной системы олигархического или кланового господства, экономической основой которого был контроль над производством одного, как в Сальвадоре, или нескольких, как в Гватемале и Никарагуа, экспортных продуктов. Для этой системы был характерен ограниченный и хрупкий консенсус в элите, полное отсутствие оснований для широкого консенсуса и связанная с этим "необходимость" исключения масс из политической сферы.

Отправным и определяющим моментом формирования и функционирования каждой из этих диктатур был социальный или политический взрыв, подавленный ценой большой крови. В Сальвадоре это было восстание (январь 1932 г.) крестьян-индейцев, занятых на кофейных плантациях, поддержанное рабочим движением в городах и возглавленное коммунистической партией. Его разгром, в ходе которого армия и вооруженные отряды олигархии уничтожили более 30 тыс. человек, и положил начало военной диктатуре. В Гватемале организованная США интервенция и государственный переворот (1954 г.) привели к поражению массового демократического движения, прекращению на десятилетия любых попыток преобразований в политической и аграрной сферах и установлению террористического режима. В Никарагуа возникновение диктатуры А. Сомосы (1935 г.) явилось итогом оккупации страны войсками США в 1927–1933 годах. Созданная американцами для борьбы с освободительным движением А. Сандино

Национальная гвардия стала важнейшей опорой никарагуанского режима.

Такой генезис центрально-американских режимов обусловил их свехрепрессивный характер. Массовые убийства, пытки, исчезновения политических противников, так называемый экстраофициальный (т.е. осуществляемый полувоенными формированиями) террор в течение долгого времени были главным и единственным средством политического и социального контроля.

Экономические сдвиги и социальная конфронтация. Последняя функция приобрела особую значимость с началом в 60-е годы экономической модернизации в Центральной Америке. В более развитых – Сальвадоре и Гватемале – она приняла форму импортзамещающей индустриализации. В 60–70-е годы здесь были созданы новые отрасли пищевой, текстильной, обувной, химической промышленности и нефтепереработки. Часть новых производств стала основой увеличения нетрадиционного экспорта – текстиля и продукции электронной сборки в Сальвадоре; цветов, фруктов, продукции рыболовной и нефтехимической промышленности в Гватемале. Возникновение новых отраслей промышленности стимулировалось также созданием в 60-е годы Центрально-американского общего рынка, от которого экономически в наибольшей мере выиграли Гватемала и Сальвадор. Вместе с тем основой экономики и в этот период по-прежнему оставался традиционный сельскохозяйственный экспорт – кофе в Сальвадоре; сахар, хлопок, кофе – в Гватемале. Более того, произошло существенное увеличение этого экспорта, поскольку только таким образом мог быть обеспечен рост импорта сырья, оборудования и промежуточных товаров, связанный с созданием новых производств.

В Никарагуа происходит интенсификация и обновление традиционного экспортного производства, часть которого (около 20%) была собственностью семейства диктатора Сомосы или находилась под его финансовым контролем. В этот период были созданы современные агропромышленные комплексы по производству сахара и хлопка; одной из самых высокодоходных отраслей стала поставка высококачественной никарагуанской говядины на рынок США.

Увеличение экспортного производства – расширение посевных площадей под кофе, сахар и хлопок – привело в 60–70-е годы к резкому росту крестьянского безземелья, в особенности в густонаселенном Сальвадоре и Гватемале, т.е. в странах, где уровень неравенства в распределении земли был и до того одним из самых высоких в Латинской Америке. В Гватемале в 1984 г. сельское хозяйство обеспечивало производство 28% ВВП и выживание двух третей населения, включая большинство беднейших семей. Экспортный сектор составляли 2% хозяйств. Хозяйства свыше 900 га (всего 482) занимали 22% обрабатываемых площадей, в то время как 90% хозяйств составляли минифундии размером меньше 7 га, где выращивались основные продукты внутреннего потребления: кукуруза, бобы, картофель, 54% всех хозяйств занимали 4% обрабатываемых площадей и имели размер менее 1,4 га, что не могло обеспечить их владельцам даже уровня

выживания¹. Это не могло не сказаться (поскольку сельское население до сих пор численно преобладает над городским) на основных социальных показателях в Гватемале. Детская смертность здесь составляет 78–80 на 1000 родившихся живыми; ожидаемая продолжительность жизни мужчин – 57 лет для городских жителей и 44 года для сельских; грамотность среди взрослого населения 55% (в сельских районах – 20%)². По комбинированному показателю, включающему детскую смертность, ожидаемую продолжительность жизни и уровень грамотности, Гватемала имела в 1982 г. самый низкий индекс "физического качества жизни" в Центральной Америке; в Латинской Америке в целом этот показатель был ниже только на Гаити и в Боливии³.

В Сальвадоре (самая высокая плотность населения в Латинской Америке), где уже давно не существует резерва свободных земель, пригодных для обработки, ситуация в аграрном секторе была еще более острой, чем в Гватемале. Здесь число полностью безземельных крестьян увеличилось между 1961 и 1975 годами с 11% до 40% сельского населения. К началу гражданской войны в 1979 г. это число выросло до 60%. 95% мелких землевладельцев обладали земельными участками, слишком маленькими для того, чтобы прокормить одну семью⁴. Поэтому большая часть безземельного или малоземельного сельского населения была так или иначе занята выращиванием кофе – в качестве арендаторов, издольщиков или просто сельскохозяйственных рабочих. Число же рабочих мест в бурно развивавшейся обрабатывающей промышленности увеличилось в 60-е годы только на 6%. В это десятилетие ситуация смягчала массовая эмиграция сальвадорских крестьян в соседней Гондурас, где их число достигло в 1965 г. 350 тыс. человек и где они составляли до 30% рабочих, занятых на банановых плантациях. Однако после так называемой футбольной войны 1969 г. между Гондурасом и Сальвадором этот предохранительный клапан перестал действовать; в 70-е годы социальная напряженность в сальвадорской деревне резко возросла.

В аграрном секторе Никарагуа сложилась принципиально иная ситуация. Низкая плотность населения, с одной стороны, и наличие большого количества свободных земель, с другой, ускоренное освоение которых началось уже с 40-х годов, создали условия для развития массового слоя мелких и средних производителей, занятых выращиванием кофе и зерновых для внутреннего потребления. Нехватка рабочей силы стала главным препятствием для возникновения плантационного кофейного хозяйства, как это произошло в Сальвадоре и Гватемале. Основные экспортеры кофе в Никарагуа – средние землевладельцы, сочетавшие производство кофе с выращиванием скота и зерновых. Крупное плантационное хозяйство сложилось лишь в производстве сахара, риса, табака⁵. Проблема земельного голода и социальная напряженность в деревне никогда не достигали такой остроты, как в Сальвадоре и Гватемале.

Вторым следствием экономических сдвигов 60–70-х годов, общим для всех рассматриваемых стран, стало появление в центрально-американских городах новых массовых социальных групп – рабочих

обрабатывающей промышленности и сектора обслуживания, новых средних слоев, студенчества. Ускоренный количественный рост этих групп в сочетании с полной заблокированностью политических каналов для выражения их интересов вел в 70-е годы к ускоренному нарастанию социальной напряженности в городе. Стремление к самоорганизации рабочих, студенчества, жителей городских кварталов и крестьянства вызвало привычный ответ со стороны правящих групп: усиление репрессий и террора. Сначала в Гватемале, а затем в Сальвадоре создаются "эскадроны смерти" – правые полувоенные формирования, связанные с армией и осуществлявшие систематические пытки и убийства активистов массовых организаций в городах и сельской местности.

Наиболее острые формы процесс социальной мобилизации и политической поляризации общества принял в Сальвадоре. В 70-е годы здесь возникли крупные профессиональные студенческие и крестьянские организации, значительная часть которых находилась под политическим контролем левых партий, действовавших в подполье. Особую и очень активную роль в развитии массового движения, в особенности в сельских районах, сыграло низовое католическое духовенство. В 60-е годы в стране была создана христианско-демократическая партия (ХДП), также пользовавшаяся большим влиянием в профсоюзах и крестьянских организациях и существовавшая, в отличие от левых, легально. Дважды – в 1972 и 1977 гг. – лево-центристская коалиция, основу которой составляли ХДП и левые силы, выигрывала президентские выборы, и оба раза их результаты были откровенно фальсифицированы властями в пользу собственного кандидата. После вооруженного подавления массового протеста против фальсификации в 1977 г. истощенность легальных средств борьбы стала очевидной. Это в сочетании с необходимостью противостоять правому террору привело к усилению активности и влияния военно-политических, повстанческих организаций, к которым перешло к 1979 г. фактическое руководство массовым движением. Его наивысший подъем был достигнут в 1979 г. – первой половине 1980 г., после чего в стране началась двенадцатилетняя гражданская война.

В Гватемале рост социальной напряженности в 70-е годы не имел столь четкого политического выхода, как в Сальвадоре. Это было связано в первую очередь с большим размахом и систематичностью террора. Жертвами пыток и убийств, совершавшихся с особой, "показательной" жестокостью здесь становилась любая сколько-нибудь заметная политическая фигура или просто социально активная личность – учитель, священник, журналист, студент, профсоюзный работник – независимо от идеологической ориентации. С 1954 г. и до начала 80-х годов в стране с населением 8 млн было уничтожено свыше 80 тыс. человек. Однако и здесь с середины 70-х годов начинается процесс возрождения массовых организаций, связанный, с одной стороны, с правозащитной деятельностью в городах, а с другой – с борьбой крестьян за землю, их самоорганизацией для защиты от "эскадронов смерти". На этой основе происходит активизация старых повстанческих организаций, существовавших в стране с 60-х годов, и возникновение новых. С

конца 70-х годов четыре леворадикальные организации Гватемалы объединились и перешли к активным боевым действиям в 22 департаментах страны, что составляло половину от общего числа департаментов. На этот раз партизанское движение поддержали – и приняли в нем участие – крестьяне-индейцы (в отличие от 60-х годов, когда они воспринимали бойцов партизанских отрядов как белых чужаков, пришельцев из города).

Более отсталая Никарагуа, где социальная структура была аморфнее, чем в Гватемале и Сальвадоре, всегда отличалась крайней слабостью социальной организации. Здесь никогда не существовало влиятельных профсоюзов, мощных крестьянских и даже католических массовых организаций. 70-е годы эту ситуацию практически не изменили, хотя появление новых социальных слоев в городах привело к усилению антидиктаторских тенденций в общественном мнении. Кроме того, в стране с начала 60-х годов действовало повстанческое движение, апеллировавшее к укорененным в национальном сознании традициям освободительной борьбы А. Сандино – Сандинистский фронт национального освобождения, который с конца 70-х годов перешел к непосредственной борьбе за политическую власть. Одновременно с 1972 г. начинается постепенный отход основной части никарагуанской буржуазии (которая последовательно вытеснялась кланом Сомосы из наиболее прибыльных сфер экономической деятельности) от политической поддержки диктатуры⁶.

Таким образом, во всех трех рассматриваемых странах Центральной Америки непосредственным итогом социально-экономической модернизации, осуществленной в условиях контрреформистских и репрессивных режимов, стали революции и гражданские войны. Было бы неверным считать, что режимы эти проводили модернизацию в соответствии с какой-то особой стратегией. Речь шла в основном о стихийном процессе, нарушившем застойный характер развития, присущий этим странам в первой половине XX в. и контрреволюционную стабильность, основанную на репрессиях. Авторитарные режимы ни в одной из этих стран не смогли обеспечить даже минимального расширения консенсуса в обществе, и запоздалая (по сравнению с другими странами континента) модернизация послужила детонатором политического (в Сальвадоре – и социального) взрыва, единственным аналогом которого в латиноамериканской истории может быть только мексиканская революция 1911–1917 гг. Сила и длительность этого взрыва были следствием того, что экономическая модернизация, вызванные ею изменения социальных структур и формирование новых интересов сопровождалась не необходимыми политическими реформами, а напротив, ужесточением властных структур и усилением репрессий.

Господствующий блок власти. Заблокированность политических сдвигов в центрально-американских странах явилась следствием специфического соотношения сил внутри господствующего блока – между военными, олигархией и буржуазией. Три страны дают три разных модели этих отношений.

В Сальвадоре и Гватемале до конца 70-х годов армия представляла

собой единственный "зрелый" властный институт и, по сути дела, основную политическую партию господствующих социальных групп – олигархии и буржуазии. В обеих странах формально существовали иные политические партии, с особой пунктуальностью проводились президентские и парламентские выборы, но реально верховная политическая власть сохранялась за высшим армейским командованием. Однако в Сальвадоре олигархия не только обладала независимостью от военных, но и осуществляла контроль над их властью. До 1979 г. господствующий класс в Сальвадоре, по сути, имел право "вето" на государственные решения, в особенности экономического характера. После переворота октября 1979 г., совершенного реформистским настроенными офицерами в ситуации подъема массового революционного движения в стране, олигархия последовательно срывала все попытки реформ – прежде всего аграрной⁷, предпринимавшихся сначала военно-гражданскими хунтами (1979–1981 гг.), а затем ХДП.

Особая сила сальвадорской олигархии объясняется главным образом ее сплоченностью, отсутствием внутренних расколов в ее среде. Ее основной костяк (так называемые 14 семейств) сложился уже к середине XIX в. и был связан, как уже говорилось, с выращиванием кофе – продуктом, который и до сих пор составляет 72% стоимости сальвадорского экспорта и 21% ВВП. Общие экономические интересы, а также специфика кофейного производства, не привлекавшего ни в одной стране Латинской Америки иностранного капитала, позволила господствующему классу в Сальвадоре сохранить единство и независимость. В ходе экономической модернизации 60–70-х годов кофейная олигархия становится основой ведущих финансовых и промышленных групп. Новые слои сальвадорской буржуазии формируются в результате "разветвления" прежних олигархических кланов и под их экономическим контролем.

Сохраняющаяся сила олигархии позволила ей "переварить" переход к гражданскому правлению (1982 г.), продолжая в разгар гражданской войны блокировать осуществление нежелательных реформ. С политическим влиянием олигархий связан и провал весьма дорогостоящей попытки США сформировать в Сальвадоре устойчивую центристскую альтернативу в лице ХДП и ее лидера Х. Дуарте (президент Сальвадора в 1984–1989 гг.). Все ведущие предпринимательские организации стабильно занимали позицию справа от правительства Дуарте. Созданная в 1982 г. наиболее консервативной частью военных и господствующего класса новая партия – Национальный республиканский союз (АРЕНА) – в том же году обеспечила себе большинство на выборах в Конституционную ассамблею и контроль над судебной властью. В 1988 г. АРЕНА выиграла парламентские, а в 1989 г. – президентские выборы, что еще раз подтвердило силу и сплоченность господствующего класса в Сальвадоре, позволившие ему, ничем не поступившись, сохранить полный контроль над политическим процессом. В этом, по-видимому, заключается одна из основных причин того, почему сальвадорским повстанцам не удалось, несмотря на исключительную

силу массовой поддержки, переломить ход гражданской войны в свою пользу⁸.

Вместе с тем при переходе к гражданскому правлению военные сохранили значительную часть контроля над властью. Устранение реформистски настроенного офицерства, участвовавшего в военно-гражданских хунтах 1979–1981 гг., укрепило союз армии и олигархии. Несмотря на то что армия в течение 12 лет не смогла нанести военное поражение партизанам, она и сегодня "де-факто" осуществляет право "вето" на те или иные политические и военные решения гражданских властей.

В Гватемале же господствующий класс оказался расколотым экономически и поэтому гораздо более слабым, чем в Сальвадоре в политическом отношении. Исторически он формировался как зависимый от иностранных интересов, поскольку, начиная с эпохи "Юнайтед фрут", значительная часть валюты от гватемальского экспорта поступала американским компаниям. Это обусловило гораздо большую силу и независимость гватемальских военных по отношению к экономической элите. Степень консенсуса в господствующем блоке была в Гватемале значительно ниже, чем в Сальвадоре.

Еще одно существенное отличие заключалось в том, что в Сальвадоре военные правила от имени господствующего класса, в то время как в Гватемале военная элита стала самостоятельной частью этого класса. С 70-х годов военные осуществляли прямой экономический и административный контроль над целым рядом финансовых институтов, банков, совместных предприятий. Многие офицеры при выходе в отставку получали земельные участки – в основном в районах, где была найдена нефть.

Независимость военных от традиционных господствующих групп, полная деградация гражданской политической элиты в течение 60–70-х годов, крайнее сужение сферы политической деятельности как таковой первоначально привели новые слои гватемальской буржуазии, ставшей основным агентом экономической модернизации, на позиции полной поддержки политики военных. Однако крайне обременительное для государственного бюджета прямое вмешательство военных в экономику, постоянная драка между различными группировками военных, а также обострение (в связи с гражданской войной) социально-политической ситуации в начале 80-х годов привело к отходу предпринимательских кругов от поддержки военных. Часть буржуазии выступила за возвращение к гражданскому правлению.

Если в Сальвадоре переход к гражданскому правлению в условиях гражданской войны стал возможным благодаря сплоченности господствующего класса, то в Гватемале аналогичный процесс был обусловлен скорее слабостью и раздробленностью экономической и политической элиты. Военные ощущали себя достаточно сильными для того, чтобы осуществить процесс в соответствии с установленными ими правилами игры и под собственным контролем. В том же направлении действовала и относительная (по сравнению с Сальвадором) слабость и географическая разобщенность партизанского движения, против кото-

рого в очередной раз сработала особая эффективность правого террора. Гватемальские военные в отличие от сальвадорских прибегли в ходе антипартизанских действий к практике "выжженной земли", уничтожив (начало 80-х годов) десятки населенных пунктов.

В конце 1985 г. в Гватемале были проведены всеобщие выборы и к власти пришло правительство христианского демократа В. Сересо. В отличие от Х. Дуарте, В. Сересо в течение пяти лет даже и не предпринимал попыток осуществить аграрную реформу (само это понятие со времени поражения революции в 1954 г. является в Гватемале политическим табу), считая самосохранение гражданского правления своим важнейшим внутриполитическим достижением. Его преемник Серрано попытался найти выход из политического кризиса, порождаемого все тем же отсутствием консенсуса в правящей элите – в "самоперевороте", роспуске парламента, установлении личной диктатуры. И почти немедленно был отстранен от власти военными.

В Никарагуа характер взаимоотношений экономически господствующих групп с военными был принципиально иным, чем в Сальвадоре и Гватемале. Сомоса, управлявший страной как семейным предприятием, не нуждался в политическом союзе с партиями олигархии, хотя и бросал им время от времени подачки в виде мест в контролируемом им парламенте. От национальной гвардии также не требовалось выполнения прямых политических функций: в Никарагуа основные политические, как, впрочем, и экономические роли, осуществлялись непосредственно членами семейства. В результате консенсус внутри господствующего класса поддерживался лишь пассивностью несомосистской буржуазии. Когда в начале 70-х годов она почувствовала себя экономически ущемленной, этот консенсус разрушился, и никарагуанская буржуазия, основные предпринимательские организации выступили против режима слева, а не справа, как это было в Сальвадоре.

Никарагуа – единственная страна Центральной Америки, где социальная напряженность и политический взрыв привели к политическому и военному крушению диктатуры. В Сальвадоре и Гватемале, где экономическая модернизация была намного глубже, а социальные проблемы – несравненно более острыми, правящим группам удалось обеспечить преимущество существующей системы власти, осуществив переход к гражданскому правлению. В этом направлении их подталкивало экономическое, политическое и военное давление США, извлекших урок из опыта Никарагуа. Однако не меньшую роль играли и внутренние факторы. В Сальвадоре и Гватемале гражданская война привела к усилению поляризации общества, а не к формированию широкой антидиктаторской коалиции, как в Никарагуа. Ситуация многолетнего военного противостояния, хотя и не вела прямо к укреплению консенсуса в элите, но заставила ее все более активно искать политический выход. С течением времени сама длительность и безысходность гражданской войны, ее патовый характер начали парадоксальным образом работать на укрепление статус-кво и сохранение существующей системы власти. Доминирующим фактором общественного сознания все больше становилась усталость от войны, предметом

расширяющегося консенсуса в обществе стало стремление к миру и гражданскому правлению.

Господствующие классы Сальвадора, и в меньшей мере – Гватемалы, смогли использовать эту ситуацию для консолидации своих политических позиций, что позволило им сохранить контроль над процессом. В конце 1991 г. сальвадорское правительство заключает соглашение о мире с Фронтом Национального освобождения Фарабундо Марти, а в 1994 г. проводит выборы, в которых бывшие партизаны участвуют как самостоятельная политическая сила. В результате перехода к гражданскому правлению в обеих странах произошло расширение крайне суженной до того политической сферы, увеличение числа политических агентов, что существенно раздвинуло границы политического маневра власти и возможности для распространения консенсуса за пределы элиты на более широкую часть общества. Это расширение рамок консенсуса, ставшее результатом социально-экономической модернизации и гражданской войны, в свою очередь создает возможности для осуществления назревших экономических (прежде всего аграрной) и политических реформ, без чего наметившийся консенсус является крайне непрочным.

Главной проблемой, подрывающей политическую стабильность всех трех стран Центральной Америки, остается нищета подавляющего большинства населения⁹. На это накладывается наследие войны: не выполненные правительствами обещания предоставления земли и кредитов заставили часть никарагуанских контрас вновь взяться за оружие, это и затруднило процесс реинтеграции сальвадорских партизан в общество. В Гватемале непреодоленный раскол господствующего класса порождает ситуацию постоянного политического кризиса, сохраняя угрозу возвращения в той или иной форме к военно-авторитарному режиму. Во всех трех странах вооруженные силы остаются самостоятельными, а в момент обострения ситуации – решающими субъектами политического общества...

¹ *Painter J.* Guatemala: False hope, false freedom // *The rich, the poor and the Christian Democrats*. L., 1989. P. 9.

² *Fauriol G., Loser E.* Guatemala's political puzzle. New Brunswick, 1988. P. 14.

³ *Painter J.* Op. cit. P. 3.

⁴ *Barry T., Preusch D.* The Central America fact book. Wash. (D.C.), 1986. P. 200, 216–217.

⁵ *Baumeister E., Cuadra Neira O.* La conformación de una economía mixta: Estructura de clases y política estatal en la transición nicaraguense // *La transición difícil: la autodeterminación de los pequeños países periféricos*. Managua, 1987. P. 288–289.

⁶ О дальнейшем развитии событий в стране см. главу 6.

⁷ Аграрная реформа в Сальвадоре, объявленная в конце 1979 г., захлебнулась уже к 1983 г. в результате саботажа землевладельцев и физического уничтожения крестьян, получивших земельные участки.

⁸ *Wickham-Crowley T.P.* Understanding failed revolution in El Salvador: A comparative analysis of regime-types and social structures. Wash. (D.C.), 1991. P. 14–15. (Georgetown Univ. Occas. Pap. Ser.; N 1.)

⁹ По оценкам Организации Американских Государств, 2/3 30-миллионного населения Центральной Америки живут за чертой бедности.

Модернизация стран Тропической Африки, казалось бы, являлась непреложным императивом в силу ряда факторов объективного глобального свойства. Во-первых, поскольку их экономика это – органическая часть мирового капиталистического хозяйства, где определяющую роль играют страны, находящиеся на позднеиндустриальной, а затем и постиндустриальной фазе развития. Во-вторых, поскольку африканские общества испытывают сильнейшее влияние глобальных тенденций в сфере национально-государственного устройства. Помимо всего уже колониализм заложил некоторые основы модернизации. Однако закрепить, а тем более развить их оказалось делом неимоверно сложным, в некоторых сферах – невозможным. Путь от традиционного общества к современному перекрыт сложным комплексом многоплановых и взаимосвязанных факторов, а именно, полностью или частично блокированы процессы национальной консолидации, формирования классов капиталистического типа и становления современной государственности. Это связано и с низким уровнем и со специфическим характером формационно-цивилизированного развития местного общества и одновременностью процессов, протекавших на Западе последовательно.

Генезис и характер мобутовского режима. В различных странах региона на первый план выходил тот или иной "фактор блокировки" модернизации страны. В Заире им стала персоналистская диктатура. Бесспорно, черты персоналистской власти присущи всем государствам региона, но лишь в нескольких из них – на том или ином этапе общественно-политической эволюции – сложились персоналистские диктаторские режимы как целостный механизм управления. Таким образом, мобутовский режим и типичен, и уникален. Возникнув в середине 60-х годов после многолетней кровавой междоусобицы, он пережил сложнейшие экономические и политические перетурбации 70–80-х годов, в начале 90-х вроде бы оказался на пороге своего краха, но до сих пор существует. Анализ становления и функционирования этого режима позволит выявить, как и почему в рамках прокапиталистического и прозападного курса, при активной и всесторонней поддержке Запада персоналистская диктатура может стать основным препятствием на пути модернизации.

Структурный разрыв между формами национально-государственного устройства, заимствованными у капиталистически развитых стран Запада, и состоянием реального общества, которое конституируется этническими общностями докапиталистической эпохи и не достигло еще национально-интегрированного состояния¹, характерен, по сути дела, для всех, обретших независимость обществ Тропической Африки. В Заире же он с первых дней рождения государства стал основой глубокого социально-политического кризиса (1960–1965 гг.), поставившего тогдашнее Конго на грань распада. Это было обусловлено чрезвычайно высокой этнокультурной гетерогенностью второго по территории и населению (более 30 млн человек) государства региона, усугубленной

особо резкими диспропорциями в экономическом потенциале различных областей страны и противоречиями межимпериалистического плана. Политический плюрализм западного образца обернулся в Заире "мобилизацией" и политизацией этнорегионального фактора, институционализацией политической фрагментарности на базе племенного и/или регионального сепаратизма. Сказались и наиболее низкие в регионе уровень и темпы приобщения (в колониальные годы) политической элиты – чрезвычайно малочисленной, с низким образовательным статусом – к ценностям парламентской демократии и деятельности представительных институтов в метрополии и в самом Конго. Сепаратистские устремления влиятельных этнополитических группировок, особенно лунда и луба в провинциях Катанга (Щаба) и Касаи, всячески поощрялись и даже провоцировались на первых порах бывшей метрополией, а также США и Францией. Имея особо важные экономические и геополитические интересы в Заире, в условиях нарастающего противостояния двух мировых систем они использовали все средства и силы в борьбе против первого правительства Конго, ориентированного резко антиимпериалистически и антикапиталистически. Именно поддержка этими державами всех антиправительственных сил (включая сепаратистские) сыграла решающую роль в смещении кабинета П. Лумумбы и в порожении повстанческого движения, возглавляемого его соратниками.

К середине 60-х годов кризис в Заире достиг апогея. Борьба мощных этнополитических кланов Чомбе и Касавубу полностью парализовала центральную власть. Население устало от разрухи, кровопролития, политического хаоса. В этих условиях в широчайших общественных кругах, элитарных и массовых, сложился консенсус на основе отрицания западной политической модели, которая не соответствовала африканской политической традиции и политической культуре, необходимости сохранения государственной целостности и установления сильной власти. Поэтому военный переворот 1965 г. был поддержан всеми основными легальными политическими силами, что и дало возможность Мобуту приступить к решительному слому государственной машины Первой республики. С этого времени и Запад сделал ставку на Мобуту – унитариста и антикоммуниста – и до начала 90-х годов опекал, хотя и не безоговорочно, и даже спасал его режим (решающее участие в подавлении мятежа в Шабе в 1977 и 1978 гг.). Экономическая и военная поддержка ведущих стран Запада, "подкормка" со стороны международных финансовых организаций и ТНК стали важнейшим фактором, обеспечившим стабильность и долголетие мобутовского режима.

По удачному выражению К. Янга, переворот 1965 г. означал "снятие противоречия внутри заирского государства между авторитарно-бюрократическим его основанием и конституционной демократической надстройкой путем ее ликвидации"². И действительно, в фундаменте заирского государства лежала авторитарная политическая традиция – не только колониального, но и доколониального (существование у многих этносов – конго, луба, лунда и т.д. раннеклассовой государственности) периодов. Авторитарной была и политическая культура

правлящих групп³. К тому же заирской элите в силу особенностей ее формирования в колониальный период был в наибольшей степени свойственен "незавершенный политический бикультурализм"⁴, что выражалось в усвоении ею лишь организационных форм и символики современной политической культуры при сохранении в неприкосновенности традиционных ценностных ориентаций в политическом поведении. Поэтому, оперируя такими современными категориями, как "этатизм", "национализм" и т.п., правящие группы в практике национально-государственного строительства при определении стиля, формы и механизма властвования опирались на такие традиционные политико-культурные нормы, как культ правителя, патримониализм (неразделенность частной и общественных сфер, вернее, приватизация последней), клиентелизм, отсутствие легальной оппозиции как института. Адаптация национально-государственных форм, заимствованных на Западе, к состоянию реального общества, местной политической традиции и особенностям элитной субкультуры, а затем и поглощение первых вторыми, привели в Заире к становлению, по выражению Т. Каллаги, "африканской версии абсолютистского государства... Это раннесовременное государство, неотрадиционное, патримониально-бюрократическое... ясно отличающееся как от либерально-демократической, так и тоталитарной моделей, но обладающее псевдоэлементами каждой из них"⁵. Его ключевым элементом является Мобуту Сесе Секо, замыкающий на себя высшие звенья формальной и неформальной структур власти, концентрируя в своих руках всю ее полноту. Важнейший формальный политический институт – единственная правящая партия. Народное движение революции (НДР) к середине 70-х годов трансформировалось в "партию – государство". НДР, объединяя в своих рядах все население страны, включило в себя на правах органов или специализированных секций государственные институты, вооруженные силы, общественные организации. Она была объявлена единственным источником власти, а ее высшей инстанцией стал председатель партии и президент страны.

Однако стабильность и долголетие мобутовского режима в наименьшей степени были обусловлены свехцентрализацией формальных политико-административных структур*. Огромную, если не решающую, роль играет культ Мобуту – вождя, мессии, отца нации как оплота и гаранта государственного единства, мира и стабильности** в стране, население которой было глубоко травмировано кровавой вакханалией первого пятилетия 60-х годов. Созданный Мобуту реальный механизм социального контроля и политического участия основывался на изощренной дозировке кооптации в высшие звенья партийно-государственной структуры (на базе клиентельных отношений), насилия и коррупции. Причем, коррупция в Заире приобрела системный характер, пронизала все этажи и сферы госслужбы, опутала все общество.

Весьма эффективной, особенно в плане преодоления основного

* Мобуту ликвидировал автономию провинций, резко сократив их число.

** Показательно, что на первых президентских выборах (1970 г.) бюллетени были двух цветов: зеленый – за "надежду", с именем Мобуту, – и красный – "за хаос".

дестабилизирующего страну фактора – центробежных тенденций – оказалась практика так называемой большой правящей коалиции⁶, нацеленной на достижение консенсуса политических элит. Коалиция эта базировалась на неформальном, персональном, относительно сбалансированном представительстве в высших эшелонах власти основных этнорегиональных групп⁷. В ней были представлены и социально-политические силы функционально-профессионального типа, составляющие опору режима. Судя по составу ЦК НДР и депутатского корпуса⁸, среди них и в 80-е годы преобладали (около 2/3) чиновники и лица свободных профессий, нередко занимавшиеся предпринимательской деятельностью, в основном в сфере сельского хозяйства, торговли и транспорта, а также национальная буржуазия.

Заирская правящая военно-бюрократическая группировка являлась немногочисленной, достаточно замкнутой и весьма стабильной по персональному составу корпоративной общностью. Вертикальная и горизонтальная мобильность в ее рядах крайне стеснена, так как полностью находилась под контролем президента*.

На протяжении первого десятилетия существования режима Мобуту удавалось поддерживать относительный консенсус в верхах по вопросу об его ориентации и методах деятельности. Кнотом и пряником (доступ к ресурсам власти – собственности) отец нации подавлял политические амбиции членов своего окружения. Электоральный же процесс и функционирование представительных институтов служили главным образом целям легитимизации режима вовне, в глазах западных "опекунов", а также для "выпуска пара", снятия общественного напряжения в наиболее кризисные для правящих кругов периоды (кампания по "демократизации" конца 70-х – начала 80-х годов). Главной же опорой Мобуту оставались элитарные армейские части**.

Важным элементом персоналистской диктатуры и инструментом ее легитимизации внутри страны стала доктрина "заирского аутентичного национализма" или "мобутизма". Среди главных ее постулатов – исконность власти Мобуту, освященной традиционными ценностями, имеющими непреходящее значение для самоопределения и самоидентификации личности, общества и государства; "монизм", сходство президентской власти с властью вождя племени; унитаризм – государственный, национальный, социальный; приоритет интересов "нации-государства" над интересами этносов и других социальных групп***.

* Мобуту назначает и отзывает членов Политбюро и ЦК НДР, министров, губернаторов и комиссаров областей, судей, послов, командование вооруженных сил, высших госчиновников (за исключением выборов 1977 г.).

** На их содержание идет львиная доля военного бюджета. Они формируются по этническому признаку, в этом отношении каждая из них внутренне однородна и чужда другим. Этнические перегородки дополняются специфическим влиянием иностранных военных инструкторов из различных стран Запада, что также препятствует объединению "гвардии" для свержения Мобуту.

*** В течение десятков лет ежедневно перед телевизионными новостями шла заставка с портретом Мобуту и его словами: "Заир – одна страна, у Заира одна партия, а у партии один вождь".

"Мобутизм" превратился в светскую религию, призванную, помимо сказанного выше, вытеснить "чуждые идеологии" и оправдать устранение с политической арены их носителей ("лумумбистов", верхушку католической церкви) – постоянных оппонентов или противников режима.

Экономическая часть концепции не несла каких-либо оригинальных идей и подходов к экономическому возрождению страны. Главной целью нации объявлялось достижение экономической самостоятельности*. Это понятие интерпретировалось как возможность самим определять направленность развития и реализовывать ее, "опираясь на собственные силы". Госсектору отводилась инструментальная роль временного заместителя "пока еще" хилого местного предпринимательства. Частный капитал призван стать основным мотором развития.

На практике экономическая самостоятельность свелась к экономической деколонизации, понимаемой как присвоение – через национализацию – правящими группами части собственности иностранных компаний. Лозунги индустриализации означали осуществление нескольких амбициозных проектов, в частности гигантского гидроэнергетического комплекса Инга и металлургического завода в Малуку. Затраты на сооружение этих объектов легли непосильным бременем на бюджет страны, при том что они функционируют на четверть или треть своей мощности. В целом идея модернизации и призывы к ней носили чисто декларативный характер, будучи, по сути, чуждыми традиционалистским правящим группам, склонным к традиционным формам присвоения и управления. Необходимо отметить и опасения Мобуту и его клана в связи с перспективой усиления (в результате модернизации) позиций и так наиболее экономически мощных, но политически ущемленных этнических групп: лунда, луба и конго – основных носителей сепаратистских тенденций.

В отличие от большинства африканских стран в Заире вплоть до середины 80-х годов даже не разрабатывались пятилетние планы экономического развития. По мнению Ж. Вандерлиндена, это свидетельствовало "об отсутствии (у правящих кругов – Э.Л.) реальной политической воли к планированию, что должно отражать отсутствие национальной воли к развитию"⁹. Во всяком случае отсутствие политической воли к развитию у правящих групп подтверждает анализ всей социально-экономической политики режима. Ее основным вектором в первое десятилетие правления Мобуту стало формирование экономической базы нового складывающегося собственнического макрокласса в рамках прозападного и прокапиталистического курса. Ядром этого макрокласса являлись правящие группы, а другой его важнейшей составляющей – местное предпринимательство. Именно этим целям служили такие меры режима, как создание значительного госсектора и

* При этом Мобуту отвергал определение "слаборазвитая страна" по отношению к Заиру, предпочитал термин "underequipped country", имея в виду технологическую отсталость и нехватку квалифицированных кадров.

смешанных компаний во всех ведущих отраслях экономики в результате наступления на позиции крупного, в первую очередь бельгийского капитала (конец 60-х годов). Затем последовала "заиризация" мелких и средних инонациональных предприятий в сфере розничной торговли, услуг, сельского хозяйства (1973–1974 гг.). Впрочем, расширить ряды национальной буржуазии, на что была официально нацелена программа "заиризации", не удалось, так как большинство "заиризированных" предприятий захватил мобутовский клан. Резкий спад производства и другие негативные последствия этой кампании привели к национализации большей части "заиризированных" предприятий (1975 г.)¹⁰. Экономическое могущество политически доминировавших групп основывалось не только на распоряжении ими государственной собственностью, но и на осуществлении функций регулирования внутривластных отношений и внешнеэкономических связей. Немалую роль играло сращивание правящих групп с частным национальным, иностранным, а также "теневым" капиталом. Наиболее деструктивной – в плане модернизации – чертой правящих групп и связанных с ними предпринимательских слоев является их ориентация на потребление и/или деятельность в торгово-спекулятивной сфере. Награбленные капиталы не реинвестируются в производственные отрасли Заира, а переводятся в западные банки или идут на приобретение предметов роскоши, строительство дворцов*.

Перманентный кризис власти. С середины 70-х годов Заир вступил в полосу глубокого кризиса – экономического, социального, политического. Негативное влияние структурной перестройки мирового капиталистического хозяйства (циклические спады в 1974–1975 гг. и в конце 70-х – начале 80-х годов; переориентация западных стран на освоение ресурсосберегающих технологий и т.п.) вкупе с экономической политикой правительства обусловили перманентную тенденцию ухудшения состояния торгового баланса и роста внешней задолженности. А это в свою очередь являлось не только следствием, но и причиной резкого замедления экономического роста. Заир – "геологическое чудо", "минеральная кладовая" мирового значения оказался в группе наименее развитых стран мира, более того – стал одним из самых бедных государств, даже на африканском континенте.

Социально-экономический курс режима серьезно обострил его отношения со стратегическим союзником – ТНК, экономическими кругами США и Бельгии (о чем свидетельствовала попытка государственного переворота в 1975 г., так называемый заговор ЦРУ, отказ в экономической помощи и т.п.), а также с мелкой и средней инонациональной буржуазией (пакистанцами, греками, левантийцами). Паразитизм верхов, лишенный конструктивности характер экономической деятельности государства, прямое ограбление им непосредственного производителя явились важным источником глубокого кризиса в отно-

* Состояние Мобуту С.С. (5–8 млрд долл.) превышает сумму внешнего долга Заира. Ему принадлежит, в частности, одиннадцать дворцов в стране и несколько шикарных домов в Европе.

шениях между государством и обществом*. Наиболее серьезные признаки роста социальной напряженности (70-е – начало 80-х годов) – перманентные крестьянские бунты, восстания в Шабе и Касаи, подавленные с чрезвычайной жестокостью, студенческие волнения. В экономической сфере проявлением этого кризиса стала выработка подавляющей частью самодеятельного населения "стратегии выживания" на путях ослабления или высвобождения своей экономической активности из-под контроля государства. Теневая экономика приобрела колоссальные масштабы, захватив целые хозяйственные звенья. Аккумуляция в этой сфере значительных капиталов, которые нередко инвестируются в производство, позволяет некоторым западным ученым говорить о превращении теневой экономики в базу становления "небольшого, но весомого коммерческого среднего класса, обладающего независимой политической позицией. Это... истинно капиталистическая буржуазия"¹¹. Однако не стоит, как справедливо подчеркивает Т. Каллаган, преувеличивать потенции этих групп воздействовать на политику государства. По его мнению, в Заире существует и будет еще довольно долго существовать "раннесинкретическая экономика со смешанными способами производства, некапиталистическая социальная логика, патримониально-административное государство со своей собственной политической логикой, меркантилистская экономическая политика и патримониальный, несовременный капитализм"¹².

По мере сползания Заира в глубокий социально-экономический кризис противоречия в правящих группах выявились, обострились и привели к возникновению открытой оппозиции. Показателем этого стали бегство высокопоставленных деятелей режима за границу, попытка государственного переворота в 1978 г., создание в 1980 г. бывшими видными соратниками Мобуту партии Союз за демократию и социальный прогресс (СДСП). По мнению "Монд дипломатик", СДСП "некоторым образом воплотил в себе чаяния поднимающегося класса – мелкой буржуазии, выросшей в стороне от пирамиды власти; представителей молодого поколения, окончивших университет или вернувшихся из-за границы; словом, очень многочисленной промежуточной группы, лишенной возможности выражать свои политические взгляды"¹³. В то же время база партии носила явно этнорегиональный характер, представляя главным образом луба из Касаи. Лидер СДСП Э. Чисекеди, пытаясь убедить Запад в существовании реальной альтернативы режиму Мобуту в лице своей партии, утверждал, что это новый, неведомый заирцам тип оппозиции – ненасильственной, ориентирующейся на демократические ценности, выступающей за более справедливое общество, "но не за социализм". Однако все попытки привлечь на свою сторону западных друзей оказались тщетными. Они по-прежнему ставили, вопреки всем "но" политико-экономического и морального плана, на "проверенную лошадь" – Мобуту.

В начале 80-х годов активизировался и главный легальный

* На съезде НДР в 1977 г. Мобуту заявил, что народ утратил веру в руководство страны и перестал поддерживать его мероприятия.

оппонент режима – католическая церковь*. Оппозиционные настроения нашли поддержку и в руководстве профсоюзов. Причинами растущего недовольства в окружении Мобуту и вне его являлись монополизация основных рычагов власти в руках членов президентского клана – его соплеменников и выходцев из родственных этнических групп Экваториальной провинции; резкие диспропорции в распределении национального дохода между областями; рост этнического самосознания и сепаратизма как противовеса сверхцентрализации; усиление репрессивных методов, всепроникающая коррупция, свертывание "демократического эксперимента". Жесткое силовое давление на антиправительственные силы вкупе с мерами по укреплению личных позиций Мобуту в формальных структурах власти в начале 80-х годов явились новым шагом в развитии персоналистской диктатуры в Заире.

Кризисная ситуация в экономике и политике, а главное – жесткая реакция западных опекунов на социально-экономический курс правительства заставили Мобуту резко изменить его направленность. Начав со свертывания или ограничения госсектора, возвращения части "заиризированных" и национализированных в 1973–1975 гг. предприятий прежним владельцам, Мобуту закончил фактическим отказом от проведения сколько-нибудь самостоятельной экономической политики, от регулирующей роли государства. "План Мобуту" (1977 г.) и последующие правительственные программы преодоления кризиса экономики при опоре на международный финансовый капитал, не давшие существенных результатов, сменились в 1983 г. программами структурной адаптации, разработанными МВФ и МБРР, со столь же плачевным исходом. Главный фактор неэффективности этих программ (если оставить за скобками проблему весьма сомнительной пригодности или адекватности этих программ африканским реалиям) – полная незаинтересованность военно-бюрократической верхушки в их реализации**, которая в конечном итоге грозит подорвать сложившиеся формы присвоения общественного продукта правящими группами. Лозунг реформы использовался для сохранения финансовых инъекций извне, столь необходимых для выживания мобутовского режима.

В начале 90-х годов ветер перемен, стимулируемый демократическими сдвигами в "третьем мире", нынешней жесткой увязкой предоставления экономической помощи Запада с политической демократизацией, прекращением конфронтации Запада и Востока, достиг и Заира. Была возрождена демократическая атрибутика, представленная на этот раз многопартийной системой. Уже к концу 1991 г. в стране

* Католики составляют 45% населения. В "Призыве к оздоровлению нации" (1981 г.), зачитанном во всех приходах, епископат осудил власти за нарушение прав человека, коррупцию, произвол, попустительство иностранным монополиям и плохое управление страной.

** Постоянно подчеркивая огромные социальные издержки политики жесткой экономики и неоднократно под этим предлогом нарушая рекомендации МВФ и расторгая с ним соглашения, Мобуту по-прежнему переводил свои капиталы в иностранные банки, только в 1988 г. 32 раза посылал правительственный самолет в Венесуэлу за 5 тыс. овец для своей личной фермы и за редкими растениями в ЮАР.

насчитывалось более 250 партий, большинство из которых объединилось в два блока – оппозиционный "Священный Союз" и промобутовский "Объединенные демократические силы". Общенациональная конференция (председатель – епископ Л. Монсенгво), где преобладали силы оппозиции, в конце 1992 г. приняла проект конституции. Он предусматривал замену унитарного государства федеративным при резком ограничении полномочий президента и передаче всей полноты власти премьер-министру. Главой правительства конференция назначила Э. Чисекеди. Однако Мобуту, сохранивший контроль над Центральным банком и поддержку армии, отказался признать решения конференции и приостановить действие прежней конституции, распустить Национальное собрание, избранное еще в 1988 г. и свое правительство. В центре, таким образом, сложилось институциональное двоевластие; на периферии нарастали сепаратистские тенденции; Запад приостановил финансово-экономическую помощь Заиру, исключил его из МВФ и прекратил деятельность МБРР на территории страны. Через год после начала политических перемен жесткое противоборство между промобутовскими силами и оппозицией, а также раскол и распри в рядах последней, завели Заир в замкнутый круг нестабильности и насилия. Вновь этнорегиональные противоречия стали решающим образом влиять на политический процесс. Фактически под лозунгом смещения Мобуту развернулась борьба за перераспределение власти между элитарными группировками на регионально-этнической основе. Мобуту же стимулировал раскол в лагере оппозиции, подогревая этнорегиональные разногласия, играя на политических амбициях лидеров оппозиции – бывших видных деятелей режима, сделавших большой личный вклад в становление персоналистской диктатуры. Ни одна оппозиционная партия не имеет конкретной конструктивной программы вывода страны из кризиса; лишь общие слова о либерализации экономики, приватизации, стимулировании иностранных инвестиций.

В 1994 г. с двоевластием формально было покончено. Высший совет республики – переходный парламент объединил в своих рядах членов обоих законодательных органов. Принятый им в начале года "конституционный акт" обозначил временные рамки переходного периода – 15 месяцев, в течение которого должны состояться референдум по новой конституции, парламентские и президентские выборы, а также предоставил ВСР функции контроля над правительством. Последнее составлено на равной основе из представителей оппозиционных и пропрезидентских партий. Премьер-министром стал один из лидеров оппозиции, умеренный деятель, неоднократно исполнявший эти функции в 80-х годах. Кандидатура премьера, выступающего за реформу и сокращение армии и представившего жесткий бюджет, была поддержана международными финансовыми кругами, Францией и Бельгией. Подписано и соглашение о разделе полномочий между Мобуту и правительством. Ликвидация институционального двоевластия – это тактический ход Мобуту. Он остро нуждается в возобновлении финансово-экономической помощи со стороны Запада. Одновременно Мобуту надеется – и не без основания – одержать победу на

предстоящих президентских выборах при сохранении поддержки армии (пост министра обороны принадлежит его старому соратнику) и, очевидно, возврата имиджа "отца нации" в условиях разброда в рядах оппозиции, отсутствия у нее единого авторитетного кандидата. Э. Чисекеди и его партия бойкотируют решения переходного парламента и предпринимают попытки (правда, пока безуспешные) серьезно дестабилизировать ситуацию в стране, которая и так уже последние годы находится в состоянии хаоса и разброда.

Экономический упадок, социально-политическая деградация, огромный разрыв между паразитической, коррумпированной военно-бюрократической верхушкой и обществом, угроза государственной целостности страны – таковы основные итоги функционирования персоналистской диктатуры Мобуту, который, по сути, и не помышлял о подлинной модернизации экономики и общества Заира. Создание современного централизованного государства стало единственным объективно модернизаторским шагом Мобуту. Преобладала же явно регрессивная тенденция – приватизация государства правящими группами и в конце концов трансформация развитого по форме национального государства в структуры власти "ранне (или псевдо) капиталистического тупика". Сохранение же государственной целостности обеспечивалось не достижением подлинного реального национально-политического единства общества, а на основе временного, ограниченного консенсуса политических элит (в обмен на общий доступ к экономическим ресурсам) и использования насилия. Что в свою очередь делает и это свершение режима обратимым.

¹ Эволюция политических структур. М., 1990. С. 54–55.

² Young M.C. Elections in Zaire; The shadows of democracy // Elections in independent Africa. Boulder: L., 1987. P. 200.

³ См.: Лебедева Э.Е. Эволюция политической культуры (ПК) в Тропической Африке // Авторитаризм и демократия в "третьем мире". М., 1991. С. 42–70.

⁴ Куббель Л.Е. Традиционная политическая культура в постколониальном обществе (на примере стран Африки) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. С. 61.

⁵ Callaghy Yh.M. The state-society struggle; Zaire in comparative perspective. N.Y., 1984. P. 5.

⁶ См.: Rothchild D., Foley M.W. African states and the politics of inclusive coalitions // The precarious balance; State and society in Africa. Boulder: L., 1988. P. 233–264.

⁷ Мирзеханов С.С. Строительство нации: государство и этнические проблемы в Заире // Африка: культура и общество: Этносоциальные процессы. М., 1990. С. 138–139.

⁸ Эволюция политических структур. С. 178–179.

⁹ Africa south of the Sahara, 1986. L., 1985. P. 1019.

¹⁰ История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 254–256.

¹¹ MacGaffey J. Economic disengagement and class formation in Zair // The Precarious balance: State and society in Africa. P. 172.

¹² Callaghy Th.M. The state and the development of capitalism in Africa: Theoretical, historical and comparative reflections // Ibid. P. 78.

¹³ Monde diplomatique. 1988. May.

АВТОРИТАРИЗМ НА ОСНОВЕ ОГРАНИЧЕННОГО КОНСЕНСУСА

Режимы, о которых пойдет речь в настоящей главе, достаточно сильно отличаются друг от друга и принадлежат трем основным регионам "третьего мира". Круг рассматриваемых здесь режимов мог бы быть увеличен за счет таких гигантов и "средневесов" периферии, как Бразилия, Пакистан, Марокко, Филиппины (при Маркосе). Общая характеристика и оценка этого "семейства" в целом значительно более трудна и неоднозначна по сравнению с режимами, о которых говорилось ранее. И отнюдь не в силу их меньшей авторитарности или репрессивности. Напротив, здесь они не уступают группе "псевдо" или превосходят ее. Это относится к Ирану и Турции не в меньшей мере, чем к Чили, не говоря уже об Индонезии. Иначе и быть не могло: авторитаризм и репрессивность режима были теснейшим образом связаны с силой и "антисистемностью" оппозиции, в жестокой борьбе против которой режим пришел к власти или отстаивал ее. В свою очередь и сила оппозиции (в прошлом и/ли/ настоящем), и жестокие репрессии режима против нее делали невозможным достижение широкого (национального) консенсуса вокруг политики режима. Во всяком случае – на первых – или заключительном этапах его существования...

Неоднозначность же оценки связана прежде всего с тем, что во всех этих случаях модернизация (экономическая – прежде всего) была подлинной. Даже там, где противоречия ее оказались роковыми для режима ее проводящего. И в то же время прямо связанной с авторитарным характером рассматриваемых режимов.

Вот этот контраст между политическим обликом и экономическими свершениями режима, между самими последствиями подобной модернизации (скажем, в экономике и в культурно-политической сфере); контраст, который в конечном счете привел к трансформации – полной (Чили) или частичной (Турция) – большинства режимов ограниченного консенсуса, делает невозможной однозначность их оценки. (И в то же время требует ее определенности.) По некоторым характеристикам (характер консенсуса, черты "авторитарной индустриализации" и др.), как родственные этой группе могут рассматриваться современные им популистские режимы "второго поколения" в Латинской Америке. Но на порядок меньшая репрессивность последних и пафос их социальной политики делает их качественно отличными от чилийского, индонезийского или турецкого случаев.

Рассматриваемые режимы рождались, как правило, в крупных и средних странах "третьего мира", преимущественно в обществах ранне-

го или среднеразвитого индустриализующегося типа. Как правило, речь шла о критических фазах развития: авторитарные режимы возникали либо как попытка разрешить созревшие противоречия, либо, стремясь предотвратить это созревание, ускоряли его.

Судьба большинства этих режимов (кроме иранского) оказалась в общем сходной, хотя и складывалась под воздействием сугубо разнородных факторов общественной жизни стран, где они господствовали. В Индонезии – это политический, социальный, экономический, религиозный, в меньшей мере этнический векторы; в Чили – идеологический, политический, экономический, социальный; в Иране – религиозно-культурный, политико-идеологический, социальный; в Турции – политический, этнический, идеологический, в значительно меньшей мере – религиозный.

"Равнодействующая" этих векторов в немалой мере зависела и от развития международной ситуации. История Чили и Ирана отражает колебания политических качелей в США (Никсон – Картер – Рейган – Буш); события в Иране и Чили стали ключевыми моментами первой и второй антидиктаторских волн, прокатившихся по всему "третьему миру".

Огромное, в ряде случаев решающее значение имели результаты экономической модернизации, поступательность прохождения его барьеров и решения проблем экономического развития. Успехи в этой сфере либо обеспечивали стабильность режима, либо подготавливали его эволюцию – адаптацию или трансформацию, либо создавали ситуацию структурной необратимости демократизации.

Но, конечно, экономический вектор действовал не сам по себе, а обуславливая наряду с другими динамику консенсуса вокруг политики режима, форму соответствующей "кривой": относительно простой, "трехфазовой" в случае Индонезии и Ирана, и, напротив, весьма сложной, синусоидальной в двух других национальных случаях. Впрочем, не будем забегать вперед.

2.1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УСПЕХ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ (Чили)

Исторически для политической системы Чили были характерны "европейские" черты: значительная степень политизации общества, массовость партий, высокий уровень их организации и соревновательности. Важнейшей особенностью политической культуры этой страны являлась стабильность ее демократических институтов, когда в отличие от других стран Латинской Америки единственным механизмом формирования правительств служили выборы, а средством разрешения политических конфликтов – компромисс¹.

С начала 30-х до начала 70-х годов можно говорить о наличии в чилийском обществе относительного консенсуса вокруг понятия модернизации и путей ее осуществления. Экономическое развитие основывалось на этатистской модели импортзамещающей индустриализации,

что означало приоритетное развитие национальной промышленности, активную роль государства, закрытый тип экономики. В результате роста промышленного потенциала, проведения аграрной реформы активными членами общества стали широкие народные слои. Выход на арену новых социальных групп демократизировал всю политическую сферу, расширив участие широких масс в процессе принятия решений. Складывание политического консенсуса выразилось в формировании "государства компромисса", при котором постоянно расширяющая свой состав коалиция обеспечивала политическую стабильность путем взаимных уступок между государством, с одной стороны, и гражданским обществом – с другой². Но к началу 70-х годов в Чили складывается сложный комплекс противоречий, эволюция которого приводит к глубокому и многостороннему кризису. Модель "развития внутрь" уже не в состоянии удовлетворить требования новых социальных групп, которые оказывали все большее давление на государство. Развернувшаяся политическая демократизация противоречила интересам экономически господствующих классов, не заинтересованных в увеличении народного представительства. Социальные конфликты находили выражение в росте поляризации политических сил, усилении их идеологизации и неспособности к созданию коалиций. К началу рассматриваемого периода в чилийском обществе ясно обозначились тенденции ослабления демократического консенсуса, что усугублялось кризисными явлениями в экономике.

Попытка разрешить кризис "слева" успеха не имела. Экономические реформы правительства Народного единства, при их социалистической ориентации, соответствовали старой этатистской модели. Способствуя интеграции широких трудящихся масс, политика Альенде одновременно отталкивала средние слои и буржуазию своим радикализмом и угрозой лишения их социального статуса. Общая дезинтеграция, ощущение надвигающегося хаоса, экономический кризис породили надежды на приход "сильной руки", естественно ассоциировавшийся с армией. Непримиимый догматизм политических противников, невозможность установления между ними диалога привели к утрате обществом сопротивления к воплощению авторитарных ожиданий³. Кульминацией неспособности демократических структур Чили управлять результатами модернизации и расширения народного участия стал переворот 1973 г.

Первоначально деятельность военного правительства сконцентрировалась на выполнении карательно-стабилизационных задач: наведение порядка, восстановление рыночного механизма, прекращение деятельности партий, репрессии против оппозиции. Но сближение военной верхушки с новой чилийской правой, интересы которой требовали разработки экономической стратегии, качественно отличной от практики последних 40 лет, позволили режиму довольно быстро создать программу экономических преобразований, рассчитанную на длительную перспективу.

Неолиберализм в чилийском исполнении. Поворотным для становления экономической модели режима стал 1974 г., когда демохристиан и

военных на ключевых министерских постах сменили экономисты-технократы, известные под именем "чикагские ребята". Факторами, определившими взаимопонимание военных и американизированных экономистов, являлись эффективность и радикализм предлагаемых мер, оперативность, логика и прямота, с какими демонстрировалась связь между вынужденной болезненностью "лечения" экономики и ее "выздоровлением". Вооруженные силы нуждались в гражданских союзниках, так как замкнутость военных институтов и отсутствие у офицеров опыта государственного управления не позволяли им самостоятельно выработать адекватный курс. В свою очередь военные были необходимы технократам как единственная сила, обладающая реальной властью, жесткость которой способна обеспечить осуществление неолиберального проекта.

Привлечению монетаристов к сотрудничеству способствовала их самоидентификация как абсолютно аполитичных технических экспертов. Провозгласив отказ от идеологии в пользу технологии, экономисты новой волны заняли доминирующие позиции в обеспечении экономической стабильности, оставив военным достижение стабильности политической.

Главными направлениями политики "школы Чикаго" стали: отмена всех ограничений на развитие частного предпринимательства в производственной и финансовой сферах, открытие экономики вовне путем снижения таможенных тарифов и отмены ограничений на экспорт, создание благоприятных условий для привлечения в страну иностранного капитала, снижение государственного вмешательства.

Гиперинфляции, огромному дефициту платежного баланса экономическая команда противопоставила политику "шоковой терапии", рекомендованную МВФ. Было прекращено финансирование нерентабельных предприятий, резко снижена реальная заработная плата, сведен к минимуму общественный спрос. Государственные инвестиции урезывались наполовину, общий объем общественных расходов сокращался на 1/3. Активно шел процесс приватизации, который развивался не только на основе возврата собственности, но и путем распродажи государственных предприятий новым владельцам. В итоге под государственным контролем оставались лишь наиболее важные отрасли: медная, сталелитейная промышленность, энергетика, связь. Политика "шоковой терапии" позволила снизить инфляцию до контролируемого уровня и полностью ликвидировать дефицит государственного бюджета. Но цена стабилизации была чрезвычайно высока. Промышленное производство сократилось на 28%, падение ВВП составило 13%. Особенно тяжелы были социальные последствия "шока": реальная зарплата и доход на душу населения в 1975 г. составили 63% уровня 1970 г., покупательная способность населения упала на 60%, уровень безработицы достигал 18,7%⁴. Ученики Фридмана сознательно шли на это, руководствуясь напутствием учителя: "У Чили только два выбора: очень высокий уровень безработицы или очень долгий период высокого уровня безработицы"⁵.

После переворота в правящей и предпринимательской элите не

существовало двух мнений относительно необходимости модернизации, но по вопросу о содержании и методах последней консенсус отсутствовал. Новая для Чили неолиберальная стратегия была враждебно встречена частью военных – традиционных сторонников сильного государства, а также предпринимателями, привыкшими к его протекционистской опеке. Технократам пришлось преодолевать сопротивление практически всей политико-экономической элиты, пока следующие успехи модели, открывшие доступ к новым рынкам и иностранным займам, не превратили оппонентов неолиберализма в его сторонников.

В соответствии с концепцией открытой экономики, правительство последовательно снижало таможенные тарифы (с 94% в 1973 до 10% в 1979 г.), что создало условия для массового притока импортных товаров. Основную их часть составляли потребительские товары длительного пользования. Либерализация внешнеторгового и финансового секторов привела к кардинальной ломке хозяйственной структуры страны. Происходит сокращение в ВВП доли оказавшихся неконкурентоспособными предприятий вторичного сектора (текстильной, кожевенной, химической промышленности, машиностроения) при возрастании значения ориентированных на экспорт отраслей промышленности и сельского хозяйства. В основу развития последних был положен принцип "сравнительных преимуществ", т.е. климатические и географические особенности Чили, дававшие ей превосходство над другими производителями аналогичных товаров. Динамично развивались деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, рыбная, нефтеперерабатывающая промышленность, производство табака, напитков, фруктов. После переворота резко возрастает интерес к Чили со стороны международных финансовых организаций; с 1976 по 1986 г. для оказания помощи при переходе к свободному рынку Мировым банком и МБРР Чили были предоставлены 46 кредитов на сумму 3,1 млрд долл. Общий же объем внешнего долга страны с 1975 по 1981 г. увеличился с 4,9 до 15,5 млрд долл., что соответствовало 14,4% ВВП⁶.

Важнейшим следствием структурных экономических преобразований стала трансформация "экономических групп", монополизировавших экономику страны. Внутри них происходит оттеснение с ведущих позиций предпринимателей обрабатывающих отраслей и устанавливается лидерство финансово-экспортных кругов. В 1975–1979 гг. в Чили формируются новые экономические агенты и новая технократическая элита, более модернизированные и интегрированные в мировую экономическую систему.

В 1979 г. мир заговорил о "чилийском экономическом чуде". С 1977 г. темпы роста ВВП составляли около 8% в год, дефицит платежного баланса снизился втрое, а дефицит государственного бюджета полностью преодолен. Инфляция колебалась на уровне 30% в год. Постепенно начался рост промышленного производства, что несколько снизило безработицу. Был существенно модернизирован государственный аппарат: роль государства как контролирующего органа и основного источника субсидий снизилась, резко возросла эффективность

управления при значительном сокращении численности государственного аппарата.

Мощные импортные поступления радиотехники, телевизоров, одежды изменили структуру потребления при растущей поляризации доходов населения. Авторы неолиберальной модели сознательно и целенаправленно ориентировали общество на потребительство. В 1975–1981 гг. увеличение импорта средств производства составило 150, а импорта потребительских товаров – 1300%⁷. Стиль жизни развитых обществ, на который ориентировалась и который копировала чилийская элита, становился образцом для подражания для средних слоев, для которых "наслаждение потреблять" европейские или американские товары означало повышение социального статуса, причастность к богатому северному миру. Расширение потребительского рынка способствовало увеличению числа людей, получивших доступ к престижным товарам, но данная тенденция развивалась на фоне существенного сокращения расходов на товары первой необходимости.

Социально-политическое обеспечение реформ. Политически экономическому становлению соответствовала репрессивная фаза институционализации режима. Сам факт военного переворота явился величайшим потрясением для "самой демократической страны Латинской Америки". Насилие и жестокость, пытки, похищения, политические убийства стали символом чилийского авторитаризма. Хотя репрессии не достигли такого размаха, как в Аргентине и Уругвае, террор в Чили имел намного больший психологический эффект, ибо, как и переворот, он грубо порывал с традиционными демократическими ценностями, порождая ощущения бессилия, фрустрации, поражения. Культура солидарности, коллективизма, сопричастности замещалась социальной автоматизацией и "культурой страха". Поддержание в элитных кругах боязни повторения в Чили советского коммунистического опыта стало основой их молчаливого согласия с переворотом. Для остальной части населения "культура страха" означала насаждение недоверия между людьми, боязнь традиционных форм общения, уничтожение способности к объединению, а значит – сопротивлению. Общество, лишенное пространств политического участия и самовыражения, было погружено в молчание, что влекло за собой "интеллектуальную эмиграцию" его членов, апатию, чувство растущего одиночества. Психологическое воздействие "культуры страха" стало фундаментом политической стабильности, необходимой для успешного и столь же насильственного внедрения новой экономической модели.

1975–1980 гг. – период максимальных успехов авторитарного неолиберализма. Экономический взлет дал военно-технократической верхушке опору в лице предпринимателей, правых политических кругов, а достижение стабильности – доверие высших и средних слоев. Правительство могло приступить к следующему этапу неолиберальной модернизации – распространению рыночных отношений на социальную и культурно-политическую сферы. Идеологи режима утверждали, что демократия – это роскошь, которую страна с таким уровнем развития, как Чили, не может себе позволить. Для "истинно демократического

стройка" необходимы экономические, социальные и культурные предпосылки, подготовить которые и призван военный режим.

В реорганизации социально-культурной ткани общества авторы проекта исходили из примата экономической свободы над свободами творческой и политической. Во главу угла ставился отказ от принципа социальной справедливости и утверждение принципов свободы выбора и равенства возможностей. Основой общественного устройства провозглашался индивидуальный интерес, противоречия которого с другими интересами должны разрешаться с помощью рынка, подчиняя все общественные отношения идеям свободы индивида, максимальной целесообразности, мобильности. С 1979 г. в Чили осуществляется основанная на этой доктрине программа "семи модернизаций", включавшая (помимо производства и бизнеса) следующие сферы: системы трудовых отношений, пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, землевладения и судопроизводства. Цель их состояла в глубоком изменении взаимосвязей между экономикой и обществом, обществом и государством, личностью и коллективом.

Так, принятый в 1979 г. Трудовой план ставил задачу снижения роли профсоюзов и лишения трудящихся одного из действенных средств коллективного давления. За работниками частного предприятия признавалось право на забастовку и заключение коллективных договоров. Завоевания организации распространялись на всех работников коллектива, независимо от их членства в профсоюзе, которое не являлось обязательным. Право на забастовку уравнивалось правом владельца предприятия на локаут; после разрешения трудового конфликта трудящийся снова мог быть принят на работу, но уже на основании договора индивидуального. Индивидуализация трудовых отношений дезинтегрировала рабочее движение, ужесточала трудовое законодательство, солидарность теряла смысл. Аналогичные принципы самостоятельности и отказа от "благотворительности" были положены в основу и остальных "модернизаций".

В результате "неолиберальной революции" в чилийском обществе возникла новая ментальность, главными ценностями которой являлись индивидуализм, прагматизм, личный интерес. Протестантская ценность избранности ставилась выше политической свободы, идеи демократии воспринимались как нечто вторичное по отношению к личному успеху. Именно такое дезинтегрированное, деполитизированное общество стало основой создания собственно политической модели режима. Сущность ее заключалась в "уничтожении политики", т.е. в создании общества конформистов, не ставящих под вопрос цели стоящих у власти сил. Гетерогенность субкультур должна была быть заменена однородным сообществом "хороших работников, хороших граждан, хороших патриотов", интересующихся лишь своей профессиональной сферой"^{8*}.

В отличие от авторитарных режимов Бразилии и Аргентины,

* Контроль, цензура и жесткая регламентация духовной сферы привели к возникновению в Чили феномена "культурного затмения" (*apagón cultural*) – практически полного отсутствия альтернативной официозу культурной жизни внутри страны.

сохранивших ширму традиционных источников легитимности (видимость представительных институтов, преемственности и сменяемости власти), политический строй Чили 1973–1988 гг. основывался на трех осях: власти Вооруженных Сил, экономическом успехе и личности генерала Пиночета. С 1974 г. в стране консолидируется жесткий военно-бюрократический режим с внешней атрибутикой президентской республики, где глава государства действовал без ограничивающих его полномочий парламента и политических партий. При этом вооруженные силы из чисто инструментального органа превращались в обладающий политическими полномочиями бюрократический институт, защищающий собственные интересы. Правительство страны наполовину было составлено из высших офицеров. Региональные администрации – на 50%, а ректораты университетов и руководство крупнейших государственных промышленных предприятий – полностью состояли из представителей вооруженных сил⁹.

Важнейшей особенностью государственно-политического устройства Чили являлась высокая персонализация власти руководителя хунты – генерала Пиночета. Возглавив правительство лишь в силу законов военной иерархии, Пиночет очень быстро стал ключевой фигурой в политической структуре. Уже в 1974 г. генерал выступает в качестве "высшего руководителя нации", становится президентом страны, а затем обеспечивает автономность собственной власти, устранив конкурентов, гарантировав несменяемость своего поста как главнокомандующего армией и переведя секретную разведку ДИНА под свой непосредственный контроль. Опираясь в военно-политической сфере на разведслужбы, а в экономической – на технократов, Пиночет являлся связующим звеном между адептами неолиберализма и остальной элитой – военными и деловыми кругами. Ни одна из входящих в господствующий блок групп не обладала всей полнотой власти, и в разрешении противоречий между ними Пиночет играл роль арбитра высшей инстанции, стоящей над военными, политическими и экономическими институтами.

Правящая элита постоянно нуждалась в подтверждении легитимности своей власти – как в глазах мирового сообщества, так и внутри страны. Руководители Чили не могли игнорировать международное общественное мнение, возмущенное нарушениями прав человека. Уступая нажиму администрации Картера, в 1978 г. Пиночет организует референдум, в ходе которого чилийцы должны были выразить свое согласие или несогласие с властью военных. Получив 75% голосов в свою поддержку*, глава хунты сумел создать видимость легитимности своей власти и укрепить ее институционально.

С 1974 по 1979 г. был принят ряд законодательных актов, отра-

* Столь высокий процент голосов свидетельствует о крупной политической победе Пиночета, умело использовавшим антиамериканизм чилийцев, их любовь к выборам, понятия суверенитета и достоинства нации. Вместе с тем нельзя не учитывать большую вероятность политического мошенничества при подсчете голосов, высокий уровень абсентеизма, опасность репрессий.

живших эволюцию режима от репрессивной диктатуры к стабильному авторитаризму, допускающему ограниченное функционирование представительных институтов. Принятые документы отменили действие конституции 1925 г. и зафиксировали возникновение в Чили "новой институциональности", так называемой защищенной демократии*. Завершающая фаза становления авторитарной государственности – разработка новой конституции республики.

В сентябре 1980 г. в ходе общенационального референдума 68% чилийцев высказались за принятие нового основного закона (при 30% против), что не только восстановило ослабевший консенсус в правящей коалиции, но и создало видимость согласия между элитой и обществом.

Конституция и плебисцит 1980 г. явились кульминацией политической институционализации режима, успех которой был обусловлен успехом "модели Чикаго". Важным фактором победы являлись разгром оппозиционного движения, его раздробленность, сложность объединения, находящегося в состоянии апатии и пассивного конформизма общества. Позже благоприятствовала Пиночету и смена администрации в США: улучшению отношений между странами способствовали общность "рейганомики" и неолиберализма, а также визит в Чили Дж. Киркпатрик, убедившей Рейгана в благотворном влиянии правых авторитарных режимов на сдерживание тоталитаризма в "третьем мире". Новый посол США в Чили заявил, что страна находится "на пути к западной демократии"¹⁰.

Кризисные явления и попытки их преодоления. Но эйфория конца 70-х и надежды на превращение Чили в "латиноамериканского дракона" сменяются разочарованием и провозглашениями полного краха модели. В 1981–1984 гг. экономика переживает глубокий кризис, последствия которого сказывались тем сильнее, чем радужнее были иллюзии. Немалую роль в развитии кризиса сыграли неблагоприятные внешние факторы: резкое падение цен на медь в начале 80-х годов и значительное повышение цен за внешние кредиты. Повышение в 1981 г. процентных ставок и последовательные девальвации национальной валюты привели к полной неплатежеспособности бесконтрольно набравших кредиты чилийских предприятий. Объем негосударственного внешнего долга в 1982 г. составил 70% ВВП¹¹. В стране разразился острейший финансовый кризис.

Надежды на "автоматическое регулирование" возникших диспропорций рыночным механизмом не оправдались. За годы кризиса чилийская экономика испытала наиболее сильное со времен Великой депрессии потрясение. Сокращение ВВП составило 15%, национального дохода – 21, уровень инвестиций снизился на 47, безработица же подскочила до 35%¹². Власти пытались найти выход из кризиса в возвращении к этатистско-интервенционистским методам управления экономикой.

Во избежание полного краха крупнейших частных финансовых

* По собственному выражению Пиночета, в Чили создается новая демократия – "без плюрализма и политических партий".

организаций правительство вмешалось в управление 13 банков, а еще над 2 установило прямой государственный контроль. Центральные власти гарантировали выплату частной внешней задолженности, в результате чего под их контролем оказалось 70% капиталов всей финансовой системы. Подчинив финансовую сферу, сохраняя доминирующую роль в стратегических отраслях, в ВПК, государство в "пост-чикагский период" играло не меньшую роль, чем в годы Народного Единства. В деловых кругах операция по спасению банковской системы получила название "монетарного пути к социализму".

В последующие годы стратегия министров экономики отличалась большой осторожностью и прагматизмом, ростом протекционизма. Но усиление государственного контроля вызывало недовольство значительной части предпринимательского сектора, прежде всего экспортных групп. Многие бизнесмены не желали поступаться свободой действий и уступать завоеванные права центральным органам. Стремления интегрированных в мировую систему промышленных групп освободиться из-под опеки государства совпадали с подспудными намерениями членов хунты, для которых возврат к этатистской практике означал лишь временное, тактическое отступление. Как только положение стабилизировалось, наступление неолибералов было продолжено на новой основе.

В 1985 г. на пост министра финансов приходит выпускник Колумбийского университета Э. Бихи. Его политика возрождала основные принципы неолиберальной экономической школы: стимулирование частной инициативы, снижение роли государства, открытость экономики внешним рынкам, но отличалась большой гибкостью и реалистичностью. Первым успехом нового министра стала разработка выгодного для Чили механизма капитализации внешнего долга, который позволил существенно снизить задолженность при одновременном стимулировании притока иностранных инвестиций. Затем совместно с Мировым банком и МВФ была разработана программа структурного урегулирования, для реализации которой эти организации предоставили займы на сумму 1,2 млрд долл. В целом приток иностранного капитала был достаточно интенсивен для оживления национального производства. Дополнительным источником получения средств явилась политика "народного капитализма", многократно увеличившая число индивидуальных держателей акций в промышленности и финансовой сфере.

Вместе с тем, реализуя положение о главенствующей роли в экономике частного предприятия, Бихи пошел гораздо дальше своих предшественников, передав в частные руки остававшиеся до сих пор государственными предприятия сталелитейной, горнодобывающей промышленности, коммуникационные системы. В отличие от приватизации 70-х годов к новым собственникам переходили прибыльные отрасли, практически не затронутые кризисом начала 80-х. Вновь происходит ломка в структуре экономической элиты. Лидирующие позиции занимают группы, концентрирующие свою деятельность в экспортном сельском хозяйстве, нефте- и деревообработке, секторе информации и

услуг. Экономические группы, разоренные кризисом, замещаются новыми гигантами с сильно диверсифицированными, а потому – более устойчивым производством. Политика нового министра и кредиты не только возродили отрасли обрабатывающей промышленности, но и привели к их модернизации на основе использования новых технологий. Традиционный деловой мир, наконец, принял "рыночную модель", убедившись в возможности получения высоких прибылей и без покровительства государства. Продолженная Бихи политика "сравнительных преимуществ" превратила Чили в экспортера мирового значения по поставкам на рынки Европы и Америки винограда, клубники, яблок, киви, продукции деревообрабатывающей и рыбной промышленности. В 1973–1986 гг. число работающих на экспорт предприятий возросло в 13 раз. Объем вывоза фруктов в результате модернизации сельскохозяйственных технологий и инфраструктуры увеличился на 600%¹³. Медь по-прежнему занимала наибольшую долю в чилийском экспорте, но его диверсификация сделала хозяйственный механизм страны менее зависимым от колебаний мировых цен на традиционную статью поставок.

К концу 80-х годов "разумный монетаризм" превратил экономический механизм Чили в самый "здоровый" и динамичный в Латинской Америке. Инфляция снизилась до среднемирового уровня 9–15% в год, темп роста ВВП составлял 8%¹⁴. Для многих экономистов и правительств мира чилийская экономика являла собой "совершенную, образцовую модель".

В политической эволюции режима переломным моментом стал кризис 1981–1983 гг. Он продемонстрировал слабость институционализации чилийского авторитаризма, легитимность которого во многом определялась экономическим успехом. Режим подвергается критике со стороны националистов, выступавших против забвения национальной самобытности; новых правых, часть которых склонялась к восстановлению демократии; традиционных правых, требовавших защиты национальной промышленности. Росло недовольство в военной среде, где пытались найти альтернативы непомерной власти генерала-президента. В наибольшей степени затронутыми кризисом чувствовали себя высшие и средние слои, для которых волна разорений и сокращение импорта подорвали веру в будущее, породили ощущение социальной фрустрации, страх потери статуса. Правящий блок в 1983–1985 гг. действовал в условиях минимального с 1973 г. консенсуса.

Реальная угроза потери власти определила эволюцию режима в направлении постепенной политической либерализации. Партийная система особенно пострадала от курса на "уничтожение политики", так как для Пиночета партии являли собой главных виновников непримиримости, демагогии и национальных конфликтов. Ныне, в поисках новых точек социальной опоры, генерал пытался восстановить консенсус внутри элиты на политической основе.

В обществе кризис породил надежды на скорое падение диктатуры. Этот период становится переломным также для оппозиции, силы которой начали переход от борьбы за собственное выживание к открытому

сопротивлению режиму. В мае 1983 г. в Чили проходит первый день национального протеста, положивший начало широкой народной мобилизации. Под лозунгами свержения диктатуры и немедленного возвращения к демократии движение объединило почти все социальные сектора — от средних слоев до маргиналов. Настала очередь оппозиции решать задачу достижения консенсуса и разработки единой программы восстановления демократических свобод.

Путь к согласию был долог и болезнен. В значительной степени это объяснялось разнородностью политического состава оппозиции и тяжелым наследием кризиса начала 70-х. Непримируемость, полярность идеологий накладывались на трудности, с которыми гражданское общество пыталось восстановить разрушенные неолиберальной модернизацией связи. Созданный на взлете волны протестов Демократический Альянс недолго оставался коалицией, в которой были представлены практически все оппозиционные силы и в которой действовали сообща и коммунисты, и христианские демократы. Компартию возмущал факт ведения переговоров между лидерами ХДП и правительством, так как "реформистское соглашательство" было для них лишь препятствием к свержению диктатуры. Вместе с тем размах народного движения, рост среди его участников числа маргиналов и экстремистских групп отпугивали средние слои радикализацией требований и отталкивали их от антидиктаторской борьбы. Провал переговоров и превращение национальных протестов в разгул насилия привели к прекращению "оттепели" и новому введению чрезвычайного положения. В оппозиции, несмотря на единство стоящей перед ее силами цели, происходит раскол по тактической линии ее достижения.

К 1985 г. в рядах противников режима складываются два основных блока, две концепции ведения борьбы. Руководители Народного демократического движения, во главе которого стояла КПЧ, считали приемлемыми все формы сопротивления, но главным для них являлся курс на вооруженное народное восстание. Умеренная оппозиция, возглавляемая ХДП, выступала за более постепенный путь гражданского неповиновения и политического прессинга, считая возможным заставить Пиночета отказаться от власти.

Надежды на вынужденный уход диктатора нашли выражение в документе "Национальное согласие о переходе к полной демократии". В 1985 г. его подписали все партии — от социалистов до умеренных консерваторов — беспрецедентный факт, ставший первым шагом к достижению общенационального консенсуса. Эта программа должна была стать альтернативой медленному, диктуемому сверху переходу к гражданско-авторитарному правлению, предусмотренному конституцией 1980 г., и содержала требования легализации политических партий, амнистии, возвращения эмигрантов, проведения прямых, свободных президентских и парламентских выборов.

Объединение оппозиции, рост ее влияния в обществе, чему способствовала антипиночетская позиция католической церкви, с одной стороны, и усиление репрессивного характера режима, с другой, заставили администрацию Рейгана, опасавшуюся возникновения в Чили "новой

Никарагуа", произвести переоценку ценностей. Крах режимов Маркоса и Дювалье способствовал такой смене ориентиров, вынудив Рейгана впервые выступить как против левых, так и против правых "тираний"¹⁵.

Однако единство, основанное на решимости не допустить сохранения диктатором власти до запрограммированного им плебисцита, разбилось об абсолютную уверенность Пиночета в прочности своей власти и разногласия внутри оппозиции. Раскол в ее рядах отразил традиционное для Чили трехчленное деление на демократическую правую, демохристианский центр и марксистскую левую. И если между первыми двумя блоками намечались тенденции к сближению, то последний переживал наибольшие трудности в преодолении партийного догматизма. Коммунисты провозгласили 1986 г. "решающим годом" борьбы с диктатурой, делая ставку на вооруженный путь и не понимая, что такая позиция изолирует их от общества и оправдывает репрессивные меры режима, одновременно способствуя его консолидации. Обнаружение складов оружия, принадлежавшего "вооруженной руке партии" – Патриотическому фронту Мануэля Родригеса и неудачное покушение на Пиночета дискредитировали курс на "народное восстание", привели к новой волне террора против левых партий и обусловили поражение проекта Национального согласия. Позиции режима не только не были подорваны – они еще более укрепились, чему способствовали его экономические успехи и вновь обретенная поддержка правых сил и деловых кругов. Правящий блок уверенно шел к задуманному плебисциту 1988 г. – как высшей точке институционализации.

Противники режима были вынуждены принять проведение референдума как неизбежный факт. Но заслуга лидеров оппозиции состояла в том, что они сумели в ходе кампании "Нет – диктатуре" добиться формирования широкого политического консенсуса. Поставив задачу подрыва режима изнутри на основе его собственного законодательства, противники Пиночета добились объединения широких слоев общества. Сила оппозиции заключалась в опоре не на экономические, а на политические и общечеловеческие ценности демократии, единства, уважения достоинства человека, преодоления страха. Оппозиционный блок верно почувствовал общественные настроения, построив консенсус на ненасильственных, демократических, интегрирующих методах борьбы. 5 октября 1988 г. 52% чилийцев заявили "Нет" власти Пиночета. Процесс перехода к демократии вступил в завершающую стадию.

Эволюцию авторитарной модернизации Чили с учетом степени общественного консенсуса можно схематически изобразить следующим образом (см. схему).

Итоги "эры Пиночета". Опыт Чили ярко иллюстрирует актуальность гармоничного решения дилеммы "политическая демократия – экономическое развитие". Итогом авторитарной модернизации стало создание основ для будущего развития страны. Проведенные за 16 лет преобразования сделали экономику страны более динамичной,

Период	Содержание	Степень консенсуса	Основа
1973–1975 гг.	Реставрация, репрессии	Ограниченный. Единство элиты и части общества, поддержавшей переворот	Антимарксизм Стабилизация
1975–1980 гг.	Экономическая и социальная модернизация. Политическая институционализация	Максимальный. В элите – разделение власти. Отчуждение гражданского общества	Создание модели свободного рынка авторитарными методами
1981–1985 гг.	Кризис. Репрессии. Размыв социальной базы	Минимальный. Раскол в элите, изоляция режима, поиск социальной опоры	Кризис. Потеря легитимности
1985–1988 гг.	Новая экономическая политика. Политическая либерализация	Изоляция режима при восстановлении экономического консенсуса, формирование политического консенсуса в оппозиции. Преобладание политического фактора над экономическим	
1989 г. по настоящее время	Переход к демократии	Широкий	Рыночная экономика. Демократия

эффективной, интегрированной в международное разделение труда. Произошло сближение национальной модели развития с общемировыми тенденциями в создании более гибких производственных структур и рынка занятости, приватизации, отказе от концепции государства всеобщего благосостояния. Модернизация имела место и в социальной области, интернационализовав чилийские жизненные стандарты. Возник новый промышленный класс, играющий решающую роль в развитии страны. Неолиберальная пропаганда создала новые ценности, новую культуру отношений между членами общества. Произошедшая в результате этих процессов атомизация социальной сферы обеспечила режиму конъюнктурный политический успех. Но попытка создания органичной политической системы авторитаризма потерпела провал: режиму так и не удалось добиться полной деполитизации гражданского общества, уничтожить основы существования политических партий, искоренить традицию трех идеологических субкультур. Сознательная самоизоляция правящей элиты способствовала этому, что позволило оппозиции перехватить у нее не только политическую, но впоследствии и экономическую инициативу.

При всех успехах модернизационного процесса в Чили его определяющей чертой является исключительный характер изменений. Исключительный политически: трансформации проводились только сверху вниз при полном уничтожении каналов выражения недовольства. Исключительный экономически: личность, класс, отрасль промышленности без сожалений приносились в жертву эффективности. Наконец, исключительный социально: 35% населения остаются вне сферы воздействия модернизации, в силу бедственного материального положения не имея возможности включаться в политические или культурные процессы.

"Совершенство" чилийской модели касалось лишь макроэконо-

мических факторов, почти не отражаясь на положении огромной части населения.

Если в 1970 г. ниже уровня бедности жила 1/5 населения страны, то в 1983 их число приблизилось к 1/3, а к концу 80-х годов вновь достигло 1/5 (5 млн человек, по абсолютным показателям). Несмотря на усилия в борьбе с "экстремальной бедностью" и высокие темпы роста ВВП, существенного увеличения дохода на душу населения не произошло. Неолиберальной стратегии не удалось сократить неравенство в распределении доходов, которое резко обострялось в период экономических кризисов: в 1968 г. на 20% самых бедных слоев населения Чили приходилось 4,4% национального дохода, а на 20% самых богатых – 51,3%. В 1983 г. эти показатели составили 3,3 и 61,0, а в 1991 г. – 4,2 и 60,4%, соответственно¹⁶. Треть населения страны в конце 80-х получала зарплату ниже уровня 1970 г. Правительство неолибералов не предпринимало практически никаких усилий по минимизации социальной цены реформ. Обуздание инфляции, экономической стабильности, значительные темпы роста были куплены нищетой, недоеданием простых чилийцев, высочайшей в истории страны безработицей. Оздоровив хозяйственный механизм, неолиберальный авторитаризм не сумел решить проблему повышения качества жизни и в глобальном аспекте – проблему развития. Сохраняющаяся социальная дезинтеграция, незначительность результатов модернизации для условий жизни рядового гражданина вновь выдвигают вопросы о взаимодействии государства и рынка, роли каждого из этих институтов в обеспечении реальной, качественной модернизации. Только отказ от антисоциальности рыночной экономики Чили, понимание рынка как экономико-этической категории могут преодолеть социальную разобщенность чилийского общества и тем самым избежать дестабилизации демократии.

Демократическое правительство П. Эйльвина, пришедшее к власти в Чили на выборах 1989 г., действуя в рамках легальных ограничений, накладываемых конституцией, принятой при диктатуре, сумело, однако, консолидировать демократический режим и существенно расширить консенсус в обществе. Этому в значительной мере способствовала взвешенная экономическая политика правительства П. Эйльвина. Смягчив наиболее жесткие проявления неолиберализма, оно тем не менее сохранило основные принципы экономического курса предыдущего правительства и, используя преимущества, которые давали стабильность и динамизм экономики, смогло за четыре года снизить безработицу до рекордно низкого для Чили уровня в 4% и сократить число бедных с 5 до 4 млн человек. Экономические успехи и последовательная борьба за расширение демократического пространства, за легальное изменение пиночетовской конституции позволили впервые в чилийской истории XX в. обеспечить преемственность политической власти на следующих выборах: в 1993 г. кандидат правящего блока Эдуарда Фрей получил более 60% голосов и стал новым президентом Чили. Консенсус, сложившийся в чилийском обществе вокруг основных принципов экономического и политического курса, в настоящее время является, пожалуй, максимальным за всю историю страны.

- ¹ Valenzuela A. Orígenes y características del sistema de partidos en Chile // Estud. publ. 1985. N 18. P. 92.
- ² Garretón M.A. Political process in Chile. Boston, 1989. P. 4.
- ³ Tironi E. Autoritarismo, modernización y marginalidad. Santiago, 1989. P. 25.
- ⁴ Constable P., Valenzuela A. A nation of enemies: Chile under Pinochet. N.Y.; L., 1991. P. 223.
- ⁵ Chile: The Pinochet decade. L., 1983. P. 58.
- ⁶ Constable P., Valenzuela A. Op. cit. P. 172.
- ⁷ Griffith-Johns S. Chile to 1991: The end of an era? L., 1987. P. 37.
- ⁸ Constable P., Valenzuela A. Op. cit. P. 160.
- ⁹ Huneus C. La dinámica de los "nuevos autoritarismos": Chile en una perspectiva comparada // Rev. estud. polit. 1986. N 54. P. 120.
- ¹⁰ Constable P., Valenzuela A. Op. cit. P. 193.
- ¹¹ Chile hacia 2000. Caracas, 1988. P. 46.
- ¹² Rozas P., Marin G. El mapa de extrema riqueza: 10 años despues. Santiago, 1989. P. 30.
- ¹³ Constable P., Valenzuela A. Op. cit. P. 216.
- ¹⁴ Time. 1989. Vol. 133, N 17. P 35.
- ¹⁵ Constable P., Valenzuela A. Op. cit. P. 290.
- ¹⁶ Lechner N. El debate sobre Estado y Mercado // Estud. publ. 1992. N 47. P. 241.

2.2. ИНДОНЕЗИЯ: ФЕНОМЕН "ДИНАМИЧНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ"

Прошло без малого три десятилетия с момента, когда в Индонезии утвердился "новый порядок" – политический режим, возглавляемый генералом Сухарто. В начале этого периода многомиллионная страна крестьян-рисоводов была не в состоянии прокормить себя сама. Отрасли, традиционно приносившие экспортную выручку – добыча минерального сырья и плантационное тропическое земледелие, переживали упадок. Современной же обрабатывающей промышленности и развитой инфраструктуры Индонезия практически не имела. Инфляция в 1966 г. достигала 650%. Истощенные валютные резервы, гигантский по тем временам внешний долг и профессиональная непригодность массы госслужащих не оставляли, казалось бы, надежд на скорое оздоровление экономики.

Тем не менее, сегодня самообеспечение продовольствием, прежде всего рисом, – проблема в общем решенная. По темпам экономического роста Индонезия приблизилась к самым бурно развивающимся странам, находящихся с ней по соседству; до конца тысячелетия стране предрекают вступление в клуб новых индустриальных стран.

Благоприятный инвестиционный климат складывается и как следствие длительной политической стабильности. Правда, оппозиция время от времени напоминает о себе, критикуя официальный курс и высоких должностных лиц. Подчас рутинное внутриэлитное соперничество перерастало в борьбу за власть. Но серьезных угроз режиму пока не возникало (исключая, быть может, январские волнения 1974 г.). Уверенно контролируя ситуацию, "новый порядок" подтверждает свою легитимность регулярно проводимыми (с 1971 г.) парламентскими выборами, на которых неизменно добивается успеха проправительственная организа-

ция ГОЛКАР. В июне 1992 г. она одержала пятую победу. А в марте 1993 г. пятилетний президентский мандат был в шестой раз вручен генералу Сухарто.

Привести Индонезию в состояние "динамичной стабильности" – так была когда-то сформулирована одна из приоритетных задач режима. Сегодня, когда плоды его хозяйственных усилий очевидны, возникает проблема иного рода: как адаптировать официальные политические структуры к им же инициированным социально-экономическим сдвигам? Чтобы понять суть вопроса, необходимо остановиться на предыстории "нового порядка" и его сущностных характеристиках.

Революция и постреволюционный кризис. Ныне действующая (с перерывом на 1950–1959 гг.) конституция и система предусмотренных ею институтов создавались в начале антиколониальной революции 1945–1949 гг. Тогда же были сформулированы принципы Панчасила – "вера в Единого Бога", "гуманизм", "единство Индонезии", "демократия", "социальная справедливость", – которые и сегодня сохраняют статус официальной идеологии. Остается объектом поклонения и их автор – первый президент страны Сукарно, а также национальная армия, "рожденная революцией" и возложившая на себя совершенно особую политическую роль.

Впервые вовлекая в политическую жизнь огромные массы людей, революция внесла неоспоримый вклад в модернизацию индонезийского общества. Однако, заново творя мир государственности и общественных идеалов, индонезийская революция также стала тяжелейшим испытанием для своих творений. Под влиянием утопизма, присущего переломным эпохам, и эмоционально накаленной атмосферы военных действий процесс приобщения народа к политике вылился в избыточную политизацию. Для общества, состоявшего по большей части из малограмотных крестьян, рассеянного множеством партикуляристских перегородок и не имевшего устойчивой социальной структуры, это было равнозначно политизации вековых предрассудков, узких этно-региональных союзов и конфессиональных связей, фанатическим распрям между соответствующими группировками и течениями. Одновременно, оттесняя на второй план прочие конфликты, в стране разгоралась "внутренняя холодная война" – противоборство компартии с силами, враждебными коммунизму, от правых социалистов и мусульманских политиков до армейского командования.

Между 1950 и 1965 гг. были предприняты две попытки преодолеть постреволюционный кризис. Смысл первой сводился к замене президентской республики властью парламента. Судьба страны вручалась высшему представительному органу, который должен был стать ареной поисков общенационального согласия и его гарантом.

Внутри парламента, однако, спроецировались все недуги общества. Депутаты дискутировали месяцами и годами, не находя точек соприкосновения. Ни одна из фракций не имела решающего перевеса; с сентября 1950 г. по март 1957 г. коалиционные правительства шесть раз сходили со сцены, не успев приступить к решению экономических проблем.

Конец этой незрелой "демократии" напоминал самоподрыв. Во второй половине 50-х годов автономистские движения на Внешних островах – Суматре, Сулавеси, Калимантане – переросли в серию антиправительственных мятежей. Региональные военачальники, ряд бывших премьер-министров и др. не просто сопротивлялись властям, но бросали вызов президенту Сукарно, командованию вооруженных сил и КПИ. Вылазки сепаратистов и послужили сигналом к демонтажу парламентаризма.

Начавшись в 1957 г. с введением военного положения, процесс этот завершился через два года, когда мятежи были в основном подавлены, а Сукарно издал декрет, вернувший Индонезию к первой республиканской конституции. Ее отличительной чертой было наделение главы государства почти безграничными полномочиями. Акцент в борьбе с кризисом переносился на авторитарно-патерналистские методы.

Нарекая новый режим "направляемой демократией", Сукарно подчеркивал, что стране нужна своя, незападная форма народоправства. Тогда исполнительная власть сможет на благо всей нации, без помех со стороны неконструктивного парламента "направлять" политические, экономические и культурные процессы.

Парламентская процедура была приведена в соответствие с нормами общинного поведения, семейной солидарности, взаимопомощи и сотрудничества. От "разобщающей" практики индивидуального голосования теперь воздерживались, прибегая в спорных случаях, как принято в деревне, к *musyawarah*'у – терпеливому обсуждению проблемы вплоть до выработки освященного единогласием консенсуса. Причем "торги" от начала до конца вели в кулуарах, чтобы в зал заседаний прийти с готовым решением и не препираться публично. Представительство в законодательных органах обеспечили, помимо партий, профессионально-функциональным группам ("молодежь", "рабочие", "католики", "сухопутные войска" и т.д. и т.п.); из них, по мнению Сукарно, и состояло "не знающее классов" индонезийское общество. "Упростили" и партийную систему, сократив число партий до десяти.

Внешне "направляемая демократия" выглядела как культ и диктатура пожизненного президента Сукарно. Уверенный, что пропитания в тропиках всегда в достатке, а индустриализация может лишь отнять у индонезийцев их жизнерадостность, Сукарно посвятил себя на склоне лет пророчествам о светлом будущем и восхвалениям славного прошлого. Свое призвание лидера он доказывал на международных форумах, крепя авторитет страны в семье афро-азиатских наций и вступив в тесный союз с "красным Китаем". В 1962 г. сукарновская Индонезия праздновала изгнание голландцев из Западного Ириана, в 1963 г. затеяла конфронтацию с "порождением неокOLONиализма" – Малайзией, а в 1965 г. хлопнула дверью на весь мир, выйдя из "реакционной" ООН. Казалось, для Сукарно нет ничего невозможного.

В сущности же "отец нации", не имея собственной опоры типа "партии президента", беспрестанно балансировал между армией и КПИ. Первая пошла за ним, поскольку идея "профессионально-функционального представительства" позволяла вооруженным силам обрести

легальную политическую роль. Кроме того, с конца 50-х годов многие предприятия, принадлежавшие ранее иностранному капиталу, перешли под управление военных. Компартию же устраивала определенная зависимость от нее "великого вождя революции" и созданный им идеологический климат: число коммунистов неуклонно увеличивалось.

Встречный рост двух сил, претендовавших на гегемонию, не мог не привести к их лобовому столкновению. Осенью 1965 г. "направляемая демократия", подобно своей предшественнице, самоподорвалась. Этот взрыв унес, по разным данным, от 200 тыс. до 1 млн жизней и обрек почти столько же людей на бессрочное заточение. Кто бы и как бы ни относился к КПИ и коммунизму в целом – политический геноцид есть политический геноцид, и любые разновидности массового террора стоят друг друга. Поэтому, вспоминая ГУЛАГ, Освенцим и полпотовские "поля смерти", человечество всегда будет вспоминать и бойню 1965 г., и муки политзаключенных Индонезии.

Таким образом, "направляемая демократия" совершенно не оправдала себя как инструмент преодоления постреволюционного кризиса. Она не только не обуздала, но подхлестнула политизацию, доведя кризис до трагической развязки. Тем не менее многие важные элементы и узлы тогдашней государственной структуры исправно служат наследникам Сукарно до наших дней.

"Двойная функция". По мере того как развивался постреволюционный кризис, созревала и сила, способная положить ему конец, – армия.

Каждый новый виток кризиса выводил ее на острие событий. В 40-х – 60-х годах она отстояла Республику от иностранных интервентов, подавила мадиунское выступление КПИ (1948 г.), нанесла поражение мятежникам-сепаратистам и, наконец, разгромила "Движение 30 сентября 1965 г." Опыт первых 20 лет независимости приучил военных считать себя "спасителями отечества". У основной части офицеров и генералов выработались твердые националистические убеждения, оборотной стороной которых был антикоммунизм. Ни либералы западного толка, ни ярые проповедники ислама* популярностью в армии не пользовались. К партиям как таковым – воплощению типично штатской недисциплинированности – в армейской элите преобладало весьма сдержанное отношение.

Воюя с мятежниками, армия не только проникалась духом унита-

* Следует пояснить, что среди 85% индонезийцев, зарегистрированных в качестве мусульман, ревнители веры отнюдь не в абсолютном большинстве. Ява, где проживает две трети населения страны, была и остается культурно-религиозным перекрестком. Когда в XIV столетии на остров пришел ислам, он застал там причудливое переплетение индуизма и буддизма с чрезвычайно живучими анимистическими поверьями. Приспосабливаясь к этой среде ради господства в ней, новая религия была вынуждена идти на такие уступки, что выходец из ближневосточного мусульманского хинтерлянда не без труда признает Яву "землей ислама". Но все же недооценивать зов мусульманского правоверия, особенно на Внешних островах, было бы ошибкой. Характерно, что именно исламские политики дали в XX в. первотолчок освободительному движению. Правда, вскоре инициатива в нем прочно перешла к так называемым светским националистам, чьим кредо и являются принципы Панчасила. В послеколониальный период армия не раз вступала в бой с "воинами пророка", жаждавшими реванша.

ризма и государственности, но и приобретала большую этнокультурную "яванскую" однородность. Из ее рядов к противнику переместилось немало уроженцев Внешних островов и правоверных мусульман, и в итоге армия стала более "яванской".

Ситуация 1945–1965 гг. потребовала от армии и хозяйственных инициатив. Партизанские навыки самообеспечения пригодились в условиях послереволюционной скудности бюджетных средств. Начав с эпизодических бартерных сделок и контрабанды, военные быстро перевели свою коммерческую деятельность на регулярную основу.

В незнакомом мире бизнеса армия попросту потерялась бы без "добрых услуг" местных китайцев. А те искали политического покровительства, чувствуя, как раздражают коренное население коммерческие успехи пришельцев. Генералы-яванцы и китайские предприниматели нашли друг друга. В их лице брак по расчету заключили самый крупный народ Индонезии и самое экономически активное из меньшинств.

К началу 60-х годов часть офицерско-генеральской элиты и высшие гражданские чиновники образовали ядро "нового класса" – бюрократической буржуазии. Используя должностные связи и полномочия для личного обогащения, обирая государственную казну, капиталисты-бюрократы погружали экономику в хаос и в то же время паразитировали на нем. Однако на закате "направляемой демократии" наступил момент, когда инфляция поставила под угрозу денежные накопления нуворишей. Мало было разгромить КПИ и оттеснить Сукарно от власти, надо было срочно приводить в чувство экономику. В этом пункте групповой интерес бюрократического капитала совпадал с общенациональным.

Контакт с экспертами, чья квалификация позволяла взяться за эту работу, возник у армии заблаговременно. Гражданские технократы (Виджойо Нитисастро, Али Вардана, Эмиль Салим, Сумарлин) пользовались, кроме того, доверием Запада и могли содействовать в получении его финансово-экономической помощи. Впрочем, у вооруженных сил имелись и собственные "выходы" на внешний мир (как и свое видение международных проблем).

Итак, армия развивалась как корпорация, более консолидированная, чем окружающее общество; постепенно возвышающаяся над ним, но довольно глубоко в нем укорененная. Подбирая социальных партнеров, располагавших навыками и возможностями, которых не хватало ей самой, она фактически создавала плацдарм для наступления на кризис. И, что немаловажно, делала это с верой в свое предназначение. К середине 60-х годов концептуально оформилась идея о *dwifungsi* – "двойной функции" вооруженных сил: забота об обороне страны и участие в социально-политической жизни. При этом офицеры, которым еще при "направляемой демократии" доверили "гражданскую миссию" в представительных учреждениях, в административном аппарате и на предприятиях госсектора, как бы оставались на действительной службе: за ними сохранялись воинские звания, не исключался и дальнейший карьерный рост. В подобные же "командировки" отправляли и многих отставных военных.

В свете классических западных представлений о взаимоотношениях

гражданской и военной властей идея "двойной функции" тождественна милитаризму. Однако в контексте Индонезии она смотрелась иначе. Структурно слабое, "беспозвоночное", "болевшее" постреволюционным кризисом общество было не в состоянии само себя модернизировать. Государство – аморфное, численно разбухшее – вряд ли было дееспособно как агент модернизации. Ему самому был необходим некий общий знаменатель – и в организационном, и в морально-политическом плане, чтобы занять более активную позицию по отношению к социуму. Решению этой задачи и послужили вооруженные силы.

Стремясь к "динамичной стабильности" в общенациональном масштабе, армия начала с того, что постаралась обрести ее сама.

Систематическая пересадка обкатанных армией кадров в государственные и коммерческие структуры помогала ей избежать внутреннего застоя. Периодически открывалась то одна, то другая вакансия, и командный состав пребывал в состоянии перманентной ротации, служебной и возрастной, что, между прочим, препятствовало зарождению заговоров в военной среде. А генерал Сухарто (род. в 1921 г.) – типичный яванец и далеко не ортодоксальный мусульманин, ветеран освободительной войны, имевший сеть взаимовыгодных связей с китайской общиной – идеально подходил для роли арбитра во внутриармейских делах.

"Новый порядок". Факторы, мешавшие "направляемой демократии" погасить постреволюционный кризис и приступить к модернизации, можно представить следующим образом. Во-первых, в недрах системы действовал мощный генератор напряженности – конфликт "армия – компартия". Во-вторых, политика вообще приобрела самодовлеющее значение, "обогнав" и блокировав экономику. В-третьих, к системе мирохозяйственных и международных отношений Индонезию подключили как бы не с той стороны. Вместо предпосылок экономического роста и политической стабильности страна "импортировала" идеи и тенденции, усугублявшие кризис. Преодолением этих изъянов занялись строители "нового порядка".

Операцию по отсечению КПИ от "политического тела" Индонезии армия провела в таком стиле, что решила сразу две задачи – уничтожила непримиримого оппонента и поселила в душе "простого человека" тот неодолимый страх перед властью, который являлся основой ограниченности консенсуса и изначальной гарантией деполитизации. А далее пошла реформа как бы в духе заветов Сукарно. В 1973 г. девять легальных партий, доставшихся в наследство "новому порядку", уступили давлению и сгруппировались в две. Пять организаций националистической и христианской ориентации вобрала в себя Демократическая партия Индонезии (ДПИ), Партия единства и развития (ПЕР) – четыре мусульманских. В противовес им правительство выдвинуло ГОЛКАР – союз функциональных групп, рабочих, крестьянских, молодежных, женских и прочих объединений. Законодательный запрет на политическую агитацию в деревне воздвигал барьер между крестьянством и партиями – но не ГОЛКАР. Поскольку членство в нем было обязательным для госслужащих, в том числе сельских старост и учи-

телей, патронирование и пропагандистская обработка огромной массы населения стали его монополиями.

Электоральные механизмы были отлажены к середине 70-х годов, и с этих пор политический процесс выглядел как монотонная череда пятилетних циклов, на стыке которых – в 1977/78; 1982/83; 1987/88 и 1992/1993 гг. – наблюдалось кратковременное оживление. Весною соответствующего года войска приводились в боевую готовность, а партии и ГОЛКАР созывали предвыборные митинги. Открытая борьба за избирателя позволялась лишь на несколько недель, далее следовал семидневный перерыв для охлаждения страстей, а затем – всеобщие парламентские выборы. На них, получая от 60 до 70% голосов, из раза в раз побеждал ГОЛКАР. Из двух партий лучшие результаты были у ПЕР, но и ее парламентская фракция сильно "теряла в весе", когда к примерно 400 избранным депутатам добавлялось еще около 100 назначенных президентом, в основном военнослужащих. Таким способом армия компенсировала себе "добровольный отказ" от участия в избирательном процессе.

Осенью новый состав парламента приступал к работе, руководствуясь теми процедурными принципами, что внедрил когда-то Сукарно. К этому времени всякого рода инициативные группы, общественные организации, лоялисты из ПЕР и ДПИ и, разумеется, ГОЛКАР успевали выдвинуть Сухарто своим кандидатом на высший государственный пост. Тот изъявлял готовность баллотироваться, и в феврале–марте следующего года в Джакарту съезжались депутаты Народного консультативного конгресса (парламент плюс только же назначаемых представителей от провинций, партий, функциональных групп и армии). Они заслушивали и одобряли отчет президента, утверждали "Основные направления государственного курса" – наказ индонезийским лидерам на предстоящее пятилетие и, наконец, выбирали Сухарто главой государства (причем вице-президенты повторно не избирались ни разу).

Таинство сотворения "новой гармонии" вступало в завершающую фазу: в обстановке конфиденциальности президент решал, кому войти в правительство. Когда он оглашал имена избранных, выяснялось, что часть прежних министров покидает кабинет, но их ждут почетные посты и доходные должности. Кто-то остается, но ему вручают другой портфель, выдержан баланс между "старой гвардией" и новичками, военными и технократами, и т.п. Другими словами, торжествовала все та же "динамичная стабильность". Коррекция официальных структур заканчивалась, сопутствовавшие ей слухи и ропот стихали, на первый план в официальной повестке дня возвращались заботы об экономике.

Новое руководство сделало "естественный" (с точки зрения современной ментальности) выбор в пользу иностранных инвестиций и частного предпринимательства, создало соответствующий правовой режим, специалисты с американскими дипломами разрабатывали экономическую стратегию. Уже в 1968–1969 гг. резко снизились темпы инфляции, приостановился рост цен. Удалось договориться с зарубежными кредиторами об отсрочках выплат по внешнему долгу, обеспечить регулярный приток западной помощи, сбалансировать бюджет, а несколько лет

спустя и конвертировать рупию. Ближайшими целями были объявлены удовлетворение основных потребностей народа (подъем сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей, текстильной промышленности), умножение предпосылок для деятельности иностранного капитала (инфраструктурное строительство и производство стройматериалов, транспорт, связь), обеспечение текущей платежеспособности государства (наращивание экспорта нефти и другого сырья). "Новый порядок" уже выводил Индонезию на путь экономического роста, когда в первой половине 70-х годов приток нефтедолларов ускорил этот процесс и позволил активнее приступить к импортзамещающей индустриализации.

Между тем перед технократами вставал вопрос вопросов: как поощрять сверху частную инициативу, не находя для этой политики надежного адресата (ибо национальный частный бизнес им пока не был)? Для начала пришлось конструировать и настраивать административные механизмы от систем государственного кредитования до РЕПЕЛИТА – "пятилетних планов развития", к выполнению которых Индонезия приступила в 1969/70 г. Но, точно в насмешку над попытками усовершенствовать госаппарат, число "узких мест" едва ли не возросло. А "виновато" было, не в последнюю очередь, то общее оживление экономики, которого добивались сами технократы. В изменившейся общественной атмосфере бюрократизм как способ личного обогащения обрел второе дыхание.

Если на низших этажах государства расцвет мелкой коррупции сочетался со слабой восприимчивостью к запросам мелкого же бизнеса, то на верхних сложились тепличные условия для военных капиталистов-бюрократов, их родственников и китайских компаньонов. Не прибегая к формальной приватизации, "новый порядок" открыл для частных инвестиций ряд предприятий госсектора (что позволяло управлять ими при минимуме правительственного контроля), а наиболее доходные и вовсе вывел за пределы компетенции технократов. Возникло подобие параллельной экономики, чьи "крестные отцы" – такие, как директор нефтегазовой компании "Пертамина" генерал Ибну Сутово – отчитывались лишь перед президентом. Столь необычная свобода рук, предоставлявшаяся бюрократической буржуазии и ее союзникам небезвозмездно. Они должны были, во-первых, отчислять долю прибылей во внебюджетные армейские фонды и на нужды централизованного политического патронажа, а во-вторых, оперативно осуществлять те хозяйственные программы, утопления которых в чиновничьей волоките режим допустить не мог. В наиболее общем виде его замысел выглядел так: государство "впускает внутрь себя" технократов, "стабилизирующих" его как инструмент реформ, и "выпускает наружу" капиталистов-бюрократов и китайцев, чтобы кто-то "делал дело" и "динамизировал" экономику, пока само государство по-настоящему к этому не готово.

В период РЕПЕЛИТА-I (1969/70–1973/74) эта схема работала: ВВП возрастал в среднем на 7,6% в год. Но уже на старте следующего пятилетия выявились ее изъяны. Авангард бюрократического капитала – социально скороспелый, по-молодому увлекающийся и хищный –

не справился с "головокружением от успехов". Побивая рекорды коррумпированности и престижного потребления и замыкая на себя поток внешней помощи, генералы от экономики во многом обесценивали усилия технократов, провоцировали гнев непривилегированного большинства деловых людей, обостряли чувство обделенности жизнью у бедноты. Январь 1974 г. дал выход накопившемуся недовольству, а через год "Пертамина", уже вошедшая в список 200 крупнейших корпораций мира и беспорядочно набиравшая кредиты за рубежом для поддержания своего роста, оказалась на грани банкротства. Ее общая задолженность выразилась в умопомрачительной цифре – 10,5 млрд долл.

Реакцией "нового порядка" стало кредитное и налоговое стимулирование небольших, трудоинтенсивных производств. Хотя масштабы коррупции, бюрократического накопления, льгот для фирм-фаворитов оставались весьма большими, верховная власть отныне выбирала клиентов осторожнее. Баланс сил в правящей элите изменился в пользу технократов, спасших "Пертамину".

Исход кризиса был воспринят в международном деловом сообществе как признак того, что основы жизнеспособной национальной экономики постепенно складываются, а руководство страны умеет извлекать уроки из собственных ошибок. В 1979 г., в преддверии РЕПЕЛИТА-III (1979–1983) Межправительственная группа по Индонезии, объединявшая 13 стран-доноров, одобрила предоставление кредитов и помощи Джакарте почти на 3 млрд долл. Но к этой беспрецедентной сумме прилагался критический доклад Мирового Банка. Его эксперты отмечали, что "самочувствие" страны чрезмерно зависит от нефти, субсидирование внутренних цен на энергоносители серьезно обременяет бюджет, а отдача многих предприятий, искусственно защищенных от внешней конкуренции, непозволительно низка. В качестве "лекарства" рекомендовались структурные реформы – поэтапный отказ от практики импортзамещения и протекционизма в пользу более открытой, диверсифицированной, экспорто-ориентированной экономики. Переход к ней и начался в 80-е годы.

Регулируя взаимодействие Индонезии с окружающим миром, Сухарто и его приближенные никогда не отвлекались от проблем внутриполитической стабилизации и экономического развития. Что бы ни делалось для защиты страны от нежелательных внешних влияний или для приема ею импульсов, считавшихся полезными, – все было подчинено решению этих задач.

После 1965 г. Индонезия резко дистанцировалась от старых друзей, приверженных коммунистической идеологии. Началось быстрое сближение с США, Японией, западноевропейскими странами, чья финансово-экономическая поддержка была для "нового порядка" абсолютно незаменима. Но режим не связал себя формальными военно-политическими обязательствами перед ними. Индонезия сохранила статус неприсоединившейся страны. Запад же удовлетворился тем, что она открыла двери его капиталам, опровергла "теорию домино" и помогла рождению новой субрегиональной организации.

Отрекаясь от былых претензий на лидерство в афро-азиатском ми-

ре, индонезийские генералы переключили внимание на "ближнее зарубежье": в конце 60-х годов пожар вьетнамской войны захватывал Лаос и Камбоджу, практически во всех остальных странах региона действовало левацкое подполье. Вместе с тем поворот к "новому порядку" сближал Индонезию с Малайзией, Сингапуром, Таиландом, Филиппинами, где у власти находились родственные по духу режимы. В 1967 г. эта пятерка объединилась в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Пользуясь тем, что "взаимозамыкание" американских, китайских и советских интересов в Индокитае работало на локализацию затяжного регионального конфликта, члены АСЕАН старались помешать его распространению на остальную часть ЮВА. В конечном счете им представилась уникальная (для афро-азиатских регионов) возможность мирного развития в течение четверти века. Индонезия не упустила своего исторического шанса, сумев "выключиться" из холодной войны, не впадая в самоизоляцию и все глубже вовлекаясь в международное разделение труда. Важнейшими предпосылками этого стали та целенаправленная деполитизация общественной жизни и та экономизация официальной политики, о которых уже упоминалось.

С каждым годом появлялось все больше оснований говорить о преодолении постреволюционного кризиса. Это не означало, что старые трудности — позади, а новых не возникает. Индонезия оставалась страной массовой бедности с самыми скромными в АСЕАН показателями народного благосостояния. До 40% ее населения (т.е. в начале 80-х годов порядка 60 млн человек) имело годовой доход ниже 100 долл. Трудоустроиться на новых, как правило, высокотехнологичных предприятиях, созданных в 1968–1978 гг. при участии иностранного капитала, смогло лишь около 250 тыс. индонезийцев¹. Удивительно ли, что кто-то из менее удачливых или более совестливых сетовал на "распродажу национальных богатств", на вторжение западной массовой культуры и сопутствовавший ему "упадок нравов", на броскую рекламу мало кому доступных потребительских изделий. И, безусловно, далеко не всех устраивало, что от потрясений революционной эпохи страна оправляется под неусыпным надзором военного начальства.

Многие политики парламентской эры, представители творческой интеллигенции, частные предприниматели, приветствовавшие "новый порядок" в надежде на либерализацию, быстро лишились иллюзий. По мнению одних, в Индонезии систематически попирались права личности и нормы демократии, другие винили правителей в забвении догматов ислама. Даже армия породила диссидентов, утверждавших, что изначально верная идея "двойной функции" скомпрометирована властями. Практически весь спектр оппозиционных настроений отражался в студенческой среде; демонстрации учащихся в 1973–1974 и 1977–1978 гг. были подавлены силой.

Но оппозиция была слишком разнородна и лишена активной массовой опоры. Потенциалом для возбуждения широких антиправительственных настроений обладали разве что блюстители мусульманского правоверия. Вовремя почуяв угрозу политизированной проповеди, "новый порядок" поспешил нейтрализовать ее. Примерно с середины

70-х годов через каналы масс медиа и средства наглядной агитации на индонезийцев покатила мощная пропагандистская волна. По любому поводу им внушали: у примерного гражданина может быть только одно политическое кредо – Панчасила. Инициаторы кампании не скрывали, что намерены вытравить из общественного сознания всякие следы "безбожного коммунизма, западного либерализма и мусульманского фундаментализма". Не скрывали и того, что на данном этапе опаснейшим из трех зол считают последнее. Возникло нечто вроде культа Панчасила, и в первой половине 80-х годов всем общественным организациям и партиям, включая мусульманскую ПЕР, пришлось признать эти принципы единственной основой своей деятельности.

Так складывалась в Индонезии модель государственно-политического менеджмента, главную особенность которой составляла доминирующая роль вооруженных сил. Выходцы из армии присутствовали во всех звеньях и на всех уровнях законодательной, исполнительной и судебной власти. Им вверялись министерские, губернаторские, посольские посты, они активнейшим образом участвовали в экономической жизни. Перспектива "ухода в казармы" не просматривалась. Сильный президент, опиравшийся на военную элиту, обеспечивал ее взаимопонимание с верхушкой гражданской бюрократии и экономическими стратегами государства – технократами. Внутри "упрощенной" партийной системы верховенство этого блока поддерживал ГОЛКАР – массовая правительственная организация со стабильным парламентским большинством. Полновластие "нового порядка" гарантировало режим наибольшего благоприятствования для бюрократического капитала и сотрудничавших с ним предпринимательских групп. Дефицит социальной справедливости и политических свобод, другие недостатки своего курса режим пытался компенсировать, повышая идеологическое давление на общество.

В 70-е – 80-е годы эта модель получила своего рода международное признание. Интерес к ней проявили лидеры азиатских правоавторитарных режимов – Зия-уль-Хак в Пакистане, Зияур Рахман в Бангладеш, тайские генералы одно время видели в ГОЛКАР прообраз проектировавшейся ими "суперпартии военных"². В 1982 г. очередной переворот в Бангладеш сопровождался слухами, что руководитель этой акции, генерал Х.М. Эршад, намерен опробовать "индонезийскую модель" управления, что и подтвердилось практикой последующих восьми лет*.

А в это время в Джакарте ни кто иной, как президент Сухарто

* Интригующий пример заимствования (видимо, все же неосознанного) элементов этой модели дал... Советский Союз эпохи перестройки и первых съездов народных депутатов. Конструкция "Верховный совет – съезд – выборы президента" была весьма близким аналогом структуры "парламент – Народный консультативный конгресс – президентские выборы". Появление депутатов от общественных организаций в законодательных органах СССР очень походило на представительство по профессионально-функциональному признаку, мандатная квота для КПСС – на парламентскую квоту для индонезийских военнослужащих, не упраздненная пока руководящая роль партии – на "двойную функцию" армии.

заговорил о keterbukaan – "открытости", "гласности", как назревшей потребности политического развития.

Метаморфоза? Конъюнктурные колебания первой половины 80-х годов и прежде всего резкое падение мировых цен на нефть усилили аргументы в пользу структурной перестройки, либерализации и большей открытости экономики. У всех на виду были примеры шаха Реза Пехлеви и Фердинанда Маркоса – авторитариев-модернизаторов, дорого заплативших за неумение приспособиться к меняющейся ситуации. В ходе РЕПЕЛИТА IV (1984–1988) "новый порядок" принял комплекс мер, чтобы раскрепостить инициативу производителей готовой промышленной продукции и увеличить экспорт товаров ненефтяной группы. Были отчасти упразднены нетарифные внешнеторговые барьеры и посредничество государственных монополий в импортных операциях, начата последовательная дерегуляция банковского дела и рынка ценных бумаг, существенно расширено поле деятельности иностранного капитала.

Результаты можно без преувеличения назвать драматическими. В 80-е годы удельный вес готовых промышленных изделий в структуре индонезийского экспорта возрос почти в 5 раз, приблизившись к 50%, доля обрабатывающей промышленности в структуре ВВП почти сравнялась с долей сельского хозяйства. Среднегодовой прирост производства в обрабатывающей промышленности и строительстве в 1984–1988 гг. составлял более 10%.

Численность людей, живущих ниже уровня бедности, согласно официальной статистике, сократилась в 1976–1987 гг. едва ли не в 2 раза (до 30 млн человек, или 17,4% населения). Впечатляют данные о росте подушевого потребления продовольствия и тканей, об улучшениях в сфере коммунальных услуг, здравоохранения, образования.

Разительно изменился облик Джакарты. Скоростные магистрали, небоскребы национальных и транснациональных корпораций, комфортабельные отели, новый международный аэропорт "Сукарно-Хатта" – все указывает на стремительный подъем деловой активности, на взаимозаинтересованность Индонезии и мирового сообщества. Это впечатление красноречиво подтверждают цифры. Среднедневной объем продаж на джакартской фондовой бирже увеличился за пять лет (1984–1989 гг.) более чем в 500 раз, иностранные инвестиции (1984–1990 гг.) – в 5, 6 раз, до 8, 7 млрд долл. В 1990 г. санкционировано внутренних инвестиций на 60 трл рупий (30 млрд долл.). "Частный сектор заливает горячее в мотор развития", – констатирует лондонская "Файнэншл таймс"³.

Все очевиднее качественная трансформация индонезийского общества. Похоже, за 25 лет "динамичной стабильности" бюрократическая буржуазия в целом завершила первоначальное накопление. Удовлетворив за казенный счет свои потребительские аппетиты, убедившись, что политическая обстановка позволяет жить не одним днем, часть "нового класса" определенно поняла: умножать капитал, занимаясь "нормальным" бизнесом, спокойней и прибыльней, чем с помощью примитивной коррупции. Характерно, что дети этого класса все реже

идут в армию или в госаппарат, чтобы, сидя в служебном кабинете, приобщаться к коммерции, но предпочитают приступать к делу напрямую. Конечно, протекцией в министерствах дорожат и они, но это уже иная форма отношений с государством.

Новыми чертами отмечена и деятельность китайских предпринимателей. Масштабы их операций как никогда велики. В 1988/89 фин. году общая сумма продаж 300 крупнейших конгломератов, в которых доминируют хуа цзя, достигла 70 трл рублей, чуть ли не вдвое превзойдя размеры государственного бюджета⁴. Бизнес-империя крупнейшего китайского магната Лим Сюй Ляонга имеет ответвления в КНР, США, Западной Европе. Нынешние мультимиллионеры начинали, однако, с мелких лавочек, посредничали, где придется, и кожей ощущали свою зависимость от властей. Наследуют же им выпускники лучших западных университетов: поборники технологического прогресса, рывка в постиндустриализм и "тихоокеанский век", они отлично знают, что без них стране не преуспеть. Надо полагать, эти сдвиги в мироощущении скажутся и на их отношениях с военно-бюрократической верхушкой: таковые почти наверняка станут более гибкими и опосредованными.

Представители обеих этих групп вынуждены считаться и с тем, что прямо "под ними" за годы "нового порядка" выросло и окрепло (опять-таки не без опеки государства, но в каком-то смысле и в противовес ему) многоликое социальное образование – средний класс: бизнесмены незлитарного уровня, инженеры и техники, квалифицированные управленцы, юристы, врачи, журналисты, вузовские преподаватели, люди науки и искусства. Их вклад в динамизацию экономики – при сохранении социального мира и равновесия – трудно переоценить. Их профессионализм воплощается в высококачественной экспортной продукции. Благодаря среднему классу растет и платежеспособный спрос на внутреннем потребительском рынке. Наконец, через своих низовых "уполномоченных" – школьных учителей, средний медперсонал, младших администраторов программ социальной помощи – этот класс постоянно общается с деревней (где все еще проживает более половины трудоспособного населения) и малоимущими горожанами, влияет на их настроения, доставляет им не слишком обильные, но вполне осязаемые "плоды развития".

Ощущение, что теперь уже экономика ушла в отрыв от политики и пора выправить соотношение между ними путем политической либерализации, явно зреет в недрах среднего класса, мало-помалу передаваясь и другим общественным силам. Класс-коммуникатор, класс-хранитель консенсуса, но отчасти и класс-фрондер заботится о культурной самоидентификации, которая бы закрепила эти его качества*.

Многолетняя погруженность в толщу обновляющегося общества не проходит бесследно и для армии – самой властной из властных струк-

* Отмечая, что часть среднего класса довольно строго – но в основном без фундаменталистских крайностей – соблюдает обряды ислама, социологи заговорили о феномене "мусульманского среднего класса" в современной Индонезии.

тур. Характеристики социума – все более дифференцированного, обретающего плюрализм, порожденный не внутренними разломами, но их преодолением – спонтанно проецируются на офицерский корпус. А поддается он этому влиянию еще и потому, что не превратился в замкнутую касту-номенклатуру: "военные династии" не столь уж популярны в Индонезии (все три сына Сухарто, к примеру, предпочли военной карьере бизнес). Параллельно "гражданская миссия" уводит часть военнослужащих так далеко и так надолго от "родимых" штабов и дивизий, что не усвоить специфические интересы организаций и социальных групп, внутри которых обосновываются эти пришельцы, им просто невозможно.

В 80-е годы последние из ветеранов освободительной войны, оставшиеся в строю, уходят на покой. Командными постами овладевает "поколение Магеланга" – выпускники академии, расположенной в этом городе. Вполне вероятно, что некоторая неопределенность обстановки в мире и в регионе, связанная с окончанием холодной войны, заставит их больше думать о главной функции вооруженных сил – охране внешних рубежей страны, о повышении в ее оборонных структурах удельного веса авиации и флота. Возможные последствия – дальнейшая технологизация и профессионализация армии, убывание престижа сухопутных войск, следящих прежде всего за внутренней безопасностью и соблюдением заповедей "двойной функции".

Многие генералы и офицеры чувствуют, что близок момент истины, когда армии придется выбирать: либо верность старым идеалам, либо переоценка своей политической роли и ориентиров. Подобные ожидания активизируют в военной среде и "консерваторов", и "обновленцев". Значительная часть командного состава недовольна и встревожена маневрами президента. Ему дают понять, что он слишком отдалился от вооруженных сил и не отстаивает их корпоративные устремления должным образом. Напрашиваются аналогии с ситуацией конца 80-х – начала 90-х годов в КПСС. Похоже, относительное единство воли и целей, отличавшее военную элиту, ослабевает, и выполнение "двойной функции" в ее классических формах становится все более проблематичным.

Эти тенденции проявляются и в ГОЛКАР. Укрепляя его как инструмент своей парламентской политики, дав ему опыт пяти победных избирательных кампаний, "новый порядок" поневоле пробудил у функционеров ГОЛКАР тягу к самостоятельности. Фракционность, развивающаяся в ГОЛКАР как во всяком громоздком объединении, провоцирует "дисциплинирующие" вмешательства извне. Но исходя из монолитного военного истеблишмента, они лишь усугубляют проблему.

И еще об одном парадоксе. Достигнув апогея во второй половине 80-х годов, культ официальной идеологии как-то вдруг обернулся плюрализацией общественного мнения. Окончательно превратившись из предмета обсуждений в объект поклонения, принципы Панчасила точно вознеслись в область вечного, освободив пространство для дискуссий на более земные темы. Сегодня индонезийские газеты пишут о

том, что стране нужна "политическая дерегуляция"; о том, что без демократии процесс развития застопорится; о необходимости "равновесия свободы и благосостояния". И – о предстоящем Индонезии экзамене на политическую зрелость: ожидается смена верховной власти, вторая за всю историю Республики.

Впрочем, и нынешний глава государства – не совсем тот человек, что еще недавно руководил страной. За годы своего бессменного правления он последовательно решал и решает задачи, которые, скажем, в Бразилии 60-х – 80-х годов разделили между собой целых пять генералов-президентов – силовое подавление оппозиции, внутриполитическая стабилизация, ускорение социально-экономического развития, поэтапная либерализация в политической сфере. Осмотрительного и неторопливого Сухарто часто принимали за консерватора. Со временем выяснилось, что именно эти качества подкрепляют его незаурядную способность меняться вместе с обществом. Кто бы мог подумать лет 10–15 назад, что за этот срок убежденный сторонник государственного регулирования превратится (хотя и не без оговорок) в "рыночника"; что прислушиваться он будет скорее к технократам, чем к генералам, а опору искать не столько у взрастившей его армии, сколько у нарождающегося среднего класса?*

В общем и целом налицо приметы глубокой, всесторонней метаморфозы "индонезийской модели". Начинается переход к качественно иным политическим отношениям – более свободным, конкурентным, демократичным. Такие переходы, как правило, не бывают гладкими, нетерпение радикалов и упрямство патологических противников нового погубили – или отсрочили – не один демократический эксперимент. Тем не менее, ситуация в Индонезии пока скорее обнадеживает, чем тревожит: признание того, что перемены назрели, как будто сочетается в настроениях общественности с нежеланием "раскачивать лодку". Глобальный подъем массовых антиавторитарных движений, за которым индонезийцы до сих пор наблюдали со стороны, наглядно показал им, как неудержим бывает уставший ждать, разгневанный народ, и как беспомощны у власти люди, впервые ее вкусившие. Не прошло незамеченным и то, что обвальная демократизация тождественна избыточной, непродуктивной политизации, чьи спутники – этнические конфликты, сепаратизм, распады многонациональных государств. Все это Индонезия, как говорится, уже проходила в период постреволюционного кризиса 40-х – 60-х годов. Сегодня, после двух с половиной десятилетий устойчивого экономического роста, в этой стране значительно выросло и число людей, которым есть что терять в случае новых потрясений.

* В 1991–1992 гг. Сухарто искусно использовал "Тяньаньмэнь по-индонезийски" – расстрел демонстрации в г. Дили (Восточный Тимор), вызвавший возмущение в стране и за рубежом, чтобы отчитать высшее армейское командование и поставить его на место в политическом плане.

- ¹ См.: Индонезия: (Справочник). М., 1983. С. 26, 207.
- ² См.: Сумский В.В. Национализм и авторитаризм: Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987; Surin Pitsuwan. Golkar – a model for Thai minitary party? // Bangkok Post. 1985. Oct. 10.
- ³ Financial Times. 1991. Mar. 22. Приведенные выше данные о состоянии индонезийской экономики заимствованы из: Far Eastern Econ. Rev. 1991. Apr. 18. P. 33–52; Nikkei Weekly. 1991. June 29; Siarir. The Indonesian economy facing the 1990s: Structural transformation and economic development // Southeast Asian Affairs, 1990. Singapore, 1990.
- ⁴ См.: Siarir. Op. cit. P. 130.

2.3. ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИЙ "МАЯТНИК"

(Турция)

Военный переворот 1960 г. Консервация этатистских структур.

После кемалистской революции Турция несколько десятилетий существовала в условиях своеобразной авторитарной системы, в рамках которой власть была монополизирована гигантской и всемогущей "сверхпартией", которую трудно даже назвать политической партией в привычном для Запада смысле слова. Детище Ататюрка – Народно-республиканская партия (НРП) – была скорее мощной государственной структурой, обеспечивавшей полновластие центра, передачу идущих сверху импульсов на все нижестоящие уровни. Ореол славы – наследие освободительной революции – обеспечивал непререкаемый авторитет партии. По всем этим параметрам напрашиваются "третьемирские" аналогии с Индийским Национальным Конгрессом первых десятилетий после достижения независимости и с Народно-революционной партией в Мексике.

Однако и в Турции по мере экономического и социального развития, а в первую очередь в связи с развитием буржуазии и среднего класса бюрократическая раннеэтатистская структура стала дряхлеть, обнаруживать признаки несоответствия изменившимся условиям. В итоге НРП в 50-е годы не только утратила монополию на власть, но даже не смогла образовать коалицию с новым мощным соперником – Демократической партией, достаточно откровенно выражавшей интересы усилившегося класса предпринимателей. Турецкий этатизм зашатался, кемализм стал утрачивать авторитет, подвергаясь атакам как справа со стороны возродившихся сил исламизма, так и слева.

Когда казавшаяся если не вечной, то во всяком случае незыблемой общественно-политическая система начинает трещать по всем швам, это неизбежно несет в себе угрозу для государства как такового, независимо от конкретного режима. Через два десятилетия подобное произошло и в Индии, когда вдруг зашаталось представлявшееся непоколебимым господство ИНК. Сразу же активизировались не просто оппозиционные партии – они существовали и прежде, – но явно центробежные, этнокоммуналистские, даже сепаратистские силы, возникла – и сохраняется – угроза целостности государства. Правда, в отличие от Индии в Турции этнокоммуналистские проблемы ограничены одним

(хотя и весьма болезненным) курдским вопросом. Но упадок кемалистской партии вывел на поверхность общественной жизни новые политические силы, начался общий разброд, смятение в умах, сорокалетней устойчивости системы пришел конец. Под вопросом оказалась судьба самого наследия Ататюрка. Тут-то на сцену и вышла армия.

В отличие от Народно-республиканской партии армия не была подвержена эрозии. Напротив, ее авторитет был чрезвычайно высок. Во время корейской войны Турция направила в Корею в общей сложности 10 бригад, хорошо себя зарекомендовавших на поле боя. Еще важнее то, что Турция, став членом НАТО, стала получать американское оружие, а краеугольный камень послевоенной внешнеполитической доктрины и практики Турции – противостояние с Советским Союзом – придавал турецким вооруженным силам сознание собственной значимости, исторической миссии (защиты целостности государства). Армия считала себя хранительницей традиций Ататюрка, а после упадка Народно-республиканской партии – единственной реальной их носительницей¹.

Турецкий офицерский корпус, этнически гомогенный, обладавший высоким корпоративным духом и располагавший собственной интеллектуальной элитой в лице офицеров Генерального штаба, не мог не испытывать тревоги, видя, что как принципы кемализма, так и основы государственности – а для военных это было неразделимо – внезапно оказались под угрозой. Демократическая партия немало сделала для крупного бизнеса, но не оправдала ожиданий масс, в первую очередь мелких сельских предпринимателей, благодаря голосам которых она главным образом и пришла к власти. На недовольство общественности власти отвечали репрессиями, ограничениями свободы печати. Это в свою очередь вызывало возмущение интеллигенции, студентов и связанных с этими слоями молодых офицеров радикального толка. Именно последние фактически подготовили и осуществили переворот 27 мая 1960 г., приведший к падению власти Демократической партии и к казни – на виселице – ее лидера Мендереса.

Офицеры-радикалы, разочаровавшиеся в партийной системе, стремились к установлению популистской военной диктатуры, намереваясь сильной рукой провести ряд мероприятий в интересах "небогатых" слоев населения (практически в первую очередь городской и сельской мелкой буржуазии). Но в заговоре участвовали и старшие офицеры совершенно иных взглядов – консерваторы, встревоженные тем, что недовольство масс приближается к опасной отметке. Ближайшие заботы и цели обеих групп совпадали. В частности, и те и другие были обеспокоены внезапным ростом, казалось бы, давно подавленного Ататюрком исламизма². Равным образом не принимали обе военные группы и коммунистическую идеологию, неотделимую в их сознании от "советской угрозы". Но дальше пути двух военных течений разошлись.

Один из молодых офицеров так объяснял программу своих единомышленников: "Турции нужно правительство технократов, способных серьезно заниматься насущными проблемами. Надо на время отодвинуть в сторону парламент и политические партии и энергично взяться

за государственное строительство. У армии одна роль: гарантировать существование такого правительства и заботиться о том, чтобы оно трудилось ради блага страны..."³.

Однако старшие офицеры не решились и не захотели пойти на такой эксперимент. Им ближе оказалась "классическая" модель парламентаризма, но под контролем военных. Они оказались в одном лагере с Народно-республиканской партией, ставшей опять доминирующей политической силой (Демократической партии уже не существовало). В Комитете национального единства – органе временной военной диктатуры, образованном после переворота, – консерваторы взяли верх. Уже в ноябре 1960 г. 14 молодых офицеров-радикалов были арестованы, выведены из состава Комитета, уволены из армии и затем направлены на дипломатическую работу за границу.

На выборах 1961 г. Народно-республиканская партия победила, но ей пришлось заплатить политическую цену за разрешение вернуться к власти: президентом Турции стал лидер военной хунты генерал Гюрсель. Сторонники радикалов, требовавшие военной диктатуры, дважды пытались совершить переворот, на этот раз уже против нового режима, однако их постигла неудача, и их лидер полковник Айдемир был казнен. Парламентская система была восстановлена, но под контролем армии. Оставаясь в основном за кулисами, армия стала перманентным и самостоятельным фактором в политической жизни страны.

В 1966 г. президент Гюрсель умер, а военные уже не смогли навязать свою кандидатуру на пост президента (они выдвигали начальника Генерального штаба) Великому национальному собранию, в котором страх перед армией постепенно спадал. Политические партии возобновили свою обычную игру. К этому времени кадры распущенной Демократической партии фактически возродили ее под новым названием – Партия справедливости (ПС). Более того, за год до смерти Гюрселя эта партия на очередных выборах опять пришла к власти. Правда, закрепить свое лидерство ей не удалось, и на выборах 1974 г. верх взяла Народно-республиканская партия, обновившаяся под руководством энергичного и популярного политика социал-демократического толка Эджевита. Последний, проиграв очередные выборы, уступил кресло премьера лидеру ПС Демирелю. Казалось бы, все шло по правилам нормальной двухпартийной системы. Однако беспокойство военных нарастало. Это было вызвано двумя взаимосвязанными факторами: все большей политической нестабильностью и ухудшением экономического положения страны.

К концу 70-х годов невиданные масштабы приобрела террористическая деятельность ультраправых, фашистских организаций. Ответом явился террор ультралевых. В течение 1978–1980 гг. от рук террористов погибло более 2300 человек, в то время как за предыдущие десять лет число жертв террора составляло "лишь" 500 человек⁴. Обстановка напоминала начало гражданской войны. Одновременно катастрофически вырос дефицит иностранной валюты, нехватало средств для покрытия импорта товаров первой необходимости и сырья для промышленности. Ощущалась резкая нехватка нефти и электро-

энергии. Население испытывало большие лишения, свидетельством чему были длинные очереди перед продовольственными магазинами, бензоколонками и т.д.

"Турецкое государство находилось на грани распада – галопирующая инфляция, рост безработицы, дефицит платежного баланса, усиливающийся общественный беспорядок, взрыв политического насилия в борьбе различных политических, этнических и религиозных групп, – насилия, ставшего уже повседневным явлением"⁵.

Переворот 1980 г. и неолиберальная модернизация. 12 сентября 1980 г. произошел новый военный переворот. Один из его организаторов, начальник Генерального штаба генерал Эврен, ставший впоследствии президентом, объясняя цели военных – обеспечение национального единства, авторитета государства, личной безопасности граждан и т.д., – подчеркнул: "Мы не ликвидируем демократию... Мы были вынуждены предпринять эту операцию, чтобы восстановить демократию со всеми ее принципами, заменить неисправную, неработающую демократию"⁶.

Прежняя Конституция была отменена как чересчур "либеральная", новая укрепила президентскую власть. Бывшим парламентариям запрещалось создавать и возглавлять новые партии; последним запрещалось воспроизводить прежние партийные символы. Профсоюзам, кооперативам, профессиональным ассоциациям было запрещено участие в политике. Членство в политических партиях было запрещено государственным служащим, работникам суда и прокуратуры, адвокатам, военнослужащим, преподавателям высших учебных заведений, студентам. Запрещались забастовки. Практически все деятели, занимавшие посты в политических партиях в период, который предшествовал перевороту 1980 г. (700 человек), были лишены права заниматься такого рода деятельностью на срок до 10 лет. Пресса была поставлена под контроль посредством законодательства, предусматривавшего высокие штрафы, закрытие печатных органов и тюремное заключение за "подрыв национальной безопасности и оскорбление общественной нравственности". Так была проведена "деполитизация".

Американский журнал "Уорлд тудэй" писал, что новую политическую систему турецкие генералы "разработали, как на штабных учениях, при помощи ящика с песком. Генералы учли все, они не оставляют ничего на волю случая... Кажется, что политические страсти в Турции сегодня мертвы"⁷.

Основной удар, разумеется, был направлен против левых. Французский журнал "Нувель обсерватор" писал, что "для генералов, обучавшихся в американских академиях, все, что хоть немного отдает социализмом, может лишь открыть дорогу коммунизму, дьяволу..."⁸. Справедливости ради следует отметить, что тяжелый удар был нанесен и по правым экстремистам.

Казалось, что военные на этот раз пришли к власти всерьез и надолго. Статья 118 Конституции предусматривала создание возглавляемого президентом Совета национальной безопасности, в состав которого входят командующие тремя родами войск. При помощи этого

органа, в компетенцию которого входили "широко понимаемые" вопросы национальной безопасности", военные обеспечили себе решающее слово во всем, что касалось политики и стратегии государства. Наряду с этим советом продолжал существовать Высший военный совет, возглавляемый начальником генерального штаба.

Лишь через семь лет военный режим разрешил провести выборы в Великое национальное собрание. Они состоялись в ноябре 1987 г. Целью военных было создать максимальные затруднения для партий, ставших наследницами (разумеется, под другими именами) двух главных партий (НРП и ПС) прежней системы. Это удалось, но партия ставленника армии Сунальпа не собрала и четверти голосов избирателей. Победила созданная незадолго до выборов Партия отечества, лидер которой Тургут Озал стал премьер-министром. Вероятно, генералы были не в восторге от такого исхода выборов, но примирились с ним.

Итак, все вернулось к прежнему? Зачем же было совершать переворот и устанавливать на большую часть десятилетия военную диктатуру? Только для того, чтобы "навести порядок", пресечь террор и анархию и затем опять выйти на прежнюю колею?

Дело в том, что заранее разработанного долгосрочного, стратегического плана действий у военных, видимо, не было (в отличие от краткосрочной, тщательно разработанной, как уже отмечалось, программы первоочередных мероприятий, включая "деполитизацию"). Совершая переворот, армия обычно непосредственно реагирует на возникшую кризисную ситуацию в стране, не особенно затрудняя себя размышлениями о том, во что все это выльется. Военные видят свою задачу в том, чтобы предотвратить распад государственных структур, и в первую очередь – угрозу целостности самой армии, порядку и дисциплине в ее рядах. Бывают, конечно, случаи, когда офицеры задаются целью установить перманентный военный режим, чтобы раз и навсегда устранить угрозу "хаоса и анархии" (греческие "черные полковники", некоторые латиноамериканские военные хунты). Но это характерно скорее для офицеров второго эшелона, полковников, а не генералов. Высшее же военное командование, как правило, (речь здесь не идет о Тропической Африке) не стремится к увековечиванию военного правления; генералам с их консервативными воззрениями и понятиями чужда мистика военного цезаризма.

Командование турецкой армии никогда и не собиралось создавать в стране чисто военный режим. Просто каждый раз, когда буржуазные политические институты оказывались неспособными справиться с периодически возникавшими социально-экономическими и политическими кризисами, "им на помощь приходила армия, спасавшая режим, "ремонтировавшая" многопартийную систему и вновь приводившая ее в действие. Так возникла своеобразная турецкая модель "политической активности армии"⁹. Представляется, что своеобразие данной модели во многом определяется "продвинутой" Турцией по пути капитализма. В этой стране общественно-политические институты, в том числе партийно-парламентская система, уже имеют прочные корни,

процесс формирования гражданского общества зашел достаточно далеко. И поскольку в Турции не было такого революционного движения, которое грозило бы устоям системы, правящий блок не заинтересован в "железной руке" долгосрочной военной диктатуры. Армия нужна – во внутреннем плане – лишь постольку, поскольку военные всегда в состоянии "спасти лодку от чрезмерного крена". И военная верхушка, видимо, в принципе готова играть роль "аварийной команды", "стабилизатора" и т.п.

Еще в 60-х годах в дискуссии о роли турецкой армии, проходившей на международной конференции в Дижоне, отмечалось, что "турецкая армия слишком дисциплинирована, проникнута духом кемалистского патриотизма, слишком связана с Западом, чтобы продолжать авантюру больше, чем это необходимо"¹⁰.

Но в 80-е годы ко всему этому добавился фактор чрезвычайной, если не решающей важности: экономическое "выздоровление" и подъем Турции.

Справиться с политической нестабильностью единой и дисциплинированной армии было не так трудно. Тем более что большинство населения, уставшего от терроризма, встретило переворот скорее с чувством облегчения. Выход же из экономического кризиса оказался делом куда более сложным, потребовавшим отказа от более чем полувековой этатистской традиции. Можно сказать, что турецким военным повезло, что премьером стал Озал.

Еще будучи заместителем премьера в 1980 г., Озал в сотрудничестве с экспертами Международного валютного фонда и Всемирного банка реконструкции и развития подготовил программу, цель которой состояла в том, чтобы восстановить рыночный механизм и интегрировать турецкую экономику в мировое хозяйство.

«Экономическая политика, названная "открытием во внешний мир", – читаем мы в "Монд дипломатик", – включала в себя классический арсенал программ структурной перестройки, разработанных Международным валютным фондом: строгая экономия средств, либерализация импорта, поощрение экспорта, введение реалистических процентных ставок»¹¹.

Английский "Экономист" писал в 1984 г. об экономической политике Озала: "Разработанная, выпестованная и тщательно контролируемая Вашингтоном, эта политика предвосхищала курс, который Международный валютный фонд с неодинаковым успехом пытается насаждать в Латинской Америке и других регионах... Не только для Турции, но и для иностранных банкиров, для международных финансовых организаций жизненно важно, чтобы эта политика увенчалась успехом"¹². И она в самом деле увенчалась успехом.

"Экономическая политика, проведение которой началось в 1984 году, – отмечается в обзоре, подготовленном Организацией европейского сотрудничества и развития, – была логическим продолжением программы стабилизации и экономической перестройки, принятой в начале 1980 г. Вслед за упадком экономики и кризисом платежного баланса в 1977–79 гг. турецкие власти решительно порвали с прошлым, сделав

основной упор на рыночные силы в распределении ресурсов. С этой целью были введены реалистические процентные ставки, проведена девальвация лиры и введен плавающий курс; в основном прекращена выдача огромных субсидий государственной промышленности. Наряду с успешной попыткой стимулировать экспорт и уменьшить бюджетный дефицит, эти меры привели к сокращению инфляции, выразившейся в двузначных цифрах, к упорядочению платежного баланса и подъему деловой активности"¹³.

Ежегодные темпы роста экспорта за период с 1980 по 1988 г. составили в среднем 20%, что превышает средний мировой уровень. Что еще важнее – доля промышленных изделий в экспорте увеличилась с 30% в 1980 г. до 71% в 1989 г. "Мотором экономического роста явился не внутренний, а внешний спрос. Меры по поощрению экспорта включали в себя, с одной стороны, премии на экспортную продукцию и, с другой стороны, установление гибкого обменного курса валюты, что при содействии неоднократных девальваций, благоприятно сказалось на продаже турецких товаров на внешнем рынке... Кроме того, энергично поощрялись прямые иностранные инвестиции. В период с 1980 по 1989 г. они составили 4 миллиарда долларов, что в девять раз превосходит общую сумму всех иностранных капиталовложений за предшествующую четверть века"¹⁴.

Нельзя не упомянуть также о мерах по сдерживанию роста зарплат. Это относится и к частному сектору, которому были даны "ориентировки" по замораживанию или сдерживанию роста зарплат. "Такого рода меры, разумеется, плохо согласуются с принципами рыночной экономики, – признает отчет ОЭСР, – но временно они могут оказаться необходимыми для дефляционной политики"¹⁵. В сельском хозяйстве упор был сделан на развитии инициативы мелких собственников-фермеров при уменьшении влияния государства.

Подводя итоги периода, авторы уже цитировавшейся статьи в "Монд дипломатик" писали: "В начале 80-х годов как наемные рабочие и служащие, так и население, занятое в сельском хозяйстве, измученные экономическими и политическими неурядицами, разрушавшими страну, скрепя сердце были вынуждены согласиться заплатить цену, необходимую для того, чтобы выйти из кризиса"¹⁶. Вряд ли, конечно, в начале этого периода люди могли предполагать, какую именно цену им придется заплатить и удастся ли тем самым выйти из кризиса. Но, видимо, большинство населения и в самом деле считало в тот момент, что военное правление – это меньшее зло. Во всяком случае, несмотря на жесткие политические и экономические меры, которые предпринимались после переворота 1980 г., реального сопротивления ни военным, ни впоследствии правительству Озала не наблюдалось, что и позволяет говорить о ситуации "ограниченного консенсуса".

Особенности демократизации в Турции. Как и в странах Восточной Азии, экономическая модернизация на определенном этапе стала стимулом политической либерализации. В отличие от стран ВА и ЮВА процесс этот занял годы, а не десятилетия; в отличие от Чили и

Бразилии он не сопровождался подъемом массового демократического движения, расколом элит и т.д.

Уже выборы 1987 г. несомненно были плюралистическими и свободными, а результаты их – нефальсифицированными¹⁷.

В настоящее время все ограничения, введенные военными после переворота 1980 г., устранены. Демократизация пошла и дальше: возрастной ценз избирателей был снижен с 21 года до 19 лет; поправка к Конституции, принятая в 1987 г., расширила круг вопросов, могущих быть вынесенными на общенародный референдум.

Господствовавшие прежде представления о необходимости и возможности "урезанной" или "усеченной" демократии постепенно изживаются. Один из крупнейших турецких политологов профессор Метин Хепер писал о традиционном сосуществовании двух ключевых элит в Турции. "Государственная элита, по традиции включавшая в себя военных, высокопоставленных правительственных чиновников и примкнувшую к ним часть политиков, издавна представляла себе демократию как "вертикаль", как дело политической ответственности. Это противоречило взглядам политической элиты, состоявшей в основном из выбранных должностных лиц, которые считали себя представителями народа и делали упор на "горизонтальный" характер демократии как системы политического участия"¹⁸. По оценке Хепера, демократизация последних лет привела к тому, что "государственная элита" утратила свою центральную роль, и соответственно выросло значение "политической элиты"¹⁹. Тем самым ослаблены политические позиции военных, игравших в первой из этих элит главенствующую роль.

Судя по всему, те из военных, которые верили в возможность постоянного присутствия армии на политической арене в качестве определяющей и задающей тон силы, разочаровались и утратили надежду на то, что такое положение вещей может сохраниться. Хепер рассказывает, как один из пяти генералов, руководивших переворотом 1980 г., жаловался в беседе с ним: "Мы думаем, что страна катится под откос; ведь что происходит? Мы выступаем на политическую сцену, создаем новую конституцию в надежде на улучшение демократии, и возвращаемся в казармы; вскоре, однако, мы видим, что демократия возвращается к своей старой модели"²⁰. Действительно, политический плюрализм в Турции, с точки зрения таких генералов, кажется неискоренимым злом, несмотря на повторные акции вмешательства со стороны армии. Все упрямо возвращается на круги своя. Вот и сейчас тот самый Сулейман Демирель, которого военные дважды – в 1971 и 1980 гг. – отстраняли от власти, не только остается в числе руководящих политиков, но и занял после смерти Озала пост президента. Пророкам и апологетам военно-авторитарного правления есть, от чего придти в отчаяние...

Видимо, можно согласиться с Хепером, полагающим, что армия отказалась от дальнейшего вмешательства в политику. Да, собственно, и зачем она стала бы это делать сейчас, когда уже нет ни одного из тех двух главных факторов, которые вызвали переворот 1980 года: терро-

ризма экстремистов и отчаянного экономического положения. Гражданское общество в Турции представляется достаточно прочным, и единственное, что может вернуть армию к власти – это непосредственная угроза со стороны "исламистов" или (что после событий 1991–1993 гг. кажется куда менее вероятным) выход из-под контроля ситуации в курдских провинциях страны.

Интересно мнение другого турецкого политолога Эргуна Озбудуна: "Турция – это одна из немногих стран, более демократически развитых в политическом плане, чем они должны были бы быть, если исходить из уровня их социально-экономического развития"²¹. В самом деле, Турция еще до недавнего времени могла быть с полным основанием отнесена к странам "третьего мира". Однако демократические институты в этой стране во все периоды после второй мировой войны выглядели более устойчивыми (по модели "Ваньки-встаньки"), чем в других государствах подобного типа (за исключением Индии), несмотря на периодические и достаточно жесткие вмешательства армии (которые Озбудун считает скорее "резквилибрациями демократии"), чем "полноценными авторитарными антрактами").

По-видимому, одна из важнейших причин этого – глубокое, радикальное и долговременное влияние кемалистской революции, приведшей к созданию светского государства и устранившей ислам как политическую силу. Исламизм, всегда благоприветствовавший авторитаризму в Турции – стране, где никогда не было демократических традиций, был политически и социально парализован в результате реформ Кемала Ататюрка. Западные веяния, разумеется, неоднородные, в том числе и фашистские, но все же главным образом демократические, сумели здесь пробиться через толщу исламских традиций, чего не удалось добиться в арабских и других мусульманских странах. Но воздействие кемалистской революции сказалось и в том, что в стране был "снят ветер с парусов" народной революции. Именно поэтому здесь – в отличие от Ирана – не только исламское, но и "кубинское" движение не привело в движение массы. Третьим фактором стала относительная этническая и религиозная однородность турецкого населения, исключавшая (на большей части территории страны) возникновение конфликтов по этим двум линиям (а именно, такие конфликты наиболее характерны для "третьего мира").

И, конечно, огромную роль – особенно в последние десятилетия – сыграла наибольшая (в азиатском мире) близость к Западу, Европе – и географическая, и экономическая, и "социальная" (феномен турецкой эмиграции).

¹ Как "сложный и недооценивавшийся фактор в жизни страны" характеризовал вооруженные силы Турции "Экономист" (Economist. 1984. Nov. 3. P. 6): "Военные рассматривают себя в качестве защитников кемализма, проводников идей совершенствования и модернизации. Многие из них провели долгий срок службы за рубежом, поскольку Турция – член НАТО. Высшие командиры знают иностранные языки, в армии по большинству показателей хорошая организация... Военные разбросаны по всей стране, находятся в движении. Их уши часто ближе к земле, чем у политиков, занятых играми вокруг власти в Анкаре".

- ² Один из офицеров с горечью говорил в беседе с иностранным другом, что, как выяснилось, "кемалистская революция все же не проникла глубоко в массы", что "наряду с европеизированной кемалистской элитой существует фанатичная и невежественная масса, мало изменившаяся со времен Османской империи" (*Le rôle extra-militaire de l'armée dans le Tiers Monde*. P., 1966. P. 228).
- ³ Ibid. P. 230.
- ⁴ The decline of military regimes: The civilian influence / Ed. C. Danopoulos. Boulder; L., 1988. P. 137.
- ⁵ Ibid. P. 137.
- ⁶ Ibid. P. 138.
- ⁷ World Today. 1983. Jan. P. 30.
- ⁸ Nouvel observ. 1981. 2 fevr.
- ⁹ Данилов В.И. Политическая борьба в Турции – основные направления и особенности // Вopr. истории. 1985. № 5. С. 88.
- ¹⁰ Le rôle extra-militaire... P. 246.
- ¹¹ Sahinoz A. et J. Couteuse facture de liberalisme en Turquie. Monde diplomatique. 1990. № 436. P. 10.
- ¹² Economist. 1984. Nov. 3.
- ¹³ OECD Economic Surveys, 1984/85 // Turkey. 1985. May. P. 42.
- ¹⁴ Monde diplomatique. 1990. № 436. P. 10.
- ¹⁵ OECD Economic Surveys, 1984/85. P. 43.
- ¹⁶ Monde Diplomatique. 1990. № 436. P. 10.
- ¹⁷ Впрочем, справедливости ради надо признать, что подобная фальсификация вообще чужда политической культуре Турции.
- ¹⁸ Metin H. Consolidating Turkish democracy // J. Democracy. 1992. Vol. 3, № 2. P. 106.
- ¹⁹ Ibid. P. 115.
- ²⁰ Ibid. P. 114.
- ²¹ Ergun O. Turkey: Crises, interruptions and reequilibrations // Democracy in developing countries / Ed. L. Diamond et al. Boulder (Colo.), 1989. Volume "Asia". P. 226.

2.4. СРЫВ "БЕЛОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

(Иран)

Опыт Ирана наглядно демонстрирует, как курс на быструю и всестороннюю модернизацию, который не пользуется широкой и стабильной поддержкой снизу и не учитывает местных традиций, порождает острые социальные противоречия и приводит не только к отторжению обществом государственной политики, но и к смене одной формы авторитаризма другой, гораздо более консервативной.

"Экономическое чудо": мотивы и движущие силы. С первой половины 60-х до второй половины 70-х годов темпы экономического роста этой страны были одними из самых высоких в мире, нередко даже большими, нежели в Японии и новых индустриальных государств Юго-Восточной Азии. За 15 лет валовой внутренний продукт (ВВП) Ирана вырос в 13 раз. Доход на душу населения увеличился в 8 раз и достиг 1600 долл. Изменилась и структура ВПП: в 1959/60–1975/76 гг. доля промышленности возросла с 27,7% до 48,4%, а доля сельского хозяйства упала с 29,9% до 9,4%.

Возрастал не только нефтяной сектор экономики (страна обладает одними из самых богатых в мире нефтяными месторождениями) – осу-

ществлялся курс на всестороннюю индустриализацию и радикальные социальные реформы. Последние прежде всего затронули деревню, где в начале 60-х годов проживало более 70% населения, а 80–85% пригодных к обработке земель принадлежало помещикам, духовенству и казне. Помещики обычно жили в городах, предоставляя крестьянам (как имевшим собственные участки, так и не имевшим их) право наследственного землепользования. Основной формой хозяйствования служила издольщина: урожай или его стоимость распределялись между сторонами по долям в зависимости от того, кому принадлежали земля, вода, тягловый скот, семена и рабочие руки. Кроме тех, кто пользовался правами наследственного землепользования и нередко был связан друг с другом общинными узами, на селе проживало немало людей, которые такими правами не пользовались и находились вне общины. К их числу относились батраки, сезонные рабочие, владельцы тяглого скота, мелкие торговцы, ремесленники.

Вместе с крестьянами они составляли самодовлеющую систему, не заинтересованную ни в поднятии производительных сил, ни в радикальном изменении существующих отношений, базирующихся на издольщине и примитивных орудиях труда. Подобную незаинтересованность проявлял и помещик. Внедрение новых форм хозяйствования требовало слишком больших затрат в сравнении с возможными выгодами. К тому же мусульманское право, предусматривавшее раздел земли между всеми наследниками, и сохраняющиеся общинные связи нередко приводили к тому, что как землевладение, так и землепользование на практике нередко выражались лишь в получении или уплате определенной доли земельной ренты. При этом и крестьянин в деревне, и рентополучатель в городе подчас даже плохо представляли, где конкретно находятся их земельные участки.

Вся эта базирующаяся на личных связях полуфеодалная структура создавала как социальную напряженность в аграрной сфере, так и потенциальную базу оппозиции центральной власти. Однако в первой половине 60-х – второй половине 70-х годов здесь произошли разительные перемены. Жесткая государственная политика, сочетавшая убеждение, поощрение, принуждение и запугивание, поставила крупного землевладельца (как индивидуального, так и коллективного) перед дилеммой: либо отказаться от издольщины и примитивных орудий труда в пользу наемного труда и машинной техники, либо вообще перестать быть помещиком. В этом случае земельные излишки выкупались государством и передавались за умеренный выкуп в рассрочку издольщику. Получивший землю крестьянин обязывался вступить в финансируемый государством кооператив, который брал на себя функции, ранее обычно осуществлявшиеся помещиком: предоставлял семена, орудия труда, денежные ссуды и т.д. И если раньше целью этих услуг было укрепление кабальной зависимости крестьянина от помещика, то теперь – создание прямой зависимости крестьянина от государства и поддержание жизнеспособности мелкотоварного хозяйства. Кооператив не только предоставлял все необходимое для обработки земли, но также охранял крестьянскую продукцию, организовывал ее

транспортировку и реализацию. К середине 70-х годов кооперативы активно действовали в 44 тыс. деревень из 66 тыс. деревень Ирана¹.

Хотя полуфеодалные формы хозяйствования еще продолжали сохраняться, главной фигурой в сельскохозяйственном производстве становился крестьянин-собственник, охваченный различными формами кооперации (а не издольщик, как прежде). Параллельно создавались сельскохозяйственные акционерные общества, членами которых могли быть как предприниматели, так и крестьяне-собственники, государственные агрофермы. Причем к участию в них и других активно привлекался иностранный капитал. За пятнадцать лет сельское хозяйство страны вышло на принципиально новый агротехнический уровень. Количество тракторов выросло в 4 раза, а использование химических удобрений в 10 раз².

Помещики превращались в предпринимателей, а часть сельских жителей вливалась в ряды наемных рабочих в сельском хозяйстве и в промышленности, которая в эти годы также совершила резкий скачок. С 1964 по 1975 г. число промышленных предприятий возросло вдвое (с 112 тыс. до 235 тыс.). Вдвое увеличилось и количество работающих, достигнув 2 млн человек³.

Еще в начале 60-х годов промышленность Ирана была представлена почти исключительно отраслями легкой промышленности. Тяжелая индустрия находилась в зачаточном состоянии, а нефтяной сектор, прежде всего крупнейший в регионе Абаданский нефтеперерабатывающий завод, полностью контролировался западными корпорациями и был, по существу, исключен из национальной экономики. К середине 70-х годов ситуация резко изменилась. Мощность легкой промышленности резко возросла. Стала быстро набирать темпы и тяжелая индустрия: черная и цветная металлургия (с помощью Советского Союза построен крупнейший в регионе Исфаганский металлургический комбинат), машиностроение (с участием западных корпораций созданы автомобильные и тракторосборочные предприятия, заложены основы судостроения и самолетостроения). Нефтедобывающая промышленность перешла под контроль иранского государства, превращаясь в органичную часть народного хозяйства.

Эти сдвиги происходили параллельно с усилением госсектора, на долю которого в середине 70-х годов приходилось 2/3 общих инвестиций в экономику, вся производственная инфраструктура, более половины промышленного производства, большая часть внешней торговли⁴. Хотя государство путем кредитов и субсидий поддерживало частные капиталовложения в экономику, эти вложения увеличились с 1959 по 1978 г. лишь в 3 раза, в то время как государственные – в 5 раз⁵.

Одновременно с усилением госсектора и поддержкой частного предпринимательства государство добивалось сотрудничества рабочих и предпринимателей. С этой целью был принят закон о выплате рабочим до 20% прибылей всех предприятий. С 1975 г. 99% акций государственных предприятий и 49% акций частных предприятий подлежали обязательной продаже населению, прежде всего рабочим. Эти выплаты составили существенную часть зарплаты всех групп

промышленного рабочего класса, рост которой в 1965–1975 гг. постоянно опережал рост цен.

В целом как в промышленности, так и в сельском хозяйстве происходил подъем, сопровождавшийся улучшением материального положения большей части занятых в этих отраслях. Одновременно в несколько раз – до 40% – увеличилась доля грамотных, число учащихся высших и средних учебных заведений увеличилось в 6 раз, количество женщин, занятых во всех сферах хозяйства, возросло с 0,5 до 1 млн человек, резко расширилась дорожная сеть; удельный вес городских жителей вырос с примерно 1/3 до почти половины населения.

Инициатором модернизации Ирана выступила авторитарная монархия. Причины, побудившие ее проводить подобную политику, были скрыты как внутри страны, так и в ситуации на международной арене. С одной стороны, антимонархические, антифеодальные революции в ряде арабских стран показывали, чем чревато сохранение прежних порядков для самой монархии, с другой, ее главный внешнеполитический покровитель – Вашингтон не без оснований опасался, что смена формы государственной власти станет прологом изменения прозападного внешнеполитического курса этой страны, расположенной между СССР и Персидским заливом. Совпадение интересов самосохранения монархии и стратегических интересов США и стало главной причиной начала радикальных преобразований в начале 60-х годов, в пору, когда администрация Кеннеди выдвинула доктрину перехвата революции в развивающихся странах путем реформ. Тем не менее, несмотря на явно неревolutionонную мотивировку ее инициаторов, "Белая революция" обладала рядом признаков действительной революции.

Одним из свидетельств этого служат резкий конфликт монархии с феодально-помещичьим классом, который некогда служил ее главной опорой, поддержка, хотя большей частью пассивная, со стороны крестьянства. Неоднозначно реагировал на реформы и современный сектор общества (включавший интеллигенцию, промышленный рабочий класс и буржуазию), возникший благодаря вмешательству государства в экономику и деятельности иностранного капитала. Большая часть этих сил поддержала "Белую революцию", видя в ней шанс резко повысить свой статус в обществе.

Однако меньшинство с самого начала выступило против. Политически активные группы интеллигенции – от либеральной до марксистской – еще в начале века проявили явную заинтересованность в завоевании государственной власти. Основанием, делавшим это стремление в их глазах вполне законным и оправданным, служила неспособность монархии решить коренные проблемы развития, и прежде всего аграрный вопрос. "Белая революция" наносила сильнейший удар по этим надеждам. Что же касается некоторых слоев буржуазии и рабочего класса, то их оппозиция реформам вызывалась боязнью, что, оказавшись в новых условиях неконкурентоспособными даже в своей сфере, они не приобретут новый, более высокий статус, а потеряют старый.

Противоречиво реагировали на перемены и те группы, которые как бы связывали между собой традиционный и современный секторы об-

щества – купцы, торговцы и ремесленники города (обычно объединяемые в Иране словом "базар"), а также мусульманское духовенство. Будучи традиционно главным производителем потребительских товаров для основной массы городских и сельских жителей, "базар", особенно тегеранский, играл очень важную роль в экономической и политической жизни страны. Поскольку эта роль объективно подрывалась как ростом фабрично-заводской промышленности, так и вмешательством государства в экономику, "базар" – в своем большинстве – с самого начала воспринял "белую революцию" крайне настороженно, если не откровенно враждебно. В то же время некоторые его слои поддерживали реформы шаха, надеясь либо войти в ряды промышленной буржуазии, либо получить поддержку со стороны государства.

Неоднозначно реагировало на реформы и мусульманское духовенство. Источники его существования складывались из поступлений от земель, пожертвованных мечетям и святым местам, добровольных взносов верующих и государственных субсидий. Получая часть доходов от населения и частично используя их на поддержание наиболее бедных слоев деревни, и особенно города, духовенство было тесно связано с народными массами, отражало их потребности и мироощущение. Этому в немалой степени способствовали особенности иранского ислама.

В исламе, как и в других мировых религиях – христианстве и буддизме, санкционирование существующих порядков сочетается с оппозиционностью, по крайней мере потенциальной, по отношению к ним. Последняя тенденция выражена с особой силой в шиитском направлении ислама (подавляющее большинство населения Ирана – шииты). Причины этого – в исторической судьбе шиитов, которые нередко оказывались в мусульманском (преимущественно суннитском) мире на положении гонимого меньшинства. Отсюда особенная сила и укорененность идей об оправданности и необходимости свержения правителя, проводящего неисламскую политику; культ мученичества (добровольной смерти в борьбе за веру), мессианские чаяния...

Если у суннитов представление о том, что духовенство выступает посредником между Богом и людьми присутствует лишь в "народном исламе" и отрицается богословской традицией, то в шиизме подобное представление характерно для всех верующих. Поэтому шиитское духовенство в отличие от суннитского всегда было и более обособлено от остального населения, и более организовано под руководством наиболее видных своих представителей, носящих почетное звание "аятолла" ("знамение Бога"). В периоды общенациональных кризисов в Иране в прошлые века духовенство нередко возглавляло народные движения. Да и государство всегда уважало его автономию; мечети обладали правом убежища: человека здесь нельзя было арестовать, даже если он был государственным преступником. Хотя подобное правило существовало и в суннитских странах, там оно соблюдалось не столь строго.

Несмотря на то, что в XX в. государство и интеллигенция потеснили духовенство на политической арене, его способность выступать в

роли объединителя разнородных оппозиционных сил отнюдь не была утрачена. Правда, социально-психологическая ситуация 60-х годов (расколотость иранского общества в отношении реформ) не способствовала выявлению этой потенции. Серьезное сдерживающее влияние оказало и развитие событий в других мусульманских странах региона. Оно показало, что националистические силы, которые могут придти на смену монархии, скорее всего возьмут по отношению к духовенству гораздо более жесткий курс.

В итоге большая часть духовенства первоначально отнеслась к "Белой революции" выжидательно и, даже осуждая в чем-то шаха, не призывала к насильственным действиям. Напротив, меньшинство духовенства с самого начала заняло резко враждебную позицию. Но и в этой группе не было единства. Одни вообще выступали против реформ, другие осуждали их непоследовательность, формы и методы их осуществления. Именно на этом делал главный упор в своих проповедях аятолла Хомейни, бывший в 1963 г. наиболее вероятным кандидатом на роль духовного главы шиитов Ирана. Общим для всех духовных лиц было осуждение ирано-американского союза, который объективно укреплял независимость государства от общества, и прежде всего от самого духовенства. Эта критика (ставящая под вопрос самостоятельность монархии) встречала со стороны шаха особо враждебное отношение. Именно за осуждение предоставления американским военным советникам права экстерриториальности в Иране аятоллу Хомейни в 1964 г. выслали из страны.

Предшествовавшие этому событию и последовавшие за ним массовые демонстрации в Тегеране не смогли поколебать авторитарный режим. И раньше структура власти в стране определялась ключевой ролью монарха по отношению к парламенту, правительству, бюрократии, армии и официально разрешенным политическим партиям. Но в 70-е годы функции всех этих институтов ограничивались исключительно исполнением воли шаха. Внешним символом установившегося всевластия монархии стали тщательно разработанные придворные церемонии, напоминавшие своим размахом и пышностью подобные церемонии в древнем Иране.

Гарантами такого положения выступали созданная с помощью американских военных советников одна из самых многочисленных и хорошо вооруженных армий в регионе, а также вездесущая тайная полиция. Опираясь на объективные потребности интеграции отсталого общества, включавшегося в орбиту мировых связей, вооруженные силы и бюрократия получили возможность успешно противопоставить устремлениям и чаяниям "ущемленных" свои собственные корпоративные интересы.

Опираясь на эти структуры и пользуясь поддержкой значительной части населения, проводя реформы и получая большие доходы от продажи нефти, монархия во второй половине 60-х – первой половине 70-х годов пользовалась поддержкой большинства населения. Попытки оппозиционного духовенства и политически активной интеллигенции противостоять в то время режиму были обречены на провал.

Противоречия и оппозиция. Но уже к середине 70-х годов, когда фасад шахского авторитаризма продолжал укрепляться и украшаться, в его фундаменте появились трещины, прямо или косвенно порожденные самой "Белой революцией", и прежде всего – аграрной реформой. Действительно, издольщик, нередко вырванный из общинных связей, стал собственником земли, что разряжало социальную напряженность в деревне и создавало условия для перехода к более прогрессивным формам хозяйства. Однако наряду с издольщиками в деревне существовали сезонные рабочие, батраки, мелкие торговцы и ремесленники, которые не только не получили землю, но и становились по мере осуществления реформы ненужными на селе. Сотнями тысяч они переселялись в город. За ними последовали, продав свои наделы, и многие крестьяне, получившие землю или имевшие ее и до реформы. Дело в том, что несмотря на значительную поддержку, оказываемую мелкотоварному хозяйству в рамках кооперативов, его характерной чертой в годы "Белой революции" была растущая нехватка средств, причем не столько производственного, сколько потребительского назначения. К традиционно высоким затратам на религиозные обряды и праздники, свадьбы, похороны и т.п. в это время все больше добавлялись траты, вызванные формированием новых потребностей и стандартов потребления в деревне под влиянием города. Развивавшееся на базе роста задолженности скрытое воспроизводство издольщины и чувство явной обделенности благами "Белой революции" по сравнению с тем же городом постепенно обесценивали в глазах крестьян плоды аграрной реформы. В еще большей степени эти процессы наблюдались в тех районах, где фактически сохранилась прежняя полуфеодалная система хозяйствования.

Особенно привлекательным для вчерашних сельских жителей представлялся Тегеран, население которого в середине 70-х годов уже на 50% состояло из мигрантов. Но надеждам на лучшую долю в городе осуществиться было не суждено. Быстрая урбанизация сопровождалась резким ухудшением обеспечения городского населения жильем, растущей нехваткой питьевой воды. Одновременно отсутствие большого количества рабочих мест для неквалифицированных рабочих и ослабление традиционных семейных связей превращало многих мигрантов в городских люмпенов. Этот процесс переживался очень болезненно, порождал стремление к поиску таких форм жизни, которые бы органично связали вчерашний уклад с реальностями и потребностями современности. Здесь к мигрантам примыкали и широкие слои городских торговцев и ремесленников: наступление крупного бизнеса грозило им разорением.

Создание государством (с иностранной помощью) тяжелой промышленности было совершенно не связано с "базаром". Новые же предприятия легкой промышленности активно вытесняли традиционные слои с внутреннего рынка. Хотя государство и предоставляло кредиты предпринимательской части "базара", а также поддерживало кустарную промышленность и ремесла, гораздо большую помощь оно оказывало их конкурентам. Естественно, что даже те слои торговцев и ре-

месленников, которые в 60-е годы поддержали "Белую революцию", в 70-е стали занимать все более враждебную позицию по отношению к ней.

Все это не могло не привести к быстрому росту оппозиционных настроений среди духовенства, в наибольшей степени связанного со слоями населения, не интегрированными или откровенно тесными современным сектором в промышленности и сельском хозяйстве.

Однако и в секторе, который был обязан своим возникновением и расширением государству, усиливались противоречия. Крупный бизнес тяготился своей зависимостью от милости (или немилости) монарха. Одновременно с концентрацией огромных доходов в руках верхнего слоя предпринимателей (так называемых трехсот семей) увеличивались "ножницы" между заработной платой рабочих крупных, средних и мелких предприятий, а также между рабочими и инженерно-техническими работниками (особенно получившими образование за границей) и между всеми ними и многочисленными высокооплачиваемыми специалистами из США и Западной Европы. Резкий рост стоимости жизни в городах вел к относительному ухудшению положения промышленных рабочих и абсолютному – городских бедняков, которые и в 60-е годы были основной социальной группой, чьи доходы отставали от роста цен. Но если тогда индекс розничных цен возрос лишь на 19 пунктов, то в 70-е годы уже на 166⁶. Попытка государства бороться с инфляцией, контролируя цены на большинство товаров и услуг, в свою очередь ударило и по интересам "базара", и по средней буржуазии, занятой в легкой промышленности.

Незавидным было и положение тех групп интеллигенции, которые в свое время приветствовали "Белую революцию" и выступали с вполне конформистских позиций. Резкое увеличение числа образованных сопровождалось столь же резким обострением проблемы занятости в их среде. Возможности повысить социальный статус даже для "устроенных" интеллигентов в 70-е годы блокировались быстрым сокращением вакансий в кругу правящей элиты и широким использованием западных специалистов, причем на самых престижных местах. Те же группы интеллигенции, которые никогда не шли на компромисс с шахом, резко активизировали свою оппозиционную деятельность. Еще во второй половине 60-х годов, действуя в условиях подполья или в эмиграции, они пытались найти такие требования и лозунги, которые учитывали бы изменения и в Иране, и на мировой арене. Вместе с тем возникновение военно-политического паритета между СССР и США, успехи партизанской борьбы на Кубе, в Алжире, и особенно во Вьетнаме, все большее превращение шаха из клиента в партнера США способствовали закреплению и расширению раскола между интеллигенцией либеральной и радикальной ориентаций. Для либералов новая ситуация доказывала необходимость компромисса с шахом на путях внедрения элементов представительной демократии. С этой целью они активно налаживали контакты с верхними слоями общества. Радикалы же, считая происходящие перемены наглядным подтверждением возмож-

ности свержения монархии, выступали за организацию народного восстания. Путем к нему они считали объединение под своим руководством рабочих, крестьян, "базара" и городской бедноты. Особое внимание уделялось последним двум группам, рассматривавшимся как главный "горючий" материал городов, и прежде всего Тегерана, где решалась судьба страны. Среди левых радикалов также существовали серьезные расхождения. Одни из них продолжали в своих действиях упорно придерживаться марксистской идеологии и методологии в ее советском, китайском или кубинском (неомарксистском) вариантах. Другие же с целью более глубокого воздействия на население пытались взять на себя роль революционного толкователя шиизма.

В первой половине 70-х годов наиболее радикальные группировки светской и исламской ориентаций приступили к осуществлению актов индивидуального террора против чиновников, полицейских и американских военных советников. Однако надежда на то, что такие действия станут "малым мотором", который запустит "большой мотор" массового антишахского движения, не оправдались. К середине 70-х годов большинство боевых групп были либо разгромлены либо вынуждены прекратить свою деятельность. Объективно, однако, борьба городских партизан сыграла в общей картине иранской политики немалую роль: она утвердила монархию во мнении, что именно интеллигенция является ее главным противником. Духовенство же рассматривалось и монархией, и интеллигенцией как архаичный слой, времена большой и самостоятельной политической роли которого уже давно прошли. Левая интеллигенция видела в духовенстве важного и удобного тактического союзника, который, по ее расчетам, после победы над режимом должен был "вернуться в мечеть". Однако духовенство, особенно его низшие и средние слои, становясь все более оппозиционно настроенным по отношению к монархии, отнюдь не собиралось допускать к рулю власти интеллигенцию, которая никогда не скрывала своего желания ограничить функции духовного сословия исполнением религиозных обрядов. В то же время исчезли или уменьшились опасения духовенства относительно того, что группы левой (националистической, марксистской) интеллигенции смогут монополизировать плоды свержения авторитарной монархии. Леворадикальные режимы региона, которые в 60-е годы, казалось, неумолимо набирали силу, в 70-е уже теряли прежнюю динамичность и популярность. Да и все шире поддерживающие духовенство "базар" и городские бедняки отнюдь не доверяли интеллигенции, усиление активности и влияния которой они связывали с "Белой революцией".

Все это сказалось впоследствии. В 1976–1978 гг. оппозиция монархии, а затем непримиримая борьба против нее перекрывали все расхождения. Немалую роль в этом сыграла и позиция Хомейни, ставшего в силу своей непримиримо антишахской позиции признанным лидером движения. Находясь за границей, он делал такие общие и неопределенные заявления, которые позволяли почти каждой социальной – да и политической – группе видеть в них то, что она хотела видеть. В глазах светских оппозиционных сил он представлялся хотя и суровым,

но в целом довольно безбидным стариком, который волей случая оказался во главе движения, не понимая его целей и механизмов. Многие интеллигентские группы как либерального, так и леворадикального направления считали, что умные и образованные советники из их среды могут направить его активность в желаемом направлении. В то же время для "базара" и городских бедняков жизнь, деятельность и сам облик Хомейни служили примером подлинного служения истинным ценностям ислама. В итоге по мере роста оппозиционных настроений среди народа все силы, в той или иной степени выступающие против шахского режима (нередко — незаметно для себя), стали подпадать под влияние Хомейни и зависеть от его решений.

Крах шахского режима. Между тем шах (и его покровители), не понимая глубины и широты процессов, ведущих к изоляции режима личной власти, упорно стремились сохранить его в неприкосновенности. Огромные и тщетные усилия, прилагаемые для этого, еще больше ослабляли поддержку монархии среди населения и подрывали эффективность репрессивного аппарата.

В течение всех лет "Белой революции" лояльность по отношению к личности шаха служила важнейшим условием продвижения по службе и повышения в звании. Подобная система существовала и в полицейском, и в бюрократическом аппарате. С целью предотвратить превращение армии, полиции и бюрократии в самостоятельные силы, потенциально способные выступить против шаха, их ключевые фигуры постоянно менялись. Руководителями ведущих департаментов и государственных компаний нередко назначались люди, враждебно относящиеся друг к другу, а выполнение ответственных заданий и выгодных проектов поручалось не одному, а сразу нескольким ведомствам. Все это порождало в рядах армии, полиции и бюрократии апатию, недоверие друг к другу, желание переложить ответственность за принятие важных решений на самого шаха. Чем больше и внушительнее представлялся репрессивный аппарат, чем более современная техника появлялась у него на вооружении, тем более безынициативным и недееспособным он становился.

Свою оборотную сторону имела и активная интеграция Ирана в международные экономические отношения, делавшая шахский режим очень зависимым от международной экономической и финансовой конъюнктуры.

Его позиции подрывала и новая политическая обстановка в мире во второй половине 70-х годов. С одной стороны, на фоне волны национализма в "третьем мире" сдвиги в сторону самостоятельности в рамках прозападного внешнеполитического курса представлялись в глазах патриотически настроенных иранцев явно недостаточными. С другой, возникала опасность, что новая американская администрация Картера, взявшая на вооружение доктрину защиты прав человека, посчитает необходимым содействовать приходу к власти более либерального режима. А возможности подобного рода в ситуации военной (и экономической) зависимости Ирана от США казались достаточно реальными.

Весомым аргументом в пользу вероятности такого варианта служили воспоминания об организации США военного переворота в Иране в 1953 г. Правда, США тогда спасли монархию, теперь же, учитывая новые приоритеты, они могли и пожертвовать ею – в частности в расчете на приход к власти либеральной интеллигенции, которой всегда были близки ценности американской демократии.

Ухудшение нефтяной конъюнктуры в мире в 1977–1978 гг.; падение доходов от нефти, ограничивающее возможности финансирования различных слоев населения "сверху"; общий подъем антиавторитарных настроений и движений в мире; попытка шаха в какой-то мере соответствовать политике Картера; опасения американцев, что своим вмешательством они породят новый Вьетнам, только теперь уже на Ближнем и Среднем Востоке, – все это высвободило инициативу мощных сил оппозиции. Начавшиеся открытые выступления против шаха привели в движение даже те слои, которые не принимали ранее активного участия в движении. Если в первое время открыто протестовали лишь представители интеллигенции, "базара", городских люмпенов и духовенства, то теперь к ним присоединились рабочие. Мечеть все чаще становилась местом собраний оппозиционеров. Отсюда раздавались призывы к свержению шаха, здесь распространялись революционные воззвания, начинались антиправительственные демонстрации, волна за волной катившиеся по городам страны. Расстрелы, массовые репрессии в шиитской стране становились факторами все более широкой мобилизации масс. Немалое воздействие на ситуацию оказал и коммунистический переворот в соседнем Афганистане, свергший президента Дауда, внешнеполитического союзника шаха. Оказавшись неожиданно для себя, да и для всего мира перед лицом начавшейся народной революции, шах становился все более деморализованным и неспособным к решительным действиям. Попытки достичь компромисса с верхушкой духовенства и либеральной интеллигенцией были сорваны как антишахскими настроениями внутри Ирана, так и непримиримой позицией аятоллы Хомейни.

Таким образом, уверовав в возможность неопределенно длительного сочетания социально-экономической модернизации с политическим авторитаризмом ("необходимым для модернизации"), сделав ставку на силу (свою и своих союзников), шахский режим постепенно оказался в социально-политическом вакууме. В 60-е годы большинство населения поддержало шахские реформы (пусть не всегда безусловно и активно). В первой половине 70-х эта поддержка уступила место разочарованию, а в конце 70-х – пассивному и активному неприятию. Против шахского режима объединились и принципиальные противники "вестернизирующей модернизации" (давшие движению массы), и сторонники альтернативной (революционно-коллективистской) модернизации и – с большими колебаниями – приверженцы политической либерализации. Столь широкого и синхронно действующего фронта борьбы против авторитарно-модернизирующей власти новейшая история "третьего мира", пожалуй, не знала.

Отвергнув "Белую революцию" и приняв пришедшую ей на смену "революцию исламскую", иранское общество отнюдь не отвергло ни модернизацию, ни авторитаризм. Стабилизировав ситуацию, частично перераспределив собственность и создав новую структуру власти, исламский режим продолжил модернизацию страны, но в формах, приемлемых, если не для всего, то для большинства ее населения.

¹ История Ирана. М., 1977. С. 435.

² МЭиМО. 1976. № 6. С. 129.

³ Иванов М.С. Иран в 60–70-х годах XX в. М., 1977. С. 67.

⁴ МЭиМО. 1976. № 6. С. 127.

⁵ Агаев С.Л. Социально-политические предпосылки падения монархии в Иране // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1981. С. 55.

⁶ Иранская революция 1978–1979 гг.: Причины и уроки. М., 1989. С. 16.

АВТОРИТАРИЗМ НА ОСНОВЕ ШИРОКОГО КОНСЕНСУСА

В настоящей главе речь идет об авторитарных режимах, модернизаторская политика которых в течение длительного срока пользуется устойчивой поддержкой населения и осуществляется относительно единой и достаточно широкой элитой (в среде которой нет серьезных разногласий). Лишь на заключительных фазах своего существования (Тайвань, Мексика, Таиланд) в ходе успешной экономической модернизации и в результате начавшейся (или начатой сверху) политической либерализации позиция правящей элиты оспаривается относительно массовой оппозицией, которая до сих пор ни в одной из этих стран не овладела полнотой власти. В Сингапуре – даже не претендует на это.

В этой связи прежде всего возникает вопрос: если консенсус столь широк – почему же авторитарен режим? Думается, что ответом на вопрос являются:

устойчивость традиционной политической культуры (страны Юго-Восточной Азии);

реальное воздействие внешнего, военно-политического фактора (Тайвань, ЮК);

и – last but not the least – корпоративный интерес правящей элиты, стремящейся не подпустить соперничающие группы к кормушке монополизированной власти.

Соответственно трем исходным идеологическим аргументам для такого рода политических режимов выступают: верность культурно-политической традиции; "угроза коммунизма"; единственная (или основная) правящая партия как выразитель "воли народа". Со временем к ним присоединяются два других: экономические успехи, поддержание которых требует стабильности власти; отрицание недемократичности системы, допускающей какие-то гражданские свободы, регулярность выборов и пр.

Для режимов этой группы характерна жесткая однопартийная система – достаточно массовая, проникающая во все клетки общества, окруженная сетью фактически подчиненных ей и исповедующих ее идеологию массовых организаций. Партия, по сути, составляющая единое целое с государством и руководимая единоличным лидером. Кое-где – в Мексике, например, – эта система была дополнена фиктивным листком формальной многопартийности. В других же случаях функционировала двухпартийная система, через которую осуществлялось единоличное господство армии (Таиланд). Как правило (исключение представляет, по-видимому, Сингапур), второй составляющей политической системы являлось сохранение и широчайшее раз-

витие патронажных отношений с характерным для них господством коррупции.

Наиболее деликатную реальную проблему для большинства режимов данной группы (в пору широкого консенсуса) составляли отношения власти с буржуазией. С одной стороны, данные режимы в отличие от топологически родственных им революционно-этатистских (социалистических, социалистически-ориентированных) режимов почти никогда не покушались на частную собственность, всячески стимулировали развитие капиталистической экономики.

С другой – это были режимы жесткого этатистского управления экономикой, более или менее мощного госсектора, что отнюдь не всегда радовало "частную" буржуазию. Главное же, правящая элита, "буржуазия власти", не подпускала частнобуржуазные круги к рычагам государственного управления, политической сфере, остававшейся в руках этатистских групп – партийно-технократических и военной. На этой почве возникало почти постоянное поле напряжения, усиливавшееся в случае проведения государством популистской (перераспределительной) политики. По мере усиления буржуазии в ходе экономической модернизации давление с ее стороны нарастало, а затем нередко переплеталось с массовым демократическим движением или взаимодействовало с ним. Эти процессы и стали главным внутренним стимулом к либерализации и главным руслом ее – за исключением сравнительно краткосрочных, хотя очень важных, эпизодов, когда "демократизация снизу" становилась определяющим фактором (1969 и 1988 гг. в Мексике, 1992 г. в Таиланде, 1980 и 1987 гг. в Южной Корее), в основном же правящая элита удерживала и держит процесс либерализации под своим контролем. Отсюда постепенность и длительность политической модернизации именно в этих странах: в каждой из них качество авторитарности по-прежнему присуще правящему режиму, хотя формы ее значительно смягчились и бесспорна сама переходность нынешней политической системы, как и общественных структур в целом.

3.1. ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ

(Таиланд)

Таиланд XX в. часто называют страной "нестабильной стабильности". "Нестабильность" проявляется в частых военных переворотах, смене руководства страной. Стабилен же политический и экономический курс власти, ее приверженность идее капиталистической модернизации.

В основе подобного сочетания то обстоятельство, что смена правящих классов и групп происходила в Таиланде без крупных народных выступлений, революций. Основная масса населения страны сохраняла политическую инертность, безразличие, наблюдая со стороны за исходом борьбы политических клик. Это и обеспечивало последователь-

ность и относительную плавность прохождения этапов капиталистического развития. Чем же можно объяснить подобную пассивность масс? Политической незрелостью классов, их неспособностью осознать и отстаивать свои интересы? Или же причину надо искать не только в социальной структуре общества, но и в самой психологии тайцев, в особенностях их традиционного мышления и поведения. Решающую роль в процессе модернизации в Таиланде играет включение в практику социально-экономических и политических отношений традиционных форм межличностного взаимодействия, реализованных в системе патронажа.

Традиция и политический процесс. Понятия "большой" – "маленький" человек, "патрон – клиент", ставшие основой мировоззренческих установок тай, формировались в ходе исторического развития страны, как результат деления общества на неоднородные по своему положению и статусу группы. Специфика патронажных отношений в Таиланде проявляется прежде всего в их религиозной, морально-нравственной обусловленности. Положение индивидуума в обществе воспринимается через призму накопленных им религиозных заслуг.

В то же время значение патронажной формы организации тайского общества выходит за пределы поддержания устоявшихся социальных связей. Наоборот, заложенный в патронажной системе механизм регулирования социального взаимодействия за счет подвижной организационной структуры ("рыхлости"), возможности перегруппировки сил и появления нового лидера облегчает социальное обновление правящей власти, отражающее изменения, происходящие в самом обществе.

Усиление позиций того или иного класса и реализация его стремлений к власти осуществляется в рамках патронажных отношений. Сохраняется модель, система социальных связей, но меняются ее действующие лица. Поэтому можно говорить о том, что патронажные отношения облегчают процесс плавного перехода общества от одного уровня социально-экономического развития к другому.

Организационное единство тайландского общества, державшееся на этих традиционных отношениях, сохраняло свою устойчивость на различных этапах распространения капитализма.

Избежав участи большинства развивающихся стран, ставших колониями, Таиланду удалось отстоять национальную независимость, целостность государства, свои традиции и приступить к реформированию общества еще в конце XIX в.

Переход страны от одной модели политического устройства (абсолютной монархии) к другой (конституционной монархии) произошел достаточно безболезненно. Буржуазная революция 1932 г., выдвинувшая на лидирующие позиции сторонников капиталистической модернизации, носила сугубо верхушечный характер. Процесс передачи власти ограничивался перестановкой сил внутри бюрократического аппарата.

Становление бюрократической системы. "Бюрократическая политика" (принятое определение модели политического устройства Таиланда) вобрала в себя многие черты традиционной политической куль-

туры. К моменту осуществления буржуазной революции 1932 г. в стране уже сложилась система политического и административного управления, иерархически закрепляющая взаимосвязи в обществе – король – бюрократия – народ. Отстранив короля от верховного руководства страной, бюрократия вписалась в систему власти, не подвергнув ломке устоявшуюся модель управления, и в отсутствие других соперничающих за лидерство сил сосредоточила власть в своих руках.

Власть бюрократии была практически бесконтрольной, не испытывая ни сопротивления, ни давления "снизу" и в течение десятилетий не сталкивалась с серьезной оппозицией внутри самой политической элиты (разногласия между гражданской и доминирующей военной бюрократией по сути дела отсутствовали). Консенсус внутри политической элиты определял прочность бюрократического режима.

Вместе с тем бюрократический режим не пошел на полное уничтожение институтов представительной власти, сформированных в результате буржуазной революции 1932 г. Был избран другой путь – демократические институты оказались поставленными на службу бюрократической власти.

Был провозглашен принцип разделения властей – законодательной (Народная Ассамблея), исполнительной (кабинет министров) и судебной. И хотя все рычаги реальной власти сосредоточились в руках премьер-министра (и стоявшей за ним военной бюрократии), Ассамблея сохранялась даже в периоды усиления авторитарных тенденций, создавая видимость демократии в стране (тайландское руководство всегда заботилось о своем престиже за границей). Вместе с тем деятельность Ассамблеи, не внося серьезных изменений в общую расстановку политических сил, помогала расширить социальную опору бюрократии, снять напряженность в политических кругах, интегрируя в политическую систему оппозицию (которая до конца 50-х годов в основном ограничивалась бывшими участниками революции 30-х годов, сохранявшими приверженность идеям демократии)¹.

В самой структуре законодательного органа был заложен механизм, обеспечивающий защиту интересов бюрократической власти. Лишь половина членов законодательного органа избиралась всеобщим тайным голосованием, остальные – высшие сановники гражданской и военной службы – назначались королем. Лояльность политическому режиму и со стороны избранных депутатов обеспечивалась тем, что большинство партий, участвовавших в выборах (за исключением Демократической, созданной в 1946 г.) опять-таки формировалось при поддержке и указке бюрократических клик.

К тому же в избирательной кампании успешно использовалась традиционная система патронажных отношений. Голоса отдавались не той или иной партии, а "большому" человеку, связь которого с избирателями устанавливалась либо по каналам неформальных личных связей, либо с помощью подкупа (материальная услуга патрона клиентам, требовавшая от последних ответной услуги).

Возможность массовой оппозиции снизу бюрократическому правлению оставалась весьма ограниченной: основную часть населения со-

ставляло крестьянство, которое в силу анклавности распространения капиталистических отношений продолжало вести традиционный образ жизни, сохраняя веру в незыблемость традиционных политических институтов, к которым в первую очередь и относится бюрократия.

К тому же политика в рамках традиционного мировоззрения рассматривалась как сфера деятельности наиболее достойных по буддийским канонам людей (накопивших религиозные заслуги), что "морально" оправдывало их приход к власти. Аграрная по своему социальному составу страна была благодатной почвой для функционирования бюрократического режима.

Важное значение, особенно при сопоставлении с остальными странами ЮВА, сыграло то обстоятельство, что Тайланд не прошел через этап "будящего и мобилизующего" массы антиколониального движения. В итоге население осталось политически пассивным, принимающим принцип иерархического подчинения общества относительно любой власти.

Наряду с политико-культурно-психологическими факторами на формирование политического климата в стране оказала воздействие специфика социального развития страны: отсутствие земельного голода, слабая социальная дифференциация сельского общества, в котором преобладало мелкое парцеллярное крестьянство, ограничивали социальную напряженность в деревне.

Не менее важной чертой социальной реальности Таиланда являлось инациональное (в основном – китайское) происхождение буржуазии. Отсюда и исторически сложившаяся практика ее исключения из политической деятельности. Китайская буржуазия, не претендуя на лидерство, укрепляла свое экономическое могущество и реализовывала свои амбиции, играя на потребностях правящей бюрократии в упрочении экономической основы своей власти.

Стремясь к материальному обогащению, тайская бюрократия пошла на прочный, органичный союз с китайской буржуазией. Этот процесс завершился к концу 50-х годов формированием нового политического класса – бюрократической буржуазии, чьи корпоративные устремления на данном отрезке времени не противостояли тенденции поступательного движения общества, а напротив, облегчали этот процесс. И опять-таки свободу и маневренность действий буржуазия получила через канал патронажных отношений (политическая власть – буржуазия).

В силу своей инациональности и малочисленности буржуазия не могла реально претендовать на прямое участие в принятии решений. Но патронажные отношения обеспечили интеграцию китайского бизнеса с политической элитой. Частнопредпринимательские круги поддерживали бюрократию финансово, распределяя в ее пользу часть своих прибылей, приобретая взамен ее покровительство. Вводя в состав правления своих предприятий представителей высшего гражданского и военного чиновничества, китайская буржуазия сохраняла тем самым контроль над производством и ограждала себя от чрезмерного вмешательства бюрократии в свои дела. Это давало буржуазии необхо-

димую свободу действий для расширения своей предпринимательской активности. Бюрократия же сохраняла монополию на принятие решений и осуществление действенного управления постепенно модернизирующимся обществом. Подобный принцип взаимодействия внутри власти поддерживался до середины 70-х годов.

Контроль бюрократии над обществом обеспечивался не за счет применения силы и использования армии как оружия подавления оппозиции. К силе прибегали крайне редко, в основном в борьбе с партизанским коммунистическим движением на северо-востоке страны и выступлениями мусульманских сепаратистов на юге Таиланда. Даже многочисленные перевороты совершались бескровно. Эффективность бюрократической власти достигалась как пассивной поддержкой снизу, так и активной консолидацией сил внутри политического руководства.

Военный переворот – гарантия преемственности политической власти. По мнению ряда западных специалистов, процесс политического развития Таиланда шел по порочному кругу, отражая борьбу за власть между военными лидерами и сторонниками парламентской системы власти, которая вплоть до начала 70-х годов заканчивалась поражением последних². Перевес сил был на стороне армии и контролируемой ею бюрократической машины, а "порочность круга" следует скорее рассматривать как процесс стабилизации бюрократического режима, при котором демократические институты служили лишь прикрытием, "игрушкой для Запада". При этом сами военные перевороты, по сути дела, стали (в отличие, скажем, от Гвatemалы) эффективным средством стабилизации бюрократической власти.

Посредством переворотов, которые отражали внутрифракционную борьбу соперничающих между собой клик военной и гражданской бюрократии и связанной с нею крупной буржуазии, происходила перегруппировка сил внутри правящей элиты, что ограничивало возможность появления острых, ставящих под вопрос стабильность системы, противоречий внутри правящего класса. Молекулой политической системы, связывающей ее отдельные компоненты и обеспечивавшей ее механизмом регулирования и контроля над обществом, по-прежнему оставались отношения патрон – клиент. Бюрократический режим опирался на патронажные отношения и функционировал по их законам, строго соблюдая основной принцип – взаимного обмена услугами между патроном и клиентами. Преобладание военных в верхних эшелонах власти не сопровождалось подменой ими гражданской бюрократии в аппарате управления. Тесное сотрудничество между ними создавало гарантию прочности и эффективности власти³.

Сохраняя за собой общее политическое лидерство, военные предоставляли право решать основные административные задачи гражданскому аппарату, который был связан личными контактами с политической элитой. В обмен на свою поддержку армии гражданские чиновники получали свободу действий и долю прибыли. Глава департамента, приобретая покровительство сверху, практически становился хозяином

подведомственной ему организации, распределяя свою власть сверху вниз и окружая себя сетью клиентов.

Бесконтрольность верховной власти и зависимость положения клиента от наличия личной взаимосвязи со стоящим выше приводили к распространению коррупции, фаворитизма и nepотизма.

Отношения патрон – клиент обеспечивали прежде всего интересы власти – "больших людей", но при этом предоставляли возможность и стоящим ниже получать свою долю прибылей. В соответствии с принципом функционирования патронажных отношений существовала строгая корреляция между влиянием патрона и численностью его клиентов. Последняя зависит от способности патрона защитить интересы своих клиентов, будь то перераспределение в их пользу части доходов или предоставление льгот и привилегий. В то же время лидер не в меньшей степени заинтересован в поддержании клиентов. Ослабление позиций лидера вело к потере его влияния среди клиентов, которых связывала с ним не лояльность, а исключительно материальный интерес.

Перегруппировка сил в пользу нового, более сильного патрона и разрешалась переворотом, осуществляемым группой ("кана"), объединяющей несколько персональных клик с участием военных, гражданских бюрократов и бизнесменов. Группа переворота – "кана" – создавалась не на идеологической основе, а с целью реализовать стремление всех входящих в нее получить свою долю от той добычи, которую сулит захват политической власти⁴. Таким образом, отношения патрон – клиент являлись средством не только распределения, но и перераспределения национального дохода в верхнем эшелоне власти. Придя к власти, очередная "кана" расширяла сеть своих клиентов, стремясь укрепить свою базу и ограничить возможность возникновения оппозиции. При этом бюрократический аппарат не подвергался ломке или реорганизации. Эффект был другой – его разбухание. В то же время сохранялось главное – преемственность в стиле и методах управления страной при неизменном лидерстве военных в системе политической власти.

Гибкость патронажных отношений, их внутренняя мобильность ограничивали возможность концентрации власти у одного лидера в течение продолжительного срока. Это противоречило внутренним законам функционирования этих отношений. Доступ к дележу добычи должен оставаться всегда открытым. В противном случае антагонистический конфликт интересов внутри самой политической элиты был неминуем.

В то же время постоянная перегруппировка сил в верхних эшелонах власти обеспечивала и смену поколений, что облегчало внутреннюю трансформацию режима, его большую адекватность потребностям изменяющейся экономической ситуации.

Несмотря на постоянную фракционную борьбу, политическая система сохраняла прочность и потому, что неизменной оставалась ее социальная база. И главное – в подобной политической системе были заинтересованы все субъекты ее формирующие. Единство стратегических интересов социального ядра бюрократической власти – бюро-

кратической буржуазии – создавало возможность для осуществления экономической модернизации, отвечающей интересам и потребностям как непосредственно бюрократии, так и связанной с нею буржуазии.

Экономическая модернизация. Экономическая стратегия бюрократического режима в соответствии с приоритетной установкой на защиту интересов политической власти меняла свою целевую направленность и содержание, исходя из реалий исторического этапа развития.

Итогом первой фазы капиталистической модернизации стало создание государственного капиталистического сектора в экономике. Однако уже с середины 50-х годов переориентация государственной политики на новые экономические императивы была подготовлена интеграцией политической власти с крупной китайской буржуазией (см. выше).

Под воздействием политики правительства, создавшей благоприятные условия для расширения предпринимательской деятельности национальной буржуазии и увеличения инвестиций иностранного капитала в промышленное производство, наблюдается стабильный рост экономического производства, в течение 60-х гг. ВВП возрос с 1961 по 1966 г. с 55 до 97 млрд батов⁵.

С начала 60-х годов был взят курс на централизованное государственное планирование и осуществление программ социально-экономического развития, определивших приоритетные направления в экономике: создание современного индустриального сектора и диверсификация сельскохозяйственного производства. Посредством учрежденных специализированных органов – Бюджетного Бюро, Национального Совета Экономического и Социального Развития, Бюро по инвестициям обеспечивалось выполнение государством регулятивной функции в экономическом развитии.

Целям экономического роста соответствовала налоговая и внешнеторговая деятельность государства, защищавшая интересы развития отдельных отраслей национальной промышленности. Промышленность становится наиболее динамично развивающейся отраслью народного хозяйства, среднегодовые темпы роста ВВП в индустрии в 2 раза превышали соответствующие показатели в сельском хозяйстве⁶.

Пребывание американских войск на территории Таиланда в годы войны во Вьетнаме стимулировало направление возросшей суммы местного капитала в сферу разнообразных услуг, что привело к особо быстрому росту слоя мелкой и средней буржуазии и наемных рабочих. Численность мелкой буржуазии, составлявшей в 1960 г. 1,6% занятого населения, за десятилетие удвоилась⁷.

Наиболее важным социальным последствием начального этапа индустриализации и структурной перестройки народного хозяйства (60–70-е годы) стало резкое увеличение численности интеллигенции и квалифицированного сектора рабочего класса, чему в немалой степени способствовало и проведение реформы образования.

Доля работников квалифицированного умственного труда в составе самодостаточного населения возросла за десятилетие с 1,2 до 2,6%⁸.

Что же касается сельского населения, то оно было целенаправленно "сверху" включено в процесс буржуазной модернизации путем пе-

реориентации своей деятельности на товарную продукцию, имеющую экспортную предназначенность, а также путем широкого участия в осуществлении ирригационных и строительных работ.

Вторжение капиталистических отношений в деревню и связанное с этим распространение процессов социальной дифференциации не привели к росту социальной напряженности, которая "тушилась" сохранением традиционных отношений патрон-клиент и не сопровождалась отчуждением крестьян от государственной власти. Исключение составлял лишь северо-восточный район страны с сильными традициями регионализма и сепаратизма, ставший в 60–70-х годах базой распространения коммунистического повстанческого движения.

Обострение внешнеполитической обстановки в ЮВА, соседство с коммунистическим Китаем, угроза антиправительственных движений, получавших поддержку извне и активизировавших свою борьбу с правительством Таиланда в 60-е годы, сыграли не последнюю роль в стремлении режима укрепить свою власть как в центре, так и в отдаленных районах страны.

Включение в процесс капиталистического развития отдаленных районов Таиланда, находящихся ранее на положении внутренних колоний, стало еще одним результатом сдвигов 60–70-х годов. Это имело принципиальное значение не только для расширения внутреннего рынка, необходимого для развития индустрии, но и отвечало интересам целенаправленно проводимой политики сплочения (социальной, этнической) общества вокруг правящей власти.

Создание экономически и политически стабильного государства, способного защитить свою целостность, предотвратить возможность распространения коммунистического движения, регионализма и сепаратизма периферийных районов страны оставалось главной задачей режима.

При этом открытая поддержка режима руководством США морально и политически укрепила бюрократическую власть в Таиланде, а предоставленная американская военная и экономическая помощь, льготные кредиты и займы усилили финансовую базу осуществления программ экономической модернизации.

Взлет авторитарного режима. Стабильность и преемственность структур политической власти в Таиланде не означали отсутствия определенной динамики в развитии режима.

Своеобразным его "апогеем" стало правление Сарита Танарата (1959–1963) – время выхода Таиланда на мировой рынок, начавшегося переворота в экономике, модернизационной мобилизации общества под лозунгом экономического процветания и вместе с тем – время максимальной концентрации власти, принявшей характер личной диктатуры. Либерализм, заимствованные с Запада демократические принципы были отброшены даже де-юре; в стране установился режим "патерналистского деспотизма".

Используя аргумент о коммунистической опасности, Сарит упразднил все демократические институты, жестко регламентировал политическую деятельность. Впервые за треть века приход к власти новых

сил сопровождался гонениями и репрессиями, полным изгнанием из политики участников революции 1932 г., до этого контролировавших ситуацию в стране*.

Возникает вопрос, случайно или закономерно возникновение открытой диктатуры совпало с началом структурных изменений в экономике? Парадокс политической ситуации, сложившейся при Сарите Танарате, заключается в том, что именно целенаправленное использование патернализма (ранее служившее основой "мягкого авторитаризма" власти) обеспечило механизм для укрепления личной диктатуры лидера страны.

Социально-идеологической опорой военно-диктаторского режима Сарита Танарата стал государственный патернализм, с помощью которого к процессу экономического реформирования удалось активно подключить до этого пребывавшие в "капиталистической спячке" широкие слои населения⁹.

Провозглашенная на государственном уровне, опирающаяся на массовую политическую культуру и традицию идеология патернализма явилась средством мобилизации масс. Сарит придал системе власти более "традиционный" характер, заявив о своей ответственности перед народом защищать его интересы, о готовности поднять уровень его благосостояния (для чего и осуществляется экономическое реформирование). В обмен на поддержку народа проводимых реформ власть обеспечивает его своим покровительством. Сами репрессии (гарантия порядка и стабильности) объявлялись прежде всего средством для решения задач экономической модернизации.

Еще одно важное изменение в политической системе, осуществленное в этот период, — включение в структуру реальной политической власти института монархии. С этих пор монархия становится неотъемлемой частью режима и играет не последнюю роль в сохранении баланса сил, стабилизации политической обстановки и преодолении возникающих конфликтов.

Существование в течение ряда десятилетий авторитарного политического режима не противоречило основам патерналистской политической культуры. Приход к власти сильной личности был естественным с точки зрения структурной организации патерналистских отношений и отождествлялся с институтом лидера — центральной фигуры в группе патрон-клиент. Традиционная система социальной организации общества поддерживалась и укреплялась авторитарным режимом, "достроенным" (государственная идеология и новая роль монархии) в годы правления Сарита Танарата.

Новый этап буржуазной революции. Последующий период истории Таиланда можно назвать вторым этапом буржуазной революции с точки зрения изменения социально-экономической структуры общества, социально-классовых основ политической власти, соответствующей более высокой ступени развития капитализма, переход на которую был заложен в 60-х годах.

*Фельдмаршал Пибун Сонгкрам, дольше всех находящийся на посту премьер-министра с 1932 г. до конца 50-х годов, был участником буржуазной революции.

Социальные последствия форсированной индустриализации "сверху", развитие в стране в 60-х–70-х годах частнокапиталистического предпринимательства оказались в конечном счете губительными для военно-бюрократического режима. Они предопределили неизбежность трансформации политической системы, включения в нее тех социальных групп, которые резко усилились – или возникли – в ходе капиталистической модернизации и прежде всего национальной буржуазии. Система авторитарного бюрократического правления при абсолютной монополии на власть бюрократической буржуазии стала тормозить развитие частного предпринимательства. Численно выросшая и укрепившая свой экономический потенциал национальная буржуазия оставалась объектом жесткого государственного регулирования, что ограничивало ее предпринимательскую деятельность. Особенно страдали средние и мелкие группы буржуазии, чьи позиции в экономике ущемлялись крупным бизнесом, интеграционно связанным с бюрократической властью.

Социальная организация официальных патронажных групп стала подрываться за счет нарушения основного принципа взаимозаинтересованности патрона и клиентов и формирования нового лидерства.

"Разлом" в официальных связях, невозможность правящей элиты осуществлять контроль над обществом через сеть патронажных групп, усиление позиций "периферийных" клиентов – таковы были показатели нарушения взаимодействия между политическими и экономическими процессами, неадекватности системы политической власти социально-экономической основе общества. Это реализовалось в попытках национальной буржуазии оттеснить военное руководство с политической арены в начале 70-х годов.

"Демократический эксперимент" в течение 1973–1976 гг. не был поддержан основной частью населения, сохранявшей традиционные представления о власти. Политика по-прежнему оставалась предметом дележа "по силе" наверху и силы распределились не в пользу либерально настроенных групп буржуазии и средних слоев.

Перспектива полной утраты своих позиций, подкрепленная угрозой коммунистического проникновения в результате изменения ситуации в странах Индокитая и ухода американских войск с территории Таиланда, объединила правые силы в борьбе за возвращение к власти.

Но и новый, реакционный режим не мог вернуться к стабильности 1932–1973 гг. Военно-бюрократическая власть потеряла свою устойчивость – прежде всего вследствие социально-политического размежевания в военном корпусе. Социально-экономические изменения 60-х–70-х годов привели к усилению позиций молодых офицеров (средних рангов), не "завязанных" на верхушке бюрократии и китайском крупном бизнесе. Они связывали обеспечение национальной безопасности и достижение политического согласия с повышением уровня благосостояния общества, особенно его низших слоев, достичь которого предполагалось через углубление капиталистической модернизации и ее расширения на политическую сферу, либерализацию власти¹⁰.

Движимые идеей модернизаторства новые группы военных нуж-

дались в союзе с национальной буржуазией и средними слоями. Они открыли дорогу к участию в политической жизни тем слоям населения, которые раньше были от нее отстранены.

Несмотря на свой скорый уход с политической сцены (в результате неудачной попытки военного переворота в 1981 г.), "младотурки" сыграли важную роль в последующем экономическом и политическом развитии страны, приведя в действие новые, по существу, рычаги политической власти (партии, парламент) и социальные группы населения (средние городские слои, национальную буржуазию). Отныне политическая ситуация в стране определяется сосуществованием – в том числе и в механизме власти – авторитарных и демократических тенденций.

При общей – для 60-х–70-х годов и 80-х годов – направленности экономической политики (поощрение частного национального и иностранного предпринимательства) для последнего десятилетия характерна большая ориентация на интересы развития сельского населения, средней и мелкой буржуазии. В частности, правительством были приняты серьезные меры, чтобы несколько ограничить процесс монополизации капитала. Именно мелкие и средние предприятия составляют основу индустриальной базы страны¹¹. В 70-х–80-х годах наметился процесс формирования мелкой буржуазии нового типа, которая кооперируется с крупным производством, выполняя его заказы. Происходит определенное разделение труда между крупным и мелким производством.

Значительные сдвиги в 80-е годы происходят в развитии сельского хозяйства. Повышаются темпы роста сельскохозяйственного производства, укрепляется его материально-техническая база, увеличивается производство экспортных культур (кроме риса). Увеличивается доля крупных землевладельцев, среди которых, однако, по-прежнему преобладают помещики– абсентеисты. Из среды мелких аграриев растет и набирает силу прослойка кулаков, которые становятся важным элементом в структуре деревенской буржуазии.

За 1970–1986 гг. валовой внутренний продукт Таиланда увеличился с 150,1 до 391,2 млрд бат., т.е. более чем в 2,5 раза, а национальный доход в расчете на душу населения возрос за тот же период времени в 9,5 раза¹².

Развитие капитализма привело к значительному усложнению и дифференциации социально-классовой структуры. Если раньше социальная система практически распадалась на два противостоящих класса эксплуататоров и эксплуатируемых (а в традиционном восприятии на "больших" и "маленьких" людей), то в настоящее время она представляет собой сложный механизм, приводимый в действие различными классами и социальными группами, часть которых является продуктом поступательного капиталистического развития страны, а другая – лишь находится на пути к капитализму, третья – представляет собой издержки его развития.

Социальная система современного Таиланда характеризуется не столько размытостью классовых границ, пестротой социального состава

ва, сколько имеет иную, отличную от классической западной модели, форму социального взаимодействия в капиталистическом обществе. Речь идет о синтезе традиционной иерархической вертикальной модели социальной организации, основанной на межличностных контактах, на социальных группах типа патрон–клиент, и собственно буржуазной модели социального взаимодействия, распространяющейся по мере расширения пространственных границ капиталистических отношений. Поэтому и социальные процессы в Таиланде протекают как бы в двух плоскостях. С одной стороны, можно говорить о формировании новой социальной структуры, в которой объективно все более заметную роль начинают играть классы, связанные с современным капиталистическим производством. С другой стороны, можно отметить слабую классовую самоидентификацию большинства населения страны, в том числе и буржуазии.

Рост численности, укрепление социально-экономического положения буржуазии и средних слоев населения обусловили их возросшую политическую устремленность и амбициозность, что нашло свое выражение и в упрочении партийной системы. Правда, непоколебленность универсальной модели "патрон–клиент" определила своеобразный облик политических партий Таиланда. Они объединяют не единомышленников, связанных общностью политических взглядов, а политических деятелей, преследующих сугубо корыстные личные цели – получить доступ к дележу добычи – посту в правительстве.

Политические партии по-прежнему представляют собой своеобразные патронажные группы, построенные по принципу объединения во круг лидера. В то же время особенности организаций, созданных по модели "патрон–клиент", облегчали (особенно с середины 80-х годов) перегруппировку сил внутри самих политических партий, способствуя оттеснению старого руководства, связанного личными контактами с бюрократией, и появлению нового лидерства, чьи позиции обеспечивались их финансовыми возможностями. Поэтому практически во всех партиях главенствующее положение заняли представители делового мира, но в основном той его части, которая не ощущала своей зависимости от военных и стремилась к полной свободе и самостоятельности в принятии решений. Они в основном и формировали правительство страны, определяя содержание политики, становившейся все более ориентированной на интересы укрепления позиции национального предпринимательства.

Когда военные в конце 70-х годов взяли курс на либерализацию политической жизни, то они предполагали сохранение за собой лидирующее положение в тайском обществе. Однако последующее политическое развитие поставило под сомнение убежденность армии в своем политическом превосходстве.

Компромиссная модель. Та форма политической власти, которая установилась в стране с конца 70-х годов, представляет собой компромиссную модель общественного развития, в которой отражается и "разрешается" столкновение двух сил – бюрократии и армии, заинтересованных в сохранении авторитарной формы правления, и новой си-

лы – буржуазии, стремящейся к либерализации политических институтов, обеспечивающей ей доступ к механизму принятия решений. Эта форма политической власти покоится, вернее, балансирует на относительном равновесии двух сил и тенденций, но чревата угрозой дестабилизации политической ситуации.

Начиная с 80-х годов, в Таиланде функционируют как бы два реальных центра власти: парламент + правительство и армия + бюрократия. Нарушение равновесия между ними приводит к постоянному изменению приоритетных сил в политической элите (очередное укрепление позиции военных сменяется упрочением демократических институтов и т.д.).

Стремление к лидерству определяется различными мотивами у военных и буржуазии. Для буржуазии, действующей через политические партии, укрепление парламентской системы выражает ее классовые, экономические интересы. Военных же власть притягивает прежде всего как источник, основа осуществления контроля над обществом – согласно их традиционной убежденности в праве на лидерство (как единственной группы, выражающей интересы нации).

В сглаживании этих противоречий, сохранении относительного равновесия политических сил, преодолении парламентских кризисов и ограничении внутрифракционного соперничества в вооруженных силах огромная роль принадлежала Прему Тинсуланону, сохранявшему пост премьер-министра в течение восьми лет. Искусный политик, пользующийся поддержкой короля, он смог обеспечить себя достаточно широкой политической базой¹³.

Однако по мере того как политические партии набирали опыт и расширяли свое влияние в стране (включая и отдаленные районы), поддерживаемая "сверху" стабильность компромиссной модели стала подтачиваться изнутри. В 1988 г. премьер-министром Таиланда стал Чатичай Чунхаван, крупный бизнесмен, лидер ведущей политической партии – Тайской национальной партии.

Традиционная организационная раздробленность партий с конца 80-х годов стала постепенно преодолеваться за счет все большей концентрации сил у ядра политической власти – Тайской национальной партии, представляющей главную опору руководства страны и пользующейся наибольшим влиянием в парламенте. Партия распространила свое влияние вширь и вглубь страны, обрастая все большим количеством своих сторонников (тех же патронажных объединений). Вместе с тем это укрепляло власть и авторитет самого руководства, чему в неменьшей степени способствовала и его политика, направленная на региональное развитие и поощрение инвестиций частных капиталовложений в ориентированную на экспорт экономику.

Экономическим результатом политики правительства стали рекордные темпы экономического роста, а политическим (1988–1991) – стабилизация парламентской системы власти. Это и побудило военных заговорить о создании в стране парламентской диктатуры. Влияние премьер-министра (а им впервые за 12 лет стал избранный представитель деловых кругов, а не назначенный королем военный) и его ближайшего

окружения переносилось на всю систему власти. Среди политических деятелей росла уверенность, что демократическому развитию страны не угрожает больше вмешательство военных. Поэтому переворот, осуществленный военными в феврале 1991 г., застал всех врасплох. Но, как это бывало и раньше, не встретил особой оппозиции в обществе и прошел бескровно без единого выстрела.

Военный переворот 1991 г. – возврат к старому или продвижение к демократии? Распустив Национальную Ассамблею и сосредоточив ключевые позиции власти в своих руках, военные предприняли попытку вернуть общество к балансу сил образца конца 70-х годов.

Весьма характерной была реакция на переворот со стороны политических партий страны. Ослабление позиций лидера приводит к расколу партий, появлению фракций, массовому дезертирству и созданию новых политических группировок. Этот процесс и проявился в массовом масштабе после военного переворота 1991 г. Ряды партий, находящихся в оппозиции к руководству страной, поределели вследствие массового перехода партийных функционеров в другие объединения, пользующихся поддержкой военных.

Крупная буржуазия не только не оказала отпора силовым действиям военных, но, сориентировавшись в новой обстановке, пошла на союз с ними, соблюдая традиционные правила политической игры.

Военные, назначив новый состав парламента, не запретили, однако, деятельность политических партий и, сохранив внешние атрибуты демократии, не противопоставили себя – как корпорацию – гражданским политикам. Их цель была другой – восстановить свой традиционный статус в политике и обеспечить защиту своих интересов через интеграцию с национальным предпринимательством. Она и была достигнута традиционным способом: новый лидер – новое окружение. Не ломая уже сложившейся и устоявшейся политической системы, военные в течение года после переворота использовали положение лидера, чтобы укрепить свое влияние в политических институтах и прежде всего в партиях. Контролируя ситуацию в стране, военные обеспечили себе политический альянс с крупной буржуазией. Были созданы новые партии, поддерживающие военных, в других партиях произошла новая замена лидерства, на этот раз – в интересах военного руководства¹⁴.

Еще до проведения новых всеобщих выборов партия "Солидарность", основанная военными, предложила ведущим партиям крупного бизнеса – Тайской национальной и Партии социального действия – формирование коалиционного правительства, в которое в дальнейшем вошли и обвиненные (в 1991 г.) военными в коррупции представители разогнанного ими год назад правительства. Хотя Тайская национальная партия играла ведущую роль в политическом развитии страны в период с 1988 по 1991 г. и являлась ядром прежнего правительства, но после военного переворота и замены партийного руководства она без колебаний приняла приглашение войти в правительственную коалицию.

Политическая борьба на выборах проходила по традиционной схеме – покупка голосов избирателей, которые привычно отдавали

предпочтение не партии, а лицу, ее представляющему. Этим и объяснялось стремление многих партий перетянуть на свою сторону наиболее заметных и влиятельных политических деятелей. Поэтому те партии, которые пошли на сотрудничество с властью военной, получили преимущества в избирательной борьбе. Парламентские выборы в марте 1992 г. и продемонстрировали победу, хотя и не очень внушительную, нового альянса крупной буржуазии с военными.

Круг, казалось бы, замкнулся. Те группы военных, которые пошли на политическую либерализацию в конце 70-х – начале 80-х годов, впоследствии оказались вне политических партий, а соответственно и лишенными политического взаимодействия с буржуазией. Их попытки создать собственные политические структуры и расширить свое влияние, особенно в сельских районах, оказались неудачными в основном из-за внутриармейского соперничества. Политическая неконкурентоспособность военного руководства с партиями крупного бизнеса становилась все более очевидной. Это ущемляло не только политические, но и экономические интересы военных. После переворота и проведения всеобщих выборов в 1992 г. конфликт политических интересов военных лидеров с крупным капиталом стал преодолеваться с помощью расширения влияния и участия военных в партийных организациях.

Существовавшее ранее неприятие военными партий и парламента упиралось лишь в вопрос о власти. Декларации военных о коррумпированности партий, о защите интересов среднего и мелкого предпринимательства, об особом тайском пути развития демократии канули в небытие, стоило лишь военным укрепиться в существующей политической системе. Поэтому и экономическая политика военного руководства в течение года после переворота сохранила преемственность с линией прежней (буржуазной) власти.

Этим, наверное, и можно объяснить отсутствие мощной оппозиции военным со стороны крупной буржуазии, не видевшей угрозы своему экономическому положению в расширении участия военных лидеров в партийной системе.

Казалось бы, воссоздание политического блока крупной буржуазии с военными должно было придать политической системе большую устойчивость в рамках действующей парламентской модели политического управления. В то же время демократия существовала бы явно в урезанном виде. Военные сами и через своих соратников в парламенте не прекращали попыток легализировать свою роль в политической жизни страны путем внесения поправок в конституцию. Это прежде всего касалось расширения полномочий назначаемого сената, в составе которого значительна доля военных, и закрепления положения о назначаемом премьер-министре, не избираемом всеобщим голосованием.

Удельный вес военных в политической жизни страны вновь возрастал, но в общих чертах политическое развитие укладывалось бы в привычную (до 1988 г.) схему и оживлялось бы соперничеством партийных клик крупной буржуазии. Можно лишь предположить, что если премьер-министром был бы утвержден Наронг Вонгван, выдви-

нутый коалицией из пяти партий, то Таиланд избежал бы кровавых столкновений в мае 1992 г.

Однако на этот пост был назначен бывший главнокомандующий вооруженными силами и вдохновитель военного переворота 1991 г. Сучинда Крапраюн, что и нарушило тот баланс политических сил, на котором основывается компромиссная модель политического развития. (Тем более что политическое кредо нового премьера было достаточно хорошо известно. Он поддерживал идею ограничения полномочий демократических институтов и внесения поправок в конституцию, проект которой стал предметом жарких дискуссий.)

Последнее десятилетие политического развития Таиланда свидетельствовало о том, что именно главе правительства принадлежала главная роль в поддержании и сохранении равновесия соперничающих и сотрудничающих друг с другом политических сил. Сначала Чатичай Чунхаван нарушил этот баланс, укрепив положение парламентских институтов и тем самым вызвал ответную реакцию военных. Теперь же назначение Сучинды Крапраюна давало столь же явный перевес военным. Границу недозванного перешли не тогда, когда новый премьер отдал приказ стрелять в многотысячную толпу демонстрантов, требовавших его отставки, а тогда, когда он занял этот пост, породив в обществе сознание реальной опасности монополии военных на власть.

События мая 1992 г., массовые демонстрации жителей Бангкока с требованием ухода Сучинды и принятия демократической конституции приняли неожиданно драматический оборот. Военные нарушили заповедь — бескровие. Десятки убитых и сотни раненых — таков был итог столкновения армии с народом. Новая волна массового возмущения открыла дорогу победе демократических сил. Сучинда подал в отставку; была принята поправка к конституции, согласно которой пост премьер-министра мог занимать лишь избранный депутат.

Решающую роль в решении возникшей конфликтной ситуации принадлежала тайландскому королю. Выступив в роли арбитра между враждующими сторонами, ему удалось добиться компромисса.

Подобно тому, как в начале 70-х годов падение режима военной диктатуры было связано с первым этапом социально-экономической модернизации общества, так и май 1992 г. был в конечном счете — порождением экономического бума 80-х годов, укрепления позиций средних городских слоев, выступающих за демократизацию политической жизни в Таиланде. В отличие от начала 70-х годов современные средние слои города сформировались уже в условиях политического либерализма и ощутили на себе плоды демократических преобразований.

Но почему, встретив спокойно военный переворот в 1991 г., те же самые люди столь активно встали на защиту демократии через год? Одной из причин этого была сама личность Сучинды Крапраюна, не пользовавшегося доверием общества. Но еще большую роль сыграло появление у оппозиции сильного лидера, бывшего губернатора Бангкока, отставного генерала Чамлонга Сримуанга. Его партия "Паланг Дхармма" на выборах завоевала 32 из 34 мандатов в Бангкоке. То, что

Движение за народную демократию, сформированное оппозицией, получило сильного лидера, который, оставаясь верным традициям буддийской морали, отстаивал демократические ценности, придало ему организованность и массовость.

События мая 1992 г., безусловно, явились поворотным моментом в политическом развитии страны, создав условия для упрочения парламентской политической системы. Быть может, историк будущего назовет их исходным пунктом подлинной демократизации страны: политика перестала, наконец, быть уделом меньшинства.

- ¹ *Wilson D.* Politics in Thailand. N.Y., 1966. P. 201–211, 241.
- ² *Sucht B.* The military in Thai politics. Singapore, 1987. P. 6.
- ³ *Likhit D.* The bureaucratic elite of Thailand. Bangkok, 1978.
- ⁴ *Wilson D.* Op. cit. P. 246–251.
- ⁵ *Likhit D.* Social change and contemporary Thai politics: An analysis of inter-relationship between the society and the polity. Bangkok, 1984. P. 11, 15–17.
- ⁶ Rural development in North-East Thailand: Case studies of migration, irrigation and rural credit / Ed. M. Parnwell. Hull, 1986. P. 94–96.
- ⁷ Industrial distribution of labour force and income in Thailand: Change in the process of economic growth, Bank of Thailand. Bangkok, 1979. P. 4–5.
- ⁸ United Nations statistical yearbook for Asia and the Pacific, 1976. Bangkok, 1976. P. 470; Thailand, statistical yearbook, 1972–1973. Bangkok, 1977. N 30. P. 102.
- ⁹ *Likhit D.* Social change... P. 6–10.
- ¹⁰ *Suchit B.* Op. cit. P. 42, 43.
- ¹¹ UNIDO. Industrial development review series. Thailand, 1986. N 4.
- ¹² Far Eastern Econ. Rev. 1986. Vol. 134, N 41. P. 67–69; Экономика стран Юго-Восточной Азии. М., 1989. С. 174–176.
- ¹³ *Kramol T.* Toward a political party: Theory in Thai perspective. Singapore, 1982.
- ¹⁴ Bangkok Post. 1990. July 28.

3.2. "КОРЕЙСКОЕ ЧУДО"

(Южная Корея 60-х – 70-х годов)

Причины переворота 1961 г. "Аграрный обрубок с голодным и нищим населением" – так характеризовал Южную Корею первых послевоенных лет советский журналист С. Агафонов. "По существу весь промышленный и сырьевой потенциал, существовавший в Корее до войны, оказался "при разделе" на Севере... Люди питались древесной корой и крысиными тушками..."¹.

Весьма жесткий и авторитарный, но формально демократический режим, сумевший уцелеть в войне, начатой в 1950 г. нападением Севера, лишь благодаря решающей поддержке США, в основном держался на авторитете сильной личности старого, заслуженного "отца нации" – Ли Сын Мана. По мере того как мистика корейской войны стала отходить в прошлое, тяжелейшая экономическая ситуация и деспотические замашки одряхлевшего режима вызвали к жизни первое из мощных студенческих выступлений, которыми страна прославилась в последующие годы. 19 апреля 1960 г. режим Ли Сын Мана пал. Но уже

через год сменившее его правительство, основанное на принципах парламентаризма, но уже не обладавшее ни исторически завоеванным авторитетом, ни жесткостью и цепкостью, ни умением находить общий язык с вооруженными силами, было свергнуто военными. Переворот 16 мая 1961 г. впервые – и надолго – привел к власти армию.

В Корее – стране конфуцианской традиции – военная профессия никогда не была престижной, и в новом государстве армия вначале играла довольно скромную роль. Офицеры были выходцами из деревни и малых провинциальных городков. Трехлетняя война резко подняла авторитет армии, но вскоре ореол военных стал тускнеть; материальное положение военных ухудшалось. Все это не соответствовало, по представлениям высших офицеров, месту, которое должна была занимать армия – "спасительница отечества". Здесь – главный, профессионально-корпоративный мотив переворота. Военных подталкивал к перевороту и сам общественный фон: политическая нестабильность, беспорядки и "брожение умов", кризис государственной власти.

Такого рода кризис не обязательно должен проявляться в непосредственной угрозе бунта, революции, развала страны. Чаще речь идет о ситуации, предшествующей подобным потрясениям. Слабое гражданское правительство, потерявшее всякий общественный авторитет в результате некомпетентности и коррумпированности... Резкое ослабление "обруча", стягивающего воедино государство; возникновение политических сил, открыто бросающих вызов власти (в южнокорейском случае – бунтующее студенчество)... Растущие опасения, что дальнейшее ухудшение ситуации может сделать непоправимо ослабленное государство жертвой "постоянного" внешнего врага... Падение дисциплины в самой армии... Все это было налицо в Южной Корее в начале 60-х годов и как бы нейтрализовало (в сознании офицеров) уважение к конституции и законности. Тем более что в молодом государстве не существовало укоренившихся традиций демократии, разделения властей.

В мае 1961 г. Верховный совет национальной реконструкции (примерно тридцать офицеров, включая высшее командование) взял власть в свои руки. Чувствуя, что общество не слишком доверяет армии в ее новом качестве господствующей политической силы, военные сразу же пообещали скорое возвращение к гражданскому правлению и назначили на конец 1963 г. всеобщие выборы. Однако время, оставшееся до выборов, военные использовали для создания своей собственной политической организации – Демократической республиканской партии (ДРП), которую они же – сняв мундиры – и возглавили. После выборов в октябре 1963 г., давших ДРП большинство в две трети в парламенте, пост президента занял лидер военной хунты Пак Чжон Хи. Так возник новый военный режим, ключевую роль в котором играли генералы, "трансформировавшиеся в политиков". Его "мозговым трестом" стало Центральное разведывательное управление (ЦРУ), которое возглавил создатель ДРП генерал Дж.П. Ким. Примерно тысяча гражданских лиц – молодых учителей, профессоров, журналистов, государственных

служащих – прошли специальную подготовку в "подпольном центре", созданном ЦРУ.

Форсированная социально-экономическая модернизация. "Когда в 1961 г. новое правительство начало формулировать политику экономического развития, ощущалась нехватка капитала. Уровень внутренних сбережений был крайне низок. Помощь извне быстро уменьшалась как в количественном, так и в качественном отношении. Деловой мир не пользовался доверием общества, нехватало предпринимательских талантов"². Бушевала инфляция. На первых порах правительство Пака рассматривало ее как неизбежную цену, которую приходится платить за подъем экономики. Позже стало ясно, однако, что без обуздания инфляции экономический рост крайне затруднен. В результате ряда реформ 1964–1965 гг. (изменение обменного курса валюты; реформа процентной ставки и др.) удалось преодолеть финансовый кризис. С 1965 по 1969 г. доля банковских депозитов в ВВП поднялась с 10 до 30%, общая сумма депозитов выросла в 7 раз, а реальный ВВП увеличился на 57%³.

"Вместо абстрактной демократии народу был предложен конкретный план экономической стабилизации, который не обещая свободы, открывал реальную возможность вырваться из нищеты и получить в достатке "хлеб насущный"... С самого начала у южнокорейской военной диктатуры обозначилась своего рода "экономическая специализация", а репрессивные институты, сориентированные на подавление инакомыслия, играли функцию второстепенную, обеспечивая спокойный социальный фон для интенсивной экономической деятельности. В голодную пору о демократии никто на уровне массового сознания не тосковал"⁴.

Среднегодовые темпы роста валового национального продукта, составлявшие в период 1953–1961 гг. 4,5%, выросли в 1962–1967 гг. до 8,7%, а в последующее пятилетие – до 11%⁵. Это было достигнуто ценой временного ущемления интересов широких масс населения. "Если бы люди получали высокую зарплату, – пишет автор исследования о корейской экономике, – то ни интенсивность труда, ни сверхпродолжительная рабочая неделя не обеспечили бы корейской экономике того сравнительного преимущества в производительности, которое она получила"⁶.

Организатором капиталистической модернизации в Южной Корее стало государство, жестко регламентировавшее экономический процесс, ограничивавшее действие рыночного механизма, в частности лицензирование инвестиций, экспортные субсидии, регулировавшее внешнеторговые операции и контролировавшее цены. Формирование монополистических объединений в индустрии было в большей степени результатом деятельности государства, чем свободной конкуренции.

Вместе с тем государство энергично поддерживало мелкое предпринимательство. Именно на него (а не на крупный капитал) был сделан упор в деревне. Активно вмешиваясь в сельское хозяйство, государство стремилось избежать резкого расслоения деревенского населения, обезземеливания и пауперизации крестьянства, насколько возможно

мобилизовать внутренние ресурсы в рамках системы мелкого крестьянского землевладения, сложившейся после аграрной реформы. Больше поощрялось кооперирование, чем создание крупных фермерских хозяйств. Производилась централизованная закупка сельскохозяйственной продукции, причем закупочные цены неоднократно повышались в ущерб городскому потребителю. Такое перераспределение дохода в пользу крестьян обеспечивало режиму прочную социальную базу в деревне. Большие усилия прилагались и для сохранения традиционного сектора экономики, ставшего своего рода отдушиной, отстойником пауперизма и единственно возможной сферой приложения труда огромной армии мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников, надомников и т.д. Всего быстрее росла занятость в сфере услуг.

Экономический подъем страны недаром породил термин "корейское чудо". Среднегодовые темпы роста ВВП в Корее в последние десятилетия были близки к 10%. Доля промышленных отраслей в составе ВВП превысила 40%⁷. ВВП в расчете на душу населения за три десятилетия вырос более чем в 20 раз и превысил 2 тыс. долл. Занятость в промышленности более чем удвоилась.

От стратегии импортзамещения правительство перешло к поощрению экспорта. Протекционистские барьеры были устранены. С 1965 г. стоимость экспорта выросла почти в 800 раз, а доля экспорта в ВВП уже в 1980 г. выросла с 3 до 32%⁸. "Поощрение экспорто-ориентированного типа роста со стороны правительства не сводилось лишь к манипулированию стимулами. Экспортеры получали постоянную поддержку со стороны субсидируемой правительством Корейской корпорации поощрения торговли. Правительство устанавливало ежегодный показатель экспорта, который должен быть достигнут, с подробной разбивкой по видам товаров, указывало, на какие рынки следует проникать и каким именно фирмам. В министерстве торговли и промышленности имелось специальное бюро по оценке экспортной ситуации, скрупулезно анализировавшее достижения отдельных фирм в области показателей экспорта"⁹.

Как мы видим, во всем – от поддержания традиционных отраслей до обеспечения фантастического роста экспорта – на первом плане фигурирует правительство. Исследователи подчеркивают наличие "сильного правительства, способного обеспечивать политическую стабильность и тем самым сводящего к минимуму неуверенность деловых кругов; правительства, которое способно добиться таких перемен и преобразований, которые были бы не под силу более слабой власти, раздираемой фракционной борьбой"¹⁰. "В Южной Корее процветающая и динамичная группа частного предпринимательства действует по указаниям правительства, но нет даже вопроса о том, кто задает тон; это – правительство"¹¹.

"Быстрая индустриализация в Корее привела к появлению группы разветвленных, включающих в себя целый ряд фирм объединений, обладающих значительным уровнем экономической концентрации. Но эти конгломераты явно находятся в более слабом положении по

отношению к правительству, чем в большинстве других азиатских стран, частично благодаря тому, что правительство контролирует выдачу кредитов и кроме того, необходимо его разрешение на получение внешних займов. В Корее нет ничего похожего на предвоенные японские дзайбацу... В сфере управления государственными предприятиями также видна твердая рука правительства... обо всех случаях серьезной несостоятельности в госсекторе немедленно сообщается самому президенту"¹².

Все исследователи отмечают большую роль созданной под эгидой правительства бюрократическо-технократической элиты, прошедшей подготовку в Соединенных Штатах и не возражавшей против авторитарных методов правительства, коль скоро эти методы способствовали ускорению экономического развития. "Эффективная бюрократия, — замечает корейский ученый, поддержанная авторитарным режимом, оказалась движущей силой замечательного экономического роста Кореи"¹³.

В ходе индустриализации появилось множество рабочих мест, возникали все новые и новые фирмы, множество людей нашло пути для реализации своих замыслов¹⁴. Все понимали, что своим благополучием они обязаны действиям правительства, и соответственно социальная база режима укреплялась. Люди были готовы слушаться властей, которые неустанно подталкивали их к проявлению новых инициатив, к реализации планов развития. "Правительство не позволяло бизнесменам самим решать, хотят ли они вести конкурентную борьбу; их толкали на это, ставя перед ними самые трудные задачи, увеличивая плановые задания от года к году... Бывало, что лидеры деловых кругов получали по телефону "накачку" прямо из Синего Дома..."¹⁵.

Вместе с тем "правительство само ставило границы своей интервенционистской деятельности... Оно оставило экономику в основном в свободном состоянии. Оно не влезало непосредственно в сферу действий бизнесменов и, хотя и манипулировало профсоюзами и крестьянским движением, не мешало людям заниматься своим делом"¹⁶. Иначе говоря, интервенционистская и дирижистская политика государства не означала устранения рыночных сил во имя этатизма. Там, где рынок работал, его не трогали, в противных случаях правительство с готовностью выступало на сцену. Отношения между правительством и бизнесом были динамичными, стимулировали энергию частного сектора, и результатом было зачастую перевыполнение плановых заданий.

"Хотя правительство было интервенционистским — активно, последовательно и недвусмысленно — рыночный характер экономики оказался незатронутым, инициатива оставалась у предпринимательства и прибыль была основным мотивом. Государство главным образом влияло на рынок, меняя содержание того, что является прибыльным"¹⁷.

Выход на авансцену новой прослойки профессионалов-технократов изменил и отношение к образованию. Отныне оно стало ассоциироваться с возможностью карьеры в предпринимательской сфере, хотя для такого подхода нужно было преодолеть груз традиционных конфуцианских ценностей.

Верно, что конфуцианское наследие способствовало развитию дисциплины и прилежности в работе. Несомненно, коллективистская и иерархическая модель мышления и социального поведения, свойственная корейцам, благоприятствовала взлету экономики страны. Об этом уже много написано, в том числе и о том, что неограниченная свобода действий рыночных сил не могла бы вписаться в конфуцианскую концепцию, в соответствии с которой "упорядоченное" правительство опирается скорее на "правление людей", чем на "правление закона".

"Если даже политический курс не слишком хорош, люди будут усердно ему следовать, действуя все вместе, солидарно. И в конечном счете результаты их усилий в смысле общего развития, возможно, окажутся не такими уж плохими"¹⁸.

Но ведь та же конфуцианская традиция освящает поведение, способствующее расцвету интригантства, фаворитизма, угодничества, коррупции и т.д. И в процессе экономической модернизации страна не могла не натолкнуться на этот барьер. К тому же традиционная статусная иерархия корейского конфуцианства выражалась в терминах: "са, нонг, конг, санг (образованный чиновник, крестьянин, ремесленник, торговец). Ныне же презираемый прежде "торговец", частный предприниматель вышел на первое место. Уже в 80-х годах, по данным одного опроса, свыше 60% сеульских студентов предпочитали карьеру в сфере бизнеса, и лишь немногим более 8% готовы были выбрать карьеру чиновника"¹⁹.

"Модернизация в Корее, – пишут авторы коллективного корейского исследования, – это перемены, не исходящие снизу и изнутри, а сверху – и со стороны. Развитие началось не в сельской местности, а в городах. Оно осуществлялось не буржуазией, а правительственными чиновниками, профессионалами, технократами и лицами свободных профессий"²⁰.

Этот анализ представляется не вполне точным. Верно, конечно, что толчок был дан сверху (правительство) и со стороны (иностранный капитал, прельщенный политической стабильностью страны и высокой трудовой этикой населения). Вместе с тем без активности и деловитости буржуазии, без готовности нарождавшегося среднего класса, прежде всего в лице промышленных предпринимателей, подхватить и поддержать правительственный курс, смело ринуться в волны конкуренции на мировом рынке вместо спокойной жизни под зонтиком протекционизма – без всего этого "корейское чудо" не могло состояться.

Встает, однако, вопрос: если все были в общем довольны – и правительство, и предприниматели, и значительная часть населения, обеспеченная работой и увидевшая плоды своего труда – почему же военно-авторитарный режим, опиравшийся во второй половине 70-х годов на столь широкий консенсус, не стабилизировался, а зашатался и сошел со сцены как раз тогда, когда его курс принес столь ощутимые результаты? Почему в следующем десятилетии корейцы прогнали, даже не поблагодарив тех, кто был инициатором подъема, изумившего весь мир? Об этом речь пойдет уже в другой главе.

- ¹ Агафонов С. Южная Корея: Агония радикализма // Известия. 1991. 12 июля.
- ² Economic development in the Republic of Korea / Ed. Lee-Jay Cho and Yoon Hyung Kim. Honolulu, 1991. P. 15.
- ³ Economic development and social Change in Korea / Ed. Sung-Jo Park et al. Frankfurt a.M.; N.Y., 1980. P. 48, 49.
- ⁴ Агафонов С. Указ. соч.
- ⁵ The decline of military regimes. P. 59.
- ⁶ Woronoff J. Korea's economy: Man-made miracle. Seoul, 1983. P. 63.
- ⁷ Economic development in the Republic of Korea. P. 456.
- ⁸ Бучкин А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. М.: Наука, 1987. С. 5; The economic and social modernization of the Republic of Korea / E. Mason, M. Kim, D. Cole. Cambridge (Mass.), 1980. P. 466.
- ⁹ The economic and social modernization of the Republic of Korea. P. 468.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid. P. 485.
- ¹² Ibid. P. 487.
- ¹³ Hak-Kyun Sohn. Authoritarianism and opposition in South Korea. L.; N.Y., 1989. P. 176.
- ¹⁴ Woronoff J. Op. cit. P. 56.
- ¹⁵ Ibid. P. 97.
- ¹⁶ Ibid. P. 39.
- ¹⁷ Dilip K.Das. Korean economic dynamism. L., 1992. P. 146.
- ¹⁸ Economic development in the Republic of Korea. P. 560.
- ¹⁹ Бучкин А. Указ. соч. С. 108.
- ²⁰ Economic development and social change in Korea. P. 286.

3.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ И ЭВОЛЮЦИЯ АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА (Тайвань)

Экономические достижения Тайваня широко известны: остров, по сути дела, покинул "третий мир". Среднедушевой ВВП в 1993 г. превысил здесь 10500 долл.¹. Средняя продолжительность жизни у мужчин составляет 71 год, у женщин – 76,5 лет. Школу посещает 99,9% детей школьного возраста².

В 1993 г. остров вышел на 12-е место в мире по экспорту, который по сравнению с 1992 г. вырос примерно на 5%, что составило 76,2 млрд долл.³. По структуре экспорт на 95,52% состоит из промышленной продукции⁴, производимой прежде всего такими отраслями, как машиностроение, электроника, металлургия, текстильная и пластмассовая. Важнейшие рынки сбыта – США и Япония.

Превышение экспорта над импортом в течение уже многих лет позволило Тайваню накопить самый большой в современном мире свободный резерв твердой валюты (на сегодняшний день это где-то около 85 млрд долл.).

Особенно впечатляет то, что все эти качественные сдвиги произошли буквально на глазах одного поколения. В наследство от 50-летнего периода японского правления осталась колониальная структура производства: отрасли, ориентированные на обслуживание продовольственных (рисовая и сахарная) либо военных (очистка алюминия) потребностей Японии, и мелкие мастерские и фабрики, выпускавшие

продукцию повседневного спроса для местного населения. В 1949 г. бежавшим вместе с гоминьдановскими войсками китайским промышленникам удалось переправить с континента некоторое число фабрик по производству хлопчатобумажных и шерстяных тканей, которые были открыты на Тайване при правительственной поддержке.

Уровень жизни населения в послевоенные годы находился на крайне низкой отметке. ВВП на душу в 1953 г. составлял здесь только 167 долл.⁵ Дефицитность ресурсов как следствие общего падения производства усугублялась резким приростом населения (с 6 млн до 8 млн) за счет беженцев с материка. Это приводило к безудержному росту цен, увеличивавшихся в 1946–1950 гг. в среднем на 584% в год. Правда, по мере восстановления и развития производства темпы инфляции резко замедлились, но на протяжении 50-х годов продолжали оставаться достаточно высокими (в среднем 15,5% в год)⁶.

Переход в исторически короткий срок от подобного состояния к современному – при крайней скудости собственных природных ресурсов и значительных военных расходах – позволяет говорить о "тайваньском экономическом чуде". Ключом к нему стала верно избранная экономическая стратегия.

Социально-экономические преобразования Гоминьдана после войны. Закрепившись на острове, гоминьдановский режим приступил к хозяйственным преобразованиям. Первым из них была земельная реформа.

Был взят четкий курс на создание частных семейных ферм. С 1949 по 1953 г. доля крестьянских дворов, владеющих собственной землей, возросла с 61% до 92%, а площадь пашни, обрабатываемой арендаторами, упала с 41% до 10%⁷.

Другой важной особенностью реформы является ее "неконфискационный" характер. За изымаемую землю помещики получали от правительства полновесную компенсацию, которая, однако, выплачивалась не наличными, а выпускаемыми правительством земельными облигациями и акциями государственных промышленных предприятий (на акции приходилось 30% величины компенсации). Средства помещиков направлялись таким образом не на личное потребление, а на развитие промышленности.

Земельная реформа заложила базу для дальнейшего успешного экономического развития Тайваня. В июне 1949 г. была проведена и денежная реформа с целью стабилизации цен и восстановления доверия к деньгам. Соотношение нового тайваньского доллара к прежнему юаню устанавливалось в масштабе 1:40000, к американскому доллару – 5:1. Одновременно – для обеспечения импорта важнейших ресурсов – вводился контроль за использованием иностранной валюты. В 1953 г. был принят первый четырехлетний план.

Начиная индустриализацию, Тайвань первоначально последовал "модной" в то время модели импортзамещения. Однако вскоре выяснилось, что данная модель развития для него бесперспективна. Узость внутреннего рынка, связанная также и с невысокой покупательной способностью населения, не позволяла сориентированным только на

него отраслям вывести объемы производства на оптимальный с точки зрения современной техники и технологии уровень.

Поэтому с конца 50-х годов происходит постепенная смена экономической политики тайваньского руководства: переход от импортзамещения к экспортной ориентации. Вводятся государственные меры по стимулированию экспорта.

К факторам, определившим успех избранной Тайванем "внешне-направленной" экономической стратегии, можно, без сомнения, отнести сознательное использование (при включении в международное разделение труда) своих относительных преимуществ. Учитывая бедность острова природными ископаемыми, ограниченность земельных ресурсов (пригодная для сельскохозяйственной обработки земля составляет лишь одну треть всей площади острова), недостаток финансовых средств, низкий в целом образовательный уровень населения, его действительным относительным преимуществом в тот период была избыточная дешевая рабочая сила. И преодолеть неэластичность спроса мирового рынка можно было, предлагая продукцию, производство которой поглощает много труда при экономии дефицитных земли и капитала.

Оправдав все ожидания, тайваньская трудоемкая продукция – текстиль, готовая одежда, обувь, зонты, игрушки и др. – пробила себе путь в страны с недостаточной и дорогой рабочей силой. Среднегодовой темп роста экспорта увеличился с 6,0% в 50-е годы до 21,7% в 60-е и до 32,6% в 70-е годы⁸. Изменилась и структура экспорта. Если в 1951 г. доля сельскохозяйственной продукции составляла 91,9%, а промышленной – 8,1%, то в 1960 г. – соответственно 67,7 и 32,3, в 1970 г. – 21,4 и 78,6, в 1980 г. – 9,2 и 90,8, а в 1990 г. – 4,48 и 95,52%⁹.

Особенность тайваньской индустриализации, во многом обусловившая ее сегодняшние успехи, – поощрение развития мелкого и среднего частного предпринимательства. В настоящее время на Тайване насчитывается 770 тыс. мелких и средних компаний, 150 тыс. из которых производят экспортную продукцию¹⁰, обеспечивая 65% ее стоимости и 70% занятости на острове.

К преимуществам мелкого и среднего бизнеса относятся высокая приспособляемость и выживаемость. Зачастую предприниматель имеет несколько разных предприятий; возникающие у одного из них сложности устраняются за счет поддержки остальных. Кроме того, в трудное время персоналу таких предприятий легче снизить оплату, поскольку зачастую все являются членами одной семьи.

Помимо увеличения экспортного потенциала Тайваня мелкое и среднее предпринимательство внесло существенный вклад в решение таких социально-экономических проблем, как занятость, выравнивание в распределении доходов, сглаживание различий между городом и деревней. Уровень безработицы на острове составляет сейчас всего 1,51%¹¹. Разрыв же между бедностью и богатством (20% семей с самыми низкими и 20% с самыми высокими доходами) снизился здесь с 1:15 в 50-е годы до 1:4,9 в настоящее время¹². Наконец, в отраслях, где действует много мелких и средних предприятий, отсутствует явление монополизма. Тем самым мелкое и среднее частное предпри-

нимательство выступает и как фактор поддержания конкурентной среды.

Мощной дополнительной тягой, значительно сократившей для Тайваня время "разбега", явилась американская экономическая помощь. Ее общий объем в 1951–1965 гг. составил 1,482 млрд долл., т.е. примерно по 100 млн долл. (или иначе говоря, по 10 долл. на каждого жителя) ежегодно¹³. Это один из самых высоких в ту пору среднедушевых показателей иностранной помощи.

Политическая либерализация. Зная о "тайваньском экономическом чуде", о том, что Тайвань является одним из четырех азиатских "маленьких драконов", многие все еще считают политический режим на острове авторитарным. Между тем в последнее десятилетие и политическая модернизация изменений шла здесь весьма быстро.

Закономерности развертывания этого процесса выглядят следующим образом. Быстрый экономический прогресс ускорил социальное развитие; превращение среднего класса в мощную социальную силу создавало почву для политического плюрализма. Возникшие многочисленные гражданские объединения и ассоциации становились все более настойчивыми в артикуляции своих интересов. При этом приверженность Тайваня принципам свободного рынка, широкие контакты с западными странами, подъем образования способствовали распространению в обществе идей демократии. Серьезное отставание развития политической сферы от сферы социальной грозило резким нарастанием нестабильности. Чисто авторитарные регуляторы жизни общества приходили во все большее несоответствие с его усложнившимися структурами. В этих условиях ради самосохранения правящий режим вынужден был стать на путь политической модернизации.

В принципе политическая либерализация, будучи подготовленной предшествующим социально-экономическим развитием, может либо иницироваться правящей элитой, либо быть результатом давления со стороны контрэлиты. В тайваньском случае, несомненно, имело место одновременное действие этих двух факторов.

Поворотным пунктом процесса либерализации стал 1979 г. Администрация Картера разорвала дипломатические отношения с Тайванем, переведя посольство США из Тайбэя в Пекин. Общее разочарование создало благоприятный фон для действий оппозиции, обвинившей правительство в том, что не все возможные средства были использованы для предотвращения случившегося. В результате Гоминьдан вынужден был пойти на компромисс, согласившись на проведение первых в истории Тайваня открытых и соревновательных выборов в следующем году.

Оппозиционные политики, не имевшие – из-за сохранявшихся запретов – формальных организационных структур, по существу, действовали уже как партия. Однако отсутствие у них опыта предопределило легкую победу Гоминьдана. Вместе с тем приобретенная правящей партией уверенность в том, что она может побеждать в соревновательных выборах, облегчила для нее дальнейшие шаги по демократизации.

Полномасштабная политическая либерализация началась на Тайване со второй половины 80-х годов. 28 сентября 1986 г. – незадолго до предстоящих выборов – оппозиционное движение ("Данвай") объявило о создании Демократической прогрессивной партии (ДПП). Хотя это и представляло собой прямое нарушение "Закона о чрезвычайном положении" (принятого в 1949 г.), Гоминьдан не пошел на разгон ДПП и арест ее лидеров, сочтя более разумным направить активность оппозиционных сил в русло электорального и парламентского соперничества, чем толкать их в сторону уличных протестов и демонстраций. 7 октября 1986 г. в интервью газете "Вашингтон Пост" президент Тайваня Цзян Цзингюань заявил о курсе правительства на дальнейшую политическую либерализацию, включая отмену "Закона о чрезвычайном положении" и легализацию образования новых партий. Убеждая наиболее консервативные силы в необходимости таких преобразований, он произнес фразу, ставшую своеобразным девизом реформаторов: "Изменились времена, изменились обстоятельства, и наши идеи и действия должны меняться соответственно"¹⁴.

В 1986 г. имел место еще целый ряд демократических перемен. Был снят запрет на забастовки. Система непрямых четырехуровневых выборов в руководство профсоюзов была заменена прямыми выборами. Было разрешено образование новых профессиональных союзов и слияние мелких и слабых профсоюзов в более крупные.

Реакцией на нараставшее студенческое движение стало предоставление студентам новых прав и свобод (прямые выборы президента Объединенной Ассоциации студентов, отмена цензуры студенческих публикаций, создание Тайваньского университетского форума, вывод паркомов Гоминьдана за пределы студенческих городков).

В декабре в 1986 г. на Тайване были проведены первые в истории китайских обществ (включая КНР, Гонконг, Сингапур) двухпартийные выборы. ДПП довольно неплохо заявила о себе, набрав 20% голосов избирателей.

Отмена "Закона о чрезвычайном положении" в июле 1987 г. создала совершенно новую благоприятную среду для развития демократии. Было создано – помимо Гоминьдана и ДПП – 66 новых политических партий¹⁵ (правда, влияние большинства из них пока малозаметно). Затем был принят "Закон о собраниях и демонстрациях", разрешающий гражданам участие в мирных демонстрациях и шествиях. В январе 1988 г. правительство ликвидировало ограничения на создание новых газет и число страниц в них, что повлекло за собой буквально взрыв появления новых изданий. В октябре 1987 г. был снят запрет на посещение тайваньцами родственников на континенте.

На особом эмоциональном фоне, характерном для начального этапа становления многопартийной соревновательной системы, радикализм ДПП увеличивал поддержку этой партии со стороны избирателей. На дополнительных выборах 1989 г. в Законодательный юань ДПП получила уже 28,29% голосов, Гоминьдан – 60,83%. Последовавшие в том же году выборы судей и мэров Тайваня принесли ДПП 38,3%

голосов, в то время как их число, отданное за Гоминьдана, уменьшилось до 52,7%¹⁶. На тайваньскую политическую арену вышел вполне реальный новый претендент на статус правящей партии.

С апреля 1990 г. президентом Тайваня и одновременно – по традиции – председателем Гоминьдана Ли Дэньхуэем, сменившим на этих постах умершего в январе 1988 г. Цзян Цзинго, был взят решительный курс на конституционные реформы. Ввиду крайне преклонного возраста были отправлены на пенсию все 469 членов Национального собрания, избранные в его состав еще на материке в 1947 г. и считавшиеся по конституции "бессменными". Это открыло дорогу для первых за 44 года выборов в Национальное собрание, состоявшихся на Тайване 21 декабря 1991 г. Впервые телевизионные компании предоставили открытый эфир для предвыборных дебатов всем партиям, что сделало электоральное соперничество более острым.

Предвыборная кампания явилась серьезным вызовом для Гоминьдана. Уверенные в привлекательности своих радикальных лозунгов лидеры ДПП рассчитывали на очередной прирост сторонников и на то, что их партия получит на этот раз не менее 40% голосов.

Реальные результаты, однако, оказались иными. ДПП смогла набрать только 23,94% голосов. За Гоминьдана же было отдано 71,17% голосов¹⁷.

Неудача послужила Демократической Прогрессивной партии важным уроком, показав, что большинство населения острова не поддерживает радикального требования ДПП о провозглашении независимости Тайваня. Напротив, электорат поддержал такие провозглашенные Гоминьданом цели, как конституционные реформы и объединение Китая. Стремясь восстановить свою популярность, ДПП стала проявлять большую готовность к компромиссу, одновременно понизив интенсивность заявлений по поводу независимости. В то же время результаты выборов (четверть голосовавших отдала предпочтение ДПП) показали, что достаточно весомая часть общества выступает за альтернативу Гоминьдану.

Ближайшие перспективы. Свою первоочередную задачу – и ответственность – находящиеся у власти технократы видят во всемерном стимулировании экономического развития. Поскольку сегодня это лучше всего может быть обеспечено в условиях свободного и открытого общества, они выступают и за политическую либерализацию. Но вместе с тем против крупных и резких политических изменений, ибо сопровождающее их нарушение социально-политической стабильности может отразиться на экономике самым негативным образом. Отсюда курс на постепенную и контролируруемую экспансию политического участия.

Однако этот процесс, набирая динамику, становится величиной, не столько задаваемой правящим режимом, сколько воздействующей на него и заставляющей соответственно реагировать. Зачастую непредсказуемые проявления демократизации выглядят как "покушение на устои", болезненно воспринимаясь и в верхних эшелонах власти, и в

консервативных слоях общества. Попытки же сдерживать эти тенденции прежними авторитарными методами лишь усиливают радикализм оппозиции. В подобной ситуации особую значимость приобретает поиск компромисса в вопросе о темпе политических реформ.

В этом контексте разворачиваются сегодня на Тайване политические баталии по поводу системы президентских выборов. Согласно ныне действующему положению конституции, президент и вице-президент избираются на шестилетний срок членами Национального собрания, выполняющего функцию коллегии выборщиков. Однако в последнее время все настойчивее звучит требование о введении прямых всеобщих президентских выборов. За них – по результатам опроса общественного мнения (март 1992 г.) – выступает 49% населения, против – только 19%¹⁸.

Вокруг этой проблемы наметился немислимый прежде альянс оппозиционной ДПП и части Гоминьдана. Наоборот, правящая партия оказалась расколотой. Сторонники изменения системы выборов президента выдвигают демократически безупречный аргумент: так хочет народ. Их оппоненты усматривают в этом шаге уступку сепаратизму: президент, избранный прямым всеобщим голосованием на Тайване, может считаться лишь "президентом Тайваня", но не всего Китая (что перечеркнуло бы Конституцию Республики Китай). Вместо этого они предлагают так называемые прямые выборы делегированием: баллотируясь в Национальное собрание, каждый кандидат должен будет четко обозначить кандидатуры президента и вице-президента, за которые он – в случае собственного успеха – отдаст свой голос. Таким образом, опуская один бюллетень на выборах в Национальное собрание, избиратели голосуют как бы сразу за трех человек. По мнению сторонников данной схемы, предоставляя более широкие возможности для выражения воли избирателей, она позволяет также уберечь от кардинального пересмотра ныне действующую конституцию.

В своей речи 25 марта 1992 г. перед депутатами Национального собрания от Гоминьдана президент Ли Дэнхуэй пообещал, что призовет парламент к проведению до 20 мая 1995 г. чрезвычайной сессии с целью окончательного решения вопроса, расколовшего правящую партию. По его словам, и общенародные, и делегированные выборы являются двумя разновидностями "прямых выборов", изучавшихся руководством Гоминьдана достаточно подробно, в связи с чем оно не было застигнуто нынешним их требованием врасплох. Сам президент, как можно судить по его высказываниям – достаточно туманным, по оценке наблюдателей, склоняется к тому, чтобы его преемник избирался в 1996 г. всем народом. Принимаемые в ходе конституционных реформ изменения и поправки к конституции, в том числе и по системе президентских выборов, действительны, как подчеркнул президент, только на период, пока не произошло объединения страны. После него силу будет иметь только оригинальный текст Конституции Республики Китай, который поэтому должен оставаться нетронутым.

Политическая либерализация на Тайване выразилась и в повыше-

нии терпимости режима в отношении инакомыслящих. В 1990–1992 гг. "черный список" лиц, которым по политическим мотивам запрещен въезд на Тайвань, сократился с более чем 800 до 200 человек¹⁹. Кроме того, 15 мая 1992 г. Законодательным юанем была изменена известная статья 100 Уголовного кодекса (статья о подрывной деятельности), предусматривавшая уголовное наказание за любые действия, в том числе и пропаганду, которые всего-навсего могут привести к антиправительственным выступлениям. Под нажимом ДПП власти пошли на создание (октябрь 1991 г.) специальной "группы изучения", по предложению которой законодатели и проголосовали за новую редакцию данной статьи. Теперь тюремное заключение грозит лишь тем, кто прибегает к насильственным действиям, направленным на свержение правительства (или незаконное изменение конституции). Таким образом, пропаганда независимости не относится больше к уголовно наказуемым деяниям.

Немедленным результатом изменения статьи явилось освобождение осужденных в соответствии с ней диссидентов. Первыми из них стали Хуан Хуа – возможный кандидат на президентских выборах от ДПП и Чжоу Чжаолун – член КПК, выступавшие соответственно за отделение от материка и за построение коммунизма. Вслед за ними на свободу были отпущены лидеры базирующейся в США организации "Всемирные объединенные-формозцы за независимость", цель которой – создание Республики Тайвань и "полное разрушение гоминьдановского режима и его незаконной системы всеми средствами"²⁰.

К привычным издержкам демократизации и политической либерализации можно отнести сопровождающее их повышение внутренней конфликтности общества: многочисленные уличные демонстрации, пикеты и митинги, потасовки в тайваньском парламенте, рост уголовной преступности, активизация сепаратизма и т.д. В этих условиях, несмотря на большую в целом терпимость, власти на Тайване при необходимости демонстрируют достаточную твердость, не считая лишним, впрочем, сослаться на закон и "просьбы населения". Так, например, в апреле 1992 г. ДПП было дано разрешение на проведение в Тайбэе трехдневных демонстраций с требованием прямых президентских выборов. Однако с целью давления на Гоминьдана демонстрации были продолжены сверх разрешенного срока, выбивая целые районы столицы из нормального ритма работы. В ответ специальные подразделения полиции ликвидировали окруженный баррикадами палаточный лагерь демонстрантов и рассеяли протестующих. В столкновениях с обеих сторон пострадало около 50 человек²¹.

Как и в других странах мира, демократические перемены на Тайване привели к определенному напряжению в отношениях между этносами. Помимо собственно китайцев – ханьцев, составляющих подавляющее большинство населения, на острове еще живет 9 основных местных племен, общая численность которых превышает 330 тыс. человек. Депутаты, представляющие в парламенте аборигенное население, выступили с требованием об изменении официального обобщающего названия для местных племен – "шань бао" ("соотечественники с

гор"). По их мнению, этот термин (зафиксированный даже в конституции) несет в себе оттенок дискриминации по отношению к малым народностям. Депутаты настаивают на формуле "юань чжу минь" ("исконные жители") с закреплением ее в тексте конституции.

Однако против этого выступает Гоминьдан, ссылающийся, помимо прочего, на результаты археологических раскопок, которые показали, что остров имел и более ранних обитателей, чем нынешние племена. Компромиссный подход по этому вопросу в итоге все же был найден: прежний термин подлежит замене, но альтернативу ему еще предстоит найти.

Бесспорно, что на Тайване сейчас совершается переход от авторитаризма к демократии. Существует достаточно устойчивый широкий консенсус относительно необходимости построения здесь правового демократического общества. Вместе с тем у традиционно приверженных порядку, церемониям, этикету китайцев не может вызвать одобрения возрастание конфликтности ("расстройство социальной гармонии"), воспринимаемое ими как результат демократизации.

Однако до зрелой демократической системы Тайваню еще далеко. Сегодня здесь можно говорить об уже завершившемся переходе от "жесткого" авторитаризма к "мягкому". Под жестким авторитаризмом применительно к Тайваню понимается система, при которой выработка и контроль за курсом социально-экономического развития осуществлялись технократами – выходцами с континента при высшем авторитете одного единственного лидера. Выборам отводилась функция рекрутирования ограниченного числа представителей местной элиты для работы на систему. Главенствующую роль в госаппарате играли структуры, обеспечивавшие военную безопасность.

В рамках системы "мягкого авторитаризма" технократы с материка уже делят политическую власть с технократами тайваньского происхождения, а партийное руководство становится коллективным. Доминирующее положение Гоминьдана остается неизменным, но, благодаря большей открытости электорального соперничества, в правящий слой вовлекаются все более многочисленные новые политические силы. Подавление оппозиции из практически полного превращается в частичное.

Трансформация Гоминьдана, которая делает его все менее похожим на партию "ленинского типа", напоминает сравнительный опыт других партий, находящихся у власти в однопартийных государствах, где набирают силу демократические процессы. При этом политологами рассматривается два сценария оформления на острове соревновательной партийной системы.

Первый исходит из того, что, учитывая престиж, популярность, огромные материальные возможности и организаторский опыт Гоминьдана, ДПП в обозримом будущем вряд ли сможет превратиться в равного ему соперника. В этом случае на Тайване возможно формирование доминантной партийной системы, подобной японской.

Второй сценарий допускает иное направление развития событий. С уходом сильных лидеров правящая партия скатывается к фракцион-

ности: обострение противоречий между реформаторской элитой и консервативными партийными бюрократами сопровождается ростом апатии рядовых членов. Все это способствует укреплению позиций ДПП. В таком случае вполне вероятно, что через 10–15 лет Тайвань будет иметь "нормальную" двухпартийную систему.

- ¹ Cetra data book. Taipei, 1994.
- ² 1991 handy economic and trade indicators: the Republic of China on Taiwan. Taipei, 1991. P. 48.
- ³ Cetra data book. Taipei, 1994.
- ⁴ 1991 handy economic and trade indicators: the Republic of China on Taiwan. Taipei, 1991. P. 18.
- ⁵ Тайвань цзинъянь сыши нянь-Тайваньский опыт: Сорок лет. Тайбэй. 1991. С. 446.
- ⁶ Там же. С. 57.
- ⁷ Там же. С. 143.
- ⁸ Tsìang S.C. Taiwan's economic success demystified // J. Econ. Growth. 1990. Vol. 3. N 1. P. 25.
- ⁹ Ibid. P. 26; 1991 handy economic and trade indicators: the Republic of China on Taiwan. P. 18.
- ¹⁰ Free China J. 1992. Mar. 13.
- ¹¹ Ibid. Febr. 14.
- ¹² 1991 handy economic and trade indicators: the Republic of China on Taiwan. P. 48.
- ¹³ Тайвань цзинъянь сыши нянь. С. 114.
- ¹⁴ Joseph P.L. Jiang Rising political and social pluralism. Taiwan, 1989. P. 1–20.
- ¹⁵ Free China J. 1991. Dec. 24.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. 1992. May 26.
- ¹⁹ Ibid. 1992. May 19.
- ²⁰ Ibid. 1992. May 26.
- ²¹ Ibid. 1992. Apr. 28.

МЕЖДУ АВТОРИТАРИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЕЙ

Первый кризис авторитаризма, первая волна антиавторитарных выступлений в "третьем мире" приходится на 1978–1980 гг. Их характеристика содержится в материалах, посвященных Ирану (гл. 2) и Никарагуа (гл. 6). Главная особенность этого кризиса – радикальный характер его развязки. Это было далеко не случайно. Первыми закономерно рухнули диктатуры в тех странах, где наиболее острыми, не допускающими компромиссных решений оказались национальные противоречия **политического** плана; где против режима выступили широкие слои населения, где модернизация обострила прежде всего социальные и национальные проблемы общества; где борьбу против диктатур вели традиционные или полутрадиционные антирежимные или антисистемные силы, а не массы, "переваренные" и переделанные экономической модернизацией.

Все это привело к насильственным, а в некоторых случаях – революционным методам свержения авторитарных режимов. Но следует признать, что этот характер перемен, способствуя приходу к власти наиболее бескомпромиссных политических сил с радикальным проектом преобразования общества, не благоприятствовал последующему расцвету политического плюрализма. То же можно сказать и о варианте устранения тирании вооруженными силами. Об остальном позаботились экономическая отсталость и(ли) интервенция США, закреплявшая ситуацию "осажденной крепости".

Вторая волна либерализации пришла несколькими годами позже. Она началась на юге Латинской Америки и затем – в тех или иных формах – затронула большинство стран Азии и Северной Африки. Ее происхождение, динамика, характер и результаты оказались иными.

Во-первых, в несравненно большей мере, чем в странах, о которых шла речь ранее, либерализация (а где-то – в Южной Америке, на Филиппинах – и демократизация) оказались на этот раз связанными с воздействием многообразных факторов – сначала экономических и культурных, затем политических (развал "второго мира", конец холодной войны, ослабление левых).

Во-вторых, в большинстве случаев (Бразилия, Мексика, Чили, Южная Корея, Турция, Таиланд, Тайвань и др.) политической либерализации предшествовала здесь более или менее успешная экономическая модернизация.

В-третьих, действие обоих этих факторов, иная социальная среда, иной характер сопротивления военных и военно-политических элит

режимам авторитарной модернизации привели к тому, что путь либерализации в данных странах оказался, как правило, сравнительно мирным. Точнее говоря, массовые, достигавшие иногда огромного размаха (Мексика, Бразилия, Аргентина, Южная Корея, Таиланд) демократические движения (подчас с элементами вооруженной борьбы), без которых нельзя было преодолеть инерцию и корпоративные интересы элит, не выливались здесь в радикальный слом прежней системы и ее мировых связей. Правящие группы почти повсеместно удерживали контроль над процессом и даже, проигрывая в политической (избирательной) борьбе, добивались – в той или иной форме – компромисса и оставались на политической арене.

В итоге политическая модернизация в рассматриваемой группе стран развивалась медленно, с зигзагами (Южная Корея 1980–1987 гг., Мексика 1988 г. и др.), но в целом поступательно. Результаты политической плюрализации общества оказались менее обратимыми, особенно там, где демократический режим наследовал успешную социально-экономическую практику своих предшественников и(или) мог опереться на национальную традицию (Чили).

Вместе с тем потенциальная угроза возвращения – пусть и кратковременного – прежней, авторитарной элиты к власти здесь, как правило, сохраняется. Некоторые новые режимы (Аргентина, Бразилия, Филиппины) столкнулись со сложной экономической ситуацией, связанной с глобальными структурными сдвигами в мировой экономике, оказавшимися наиболее чувствительными для стран поздней (1940–1970) национальной индустриализации.

В еще большей мере возможность попятного движения к авторитаризму существует (и реализуется) в тех странах, которые являются (в социально-экономическом и культурно-политическом планах) аналогами тех, где произошли революции и перевороты 1978–1980 гг. Они также оказались "втянутыми" в поток либерализации в середине 80-х годов. Но здесь процесс носил в большей мере имитирующий характер, опирался преимущественно на воздействия извне, на настроения масс, на потребности экономической модернизации, но не на их результаты. Итогом стали частичные и – реже (Гаити) – полные повороты процесса вспять.

Между первой и второй группами оказались несколько стран "незавершенной модернизации" (Аргентина, Филиппины), где силы, ранее стоявшие у власти, систематически "испытывают на прочность" новые режимы.

В целом можно, думается, утверждать, что к середине 90-х годов процесс демократизации политических систем в "третьем мире" зашел достаточно далеко. Поскольку речь идет о наиболее развитых его обществах – "драконы Востока" – Турция, Мексика, три-четыре страны Южной Америки, он, возможно, недалек от "рубежа необратимости". Здесь устойчивость и развитие процесса в решающей мере зависит от органичности интеграции данных стран в современную систему мирового хозяйства.

В других случаях главной проблемой является преодоление инерции

авторитаризма в условиях, когда экономика делает его "ненужным", нефункциональным даже для верхов (Индонезия).

И, наконец, в некоторых странах, прежде всего Тропической Африки, говорить даже о начале политической либерализации пока приходится с большими оговорками.

В данной главе речь пойдет о странах первой группы, где демократизация, опираясь либо на успехи экономической модернизации, либо на традицию и мобилизацию масс, зашла всего дальше и обнаружила новые, "свои" проблемы, решение которых объективно необходимо для упрочения, консолидации демократии.

4.1. ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ (Южная Корея 80-х – начала 90-х годов)

Ход процесса. Реалии Южной Кореи 70-х годов противоречили оптимистической парадигме классической теории модернизации, гласящей, что демократия связана с уровнем экономического развития и чем выше благосостояние страны, тем прочнее шансы демократии. Хотя Южная Корея при правлении президента Пака добилась значительного экономического роста, "ее политическая траектория не содержала и признаков движения к демократии"¹.

И все же... С какого-то момента жесткий правительственный контроль стал тяготить буржуазию. Сначала – именно в сфере экономики. Говоря об экономической либерализации и демократизации, корейский ученый указывает, что эти термины "для предпринимательской элиты и профессиональных менеджеров означали свободу от явного и косвенного контроля, регулирования и давления со стороны правительственной бюрократии и политической элиты. Эти группы полагали, что и количественно, и качественно экономика достигла такого уровня, что требовалось менеджерское и профессиональное искусство, которое правительственная бюрократия уже не могла обеспечить так, как она это делала прежде, в рамках "направляемого капитализма"². В 80-х годах роль "видимой руки" в корейской экономике претерпела существенные изменения. Были осознаны контрпродуктивные аспекты чрезмерного этатизма, и государство дало задний ход... Рыночным силам была дана возможность свободной игры³.

В том же направлении действовали и другие факторы: "Аграрная реформа; образование⁴; служба в армии, открывшая перед деревенской молодежи новые жизненные ориентиры; развитие средств массовой информации"⁵.

Против режима оборачивались не только успехи экономического развития, но и его социальные изъяны: резкий разрыв в доходах и растущая пропасть между богатыми и бедными слоями, рост налогов и цен на предметы потребления и т.д. Недовольство той части населения, положение которой не улучшилось – и даже ухудшилось – в ходе экономического подъема, в 70-е годы нарастало.

Как всегда в Южной Корее выразителями этого недовольства выступили студенты. В 70-х–80-х годах в стране было зарегистрировано около 200 студенческих волнений. В декабре 1971 г. правительство генерала Пака ввело чрезвычайное положение, но уже в августе следующего года столкновения студентов с полицией и войсками достигли беспрецедентного уровня. На этот раз было введено военное положение – и новая конституция, по сути дела, лишь усилившая президентскую власть. Генерал Пак был вновь избран президентом уже не на четырехлетний срок, как прежде, а на шесть лет. Сочетая применение силы с политическим маневрированием, правительству в конце концов удалось сбить очередную волну студенческих выступлений. Но через несколько лет (октябрь 1979 г.) Пак был застрелен во время обеда "человеком № 2" режима, директором ЦРУ, отставным генералом Ким Чэджу. Видимо, к этому времени и военная верхушка начала тяготиться все более деспотической личной властью Пака, правившего страной уже восемнадцать лет.

Убийство Пака послужило началом новой волны студенческих волнений. В мае 1980 г. было опять введено военное положение, закрыты все университеты, запрещены митинги и демонстрации, установлена цензура печати, арестованы лидеры оппозиции. Высшей точкой народных выступлений и правительственных репрессий стали события в г. Кванчжу. Демонстрантов давили танками, а уцелевших добивали десантники...

Но именно побоище в Кванчжу явилось отправным рубежом агонии режима. На смену консенсусу пришла, "растянувшись на семь долгих лет, жесточайшая конфронтация властей с народом"⁶.

1 сентября 1980 г. президентом стал генерал Чон Ду Хван, которому суждено было оказаться последним диктатором. Срок его пребывания у власти истек в 1988 г. Подразумевалось, что преемником Чон Ду Хвана станет выбранный им самим представитель партии президента (ДПС). (Выбор этот должен был быть "утвержден" не всеобщим голосованием, а особым марионеточным органом – Национальной конференцией объединения.) Сначала все шло по плану, и генерал Ро Дэу уже должен был предстать перед Национальной конференцией. Однако неожиданно для всех, без консультации с Чон Ду Хваном, Ро Дэу 29 июня 1987 г. обнародовал программу "демократических реформ" из восьми пунктов, предусматривавшую прямые всеобщие выборы президента. Это удовлетворило оппозицию, на поддержку которой снова с огромной силой и воодушевлением поднялось студенчество. Правда, на выборах 16 декабря 1987 г. оппозиция, голоса сторонников которой разделились между двумя кандидатами, никто из них не хотел уступать другому, проиграла. Ро Дэу, получивший 36,6% голосов, стал президентом. Но "процесс (политической либерализации) пошел".

Таким образом, качественные перемены 1987 г. были подготовлены "подземными толчками", происходившими в течение ряда лет. Внезапного всеобщего взрыва, подобного иранской революции, в Корее не было.

"Механизм" процесса: кто, почему, как. Какова же была социальная база процесса, ее мотивы? «"Выбивать" у диктатуры уступки [студентам] удавалось лишь во время действительно массовых протестов, к которым подключались рабочие, мелкие торговцы и лавочники, выступавшие "за избавление от административной узды, за децентрализацию экономики, за раскрепощение инициативы... Свобода толковалась однозначно – как экономическая либерализация"⁷.

В основном, поскольку речь идет не о студентах и интеллигенции с их вечной жаждой свободы слова, печати и пр., это утверждение С. Агафонова звучит убедительно. Мелкие торговцы, средние и мелкие предприниматели действительно прежде всего требовали ослабления власти государственных чиновников с их мелочной опекой, регламентацией хозяйственной жизни, произволом, взятками, беспрепятственной рыночной деятельности, свободы экономической жизни. Но достаточно ли всего этого, чтобы, бросая вызов диктатуре, люди вышли – после Кванчжу – на улицу и рискуя своей жизнью, участвовали в запрещенных демонстрациях.

Видимо, здесь действуют не только материальные, экономические мотивы, но и некие общечеловеческие, моральные стимулы. Должна возникнуть мощная общественная атмосфера протеста, неприятия диктатуры; должен образоваться некий широкий поток, вовлекающий в себя массы людей, втягивающий их в общенародное движение, позволяющий каждому ощущать себя частью единого целого, сплоченно и солидарно выступающего против опостылевших и несправедливых властей.

Так, в Иране во время "исламской революции" громадные массы людей выступили против шахского режима, представлявшегося им тотально несправедливым, враждебным вере, традициям. Люди имели перед глазами и позитивный идеал, олицетворявшийся благочестивым имамом – "исламское государство", мыслившееся как царство справедливости на основе сохранения традиционных духовных ценностей. Здесь недовольство материальными условиями жизни и произволом власти сочеталось с глубоким внутренним, духовным неприятием той капиталистической модернизации, которую насаждал шах.

Но в Южной Корее эти факторы или отсутствовали, или выступали в существенно иной форме. Конечно, "материальные" основания для недовольства властями были в наличии и здесь, социальная несправедливость и особенно произвол ощущались в полной мере, но не было "борьбы идеалов", конфронтации враждебных, противоположных "моделей" устройства жизни. Корейских генералов вряд ли можно было упрекнуть в измене устоям конфуцианства; не было перед глазами людей и образа "царства справедливости", за которое стоит проливать кровь. Тем не менее люди, далекие от понятий политической свободы и прав человека, выходили на улицы, поддерживали бунтующих студентов. Возмущение охватывало и рабочий класс, что – в условиях конфронтации с Севером – представлялось прямой опасностью для власти. И несомненные успехи режима в экономической области – как и в Иране – не могли заставить людей примириться с ним. Наоборот, в

условиях подъема экономики народ стал проявлять еще большее недовольство.

Не секрет, что в нищей стране с тотально деспотическим режимом можно наблюдать гораздо более высокую степень политической стабильности – вплоть до почти полного отсутствия антиправительственных выступлений, чем в тех странах, где проводятся экономические реформы, а политический режим не так уж "всепроникающ" и бесчеловечен. Представляется, в частности, что в тоталитарных государствах страх перед репрессивным аппаратом настолько подавляет население, попытки сопротивления выглядят настолько безнадежными, что власть – до поры до времени – может чувствовать себя в безопасности. Трудно представить себе возможность открытых организованных выступлений против режимов Сталина или Мао Цзэдуна, не говоря уже о Пол Поте. Конечно, здесь имеет место и другой фактор – мощная идеологическая обработка населения (особенно молодежи), непрерывно возбуждаемого и поддерживаемого так называемыми мобилизационными системами, основанными на идейном мессианизме, энтузиазме значимых социальных групп. Но и в странах, где этот атрибут подлинно тоталитарного устройства отсутствует, а режим держится в основном на голом терроре (например, режимы Иди Амина или Дювалье), народное сопротивление часто бывает крайне слабым. Здесь террор взаимодействует с другим фактором – абсолютной нищетой, подавленностью забитого и измученного населения, не имеющего сил для того, чтобы встать с колен, всецело поглощенного изнурительной борьбой за выживание.

В Южной Корее 70-х–80-х годов всего этого не было. Сеульский режим не был тоталитарной, "постоянно террористической" диктатурой. Режим мог проявлять свирепость и бесчеловечность, и события в Кванчжу это доказывают, но не было ни массовых казней, ни чего-то вроде ГУЛАГА. Отсутствовал тоталитарный идеологический мессианизм. Ушло в прошлое и полуголодное существование нищего большинства.

Поэтому в условиях быстрого и успешного экономического и социального развития люди смогли распрямить спины и оглядеться. И они увидели, что страна богатеет, но им достается несправедливо малая доля пирога; что в обществе уже сложились условия для того, чтобы предприимчивым и работающим людям можно было развернуться, но этому мешают до упора закрученные гайки правительственного контроля; что критиковать правительство и даже открыто выступать против него на улицах в принципе можно, но что это уже не слишком сильное и популярное правительство упрямо держится за свое, и одни и те же всем надоевшие люди занимают все важные посты. Предпосылки для того, чтобы "простые люди" присоединились "к студентам", оказались созревшими.

В ситуациях, подобных южнокорейской ("демократия, формирующаяся не "до" и не "вместо", а после протяженного этапа социально-экономического развития), против властей предрежащих, как правило, выступают не самые бедные, а те, кто уже что-то имеет (собствен-

ность, дипломы, квалификацию), ощущают в себе достаточный потенциал для того, чтобы лучше жить, но считают себя обделенными по вине этих властей. В Южной Корее по мере экономического и социального развития укреплялся, становился на ноги средний класс, но он был начисто отрезан от участия в политической власти. Этот класс закономерно потребовал для себя участия в решении судеб страны, в управлении государством. Когда же правительство стало отвечать на народные требования репрессиями, это лишь усилило возмущение масс.

Для успешного оппозиционного движения против диктаторского режима необходимо, чтобы в стране возник специфический общественный климат. Какие-то трудно определяемые симптомы внушают людям уверенность в том, что опирающийся на насилие, обман, фальсификацию режим изжил себя, что ему пора уйти. Волна общественного возмущения захлестывает, втягивает в себя "молчаливое большинство", политическое "болото". В этой атмосфере быть на стороне правительства – значит оказаться на обочине, чуть ли не стать изгоем. Развивается то, что можно назвать "революционным конформизмом": все выступают "против", значит – надо быть со всеми. Студент, отказывающийся идти на демонстрацию вместе с товарищами, выглядит как трус и отщепенец. Торговцы закрывают лавки – все, как один, чтобы не быть "белыми воронами". И если правительство не устроит кровавую бойню (как это случилось, например, в Бирме), оно не может не пойти на уступки. Но, поступая таким образом, режим – в глазах населения – "проявляет слабость", стало быть, можно идти дальше, правительство протягивает палец – оппозиция требует руку. И режим оказывается перед лицом тяжелой дилеммы: идти на эскалацию репрессий и заслужить всенародную ненависть – либо удовлетворить требования "бунтовщиков".

И вот здесь очень многое зависит от того, как люди режима оценивают свои, личные и корпоративные шансы в случае, если они пойдут навстречу требованиям оппозиции. Это проблема возможности компромисса, проблема национального консенсуса и гражданского мира. Если позиции и интересы противоборствующих сторон окажутся взаимоисключающими, если оппозиция борется не за реформы, а за революцию – компромисс нереален. Трудно представить себе в Иране и Никарагуа в 1979 г. соглашение между теми, кто поддерживал шаха и Сомосу и теми, кто шел за Хомейни и сандинистами. Тут вопрос стоял жестко и непримиримо: "или-или", "кто кого".

Но в Южной Корее (так же, например, как в Таиланде и Бразилии) вопрос стоял по-иному. Оппозиционное движение не стремилось к смене общественно-экономической системы, которая в своих основных чертах устраивала большинство населения. Речь шла лишь о том, чтобы получить доступ к руководству этой системой. Сменить режим, не ликвидируя систему, – вот что было целью оппозиции. И компромисс оказался вполне возможным, когда в рядах военного истеблишмента нашелся дальновидный лидер-реформатор – Ро Дэ-У. На базе этого компромисса армия сохранила все свои профессиональные позиции и кадры. Более того, всем ясно, что армия, уйдя с политической аван-

сцены, бдительно следит за соблюдением "правил игры" и всегда может вернуться, если возникнет кризис, грозящий системе, целостности и безопасности государства. Поэтому, с точки зрения военных, ничего страшного, непоправимого не произошло (не говоря уже о том, что новым президентом стал бывший генерал). Пострадали, оказались перечеркнутыми лишь политические амбиции тех офицеров, которые стремились к непосредственному управлению государством. Но, видимо, к этому времени подавляющее большинство военной элиты в Южной Корее таких амбиций уже не имело. В стране, где формируется гражданское общество, неизбежно соблюдение определенных правил, касающихся разделения государственных функций, и армия имеет свою профессиональную нишу; она не должна "в нормальной ситуации" подменять политиков и правительство.

Вместе с тем определенный риск при переходе от военного правления к парламентскому для армии всегда существует. В связи с этим встает вопрос о том, в какой момент, при какой политической конъюнктуре армия согласна вернуться в казармы?

Сделать это тогда, когда в стране все более или менее спокойно? Это вроде бы и есть подходящий момент: нет кризиса, нет серьезной угрозы государству, можно позволить себе отойти от рычагов управления, не опасаясь, что начнется хаос. Однако в такой обстановке отсутствует достаточно сильная мотивация для того, чтобы передать власть гражданским политикам. Зачем уходить, когда никто не гонит?

Пойти на отказ от власти в обстановке чреватого взрывом всенародного возмущения? Это – палка о двух концах. Конечно, логично было бы именно в такой момент выпустить пар из котла, сбить накал страстей и не доводить дело до ситуации выбора между большим кровопусканием или крахом под напором разбушевавшихся масс. Но тут, разумеется, есть и опасность – возникновение неуправляемой ситуации, прорыв к власти экстремистов, утрата всех позиций и привилегий офицерского корпуса.

Обычно военные идут на передачу власти гражданским политикам в "средней", промежуточной ситуации, когда недовольство общества достаточно сильно и можно полагать, что сохранение политического статус-кво приведет к еще более крупным неприятностям, но в то же время можно рассчитывать на то, что процесс возвращения в казармы будет относительно безболезненным, не обернется катастрофой ни для самой армии, включая личные судьбы генералов и офицеров, ни для государства. Здесь можно пойти на компромисс, в ходе которого военные "выторговывают" себе гарантированное почетное место в рамках нового режима. Так получилось в Бразилии, Чили, Уругвае и Южной Корее.

Напротив, в условиях подлинно революционной ситуации, когда угроза нависает над всей системой, а не только над конкретным режимом, армия почти никогда не сходит добровольно с политической арены.

Следует отметить еще одно обстоятельство: в кризисной ситуации в рядах самих военных обычно начинается разброд, происходят конф-

ликты, выдвигаются различные рецепты выхода из кризиса. Единой воли, монолитности нет и в помине. В такой атмосфере все громче звучат голоса тех, кто предлагает во избежание полного раскола и борьбы внутри самой армии уйти, пока есть возможность, на почетных условиях. А если при этом еще и есть возможность выдвинуть из собственной среды человека, который возглавит гражданский режим — налицо "почти гарантия", что позиции военных и впредь будут достаточно прочными. Так и случилось в Южной Корее.

Экономическое развитие и демократизация. Можно согласиться с Хак Кин Соном: траектория развития страны при военном режиме действительно не содержала даже признаков движения к демократии. Целью военных лидеров было закрепить и консолидировать военно-авторитарный режим на базе инициированного ими экономического подъема страны. То, что случилось, произошло помимо их "субъективной" воли и вопреки ей. Но объективно вышло так, что именно успех экономической политики военного режима в наибольшей мере подготовил почву для его крушения.

Можно лишь гадать о том, что было бы, если бы во главе Южной Кореи после падения Ли Сын Мана оказались деспоты, озабоченные лишь проблемой сохранения своей власти. Таких режимов в мире было немало — и не только в Африке. Некоторые из них существуют и сегодня, ввергая свои страны в пучину деградации. То, что корейские генералы проявили подлинный интерес к проблематике экономического развития, волю к проведению в жизнь продуманных проектов подъема экономики, делает им честь. Южнокорейская армия, придя к власти, не выродилась в сборище враждующих друг с другом коррумпированных кланов, сохранила свою монолитность. Национальный менталитет, традиции корейского народа, а также пресс "угрозы с Севера" объясняют здесь многое. Сказались и этническая однородность населения, исключавшая возможность трибалистских и этнических конфликтов и поразительная способность корейцев к освоению современных технологий (что роднит их с японцами и китайцами), и опять-таки конфуцианская трудовая этика, и last but not least заинтересованность Соединенных Штатов (и Японии) в подъеме и процветании государства "передовой линии", крайне важного для Вашингтона с геополитической точки зрения.

Все эти факторы сами по себе не содержат, однако, элементов маршрута к демократии. Теоретически "корейское экономическое чудо" могло продолжаться и при жестком авторитарном режиме.

В действительности же вышло по-иному. Проще всего было бы сказать, что военный режим, выполнив свою историческую задачу, изжил себя и "должен был" уступить место другому, более демократическому. Объективно так в общем и получилось. Видимо, квазидемократический режим, замаскированный под "либеральную систему" западного типа (возникновение которого стало закономерностью первой, имитирующей фазы независимого существования большинства бывших колоний и полуколоний), без глубоких корней в национальном и "социальном" сознании такой режим вряд ли был способен добиться

быстрого экономического подъема. Он погряз бы во фракционизме, местничестве, вся энергия ушла бы на внутренние склоки, сделки, дележ власти и привилегий. С этой точки зрения авторитаризм в Южной Корее на стартовом этапе ее модернизации был "исторически оправданным" явлением. Но столь же справедливо, что после завершения данного этапа экономика и общество в целом такой режим отторгают; в его недрах закономерно созревают элементы новой системы и субъекты нового преобразования. Прежний режим сам невольно создает условия для прекращения собственного существования. Мавр сделал свое дело...

Эта историческая закономерность проявляется, как было показано выше, через ряд опосредующих факторов, к которым относятся: растущая политическая зрелость населения, "разбуженного" распространением образования, знакомством с внешним миром (демонстрационный эффект), средствами массовой информации; недовольство вставшего на ноги среднего класса, уже тяготящегося диктатом, опекой и произволом властей; заинтересованность этого класса, равно как и "большого бизнеса" и более широких слоев городского населения, в более широком политическом представительстве, участии в решении судеб страны; наконец, дряхление, эрозия самого военного режима. На смену свирепым и беспощадным "сильным людям" приходят манипуляторы, люди лавирования и компромисса, не склонные без крайней нужды давить народ танками. Как бы инстинктивно чувствуя, что пришло время менять лидеров, военные выдвигают из своей среды на ключевые позиции людей, которых уже не приводит в ужас сама мысль о возможности "сивилизации" и плюрализации режима. Скорее они озабочены плавностью, безболезненностью, "малоутратностью" перехода к новой системе. И, наконец, еще одним условием демократизации, силой, преодолевающей инерцию режима и прямое сопротивление наиболее консервативных его элементов и толкающей его лидеров на уступки оппозиции, становится массовое движение, реализующее потенциал перемен. Именно это сочетание "подготовленности почвы", "разбуженности" одних и "усталости" других и позволяет осуществить процесс неревolutionного перехода от авторитаризма к демократии.

¹ *Hak-Kyn Sohn*. Authoritarianism and opposition in South Korea. L.; N.Y., 1989. P. 1, 2.

² *Kim Kyong-dong*. Democracy and development in East Asia / Ed. Th.W. Robinson. Wash. (D.C.), 1991. P. 150.

³ *Daş D.* Op. cit. P. 158.

⁴ В Южной Корее в конце 80-х годов было около 250 тыс. учителей, около 30 тыс. преподавателей высших учебных заведений. См.: Бучкин А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. М., 1987. С. 155, 156.

⁵ *Economic development and social change in Korea*. Frankfurt a.M.; N.Y., 1980. P. 328.

⁶ Агафонов С. Южная Корея: Агония радикализма // Известия. 1991. 12 июля.

⁷ Там же.

4.2. "ПОЛИТИКА ВПЕРЕДИ ЭКОНОМИКИ"

(Филиппины)

От эйфории к разочарованию. В ряду народных восстаний и революций, свидетельствовавших во второй половине 80-х и начале 90-х годов о едва ли не повсеместном кризисе авторитаризма и о глобализации демократических перемен, событиям на Филиппинах принадлежит весьма заметное место. В феврале 1986 г. жители Манилы положили конец 20-летнему правлению Фердинанда Маркоса, практически не выйдя за рамки ненасильственных действий.

Падению режима предшествовали убийство лидера либеральной оппозиции Бенигно Акино (1983 г.), продолжающиеся два с половиной года демонстрации, митинги и другие акции гражданского протеста (1983–1985 гг.), президентские выборы, исход которых был фальсифицирован в пользу Маркоса (1986 г.), и, наконец, публичный отказ небольшой группы военных подчиняться диктатору. На помощь им поспешили тысячи горожан. Три дня и три ночи "живая баррикада" блокировала продвижение танков и морских пехотинцев Маркоса к штаб-квартире мятежников. Жертвенность, граничившая с религиозным экстазом, уживалась в настроениях толпы с порывами того карнавального, эпического веселья, которое символизирует, по М.М. Бахтину, обновление мира и выражает извечные народные чаяния свободы. Взывая к совести солдат и тут же вовлекая их в стихийно-разраставшийся праздник освобождения, манильцы предотвратили кровопролитие, вынудили правительственные войска отступить и не оставили Маркосу иного выбора, кроме бегства из страны¹.

На международное сообщество филиппинский Февраль подействовал завораживающе. Страна с тяжело больной экономикой и обширным массивом нищеты, с десятилетиями копившимся потенциалом справедливого гнева, с набравшим силу леворадикальным повстанческим движением – эта страна сумела мирно разрешить затяжной конфликт по поводу верховной власти и встать на путь демократизации. Без духовного сверхусилия, без мобилизации всех нравственных ресурсов общества подобное вряд ли было бы возможно. Однако природа этого сверхусилия была такова, что вышедшей из повиновения Маниле был менее всего присущ дух угрюмого фанатизма. Филиппинцы свергли "своего" диктатора с какой-то неподдельной артистичностью, и очевидное присутствие импровизационного, игрового начала в их действиях убеждало: избавление от внешнего плена, в котором держала этих людей диктатура, совершилось в тесной взаимосвязи с обретением ими внутренней свободы. Удивительно ли, что после этого "филиппинская тема" месяцами не сходила с газетных полос и телеэкранов повсюду в мире, а еженедельник "Тайм" присвоил почетный титул "Человек года" Корасон Акино – политической наследнице своего мужа и первой женщине-президенту Филиппин – за год до того, как этой чести впервые удостоился М.С. Горбачев.

Институциональные предпосылки демократии создавались быстро. Уже к концу 1986 г. была разработана новая конституция, гарантиро-

вавшая филиппинцам основные политические права и свободы. По итогам всеобщих выборов 1987 г. был сформирован двухпалатный Конгресс, а вскоре последовали и выборы в органы местного самоуправления. На смену партийно-политической системе, в которой безраздельно доминировало маркосовское "Движение за новое общество", пришла освященная законом многопартийность.

Подъем гражданского самосознания и крепнущее стремление людей к самоорганизации ощущались повсеместно: в стране действовали тысячи добровольных, неправительственных объединений. Одни следили за ситуацией в области прав человека, другие – за состоянием окружающей среды, третьи включались в борьбу с нищетой, обособывались в трущобных кварталах, чтобы вывести детей из-под влияния улицы и преступной среды.

Бесспорной реальностью стали свобода слова, плюрализм мнений, возможность открыто критиковать официальный курс. Для обозревателей крупнейших манильских газет – "Кроникл", "Инкуайер", "Дейли глоб", "Филиппин стар", "Малайя", "Буллетин" – не существовало запретных тем, равно как и лиц, чьи взгляды нельзя было бы открыто оспорить.

И тем не менее, к началу 90-х гг. от эйфории, порожденной Февралем, мало что осталось. Тех, кто ожидал, что вместе с демократией страна обретет политическую стабильность и хозяйственный динамизм, постигло разочарование. Наметившийся было экономический подъем застопорился, показатели роста ВВП замерли в районе нулевой отметки, а шесть попыток военного переворота в 1986–1989 гг. отпугнули потенциальных вкладчиков капитала. По мнению местных и зарубежных экспертов, уже не только в сопредельных странах АСЕАН, но также в КНР и Вьетнаме складывались сравнительно более благоприятные условия для развития рыночных отношений.

Кабинет министров пребывал в состоянии перманентной реорганизации и полемики с законодателями. Контролируемая консервативными силами палата представителей упорно противилась сколько-нибудь последовательной аграрной реформе и структурной перестройке экономики. Спикер Рамон Митра, считавшийся прежде сторонником К. Акино, играл в этих дебатах все более двусмысленную роль. Вице-президента Сальвадора Лауреля и вовсе подозревали в причастности к одному из провалившихся путчей.

Возврат насилия в политическую жизнь, казавшийся после февральского катарсиса невероятным, начался очень скоро и принял крайне одиозные формы – от террористических вылазок "городских партизан"-левоэкстремистов до расстрела правительственными войсками мирной крестьянской демонстрации в Маниле. В общественных настроениях все отчетливее проступал оттенок усталого недоумения, непонимания, почему и при демократии, как некогда при диктатуре, все идет "не так". Ощущалась и ностальгия по тем временам, когда "спокойствие и порядок" обеспечивались "твердой рукой" диктатора. Социологические опросы показывали, что популярность главы государства упала до опасно низкого уровня. "Упустила вернейший шанс для

возрождения страны"; "потворствует коррупции хуже той, что расцвела при Маркосе"; "ведет общество к хаосу и безвластию" – такие претензии предъявлялись ей печатно и устно. В ходу были язвительные сравнения с английской королевой – государыней, которая, как известно, не правит. Крепли опасения, что очередного военного переворота администрации не пережить...

Вопреки мрачным пророчествам, правительство устояло, успев так в 1990–1992 гг. приступить к финансово-экономическим мероприятиям в духе рекомендаций МВФ. Пообещав не выставлять свою кандидатуру вторично, К. Акино сдержала слово, но знаменательно, что в мае 1992 г. новым президентом республики был избран поддержанный ею кандидат – отставной генерал Фидель Рамос, в недавнем прошлом начальник штаба вооруженных сил и министр обороны. С учетом тенденций, проявившихся в 1986–1992 гг., законная передача власти сама по себе выглядит как бесспорное достижение. Причем претенденты, слишком откровенно злоупотреблявшие популистской демагогией (Мириам Дефенсор–Сантьяго) и традиционным патронажем (Р. Митра), либо олицетворявшие "возврат к Маркосу" (Эдуардо Кохуангко, Имельда Маркос), уступили прагматику, чья победа по крайней мере не перечеркивает надежд на выправление экономической ситуации и стабилизацию конституционного строя. Однако прежде, чем подобные перемены произойдут, говорить об успешном переходе от авторитаризма к демократии все-таки рано.

Отчего же этот процесс протекает столь неровно, тревожно и труднопредсказуемо? Помимо причин чисто конъюнктурного свойства, многое объясняется спецификой социально-экономических структур, политической истории и культуры Филиппин, равно как и особенностями той модели демократизации, которая складывается там, начиная с 1986 г.

Ретроспектива. Три столетия испанского колониализма и почти полувековое правление Соединенных Штатов не прошли бесследно для филиппинского общества. В ряде отношений его следовало бы признать одним из самых вестернизированных на Востоке. Напомним, что Филиппины – единственная католическая страна в Азии. Значительная часть местных жителей бегло говорит, умеет читать и писать по-английски, а очень многие владеют этим языком как родным. Национальная система высшего образования готовит профессионалов, которых охотно берут на работу по специальности повсюду в мире. Заметное развитие получили печатные и электронные средства массовой информации, журналистика "американского типа". То же можно сказать об юриспруденции и адвокатуре. В повседневную жизнь городского среднего класса входит множество элементов космополитической культуры досуга и потребления.

Что касается экспериментов с представительными формами правления, то их история достаточно насыщена и продолжительна. Еще до завершения американо-филиппинской войны, в 1900 г., власти США разрешили создать здесь первую политическую партию. Два года спустя так называемый Органический закон официально предоставил

населению островов свободу слова, печати, мирных собраний и другие гражданские права. В 1907 г. впервые состоялись выборы в Национальное собрание. С течением времени возрастал процент филиппинцев в административном аппарате, включая его высшие звенья, а в 1935–1941 гг. страна жила в режиме самоуправления, какого не знала тогда ни одна колония.

Президентская республика, существовавшая на Филиппинах в первые десятилетия независимости, с 1946 по 1972 г., была выстроена по американскому образцу, воспроизводя такие его особенности, как двухпалатный парламент и разделение властей. Функционировала в этот период и двухпартийная система, зачатки которой просматривались еще в 20-е – 30-е годы. Регулярно проводившиеся парламентские и президентские выборы поочередно приводили к победе кандидатов от двух крупнейших политических организаций – Либеральной партии и Партии националистов. Оппозиция (кроме объявленных вне закона коммунистов) широко пользовалась возможностями для легальной деятельности. Характерно, что до 1969 г. никому из президентов не удавалось добиться переизбрания, а филиппинцы приобрели редкий для "третьего мира" опыт конституционной смены правительств.

Однако внешний демократизм этой системы плохо гармонизировал с ее реальным "наполнением". Поощряя развитие современных форм государственности и политической жизни, США сделали куда меньше для социально-экономической трансформации Филиппин. Более того, режим свободной торговли между метрополией и колонией, в целом крайне неблагоприятный для становления филиппинской промышленности, способствовал усилению землевладельческой олигархии – прежде всего "сахарных баронов", сбывавших в Америке продукцию своих плантаций и заводов на весьма выгодных условиях. В 40-х – 60-х годах именно олигархические группировки, оплачивая услуги профессиональных политиков и покупая голоса рядовых избирателей, чередуя мягкий патронаж с карательными акциями своих "частных армий", контролировали оба компонента двухпартийной системы, а вместе с ними и палату представителей Конгресса. Смена администраций возвещала лишь о временной неудаче одной из этих группировок, а столь же временном возвышении другой и о постоянстве олигархического господства в целом.

Следствием аморфности основных партий, их неотличимости друг от друга становились предвыборные вспышки *tumcoatism*'а – перебежек под знамя той организации, чьи шансы на перехват или удержание власти расценивались выше. В 1953 г. Рамон Магсайсай, а в 1964 г. Фердинанд Маркос с успехом совершали маневр, вряд ли мыслимый где-либо еще, покидая ряды либералов, чтобы победить на ближайших президентских выборах уже в качестве кандидатов от Партии националистов.

Специфика партийной системы открывала простор для злоупотреблений механизмом разделения властей в интересах все той же олигархии: попытки исполнительных структур развернуться в направлении реформ эффективно пресекались даже тогда, когда президент и

большинство конгрессменов принадлежали к одной партии. Благодаря обструкционистской позиции Конгресса, решение центрального вопроса филиппинской (как и российской) истории – вопроса о "земле и воле" для крестьянства – раз за разом откладывалось. Аграрные реформы, провозглашенные Рамоном Магсайсаем в середине 50-х и Диосдало Макапагалом в начале 60-х годов, дали в лучшем случае скромные результаты. Архаичность поземельных отношений, бедственное положение массы сельскохозяйственных производителей сдерживали рост внутреннего рынка и местной промышленности. Резервы импортзамещающей индустриализации, не без успеха начавшейся в 50-е годы, уже к середине следующего десятилетия выглядели во многом исчерпанными. Между тем Конгресс препятствовал демонтажу протекционистских барьеров, мерам по экономической либерализации и наращиванию промышленного экспорта не менее рьяно, чем преобразованиям в деревне².

Отложенные реформы оборачивались усложнением той совокупности проблем, с которой приходилось иметь дело правительству. На переломе 60-х–70-х годов о надвигающемся кризисе общественных структур свидетельствовали не только застойные явления в экономике и лавина студенческих демонстраций. И в городах, и в деревне нарушения социального мира – будь то вспышки политического террора или уголовной преступности – приобретали удручающе регулярный характер. На Юге страны активизировалась вооруженная мусульманская оппозиция, на Севере заявила о себе Коммунистическая партия Филиппин идей Мао Цзедунa и ее военизированное крыло – Новая народная армия. Мнение, что официальные партийно-политические институты безнадежно скомпрометированы и отработали свой ресурс, распространялось все шире, и в 1971 г. пришлось созывать Учредительное собрание для подготовки новой конституции.

Система быстро теряла легитимность, и Фердинанд Маркос, возглавлявший филиппинское государство с 1965 г., понимал это не хуже других. Когда в сентябре 1972 г. президент объявил о введении чрезвычайного положения, за сдержанной реакцией Вашингтона угадывалось скорее одобрение, чем осуждение (что, впрочем, соответствовало общему курсу администрации Никсона: ровно через год та же позиция будет занята по отношению к перевороту в Чили). Вдохнули с облегчением и многие филиппинцы. Правда, протестовать было особенно некому: десятки оппозиционеров во главе с генеральным секретарем Либеральной партии Бенигно Акино были арестованы, практически все неправительственные газеты и журналы закрыты. А на страницах официозов замелькало словосочетание "новое общество" – название того проекта социального переустройства, который выдвигал президент.

В рамках этого проекта предполагалось решить "триединую задачу" – политически сломить олигархию, покончив с подконтрольной ей демократией американского образца и вручив полноту власти главе государства, провести аграрную реформу и перейти к экспорто-ориентированной модели промышленного развития. Замышлялся как бы

"возврат в Азию" – в Азию АСЕАНовских авторитарных режимов, уверенно обеспечивавших политическую стабильность и ускоренный экономический рост.

Как ни красочен портрет коррумпированного, дряхлеющего деспота, который газетчики наших дней рисуют почти по трафарету, бессмысленно отрицать, что Маркос был отнюдь не заурядной личностью и обладал задатками реформатора. Агрессивный и умелый полемист, он избегал эмоциональных наскоков и спонтанности в практических делах. Как правило, он всесторонне изучал стоявшую перед ним проблему и не спешил что-либо предпринимать, не имея в запасе нескольких вариантов ее решения, не подобрав союзников и не будучи уверен, что вместе с ними он заведомо сильнее противников. Но и при таком перевесе для него был предпочтительнее не открытый, бурно протекающий конфликт, не блицкриг, пусть и победоносный, а ведущий к поставленной цели компромисс. К 1972 г. под эгидой Маркоса фактически уже сложился блок "военные – бюрократия – технократы", обеспечивавший в дальнейшем устойчивость режима. В правительственных и околоправительственных сферах появилось немало компетентных менеджеров и экономистов, способных выработать оптимальную стратегию развития и привести разумное начало в административную деятельность. Достижения были как будто неоспоримы: в 1972–1979 гг. ежегодное приращение ВВП колебалось между 5,3 и 8,7%, среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1975–1979 гг. составили 8,3%, повысилась продуктивность сельского хозяйства³. Удалось сбить волну преступности и терроризма. Казалось, Филиппины повторяют путь восточно-азиатских НИСов, и Маркос будет для своей страны тем, кем стал для Южной Кореи Пак Чон Хи, а для Сингапура – Ли Куан Ю. Однако ближе к концу 70-х годов позитивные результаты реформ начали сходиться на нет. С наступлением 80-х эта тенденция обозначилась совершенно отчетливо.

Неудачи объяснялись не только несчастливым сочетанием внешних факторов – падением цен на ряд традиционных товаров филиппинского экспорта при резком удорожании импортируемой нефти, необходимостью оплачивать заметно увеличившийся внешний долг, кризисными явлениями в мировом капиталистическом хозяйстве, связи с которым за годы чрезвычайного положения (1972–1981) заметно упрочились. Пожалуй, важнее был дефицит политической воли, все более явно проявлявшийся в высших эшелонах власти.

Оценивая Маркоса как главу авторитарного режима, следует помнить, что этот человек отнюдь не был обделен судьбой в предшествующую, "конституционно-демократическую" эпоху. До прихода в президентский дворец он трижды избирался в палату представителей, шесть лет заседал в сенате и был столь же совершенным, сколь и типичным продуктом тогдашней системы – искусным манипулятором-макиавеллианцем, мастером балансирования между различными, нередко враждующими группами своих клиентов и виртуозом коррупции. Целью целей, которую Маркос никогда не упускал из виду, оставалась личная власть и даруемые ею выгоды.

По мере стабилизации режима на первый план выходили именно эти качества верховного лидера – с соответствующими последствиями для реформ. Потеснив некоторые из старых олигархических семейств, президент не столько обеспечил простор для развития капитализма снизу, сколько подготовил почву для взращивания новых монополистов и магнатов из числа своих доверенных лиц. Хищностью и неразборчивостью в средствах новые олигархи – или, как окрестила их народная молва *cronies* ("президентские дружки") – едва ли не превосходили старых, что и позволило им быстро обзавестись собственными финансово-экономическими империями и обрести связи с иностранным капиталом. Во второй половине 70-х годов позиции сторонников реформ внутри правящей элиты заметно ослабели под напором *cronies*, властолюбивой "первой леди" Имельды Маркос и коррумпированной генеральской верхушки, чьим основным достоинством была безоговорочная лояльность президенту. Эта "потеря темпа" в деле преобразований имела для режима самые пагубные последствия⁴. В начале 80-х годов Маркосу пришлось за счет государственной казны спасать от банкротства группу своих фаворитов-авантюристов, а кризис 1983–1986 гг. окончательно выявил всю меру отчужденности филиппинцев от власти и неблагополучия экономики. В 1986 г. Маркос покидал страну, где в течение двух предшествующих лет регистрировалось сокращение ВВП (–6,8% в 1984 г., –3,8% в 1985 г.), где инфляция достигала беспрецедентных, по местным понятиям, масштабов (около 50% в 1984 г.), а внешний долг составлял 26 млрд долл.⁵

Каким бы тяжелым ни было наследие диктатуры, Корасон Акино с ее безграничной популярностью имела, казалось бы, уникальную возможность для стабилизации демократического строя, для открытия нового тура реформ и достижения успеха там, где потерпел неудачу Маркос. Но был ли у нее на самом деле этот шанс, и чего могла она реально добиться на том этапе, на котором возглавила страну? В поисках ответа полезно обратить внимание на элементы сходства, присутствующие в историческом опыте Филиппин и нашего отечества со второй половины 80-х годов по настоящее время.

Некоторые параллели. Как для Филиппин, так и для СССР/России конца 80-х – начала 90-х годов характерен дисбаланс между политическими и экономическими сдвигами, их динамикой и направленностью. Разрыв с деспотическим "старым порядком", энергичные попытки построить и укрепить правовое государство сочетаются с пробуксовкой социально-экономических реформ. Политическая демократизация явно опережает экономическую (если понимать под нею продвижение к рынку и совершенствование рыночных отношений). Возникает ситуация, когда растет свобода без роста благосостояния.

Правда, на Филиппинах этот контраст выражен слабее, менее драматично. Ведь филиппинская экономика со всеми ее проблемами в основе своей рыночная, территориальная целостность государства не нарушена, а с представительными формами правления филиппинцы знакомы лучше, чем большинство народов Востока. Между тем беспрецедентная попытка прорваться из тоталитаризма в демократию

стоила жизни Союзу ССР, а переход от не-рынка к рынку в сегодняшней России сопровождается столь же беспрецедентным упадком производства. Но, как бы то ни было, и Филиппины, и СССР/Россия заметно отличаются от тех стран, где преобразования пошли по принципу "экономика впереди политики", в частности, от четверки восточно-азиатских "драконов", от Китая и Вьетнама.

Означает ли это, что в одном случае перед нами – пример "азиатского пути", в рамках которого идеалы свободы принесены в жертву материальному благополучию, а в другом – сделанный вопреки расхожему здравому смыслу, но от этого еще более прекрасный выбор свободы, "выбор в пользу Запада"? Подобные суждения время от времени звучат в академических кругах и могут показаться небезосновательными. Сопричастность высокой российской культуры западно-европейским ценностям бесспорна, о признаках вестернизированности филиппинского общества уже упоминалось, и обеим странам вроде бы есть на что опереться, делая "выбор в пользу Запада". Не просматривается ли, однако, за этой моделью реформ не рывок в будущее, а неспособность преодолеть сугубо традиционное, азиатское доминирование политико-государственной сферы над экономической жизнью? И напротив, не наметился ли отход от подобного доминирования в некоторых из древнейших азиатских обществ как раз потому, что приоритет был отдан проблемам социально-экономического развития? Насколько вообще правомерно говорить о выборе в рамках подобной модели демократизации? Думается, она скорее следствие того, что "иного не дано", результат специфического стечения обстоятельств и дефицита исторических альтернатив.

Во-первых, в обеих странах хозяйственная жизнь к середине 80-х годов была настолько дезорганизована и нединамична, настолько подконтрольна ретроградным силам, что начинать общественные преобразования "от экономики" было, так сказать, не с руки. Для оздоровления народнохозяйственного организма требовалось взломать системы бюрократического контроля над ним, а это было вряд ли достижимо без последовательной демократизации.

Во-вторых, давно замечено, что модель "экономика впереди политики" запускается прежде всего в аграрном секторе. Между тем и на Филиппинах, и в СССР/России крестьянство жестоко эксплуатировалось и было слишком придавлено жизнью, чтобы быстро распрямиться и составить надежную опору реформам. Сразу же, вплотную заняться проблемами деревни оказалось невозможно и оттого, что и там, и тут аграрный сектор был с особой жестокостью "схвачен" противниками перемен. По сути дела, реформаторам только и оставалось, что ориентироваться на социальные образования типа городского среднего класса (или, в российском случае – интеллигенции), чьи представители жаждали именно политической демократии.

В-третьих, ни на Филиппинах, ни в СССР/России не было той возможности освятить упорный труд и предприимчивость общезначимыми заповедями традиционной культуры, как в странах конфуцианского ареала. У большинства современных россиян сохранились разве

что смутные воспоминания о культурно-религиозном наследии предков. Филиппинская же культура, на доколониальные пласты которой наложились сильные испанские и американские влияния, остается пока, по-видимому, слишком сложной амальгамой местных обычаев и заимствований извне, чтобы однозначно поощрять разумную бережливость и самодисциплину.

Наконец, и Филиппины, и СССР/Россия – страны давно назревших реформ, систематически срывававшихся за последние три-четыре десятилетия. Чем дольше откладывались перемены, тем больше сложных, взаимосвязанных проблем накапливалось в недрах обществ. Нарастала и потребность во все более радикальных средствах борьбы с надвигающимся кризисом – вплоть до того, что шесть-семь лет назад перед обновлявшимися правящими элитами замаячил парадоксальный императив "революционной реформы". Но как М.С. Горбачев, так и К. Акино – ярко выраженные центристы, стремившиеся удержать события в рамках мирной эволюции, – меньше всего хотели революционных бурь и сопряженного с ними насилия. Не только яростное сопротивление консервативных сил и пресловутая "нерешительность" верховных лидеров, но и стремление последних действовать максимально осмотрительно – так, чтобы ненароком не спровоцировать обвальные революционные процессы, – оборачивалось очередной отсрочкой экономических реформ, все более интенсивными поисками "политических ключей" к хозяйственным проблемам и усилением дисбаланса между двумя основными областями общественной жизни.

Недостатки (чтобы не сказать – опасности) демократизации по модели "политика опережает экономику" можно обобщить следующим образом: эта модель в высокой степени контрпродуктивна (т.е. приносит результаты, прямо противоположные желаемым). Весь смысл приоритета, отдаваемого проблемам политической демократизации, в том, чтобы реформаторы, опираясь на народную поддержку, овладели государственными институтами и превратили их в орудие далеко идущих преобразований, включая, конечно, экономические. Такой подход подразумевает, что друг в друге выразятся и друг для друга создадут гарантии политическая демократизация, политическая стабильность и реформы. Действительность, однако, не оправдывает этих ожиданий.

Прежде всего модель "политика опережает экономику" обладает поистине уникальной способностью генерировать политическую нестабильность. И не трудно понять, почему. Ведь механизм всеобщих выборов проецирует внутрь новых представительных институтов раздробленное, находящееся не в ладу с самим собою и тяготеющее к конфликтам общество. И чем адекватнее оно там представлено, тем больше шансов, что "народное собрание" погрязнет в эмоциональных, беспорядочных дебатах, а консенсус – то, ради поисков чего созываются парламенты, так и не будет найден. Драматически акцентируя несогласие, царящее в обществе, рельефно высвечивая разломы социальной структуры, "народное собрание" вносит дополнительный и весомый вклад в поддержание политической нестабильности.

Вполне естественно, что среди депутатов от нереформированного – экономически – общества, заседающих в парламенте, велик процент "консерваторов". Сохраняя обширные сферы влияния, они не без успеха применяют давно присущие им навыки организованного действия, маневрирования внутри властных структур и манипулирования ими. В противоположность людям этого склада парламентарии-"демократы" – в основном политики-новички, не всегда умело и дальновидно координирующие свои действия. Создаваемые ими новые организации не имеют адекватной социальной базы и носят, как правило, верхушечный, эфемерный характер. Хроническими становятся столкновения между "консервативным" по преимуществу парламентом и более или менее "реформистским" правительством. Обостряется, приобретая оттенок самоцели, борьба за влияние на первое лицо в государстве между различными группировками в исполнительных и законодательных органах.

В ответ общественное мнение склоняется либо к однозначному отождествлению демократии и парламентаризма с "говорильней", либо к тому, чтобы считать данную демократию ненастоящей. Характерны запальчивые рассуждения о "номенклатурном реванше" в послеавгустовской России, при параллельно нарастающем скепсисе в отношении "демократов". Тем временем на Филиппинах изо дня в день можно слышать, что "трапо" – "традиционные политики", обслуживающие интересы землевладельческой и промышленно-финансовой олигархии, прекрасно чувствуют себя после падения Маркоса.

В обеих странах от правительств и президентов отворачивается немалая часть среднего класса (Филиппины) и интеллигенции (СССР/Россия). Те, кто еще недавно с энтузиазмом приветствовал демократизацию, критикуют официальный курс так беспощадно, как могут лишь обманувшиеся в лучших своих ожиданиях. Заметно возрастает тяга к непарламентским, порою откровенно противоправным методам разрешения конфликтов, к таким формам давления на законодателей и администраторов, как массовые митинги и демонстрации протеста, забастовки, ультиматумы, неприкрытые угрозы насилием и, наконец, попытки военных переворотов.

В какие-то моменты вырывается на свободу и начинает развиваться, независимо от чьей-либо воли, по принципу негативного самодвижения... сама политическая жизнь. Политика "обгоняет" уже не только экономику, но и политиков. Собственно говоря, это все менее походит на обгон в точном смысле слова. Политика становится, если воспользоваться английской идиомой, *larger than life* – "грандиозней, чем жизнь", "застит" собою от людей все прочие сферы их деятельности. Демократизация предстает в образе абсолютно нездоровой, контрпродуктивной политизации.

Тревога по поводу всего этого плюс обеспокоенность социальной напряженностью, нарастающей из-за неудовлетворительного состояния экономики, с определенной полнотой отражается в парламентских дискуссиях. Но и они часто завершаются без последствий, обостряя в обществе ощущение тупика, отчаяния, укрепляя уверенность, что

спастись можно лишь с помощью самых сильнодействующих средств. "Не вытягивая" реформу, усугубляя нестабильность и дискредитируя идеалы демократии, модель "политика опережает экономику" в принципе способна приближать перспективу социального взрыва – вспышку революционной стихии, которая по М. Гефтеру, "создает своим собственным ходом свои собственные предпосылки"⁶. Катастрофические последствия подобного исхода слишком очевидны, чтобы говорить о них специально.

Хотелось бы, однако, еще раз повторить: для некоторых стран и народов прохождение через эту травмирующую фазу социально-политического развития, по-видимому, неизбежно. А если так, то остается принять ее как данность.

От модели "политика опережает экономику" было бы нелепо, к примеру, ожидать экономического процветания – она не в состоянии обеспечить его по определению. Столь же нелепы и сетования на ее контрпродуктивность как таковую, поскольку это – стержневое, неотъемлемое свойство данной модели. Но вот чего можно и нужно ожидать от нее – так это недопущения, чтобы ее контрпродуктивность выразилась в крайних, непереносимых формах. Смягчить ту боль разрыва с прошлым, которую вынуждены терпеть общество и индивидуум, не допустить массового насилия, социальных потрясений и хаоса на том начальном этапе раскрепощения людей, который совпадает по времени с умиранием многолетнего деспотизма, – такова, в сущности, сверхзадача, решаемая в рамках модели "политика опережает экономику". И именно этого разумно ожидать и требовать от нее, равно как от лидеров, ответственных за ее реализацию.

«Акино права, говоря, что хочет, чтобы ее "судили исходя из обстоятельств, определявших ее выбор", – пишет работающий на Филиппинах голландский журналист Ян Виссерс. «Такова прерогатива "переходного президента". Если бы последнего коммунистического лидера Советского Союза судили исходя из "последствий его выбора" – а это гражданская война и экономический коллапс в бывшей советской империи, – то международное сообщество линчевало бы его перед зданием ООН в Нью-Йорке. Но этого не происходит. Горбачева судят исходя из "обстоятельств, определявших его выбор". Таким обстоятельством было реакционное коммунистическое окружение, вопреки которому он осуществил исторический переход (с неизбежностью обернувшийся его собственным отречением)»⁷.

Если модель "экономика впереди политики" может исправно работать многие годы и даже десятилетия, то модель "политика опережает экономику" в своих наиболее одиозных формах долго не живет. Очевидно, главная причина все та же – ранние проявления контрпродуктивности, вынуждающие и носителей власти, и общество в целом к поиску альтернативного выбора (тогда как в случае с моделью "экономика впереди политики" залогом долголетия является именно продуктивность, по крайней мере, в производственной сфере).

В конечном счете обуздать контрпродуктивные тенденции – значит ликвидировать постоянно порождающий их дисбаланс политики и экономики, и тем самым выйти за рамки данной модели. Важно, однако, не поддаваться соблазну резко, "одним махом" сломать ее как совершенно непригодную. Такими действиями можно лишь активизировать все худшее, что в ней заложено, – разбудить "стихию, которая создает своим собственным ходом свои собственные предпосылки".

Как бы то ни было, нельзя не обратить внимание и на обстоятельства, благодаря которым шансы Филиппин на конструктивный выход за пределы данной модели возрастают. С наступлением 90-х годов ослабевает воздействие ряда факторов, способствовавших прежде политизации общественной жизни. Глубокий кризис международного коммунистического движения оказывает деморализующее воздействие на повстанцев-леворадикалов, создает предпосылки для их "выхода из джунглей" и долгожданного примирения с властями. Тем более что американскому военному присутствию на архипелаге, провоцировавшему Новую народную армию на продолжение вооруженной борьбы и после падения Маркоса, в 1992 г. положен конец. Соответственно меньше раздражителей остается и для правых экстремистов, так и не прорвавшихся к власти в ходе серии военных путчей. Признаки успокоения как на левом, так и на правом поле политического спектра – сигнал, которого давно ждут иностранные инвесторы, не забывающие о принадлежности Филиппин к экономически наиболее динамичному региону современного мира и способные своей активизацией ускорить хозяйственное возрождение страны. Несомненный вклад в этот процесс может внести и местная китайская община – столь же искушенная в делах предпринимательства, как в других странах ЮВА и при этом достаточно глубоко интегрированная в филиппинское общество.

¹ См.: People power. An eye-witness history: The Philippines revolution of 1986. Manila, 1986.

² О политической системе и культуре Филиппин в 1946–1972 гг. см: Lande C.H. Leaders, factions and parties: The structure of Philippine politics. Boston, 1965; Wurfel D. Filipino politics, development and decay. Ithaca; L., 1988. P. 74–113.

³ См.: Архипов В.П. Экономика Филиппин: Достижения и трудности // Азия и Африка сегодня. 1982. № 2. С. 18–19.

⁴ См.: Dictatorship and revolution: Roots of People's power. Manila, 1988. P. 70–131.

⁵ См.: Randolph S.D. The Philippines, 1983–1986: A macro-economic picture // New Asian Visions. 1987. Vol. 4, № 1. P. 4–5.

⁶ Караулов А.В. Вокруг Кремля: Книга политических диалогов. М., 1990. С. 449.

⁷ Manila Chronicle. 1992. June 23.

4.3. ВАРИАНТ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛАВНОГО ПЕРЕХОДА

(Бразилия)

Важнейшим и, наверное, решающим звеном отступления авторитаризма в Латинской Америке 80-х годов стали "сivilизация", либерализация, а затем и демократизация политического режима (и политико-психологической ситуации) в крупнейшей стране региона – Бразилии. Переход этот можно рассматривать под различными углами зрения – локальным, региональным или общемировым (циклическим). В данном случае нас интересует соотношение процесса с национальной историей.

Авторитаризм и политическая культура Бразилии. Особенности военного режима 1960–80-х годов. До 80-х годов XX в. периодический разрыв с представительно-плюралистической формой правления выступал как предпосылка качественных инноваций в истории Бразилии, шла ли речь о государственном строительстве или экономическом развитии. Институционализация республики и отмена рабовладения в 80–90-е годы XIX в., реформы Варгаса в 30–40-е годы, "модернизация" 60–70-х годов XX в. имели место именно в условиях авторитарных режимов. Причиной устойчивого воспроизведения авторитарных тенденций в политической системе Бразилии, по нашему мнению, являлись кризис гегемонии олигархии и хроническая неспособность партийно-представительской системы – олигархической или популистской – к интергации разнородных интересов, ожиданий, ценностей различных групп правящего класса и бразильского общества в целом.

Отсюда те черты политической культуры Бразилии (1880–1980), которые общи и другим странам региона. Авторитаризм рассматривался политической элитой и большинством населения страны если и не как нормальное явление, то, по крайней мере, как вполне допустимый (элита) или привычный (население) вариант управления страной. В то же время в представлениях бразильцев, в отличие от большинства их соседей, авторитаризм выступал все же как "отклонение" от "нормальной" (представительной) формы правления. Другая особенность бразильского авторитаризма: временная (десятилетия!) легитимизация данной формы режима непосредственно обуславливалась выполнением им задач национального обновления и развития.

Государственный переворот 1964 г. в Бразилии осуществлялся армией, тесно связанной с гражданскими, на этот раз правыми политиками. Идейным ядром военно-гражданской коалиции, обеспечивавшей успех переворота, стали выпускники Высшей военной школы (ВВШ). Правительство первого военного президента Кастильо-Бранко на 90% состояло из выпускников ВВШ. Их политическое и психологическое единство во многом предопределило достижения "бразильской модели" – последней успешной модели этатистского развития в регионе.

Основу идеологии участников переворота составила разработанная в стенах ВВШ "Доктрина национальной безопасности и развития". Под

"национальной безопасностью" понималась "степень гарантии жизненных интересов нации"¹ внутри страны и за рубежом. Базовые принципы доктрины: национализм, развитие, социальный порядок, антикоммунизм. Развитие должно было осуществляться через экономический "скачок"; при этом в отличие от 30–50-х годов основой его должно было стать привлечение иностранного капитала, открытость экономики страны. "Национализм" понимался прежде всего как обеспечение экономического развития. Армия провозглашалась единственной силой общества, способной гарантировать это развитие и соответственно обязанной взять на себя управление страной.

Авторитарный режим, установившийся в Бразилии в результате переворота 1964 г., обладал рядом черт, качественно отличавших его от популистских режимов 30–50-х годов:

консервативный, контрреформистский по отношению к политическому курсу 30–50-х годов характер социальной и социально-экономической политики;

лидирующая роль армии в политическом процессе; отказ от традиционных для Бразилии институтов политического компромисса, отстранение от власти прежних политических и иных элит;

ставка на политическую демобилизацию населения и электората;

отсутствие явных харизматических лидеров общенационального масштаба;

отчетливо выраженный "модернизационный" акцент в идеологии и государственной практике ("Развитие любой ценой");

опора на технократию и бюрократию (младший партнер), вертикально-иерархический характер управления обществом.

Политические институты и стратегии режима отражали эти базовые принципы. Имеется в виду:

резкое усиление полномочий исполнительной власти за счет полномочий законодательной и местной властей, централизацию управления²;

создание двухпартийной системы на основе авторитарного законодательства о партиях³;

принудительная деполитизация организованных социальных групп (прежде всего профсоюзов);

репрессивная, террористическая политика по отношению к радикальным политическим движениям и партиям.

Необходимо отметить, что в период "зрелости" режима (70-е годы) его устойчивость и легитимизация зависели не столько от институтов авторитаризма и проводившейся ими репрессивно-запретительной политики, сколько от эффективности экономической стратегии, осуществлявшейся военными. Основой частичного консенсуса, сложившегося вокруг политики режима ("тройственный блок" правящих групп, поддержка значительной части средних слоев, отдельных групп интеллигенции), являлось убеждение в необходимости форсированной модернизации (индустриализации) страны. Можно говорить о двух основных принципах, или составляющих, этого консенсуса: 1) признание неэффективности традиционных политических институтов для решения

задач "национальной реконструкции"; 2) приоритетность задач экономического роста (по отношению к проблемам социальным или политическим).

Поэтому до определенного периода, пока наблюдался заметный экономический рост, положение авторитарного режима было достаточно прочным. Но по мере роста экономических трудностей власть утрачивает поддержку как на уровне элит, так и в массовых слоях. Это проявилось в конце 70-х – начале 80-х годов.

Становление антиавторитарной оппозиции. Недовольство проявил прежде всего "средний класс", реальные доходы которого в 1981 г. упали почти вдвое⁴. Режим не сумел обеспечить благосостояние именно тех слоев общества, которые поддержали переворот 1964 г., "благословив" свержение Гуларта. Но у проблемы был и иной аспект. "Предприниматели, – отмечал бразильский исследователь Л. Мартинш еще в 1975 г., – получают больше плюсов от политики режима, чем кто бы то ни было, но лишь в очень ограниченной степени участвуют в выработке экономической политики... Их пассивная поддержка режима приносит им пользу в периоды экономического процветания. Однако, когда экономика начинает буксовать или появляется риск возникновения кризиса, решающее значение приобретает проблема распределения ресурсов и выдвижения новых приоритетов. Вот тогда-то отсутствие институционализированных механизмов представительства интересов, равно как и автономия, которой пользуется бюрократия, становятся серьезным политическим минусом в глазах именно тех кругов, которые больше всех получили от политики развития"⁵.

К оппозиции модернизированных слоев присоединились отстраненные от власти традиционные политические и духовные элиты или ущемленные режимом массовые слои трудящихся.

Американский исследователь П. Мак Доноу уже в начале 80-х годов обращал внимание на то, что военный режим ущемил интересы многих давно укоренившихся элит: политиков, профсоюзных лидеров, интеллектуалов, ряда представителей делового мира и, наконец, церкви. "Концентрация власти в руках военной и гражданской бюрократии как бы отняла у этих элит их поприще, их все больше оттесняли на обочину, они теряли свое значение... Элиты не могут примириться с тем, что военные с их гегемонистскими притязаниями вторгаются в сферы власти и патронажа, прежде контролировавшиеся невоенными силами. Военные могут спасти буржуазию, но не могут ею управлять"⁶.

Особую роль духовного лидера и "интегратора" массовой оппозиции в Бразилии (в отличие от Чили и тем более Аргентины) играла церковь. Поскольку имелось мало групп или организаций, которым было разрешено существовать, люди обращались к церкви, которая не могла не вступать в контакт с группами протеста, студентами и политическими партиями, искавшими защиты и легального представительства своих интересов. При этом военный режим "сам ограничивает возможности выбора, стоящие перед церковью, толкая ее в лагерь оппозиции"⁷. Соответственно епископы оказывали поддержку забастовщикам в автомобильной промышленности, играли активную

роль в формировании местных организаций, известных как "христианские базовые сообщества"⁸.

Существовал и еще один мотив охлаждения отношения привилегированных классов Бразилии к военному режиму: "Поскольку практически сила "подрывных" групп невелика, повторяющийся аргумент об угрозе национальной безопасности становится все менее убедительным для предпринимателей и господствующих групп, поддерживающих режим..."⁹. Это было сказано бразильским ученым – а теперь и политическим деятелем Ф.Э. Кардосу – еще тогда (конец 70-х), когда оппозиция против авторитарного режима только набирала силу. Аналогичные мысли высказывает и американский политолог Джордж Филип¹⁰.

Плюсы, которые еще мог дать военный режим, становились все более ограниченными, а минусы все более наглядными. Бюрократическая регламентация, претензии военных на сохранение контроля над ключевыми ресурсами экономического развития (приток/отток иностранного капитала), непредсказуемость их политического поведения, слабость механизмов "обратной связи" – все это чем дальше, тем больше тяготило такие экономически господствующие секторы, как ТНК и ассоциированные с ними группы крупной буржуазии (не говоря уже о политиках и интеллигенции).

Могли ли военные как корпорация – или как сила, представляющая государство и госсектор, сопротивляться этой тенденции и перебороть ее? Если говорить о "физической возможности" – наверное могли, хотя бы несколько лет. Возмущение общества не достигло в начале 80-х годов такой силы и остроты, чтобы заставить генералов уйти "по-аргентински". В их подчинении была 270-тысячная армия и 200-тысячный корпус "сил безопасности". На худой случай можно было бы разогнать все традиционные партии, да и парламент. Но этому препятствовали несколько факторов, предопределивших иное развитие событий.

Во-первых, офицерский корпус уже не существовал как та относительно монолитная сила, которая сравнительно легко взяла власть в 1964 г. Все эти годы в вооруженных силах происходили процессы, подрывавшие их монолитность и периодически обострявшиеся. Противоречия проявились даже внутри той верхушечной армейской группы (ядром которой в Бразилии были службы безопасности и разведки), которая реально правила от имени армии, осуществляла ее гегемонию в правящем блоке. Эти противоречия были связаны прежде всего с ключевой проблемой – возвращаться в казармы или оставаться на авансцене политической и экономической жизни страны.

Сказывалось и отсутствие – в отличие от 1964 г. – четкой идеологической концепции, обосновывавшей необходимость существования военной диктатуры. Следует отметить, что бразильская военная элита изначально не была настроена на то, чтобы увековечить свою власть, создать перманентный военный режим. Она рассматривала роль армии в политике, скорее, как некую комбинацию жандарма, арбитра, "толкача" и надсмотрщика, что напоминает "турецкую модель" поведения

вооруженных сил. Всерьез разработанного грандиозного стратегического проекта общественного переустройства (рассчитанного на десятилетия) у бразильских военных лидеров (в отличие от чилийских) первоначально не было.

Это не означает, что генералы руководствовались сценарием "пришел, спас и удалился", в соответствии с которым они должны были действовать вплоть до передачи власти гражданским лицам. Тем более у них не было никакого "графика демократизации". В первое десятилетие режима они, скорее всего, более или менее смутно представляли себе, что рано или поздно придет момент, когда необходимо будет возвращение к представительному режиму (и в отличие от своих коллег в Чили, Уругвае и Аргентине сохраняли для этого институционные фасады). Но при этом старались сделать все возможное, чтобы будущий гражданский режим "инкорпорировал" основные черты созданной ими социально-экономической системы и основные блоки системы политической. В их планы (особенно это заметно со времени президентства Гейзела) входила постепенная подготовка таких, сугубо консервативных, политических сил, которые были бы готовы перенять у военных бразды правления с сохранением основных параметров созданной ими модели. Были среди них, конечно, и "твердолобые", которые стремились сохранить военный режим на неопределенно долгий срок. Некоторые генералы вошли во вкус власти, как говорят бразильцы, "постоянное курение трубки искривляет рот". В целом, как отмечал уже упоминавшийся Джордж Филип, "режим двигался к демократии, надеясь при этом, что никогда не придется ее достигать..."¹¹.

Но время шло, менялась политическая и экономическая ситуация в мире, неопределенное будущее превращалось в "становящееся настоящим".

Процесс либерализации. Основные фазы. В трансформации военно-авторитарного режима можно выделить три этапа. Первый этап, 1974–1978 гг., открывается объявлением (в инаугурационной речи президента Гайзела) политической "декомпрессии".

Можно выделить три непосредственные причины, побудившие правительство пересмотреть прежние приоритеты: во-первых, к 1973 г. первоначальные цели режима в значительной степени были достигнуты (успехи в развитии экономики, политическая стабильность, разгром повстанческих движений); во-вторых, стали появляться признаки обострившегося впоследствии экономического спада; наконец, результаты парламентских выборов 1974 г., когда оппозиционной партии Бразильское демократическое движение (МДБ) впервые удалось завоевать большинство электората.

Самой трудной задачей правительства на раннем этапе либерализации было сохранение контроля над армией. Провозглашение "декомпрессии" совпало по времени с активизацией группировки "жестких" (*duros*) – наиболее реакционной части офицерского корпуса, сторонников репрессивного политического курса. Пик деятельности "жестких" приходится на 1975–1977 гг., когда они дважды пытались свергнуть

правительство, контролируемое более умеренной группировкой Гай-зела.

Политические акции "жестких" оказали двойственное влияние на процесс либерализации режима. С одной стороны, правительству пришлось пойти на ряд уступок правым (репрессии 1976 г. и др), с другой — они способствовали политической изоляции "твердолобых".

С 1978 г. взявшие верх "умеренные" офицеры отказались от "жесткого" курса, но не от военного правления как такового. Для обеспечения контроля над процессом либерализации была разработана и принята так называемая система казуизмов, в которую входили: закон Фалкао, прямо запрещающий критику правительства в печати; продление до шести лет срока президентского мандата; назначение одной трети сенаторов правительством; увеличение представительства правоправительственно настроенных аграрных штатов.

Только после обеспечения единства армии и принятия системы "казуизмов" был принят (июнь 1978 г.) первый пакет политических реформ. Был отменен Институционный акт № 5, ранее дававший возможность режиму приостанавливать деятельность парламента, брать на себя законодательные функции, объявлять недействительными депутатские мандаты, смещать выборных глав местных администраций. Отменялась смертная казнь за политические преступления, ликвидировалась цензура печати (с сохранением ее, правда, на телевидении).

Следует подчеркнуть, что решение военного правительства начать процесс реформ носило политически добровольный характер в том смысле, что действия, давление оформленной гражданской оппозиции не имели на него решающего влияния. Провозглашение "декомпрессии" несколько опережало по времени развитие политической мобилизации населения "снизу", консолидацию партийной оппозиции режиму. Вместе с тем выполнение армией функции правящей партии по мере развития противоречий внутри нее угрожало единству военных. Выход из создавшегося положения умеренная и чутко принимавшая импульсы извне верхушка армии видела в постепенном, контролируемом сверху уходе военных за кулисы власти.

Второй этап либерализации (1979–1983 гг.) был открыт принятием новым правительством Ж. Фигейредо "ноябрьского" пакета реформ, в который вошли реформа партийных структур, политическая амнистия, назначение прямых выборов губернаторов штатов.

Центральное место в ноябрьском пакете занимала ликвидация "принудительной", искусственной, обязательно двухпартийной системы. Возникло шесть новых партий. Из них пять — на базе ранее единственной ранее разрешенной партии оппозиции. В их числе — две в левой части политического спектра.

При анализе партийных программ бросается в глаза сходство их политических установок. Все партии, включая и правительственную, провозглашали необходимость возвращения к демократическому, представительному режиму. Это давало возможность создания межпартийных коалиций для легальной борьбы с институтами авторитаризма.

Однако нельзя не отметить, что в образовании партий сказалась давняя политическая традиция Бразилии: все они – за исключением созданной в 1980 г. левой партии трудящихся (ПТ) – появились в результате соглашения между членами парламента и представителями партии в отдельных штатах, в большинстве случаев не обладая организованными структурами ни в общенациональном масштабе, ни на местном уровне.

Началом процесса демократизации страны стали прошедшие в 1982 г. прямые выборы губернаторов штатов и выборы в Национальный Конгресс. В результате выборов оппозиция собрала 49% голосов избирателей. В Палате представителей оппозиционные партии получили 240 мест, а режимная СДП – 235, в Сенате – 23 против 46 СДП. Особенно важным было завоевание оппозицией 10 губернаторских постов, в том числе – в индустриально развитых штатах. Тактика политической "декомпрессии" не смогла обеспечить полный контроль над выборами, правительство начало терять инициативу и контроль за развитием событий.

После выборов 1982 г. "абертура" стала восприниматься как необратимый процесс. Общество понимало, или во всяком случае – ощущало, что дни военного режима сочтены. Вопрос заключался в том, кто и что придет ему на смену. Трещины в правительственном лагере углублялись. В 1983 г. его официальный представитель – СДП – отказалась поддержать политику правительства в области заработной платы. А в 1984 г. массовое движение обогнало, наконец, институционные сдвиги; развернулась невиданная по своему размаху массовая кампания под лозунгом "Прямые выборы – уже сейчас!" (*diretas ja*) – требование избрания президента не коллегией выборщиков, а всеобщим голосованием. Правительство, правда, сумело отбиться и прямых выборов не было, но зато, когда началась сложная борьба вокруг кандидатуры будущего президента, Фигейреду вопреки давлению "жестких" не стал, по существу, в нее вмешиваться.

Со стороны могло казаться, что в последние годы своего существования режим просто плыл по течению, но это было не совсем так: правящая верхушка сохраняла достаточно жесткий контроль над армией – и не допускала "расширения русла" течения и опасного увеличения его скорости.

Тем временем главная арена борьбы постепенно перемещалась из армии в парламент, росло влияние политических партий. Раскол правительственной партии, начавшийся во время проведения кампании "*diretas ja*!" окончательно оформился при выдвижении кандидата СДП в президенты. В коллегии выборщиков ни одна из соперничающих сторон не располагала убедительным большинством голосов, поэтому было необходимо выдвижение кандидата, способного отобрать голоса из числа оппозиционеров противника. Однако военные навязали (май 1984) СДП кандидатуру П. Малуфа, выдвинутого ультраправым меньшинством партии.

Окончательная расстановка сил определилась в ходе избирательной кампании. С осени 1984 г. происходит консолидация всех против-

ников режима ("Демократический Альянс") вокруг кандидатуры политика – ветерана Т. Невеса. Чуть ли не в последний момент к ним присоединяется сектор СДП, возглавленный Сарнеем ("Либеральный фронт"). Военные практически самоизолируются от избирательной кампании; президент Фигейреду, ранее поддерживавший кандидатуру П. Малуфа, по сути, отказывается от нее.

Изменение позиции военных, еще в мае настаивавших на кандидатуре П. Малуфа, можно объяснить несколькими причинами. Раскол правительственной партии уменьшил возможности контроля над политическим процессом. Однако основным фактором, определившим эту позицию военных и мирную передачу власти в 1985 г., была умеренность программы Демократического Альянса, явное стремление лидеров оппозиции к компромиссу, гарантии от преследований военных за преступления во время диктатуры, данные Т. Невесом.

Выборы состоялись 15 января 1985 г. За Т. Невеса проголосовали 70% выборщиков, за П. Малуфа – 26%¹². Т. Невес был провозглашен президентом, но из-за смертельной болезни не успел вступить в исполнение своих обязанностей. Судьбе было угодно, чтобы именно Сарней – малозначительная и малоизвестная фигура – стал первым действующим президентом послевоенного режима.

Таким образом, базой процесса либеральной эволюции стал консенсус умеренно-реформистского крыла армии и центристских элементов гражданской оппозиции. Отсюда – высокая степень преемственности установившегося режима (получившего название "Новая республика") и предшествующих структур.

Правительство Сарнея было объявлено переходным, его основными политическими задачами стали создание новой демократической конституции, восстановление института прямых выборов и передача власти законному президенту страны, (способ избрания Т. Невеса и Ж. Сарнея коллегией выборщиков, с точки зрения большей части населения страны, был лишен легитимности).

Выборы в Конституционную ассамблею, призванную решить эти задачи, состоялись в ноябре 1986 г. Конституционная ассамблея заседала с февраля 1987 по сентябрь 1988 г. В начале работы собрания левой коалицией Конституционной ассамблеи, состоявшей из части членов ПБДД, ПТ, ПДТ, было внесено предложение об изменении структуры государственного управления и разделении полномочий исполнительной власти между президентом и премьер-министром. Этот вопрос был тесно связан с проблемой ограничения президентского мандата Ж. Сарнея с пяти до четырех лет. Сторонники введения этой системы полагали, что ликвидация сильной власти президента и повышение роли законодательной смогут воспрепятствовать рецидивам авторитаризма.

Дискуссия закончилась компромиссом. Был отвергнут проект введения парламентской системы управления, сохранен пятилетний срок президентского мандата. Однако в будущую конституцию страны вошла статья, серьезно ограничивающая права главы исполнительной власти. Президент лишался права издавать декреты-законы без конт-

роля парламента. Под контроль законодательной власти ставились вопросы, связанные с бюджетом страны, была проведена децентрализация федеральной власти. Президент фактически лишался права распределения бюджетных средств по штатам. Большая часть местных налогов по новой конституции оставалась в штатах.

Новая конституция Бразилии вступила в силу 5 октября 1988 г. В области политической был восстановлен *habeas corpus*, предоставлялись широкие гарантии соблюдения основных прав человека. Полностью отменялась цензура. Признавалось право на забастовку. Преступления против прав человека (имелись в виду пытки) объявлялись недопустимыми и не подлежащими амнистии. Была принята статья, ограничивающая прерогативы исполнительной власти, вводился институт плебисцитов. Право военных вмешиваться в политический процесс ограничивалось: они могли выступать лишь по инициативе и под руководством гражданского правительства.

От либерализации государства к демократизации общества. С принятием конституции 1988 г. был юридически оформлен переход Бразилии от авторитарного к демократическому режиму. Прямые президентские выборы 1989 г. стали его политическим завершением. В целом переход Бразилии к демократии был сравнительно постепенным. Сохранив контроль над процессом "сивилизации", трансформации авторитаризма, военные, по сути дела, навязывали оппозиции свои правила передачи власти, смогли обеспечить большую степень преемственности нового переходного правительства. Это придало консервативный характер институтам представительной демократии в стране и вместе с тем позволило затормозить проведение назревших и перезревших реформ (прежде всего аграрной и налоговой). Результат оказался двояким. С одной стороны, удалось избежать ожесточенного сопротивления правых (консервативная часть военных, олигархия северо-востока и севера страны, часть "национальной буржуазии" ее юго-востока). С другой – медленность изменений и, главное, их неравномерность затрудняли дальнейшую политическую эволюцию страны к современной демократической системе и политической культуре и не устраняли тех диспропорций экономического роста (неравномерное развитие различных отраслей народного хозяйства, глубокие социальные контрасты), которые были характерны для периода авторитарного правления.

Здесь одна из причин того, почему в Бразилии процесс демократизации не смог завершиться – и не завершился – демонтажем военного правления и сменой политического режима.

Уже события 1987–1988 гг., новая конституция страны (самая демократическая и "социальная" в регионе) продемонстрировали растущее расхождение между навязанной тенденцией преемственности – и тенденцией "демократического (реформаторского) разрыва". И в процессе демократизации, и в общественной жизни страны в целом.

"Разрыв" – или "преодоление", о котором идет речь, представляет собой явление достаточно "многослойное" и по ряду параметров – ка-

чественно новое для Бразилии, Латинской Америки и "третьего мира" в целом.

Уже в 1988 г. лево-социалистическая ПТ завоевывает муниципалитеты ряда больших городов страны, в том числе – крупнейшего из них – (14 млн) Сан-Пауло. В следующем, 1989 г. кандидат ПТ на президентских выборах, вчерашний токарь и организатор единого профцентра Л.И. да Сильва (Лула) во втором туре президентских выборов получает 31 млн – 42% голосов (включая голоса партии нынешнего президента страны Ф.Э. Кардосу). Буржуазии удастся навязать, продать стране, и прежде всего наиболее обездоленным ее слоям, своего, "как бы не эстеблишментовского" кандидата – красавчика, спортсмена, почти молодого Ф. Коллора (35 млн голосов). Однако через три года его сметает (импичмент) следующая, "антикоррупционная" волна массового демократического движения... 24 сентября 1992 г. конгресс принимает решение об импичменте Коллора. Впервые институционный кризис подобной остроты был решен строго в рамках действующей конституции и без вмешательства военных, что представляло для молодой бразильской демократии новый большой шаг вперед. Через два года, опять-таки при полном соблюдении буквы и духа демократических установлений (и в атмосфере демократического подъема) были проведены очередные выборы президента, местных органов власти.

В отличие от стран Азии в Бразилии напор гражданского общества на этатистские и авторитарные структуры шел не только в русле политической и экономической либерализации (и студенческих выступлений); борьбы, гегемоном которой выступили "новая буржуазия" и родственные ей группы. Параллельно с этим процессом, иногда – переплетаясь с ним, иногда "перпендикулярно", если точнее, его экономической составляющей) – разворачивались низовые движения социального большинства – за последовательную демократизацию политических институтов (включающую их "декорруппизацию"), против голода и самого вопиющего в мире социального неравенства, за "демократию участия". Налицо сложное взаимодействие импульсов и направлений борьбы, разделенных в Европе полувеками кондратьевских и эволюционных циклов. Это оказалось почти связанным – прямой и обратной связью – и с тем, что в Бразилии сложилась политическая сила (ПТ), которая как бы объединила в русле движения за последовательную политическую демократизацию и социальные права большинства устремлений и тенденции массовой борьбы XIX и XX в. (хотя и не смогла – пока – синтезировать их с "императивами XXI века"¹³.

Вместе с тем следует отдать должное бразильской буржуазии: ее способность к широкому политическому маневру, к "выходу из тени" военной диктатуры, к смене парадигмы развития (этатистской на неолиберальную) так же оказались самыми высокими в "третьем мире"¹⁴.

В какой-то мере в Бразилии можно, по-видимому, говорить об элементах "прогрессивной альтернативности"¹⁵ в рамках демократического и циклического (а также цивилизованного) перехода конца

XX века... Так или иначе выборы 1994 г., которые закончились неудачей левых сил – и победой их вчерашнего союзника социал-демократа Ф.Э. Кардосу, поддержанного на этот раз правыми, открыли новый этап процесса. Решается вопрос о принципиальной совместимости неолиберального, дезэтактизирующего курса – и социально-перераспределительной политики в рамках демократического развития.

- ¹ *Do Costa e Silva G.* Geopolitica no Brasil. Rio de Janeiro, 1967. P. 137–138.
- ² Институционные акты. № 1 (1965), № 2 (1965), № 3 (1966).
- ³ Закон № 4770 ИА № 5; органический закон о партиях (1971).
- ⁴ *Current History.* 1985. Vol. 84, N 499. P. 88.
- ⁵ *Martins L.* Notes sur le rôle ou le comportement des militaires au Brésil // *L'armée dans la nation.* Alger, 1975. P. 12.
- ⁶ *McDonough P.* Power and ideology in Brazil. Princeton, 1981. P. XXXIII, 199.
- ⁷ *Bruneau Th.* The church in Brazil: The politics of religion. Austin, 1982. P. 67.
- ⁸ *Roett R.* The transition to democratic government in Brazil // *World Polit.* 1986. Vol. 38, N 2. P. 378.
- ⁹ The new authoritarianism in Latin America / Ed. D. Collier. Princeton, 1979. P. 49.
- ¹⁰ *Philip G.* Democratization in Brazil and Argentina // *Government. and Opposition.* 1982. Vol. 19, N 2. P. 273.
- ¹¹ *Ibid.* P. 274.
- ¹² *Veja.* 1985. Jan. 18.
- ¹³ Принципиальное отношение к роли и функциям государства у ПТ (в тем большей мере – у других левых сил) остается по сути дела прежним, соответствующим тенденциям предшествующей фазы развития.
- ¹⁴ Речь идет о двух избирательных победах, вырванных буржуазией у блока левых и левого центра в 1989 г. и у левых – в 1994, с использованием сугубо нетрадиционных "свежих" кандидатов (и неотрадиционного TV-диктата).
- ¹⁵ Такой альтернативности, в которой оба проекта несут черты прогресса, усиливаемые самостоятельностью проектов.

ДЕМОКРАТИЯ (На примере Индии)

"Крупнейшая демократия мира" – это понятие справедливо утвердилось за независимой Индией. Здесь уже почти полвека функционирует система парламентской представительной демократии в условиях, качественно отличных от аналогичных политических систем промышленно развитых стран. По сравнению с ними Индия выделяется чрезвычайным разнообразием экономических, этнонациональных, социокультурных и иных условий.

Характер политического процесса в современной Индии и по сей день в значительной степени определяется такими факторами, как специфическая социальная организация общества, синтезирующая современные классовые структуры и такие традиционные объединения, как каста, сельская община, большая семья, а равно и громадные по численности конфессии и этносы. Современное индийское общество как бы фокусирует в себе все основные противоречия нынешнего человечества – между высшими формами мирового производства и стагнирующими структурами традиционного сектора, между неуклонно развивающимся общеиндийским гражданским обществом, составляющими его основу "средними классами" (численность которых, по некоторым оценкам, уже превысила 160 млн человек) и абсолютно преобладающим (и, подчеркнем, воспроизводимым на расширенной основе) населением, фактически оттесненным, несмотря на усилия государства, на периферию процесса развития.

Поэтому социально-политическое развитие независимой Индии отмечено имманентным дуализмом, поляризованностью общества. Дуализм проявляется на нескольких срезах – экономическом (громадное неравенство в распределении доходов между различными группами), технологическом (сосуществование натурально-традиционного и индустриального секторов хозяйства), пространственно-географическом (неравномерность развития по различным регионам), политическом (неодинаковый уровень политического участия в различных слоях населения), духовно-интеллектуальном (неравная открытость доступа к информации и ценностям мировой культуры для тех или иных сословно-кастовых подразделений).

И вместе с тем уже к моменту независимости в Индии возникло то, что сегодня принято называть буржуазным правовым государством с его важнейшими атрибутами (конституционные гарантии прав и свобод личности, правовое регулирование общественных отношений, разделение властей и т.п.). Это обстоятельство, а также значительная продвинутость буржуазных отношений еще на доколониальном этапе выделяет Индию по сравнению со многими развивающимися странами.

Вместе с тем индийский материал очень важен для понимания тех закономерностей или условий, которые способствуют утверждению демократических структур в "неклассической" ситуации стран запоздалого развития.

5.1. ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Исходный пункт траектории современного политического развития в Индии американский историк Э.Т. Эмбри относит к началу 80-х годов XIX в., когда "взаимодействие... британских властей, с одной стороны, и традиционного индийского социума – с другой, сформировало... общество, наделенное многими структурными характеристиками современных ему государств Запада и в организационном отношении радикально отличное от доколониальной Индии"¹.

Почему стало возможным такое взаимодействие, которое оказывалось непродуктивным в ряде случаев? Думается, в частности, потому что в генетическом коде индийского общества доиндустриального периода уже содержались черты, благоприятствующие политической модернизации и впоследствии немало способствовавшие становлению инфраструктуры гражданского общества.

Уже в классический период своего развития, т.е. до мусульманского завоевания, индийская цивилизация в некоторых существенных характеристиках отличалась от других великих цивилизаций Востока. Во-первых, уже в эпоху Упанишад мышление интеллектуальной элиты в древней Индии отличалось рациональным аналитическим подходом к явлениям окружающего мира и человеческого бытия². Во-вторых, буддизм как один из ферментов индийской цивилизации в центр теоретических и духовных поисков ставил человеческую личность (ее назначение, место в обществе, ценность индивидуального усилия, поиски жизненной правды и т.д.) и тем самым объективно способствовал тенденции индивидуализации сознания элитных слоев общества³. В-третьих, длительная непрерывная ведийско-брахманистская философская традиция, дополненная фундаментальными открытиями в области точных и естественных наук (например, создание десятичной системы исчисления), в той или иной мере стимулировала интеллектуальное развитие, прогресс науки⁴. Наличие развитой интеллектуальной традиции впоследствии, в принципиально иной исторической ситуации, облегчило элите колониального индийского общества восприятие идей и представлений буржуазной Европы, в частности концепций гражданского общества.

Таким образом, в традиционном Индостане сформировалась религиозно-философская мысль, которая хотя и освящала архаические социальные институты, обычаи и установления, но вместе с тем не препятствовала формированию и появлению на авансцене общественной жизни незаурядных индивидуальностей – мыслителей, государственных деятелей, общественных реформаторов. Эта тенденция прослеживается и приобретает более акцентированные формы и массовость уже в новое время. Достаточно вспомнить имена Р.М. Рая,

Свами Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, М.К. Ганди, Дж. Неру. Конечно, эта тенденция имела место главным образом в элите, в высших кастах. Тем не менее в этой среде еще с древнеиндийского периода наблюдается, по выражению Б.Н. Романова, определенная "диверсификация культуры", выражавшаяся в возможности "альтернативных способов поведения"⁵.

Кроме того, многие исследователи выделяют Индию среди множества восточных государств по степени развития денежной экономики. Застрельщиками процесса монетаризации выступали города. Город, по выражению Ф. Броделя, выходил за узкие рамки местной экономики и "связывался с широким общемировым движением"⁶. Уже с XIV в., отмечает он, "Индия располагала довольно оживленной денежной экономикой, которая постоянно будет двигаться по пути определенного рода капитализма; он, однако, не охватит все общество целиком"⁷.

Колониальный период (1757–1947) привнес многие новые элементы. Постепенное включение Индии как части формировавшейся Британской империи в систему мирового рынка требовало от колониальных властей "рационализации" в системе эксплуатации обширного субконтинента.

Задача, которую стремились решить колониальные власти, была не чем иным, как направляемой "сверху" модернизацией, имевшей конкретные прагматические цели, а именно: приведение государственно-правовой перестройки в соответствие с участием Индии – пусть неполноправным и подчиненным интересам метрополии – в международном разделении труда; подготовка квалифицированных кадров для нужд управления обществом и экономикой субконтинента, создание колониальным государством условий (с помощью частного капитала) для включения массовых слоев населения в производственные и иные процессы современного (капиталистического) типа; создание промышленной и социальной инфраструктуры в целях "рациональной", т.е. избегающей насильственных методов, эксплуатации Индии промышленным и финансовым капиталом метрополии.

Разумеется, действия британских властей не могли быть полностью успешными хотя бы потому, что они были в глазах индийцев чужеземцами и угнетателями. Тем не менее важным результатом британской политики в Индии было создание современного буржуазного государства, оснащенного всеми институтами и функциями, необходимыми для участия в разделении труда на мировом рынке. Смысл колониальной политики в области политических отношений, по словам американского историка Н. Джэкобса, состоял в том, что "британцы пытались сформировать новые связи на более широкой основе, чем каста, род и тому подобное, атомизировать членов традиционных общностей, а затем конституировать индивидуумов на новой основе (социальных) интересов"⁸.

Этот замысел реализовался скорее в тенденции. Тем не менее создание буржуазно-колониального государства, во-первых, значительно ускорило интеграционные процессы не только на территории Британской Индии, но и во многих княжествах нередко против воли их

правителей, вовлекавшихся в круговорот общеиндийской экономической, политической и культурной жизни. Во-вторых, развитие системы коммуникаций, а в широком смысле – промышленной инфраструктуры, определявшееся необходимостью участия в региональном и отраслевом разделении труда, интенсифицировало миграционные потоки на всей обширной территории Индостана, уплотнило социальные контакты между жителями различных регионов субконтинента.

В-третьих, нужды колониального управления явились мощным стимулятором создания и довольно быстрого распространения унифицированной европейской системы образования с ориентацией на профессиональную подготовку, рационализм, оптимизацию решений. Современная европейская система образования, успешно воспринятая в стране с весьма развитой интеллектуальной традицией, стала одним из катализаторов и экономического роста, и развития гражданских отношений. В-четвертых, начавшееся в 70-е–80-е годы XIX в. создание общественных организаций, а в 1885 г. – партии Индийский национальный конгресс (ИНК) заложило основу современного политического процесса – формирование общеиндийской политической элиты и политических партий. Наконец, в своей экономической и административной политике англо-индийские власти опирались на государственную бюрократию, ядро которой составляла Индийская гражданская служба (ИГС), руководствующаяся в своей деятельности нормами буржуазного права.

Все это способствовало становлению гражданских отношений и гражданского общества весьма специфического типа. Воздействие экономических, политико-правовых, идеологических и духовно-интеллектуальных факторов колониализма, условно говоря, раскололо индийское общество на две группы, которые существуют и по сей день, хотя их конфигурация и соотношение между собой постоянно менялись. Первая группа постепенно вырастала в так называемый средний класс, куда входили чиновники, предприниматели, интеллигенция и т.п. Эта конгломеративная общность непрерывно расширялась, особенно в Бенгалии, Махараштре и ряде других регионов. Средний класс стал потенциальной опорой представительной политической системы.

С этой группой еще в колониальный период связан процесс становления нового типа личности как базовой единицы политического процесса. Естественно, что новый индивид формировался внутри доиндустриально-традиционной социальной структуры, постепенно "выламывался" (говоря словами Горького) из нее. Новые типы мотиваций и ориентаций сосуществовали и органически уживались с принадлежностью и лояльностью иным, неполитическим (точнее, дополитическим) идентификациям – этническим, локальным, конфессиональным, кастовым.

Во вторую группу, численно абсолютно преобладавшую, входили "остальные", социальные мотивации, активность которых почти всецело определялись доиндустриальными, коллективистскими формами сознания. Таким образом, в период колониализма закладывались основы

как "поляризованной" экономики, так и специфического, "поляризованного" типа гражданского общества.

"Поляризованность" проявлялась в политических и правовых отношениях. Существовали, по сути, две юридические системы, обслуживавшие две полярные группы индийского общества. Современное буржуазное право регулировало социальные отношения внутри разрастающегося среднего класса, тогда как обширная социальная "периферия" функционировала в рамках туземных традиционных систем права. Государство как бы занимало позицию над обеими группами, но фактически ориентировалось прежде всего на средний класс как источник социально-экономического развития.

Помимо генератора социально-экономических процессов современного, индустриально-капиталистического типа, государство в колониальной Индии объективно приняло на себя функции нейтрализатора центробежных тенденций, внутренне присущих сложносоставному индийскому обществу; интегратора разнородных национально-этнических и конфессиональных интересов; политического начала, формирующего тип сознания, характерного для единой "нации-государства".

Одновременно уделялось внимание строительству власти на локальном уровне. Характерно, что деятельность низовых органов управления, уже в конце XIX в. комплектовавшихся на представительной основе, не ограничивались курированием сугубо политических дел – в их ведение были переданы отрасли, формирующие социальную инфраструктуру (образование и здравоохранение).

Политико-правовые нововведения второй половины XIX в., естественно, можно рассматривать и как политическую уловку колонизаторов, преследовавшую, в частности, цель замедлить радикализацию настроений в индийском обществе, сдерживать потенциальные силы, направленные на изменение политического статус-кво. Однако допустима и иная постановка проблемы: политические реформы второй половины XIX в. сделали невозможным дальнейшее поступательное развитие колониального общества без последующих преобразований, которые в свою очередь подготовили почву для политической трансформации власти на Индостане и в конечном счете для передачи власти в руки представителей индийского народа в 1947 г.

Политическая модернизация стимулировалась также базисными, социально-экономическими процессами. Так, в 1835 г. была введена на всей территории страны единая денежная единица. Развитие финансовых институтов имело логическое завершение в 1935 г. в создании Резервного Банка Индии. К моменту завоевания суверенитета страна находилась среди многих колоний и зависимых территорий на лидирующих позициях по протяженности железных дорог, выплавке стали, производству текстиля и т.д. Правда, объем промышленной продукции составлял лишь около 2% от общего ВВП⁹, а индустриализация даже в таких ее наиболее усовершенствованных проявлениях, как текстильные фабрики Бомбея и Ахмадабада и заводы ТИСКО, оказалась неспособной генерировать технологические инновации и промыш-

ленную революцию в масштабах всего общества, т.е. обеспечить его межформационный переход.

В этом плане политические, социальные и культурные инновации опережали экономические сдвиги. Взять, например, идею секуляризма, которая пришла в Индию под британским воздействием. Первоначально сфера распространения принципов секуляризма была чрезвычайно узкой, она охватывала своим влиянием лишь небольшую прослойку наиболее просвещенных интеллектуалов в Бомбее, Калькутте, Мадрасе. Последние были связаны более с общемировыми культурно-идеологическими процессами, чем с отношениями, развивавшимися внутри индостанского социума. Как правило, эта оторванная (точнее, уже оторвавшаяся) от традиционной "почвы" интеллектуальная элита рассчитывала на стимулирующее влияние проводимых англо-индийскими властями преобразований на экономический и духовно-интеллектуальный подъем общества, на повторение, если будет угодно, европейской траектории движения. Положение этой узкой, да еще и слабо структурированной в национальном масштабе общности во многом определялось ее корпоративной замкнутостью, нежеланием и/или неспособностью элитарных групп (главным образом брахманских) установить контакты с другими группами колониального общества, а также их отчужденностью от остального общества, нередко воспринимавшего интеллектуальную элиту как служанку колониальных властей.

В конце XIX в. наметилось по крайней мере два параллельных процесса, которые впоследствии оказали противоречивое воздействие на развитие гражданских отношений на Индостане в колониальный период. С одной стороны, нововведения колониальных властей стимулировали рост товарно-денежных отношений, способствовали разномасштабному втягиванию в процессе капиталистического развития массовых слоев населения. Ограниченная и во многих аспектах анклавная модернизация колониально-зависимой социально-экономической структуры была тем не менее для многих индийцев школой приобщения к современному техническому и управленческому опыту. Обозначившийся в конце XIX – начале XX вв. процесс расширенного воспроизводства капиталистических производственных отношений начал мощно подпитывать идеи секуляристской государственности, правовых отношений между обществом и личностью, т.е. принципы, лежащие в основе гражданского общества.

С другой стороны, как процессы капиталистического развития, так и в еще большей степени движение за суверенитет ускорили вовлечение в общественно-политические процессы достаточно массовых слоев населения, большая часть которого еще не подвергалась влиянию социализации современного, буржуазного типа. Для этих групп населения секуляризм, в силу низкого уровня и дифференциации их общественного сознания, не мог стать символом консолидации вокруг идеи независимости. Поэтому для некоторых политиков более привлекательной стала мысль о вовлечении масс в движение за суверенитет под идеологическими лозунгами "ревайвализма", возрождения

традиционной культуры, что, согласно их представлениям, поможет объединению людей на платформе общности наследия цивилизации, адаптации (но не реформации) религии к целям и задачам национального движения.

Такой подход таил в себе, однако, деструктивные потенции. Именно: апелляция к религии как к универсальному идейно-культурному интегратору общества (естественно, речь при этом шла о религии большинства – индуизме) препятствовала появлению подлинно независимого секулярного интеллектуального сообщества, способного, подобно Западной Европе эпохи Просвещения, возвыситься над конфессиональными и расово-этническими противоречиями и на основе универсалистских принципов сформулировать для всего общества концепцию движения вперед, или, выражаясь современным экономическим языком, "стратегию развития".

Вместе с тем апелляция к ценностным представлениям "своей" религии оказалась весьма эффективным инструментом мобилизации масс на определенные политические действия. Однако в условиях поликонфессионального общества это привело также к нарастанию трудностей в межрелигиозных отношениях, особенно между двумя крупнейшими конфессиями – индусами и мусульманами. Трудности объективно превратились в противоречия после введения, начиная с реформ Морли – Минто (1909 г.), системы политического представительства по религиозным общинам. Поэтому, хотя индийская политическая элита к началу 40-х годов XX в. добилась существенных успехов в проникновении в толщу социума, но в конкретных условиях Индии соединение массового движения, заряженного традиционалистской энергией, с миром организованной политики все более приобретало коммуналистские формы¹⁰.

Традиционно-религиозные символы и лозунги служили наиболее доступным и адекватно усвояемым средством апелляции к властям и выражения своих социально-экономических интересов. Такого рода ситуация была вообще характерна для доиндустриальных обществ, где социальный протест приобретал, по словам К. Маркса, "отчужденную форму религии"¹¹.

Нарастание кризисных тенденций в обществе, и не в последнюю очередь в области религиозно-общинных отношений, англо-индийские власти пытались купировать с помощью традиционных, доказавших свою действенность в метрополии, да и вообще в Западной Европе, мер – конституционных преобразований, расширявших состав полноправных участников избирательного процесса. Однако введение курриальной системы политического представительства в конкретной индийской ситуации, по сути, способствовало поляризации общества по религиозно-общинным линиям. Так, в начале XX в. даже в таком крупнейшем городе Индии, как Калькутта, промышленный пролетариат нередко выражал свой протест против существующих условий жизни не столько в классовых, сколько в религиозных формах¹².

Религиозные стимулы политической деятельности особенно проявились в среде мусульманской общины в Индии. На Лахорской сессии

Мусульманской лиги (1923 г.) было выдвинуто требование о полной автономии для провинций, населенных преимущественно мусульманами, в будущей структуре федеративного государственного устройства. Кульминационным пунктом этих процессов стало движение за создание Пакистана, представлявшее собой попытку мусульманской элиты утвердить свою особую социально-культурную и политическую идентичность.

Но в целом национально-освободительное движение в Индии преследовало цели национальной интеграции и последующее буржуазно-демократическое развитие. В национально-освободительном движении на уровне политического сознания происходило становление гражданского общества и его носителя – политически ориентированной личности. Вместе с тем мы можем определенно говорить об ускорении процесса социализации личности на нетрадиционалистской (или квазитрадиционалистской) основе, "перекрывавшего" конституирование общенациональных демократических ценностей и секулярной политической культуры. Оба эти процесса, по крайней мере с 20-х гг. XX в., имели, по существу, поступательный и непрерывный характер, на короткое время прерываясь либо в виде политического компромисса (1930–1931 гг.), либо как следствие репрессивной практики англо-индийских властей (1932 г., 1942 г.), либо как результат сознательного, тактического отступления лидеров Движения во главе с М.К. Ганди.

Исторический масштаб Движения во многом определялся его характером и целями, их ориентацией на создание секуляристской и демократической формы государственности. В ходе этой "позиционной войны", как определял Движение А. Грамши, национально-освободительный лагерь постепенно, на основе эффективного использования тактики "давление – компромисс – давление" отвоевывал у колониальных властей одну позицию за другой. В рамках этого стратегического замысла, основными конструкторами которого выступали М.К. Ганди, Дж. Неру и их сподвижники, каждая стадия была шагом вперед по отношению к предыдущей, а широкие слои населения начинали играть все более активную роль в процессе политического освобождения.

Национальное движение с самого своего зарождения избрало в качестве основных политических макроцелей парламентскую демократизацию и концепцию прав и свобод человека. Фактически история национального движения – это и процесс утверждения на индийской почве современных политических (представительных) институтов и соответствующих им ценностей и нормативов межличностного общения. Немаловажно, например, то обстоятельство, что важные политические решения, как правило, принимались после оживленных дебатов и с неизменным использованием процедурных норм, соответствовавших демократиям "классического" типа.

Одним из краеугольных оснований идеологии Движения была социальная ориентация взглядов его лидеров, прежде всего М.К. Ганди. Его взгляды, во многом под влиянием Дж. Неру, в 30-е–40-е годы претерпели довольно радикальную трансформацию – в сторону боль-

шего учета интересов социально ущемленных слоев населения, даже если реализация этих интересов должна была осуществляться за счет зажиточных социальных групп. Социальная проблематика, как ее понимал М.К. Ганди, распространилась в этот период и на межкастовые отношения, на аграрную трансформацию и на другие сферы.

Словом, национальное движение утвердило себя на принципах четкой антиколониальной идеологии, глубокой лояльности концепции прав человека и основных свобод личности, защиты социальных прав граждан и незыблемости секуляристских оснований индийской государственности. Именно такое видение будущего, подкрепленное непререкаемым авторитетом М.К. Ганди и Дж. Неру, позволило добиться необратимости вовлечения в общественную жизнь массовых слоев населения, т.е. реализовать в индийских условиях выработанные в иной цивилизационной среде идеи демократии, социальной справедливости и ответственного перед обществом политического режима.

¹ Embree A.T. India's search for national identity. Delhi, 1981. P. 22.

² Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия, наука, религия. М., 1980. С. 59.

³ Там же. С. 81, 114, 126.

⁴ Там же. С. 157, 224.

⁵ Романов В.Н. Историческое развитие культуры: Проблемы типологии. М., 1991. С. 99–100.

⁶ Бродель Ф. Игры обмена: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1988. Т. 2. С. 107.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Jacobs N. Patrimonial interpretation of Indian society. Delhi, 1989. P. 107.

⁹ Ibid. P. 134.

¹⁰ Das S. Communal riots in Bengal, 1905–1947. Delhi, 1991. P. 11.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 134.

¹² Das S. Op. cit. P. 24.

5.2. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ИНДИИ

Антонио Грамши в свое время определял гражданское общество как инфраструктуру политики и политического процесса. Существуют и другие дефиниции в литературе, богатой на данную тему, включая Гегеля и Маркса. Мы не будем здесь углубляться в историографию и выделим лишь главные элементы такого явления, как гражданское общество. Последнее формировалось в качестве неотъемлемой принадлежности буржуазной формации. Гражданское общество складывалось как система взаимоотношений частных собственников, имеющих не только общие, но и различные интересы и потому нуждающихся в выработке определенных "правил игры". Основным "правилом игры" стало правовое государство, основанное на выборных представительных механизмах, схеме разделения властей и демократических процедурах функционирования органов управления. Коренной признак правового государства – принцип верховенства закона, который направлен не

только на соблюдение определенных правил в системе власти, но и на защиту прав любого члена общества от возможных нарушений со стороны государства (даже самого демократического). Чтобы эта защита была действенной, общество разворачивает сеть различных самостоятельных организаций, которые выражают интересы тех или иных групп, воздействуют так или иначе на органы управления — включая методы их формирования "снизу", демократическим путем.

Ведущими организациями такого рода являются политические партии. Но помимо их, существуют и другие ассоциации граждан — профсоюзы, объединения предпринимателей, творческие союзы интеллигенции, университетские автономии, клубы и т.д. Совокупность этих организаций и образует то, что называется гражданским обществом. Последнее составляет необходимое условие политической демократии, ибо только развитая общественная самостоятельность, активность граждан в отстаивании своих интересов позволяют находить консенсус в обществе, поддерживать демократические механизмы в управлении и предотвращать сползание их либо к анархии, либо к диктаторской власти.

Складывание гражданского общества в ныне развитых странах было весьма длительным и постепенным, заняло несколько веков. Оно явилось там одновременно условием и мощным ускорителем политической модернизации, отражением и вместе с тем стимулом экономического развития. В странах же, подобных Индии, принудительно включенных в общемировую систему экономического, политического и культурного общения, политический процесс и сопровождавшая его политизация массовых слоев населения (ускоряемая противостоянием всего зависимого общества инонациональному колониальному господству) обладали, несомненно, большим динамизмом, нежели процессы в социально-экономическом базисе, определявшие в конечном счете и развитие гражданских отношений. Иначе говоря, развитие политических отношений в колониальном обществе выступало как самостоятельный фактор, "подталкивавший" (наряду с социально-экономическими сдвигами) развитие гражданских отношений. К тому же это происходило в рамках весьма ограниченного периода времени. Все это обусловило как специфику гражданского общества в развивающемся социуме, так и определенные противоречия и трудности на этом пути.

Партийно-политическая система. Современная партийно-политическая система в Индии формировалась в лоне национально-освободительного движения, что является главным отличием от соответствующих аналогов в промышленно развитых государствах. Для индийского социально-политического развития характерна своего рода инверсия, т.е. опережение становления современных буржуазно-представительных институтов по сравнению с составляющими основу их деятельности процессами в социально-классовой структуре, выявившееся уже в период колониализма.

Организирующим центром национального движения, его институциональной основой стала партия Индийский национальный конгресс. Умелое сочетание массовых антиколониальных акций с прагматической

политической тактикой, имевшее целью добиться постепенной сдачи англо-индийскими властями своих позиций, явилось важным фактором для социально-политического развития Индии в период независимости. Можно говорить о двух основных направлениях, по которым развивался этот процесс.

Во-первых, происходило становление политической системы буржуазно-демократического типа, одной из наиболее устойчивых в развивающихся странах и по ряду параметров вполне выдерживающих сравнение с политическими системами развитых капиталистических стран.

Во-вторых, в период национально-освободительного движения формировалась политическая традиция, выраженная в концепции "демократического консенсуса" – общенационального согласия вокруг необходимости сохранения в стране парламентских учреждений. В Индии утверждалась современная политическая культура, в которой, при всех различиях классовых ориентаций, была ясно выражена приверженность к правовому государству, разделению властей, секуляризму, что бесспорно выделяет Индию из обширного массива афро-азиатских стран, где нередко преобладает хождение теократических, патронажно-клиентурных, корпоративистских и иных концепций государственности.

В Индии регулярно проводятся всеобщие парламентские выборы (в период 1947–1993 гг. их было десять). Динамика активности электората такова, что количество граждан, приходящих к избирательным урнам, неуклонно возрастает и уже превысило 60% от общеиндийского избирательного корпуса. Эти показатели вполне сопоставимы с аналогичными данными по некоторым ведущим промышленно развитым странам.

Количество избирателей, отдающих в Индии голоса за общенациональные политические партии (по преимуществу буржуазные), стабилизировалось около отметки 70%. А если сюда приплюсовать голоса, поданные за крупные региональные партии ("Телугу Десам", "Дравид муннетра кажагам", АДМК и др.), то электорат основных партий страны – национальных и региональных – превысит 80% от общеиндийского избирательного корпуса.

По мнению индийского автора Н. Прасада, индийские партии реализуют четыре основные социальные функции, формирующие и одновременно стабилизирующие гражданское общество:

1. Введение в политическую систему новых (ранее не участвовавших либо участвовавших пассивно) социальных групп – интеграционная функция.

2. Урегулирование конфликтов в сфере гражданских отношений – амортизационная функция.

3. Расширение пространства политической системы и предотвращение концентрации власти (как экономической, так и политической) в различных "нишах" гражданского общества – стабилизационная функция.

4. Способность структурировать участие граждан в политическом

процессе при помощи механизмов политической системы – защитная функция¹.

К этому можно прибавить и другие аспекты деятельности политических партий в Индии – обеспечение обратной связи между обществом и государством (мобилизационная функция); регулярное пополнение и обновление политической элиты в ходе выборов, избирательных кампаний и пр. (организационная функция); обеспечение взаимодействия между центром и штатами, а также "горизонтальных" связей между различными группами в штатах и дистриктах (национальная функция).

Существует также идеологическая функция политических партий общенационального масштаба. Идеологиям основных общенациональных партий Индии внутренне свойственны два опорных постулата – "национализм" (определяемый формулой "экономическая независимость плюс политический суверенитет и самостоятельная внешняя политика") и "развитие" (понимаемое как стратегия развития и политика, предполагающая преимущественное внимание к интересам массовых слоев, сопряженная с известными ограничениями на деятельность крупного капитала и имеющая целью соединение демократии социальной и демократии политической).

В настоящее время, как на основе контент-анализа манифестов политических партий показал Э.Н. Комаров, позиции партий по основным вопросам развития постепенно сближаются². Поэтому в деятельности основных партий Индии (исключая, разумеется, левodemократические) фактор идеологии играет второстепенную роль. Партийные программы, не говоря уже о предвыборных манифестах, преследуют цель оттенить сущностное сходство основных буржуазных и реформистских партий и в то же время – драматизировать существующие между ними различия. Так, многочисленные слияния и расколы в индийских буржуазных и реформистских партиях (особенно частые в 80-х годах) не в последнюю очередь мотивированы неидеологическими факторами – соображениями конъюнктуры, политической выживаемости, личных амбиций руководителей и рядовых политиков и т.д. По наблюдениям английского ученого Д. Селборна, руководители Индии – это "политические акробаты", действиями которых руководят престиж и личная выгода, но не идеология³.

В сложном индийском обществе политическая идеология неизбежно приобретает эклектичный характер, поскольку идеологический синкретизм – это наиболее действенный путь к массовому сознанию. Основные составляющие подобного политико-идеологического комплекса – концепция "смешанной экономики", ценность развития, принципы социального компромисса и демократического консенсуса. Один из наиболее важных компонентов политической идеологии в Индии – секуляризм, сознательное отделение религии от политики и предотвращение конфликтов между представителями различных конфессий. В работах индийских авторов этот идеологический комплекс получил характеристику "прагматического социализма"⁴.

В Индии можно наблюдать циклическое чередование тенденций,

внутренне присущих эволюции партийно-политической системы "открытого" типа. Речь идет о таких тенденциях, как "централизация" и "децентрализация". Некоторые авторы полагают, что о подобном чередовании позволительно говорить со второй половины 60-х годов, когда произошло окончательное складывание партийно-политической системы в целом⁵.

Процессы децентрализации связаны с проявлением таких факторов, как регионализм, массированное вовлечение в политическую жизнь индийской деревни, кастеизм, коммунализм. Эти факторы способствуют повышению самостоятельности политических партий (да и институтов государственно-административного управления) в штатах по отношению к общенациональным социально-политическим организациям. В период "децентрализации" в Индии, как правило, синхронно развиваются два негативных процесса: 1) возрастание воздействия олигархических и иных "групп интересов" на политический процесс в штатах; 2) частичная утрата партийной системой качеств саморегулируемости и самоуправления, а также легитимности.

Кризис легитимности политической системы, явственно проявившийся в конце 60-х годов в виде расширявшегося вакуума внутри партийно-политического механизма, мог быть компенсирован только усилением полномочий дееспособной исполнительной власти, персонифицированной И. Ганди. Такого, очевидно, наиболее общего объяснение и таких явлений, как "харизма" или усиление авторитарных тенденций в общественно-политической жизни Индии в первой половине 70-х годов, вплоть до введения чрезвычайного положения. Расширение полномочий исполнительной власти – явление типичное не только для Индии и не исключительно для развивающихся стран. Однако в условиях (как внутренних, так и внешних), в которых существует Индия, расширение полномочий центральной исполнительной власти отражает общую тенденцию к усилению централизации государственно-политического механизма индийского общества. В свою очередь, централизация и государственный унитаризм выступают в современных условиях Индии основными предпосылками внутренней социальной стабильности, поскольку нерешительность и безынициативность центральной власти лишь поощряют сепаратистские настроения и тенденции.

Циклическое развитие партийно-политической системы современной Индии также отражает и циклический характер более глубоких процессов, неравномерность развития. Здесь выступают два взаимозависимых аспекта: аспект собственно экономический (смена стагнации подъемом и наоборот) и аспект политический, выработка экономической стратегии – этатистской или ориентированной на частный сектор. В общем и целом политической элите Индии до сих пор удавалось совмещать госрегулирование с экономическим либерализмом так же, как принцип равенства возможностей с установкой на социальную справедливость. Индийская интеллектуальная элита постоянно выдвигает различные альтернативные модели экономического и политического развития, в которых общество предохраняется от

возможной деформации демократической системы, своим упадком выстилающей путь к "административной" (т.е. авторитарной) модели экономики и политики⁶.

Партийно-политическая система Индии адекватно отражает реалии гражданского общества "поляризованного" типа: неравноправие, глубоко укоренившееся в социальной структуре и экономических отношениях индийского общества; углубляющаяся имущественная и культурная дифференциация между элитными группами и массовыми слоями населения, не относящимися к так называемому среднему классу. Окончательная стабилизация подобной партийно-политической системы возможна лишь в процессе дальнейших преобразований – аграрных реформ, расширения и совершенствования социальной инфраструктуры общества (образование, здравоохранение, социальное обеспечение) и облегчения доступа к ней для низших слоев населения, приобщения сельского населения к кооперативному движению, политической децентрализации через систему панчаятов и т.д.

В 70-е–80-е годы в индийском обществе набирают темп урбанизация, "зеленая революция", развитие средств массовой коммуникации, распространяющих многообразную политическую информацию и объективно способствующих становлению рационалистических стереотипов сознания и культуры.

В политическом плане эти изменения означают расширение влияния партийно-политической системы на общественную жизнь индийской деревни, повышение восприимчивости сельского населения к проблемам "большой" политики, выделение последней в самостоятельную сферу профессиональной деятельности в секторе общества, где сегодня проживает уже около одной четверти населения (более 200 млн человек). Социальная позиция индивида определяется уже не столько системой сословно-иерархических связей, сколько современными критериями – уровнем дохода, образованием, профессиональной квалификацией. Буржуазная представительная демократия, создав новые побудительные мотивы и стимулы социально-политической активности, расширила социальное пространство политики, в которой теперь участвуют большие группы, объединенные в различные организации⁷.

В целом социально-экономические процессы в период суверенитета способствовали укреплению основ системы представительной демократии в Индии. Эти процессы выразились в том, что во-первых, произошли качественные сдвиги в социальной структуре индийского общества, приведшие к возрастанию доли и роли современных слоев и групп в самодеятельном населении. Во-вторых, процесс социально-экономической модернизации одним из своих последствий имел рационализацию культурных стереотипов и политических ориентаций современных индийцев. Индийские социологи отмечают, что значительную трансформацию претерпевает и структура политического сознания, в котором наблюдается постепенный переход от кастовых идентификаций к сознанию классового типа; от ориентаций на замкнутый мир микроструктур (семьи, касты, общины) к универсалистским воззрениям;

от апатии, квиетизма и социальной пассивности к сознательному участию в политическом процессе⁸.

Вместе с тем, как уже отмечалось, гражданское общество в Индии формируется в условиях сохраняющейся поляризации социально-экономического пространства, в рамках которого сильные позиции сохраняют два основных подразделения – городская торгово-промышленная и аграрная буржуазия. Эти социальные группы с немалой для себя выгодой используют существующую социальную систему с сохранением обширных массивов до- и раннеиндустриальных экономических структур. Например, политический представитель и идеолог формирующейся аграрной буржуазии Ч. Сингх активно выступал против земельных реформ, улучшающих положение сельской бедноты и сельскохозяйственных рабочих. Не случайно, руководимая Ч. Сингхом партия "Лок Дал" в общественном сознании "ассоциировалась с жестокостями, творимыми по отношению к малоимущим и безземельным слоям деревни"⁹.

Политическое конституирование аграрной буржуазии в институциональной сфере гражданского общества проявилось в создании собственных политических партий, подобных "Лок Дал", и в попытке самостоятельного прорыва к вершинам федеральной политической власти (выборы 1977 г.). Здесь проявляется феномен специфического "деревенского" популизма. Особенность подобного популизма в том, что он направлен не столько против капитализма как системы общественных отношений, сколько против городской крупной буржуазии, хотя одновременно он организует предпринимателей-агров, превращение их из "класса в себе" в "класс для себя".

Арбитром в этих общественных противоборствах (одна фракция буржуазии против другой, богатые против бедных и др.) выступает государство и соответствующая "идеология гегемонии государства"¹⁰. Государство в Индии регулирует и расширяет социальное пространство гражданского общества за счет бюджетного механизма перераспределения средств, политики ценообразования, протекционизма во внешней торговле и т.п.

Индийское государство является главным гарантом сохранения единства страны, противостоящим различным проявлениям сепаратизма. Далее, государству принадлежит главная роль в развитии экономической инфраструктуры (железные и автомобильные дороги, средства водной коммуникации, почта, телеграф и т.п.), обеспечивающей развитие Индии как единого национально-территориального целого, а также в интеграции многоукладного народного хозяйства. Государство вырабатывает и контролирует реализацию стратегии общенационального развития, корректирует экономические планы. При этом происходит постоянное взаимовлияние экономических и политических аспектов процесса развития.

Так, до середины 60-х годов формирование гражданского общества сопровождалось и позитивными процессами в экономике (ежегодные темпы роста – около 4%). Однако после 1967 г. начались сбои. Это было связано с развитием негативных тенденций внутри государст-

венно-политического механизма. Политике Неру была противопоставлена линия на подчинение деятельности правительства узкопартийным интересам, что ослабило институт премьер-министра и центрального правительства, развязало центробежные тенденции в индийском государстве.

На эффективности политической стратегии отрицательно сказались последствия раскола ИНК 1969 г., который привел в действие два противоположно направленных процесса. С одной стороны, эрозия институционального механизма Конгресса на общенациональном и региональном уровнях создала в государственно-политической системе положение, при котором возросла роль бюрократии. С другой стороны, во внутрипартийной борьбе в ИНК, разгоревшейся после раскола, верх взяли элементы, предпочитавшие "эффектные" агитационные методы систематической, кропотливой работе среди населения. Эти процессы резко усилили центральную власть, объективно способствовали расширению ее полномочий и одновременно привели к расстройству функций партийного механизма ИНК, ранее обеспечивавшего поддержание политического равновесия на федеративном и штатовском уровнях.

Логика пути развития, который избрали правящие круги Индии, означала закрепление доминирующего положения профессиональных политиков, частного капитала (в том числе крупного) и бюрократии в политическом механизме, их постепенное обособление от остального населения.

Одновременно происходило расширение правящей элиты, усложнение ее состава – главным образом за счет притока верхушечных групп зажиточного крестьянства и нового поколения политиков (представителей крупного капитала). Однако расширение социального состава правящей политической элиты, по мнению известного индийского политолога Р. Котхари, не всегда тождественно стабилизации политической системы. "Поскольку процесс развития не корректируется нормами демократии... постольку в стране формируется правящая элита, не отягощенная заботами о чаяниях общества и действующая в ущерб интересам основной массы граждан"¹¹.

Действительно, на рубеже 60-х и 70-х годов разразился кризис индийской политической модели. Он проявился в определенной эрозии системы представительной демократии, усилении аппарата исполнительной власти за счет законодательных учреждений, появлении авторитарных тенденций в деятельности политических партий. Кризис был результатом быстрой политизации масс, за которым "не поспевала" политическая элита. Он объяснялся также диспропорциями экономического и социального развития. "Наверху" началась борьба "между сторонниками технико-экономического подхода, близкого по духу к плановым идеям, и социально ориентированного, ставящего в центр проблемы деревенской нищеты и быстро растущей безработицы"¹². "Градус" этой борьбы подогревала значительно возросшая активность массовых слоев населения.

Здесь-то и прошли "испытание на прочность" партийно-полити-

ческая система и гражданское общество Индии. Достаточная зрелость гражданского общества проявилась не столько в довольно быстрой реакции государства и его институтов на новые проекты социального обустройства Индии, сколько – в оперативном отклике самокорректирующего механизма на нарушения экономического развития страны и на обострение социально-классовых противоречий. Вовлеченные в кризисную ситуацию стороны понимали: "коридор возможностей" чрезвычайно узок и приходится соизмерять последствия происходящей конфронтации. Несмотря на то, что И. Ганди в 1975 г. ввела чрезвычайное положение, и она, и ее правительство хорошо понимали, что эти меры могут быть лишь временными и что невозможно управлять столь сложным обществом авторитарными методами.

Еще одним показательным примером действенности самокорректирующего механизма индийского гражданского общества были итоги всеобщих выборов 1977 г., зафиксировавшие отстранение партии – Индийский национальный конгресс от власти и – впервые с 1947 г. – прекращение ее монополии на власть на общенациональном уровне. Обобщая результаты работы, проделанной этим механизмом самокоррекции, российский индолог С.В. Малыгин отмечал, что «партия "Джаната" смогла лишь в более четко сформулированной форме высветить некоторые кризисные аспекты экономического бытия Индии и соответственно подтолкнуть пришедшую ей на смену администрацию ИНК(И) к более полному осознанию реалий... социально-экономической и политической обстановки в стране и практической деятельности, строящейся с учетом этих обстоятельств"»¹³. В целом после кризиса 70-х годов политическая демократия в Индии скорее укрепилась, хотя многие проблемы – как экономические, так и политические – по-прежнему сохраняются. Соответственно партийно-политическая система в стране остается в состоянии неустойчивого равновесия.

Дело в том, что отсутствие явно выраженной поляризации политического процесса скрывает всевозрастающее социальное расслоение в индийском обществе. Поэтому реформы сугубо политического характера (введение президентской формы правления, панчаятской системы; снижение возрастного ценза для избирателей; активизация муниципальных органов и т.п.), не сопровождающиеся структурными социально-экономическими преобразованиями, не в состоянии повысить устойчивость политической системы. Низкий, пока не сопоставимый с Западной Европой, культурный уровень населения, объективированный в социальной психологии, политической культуре и политическом сознании масс – вот главная причина недостаточности реального демократического контроля над политическими партиями, правительством и государством, а также коррупции в правящих кругах и госаппарате.

Действие "поляризующего эффекта" внутри гражданского общества, несомненно, усиливается вследствие включенности Индии в широкие контакты с более высоко развитыми экономическими системами. Одно из конкретных проявлений "поляризующего эффекта" – неконтролируемый перенос западной капиталоинтенсивной технологии в общество, постоянно ощущающее растущее давление армии трудо-

способных на ограниченные источники производительной занятости. Одно из важных политических последствий этого процесса – усиление авторитарных начал в системе политической власти, волевых полномочий ее исполнительных институтов. Показательна точка зрения ряда индийских ученых, особенно четко очерченная С. Гхошем: авторитаризм в общественно-политической жизни Индии имеет объективный характер, его усиливают неконтролируемые процессы НТР, ибо наукоемкая технология доступна лишь крайне узкой прослойке индийского общества. Эта прослойка и концентрирует у себя социальные результаты внедрения технологии НТР. Естественно, что она не намерена делить свое "достояние" с массами общества и будет использовать для охранения его всевозможные средства, не исключая репрессии¹⁴.

Вместе с тем, анализируя факторы, дестабилизирующие политическую систему, индийский автор З. Масани пришел к заключению, что реальная угроза ее существованию исходит от безработных, молодежи, маргиналов – выходцев из городской мелкобуржуазной среды. Разрастание этого слоя происходит такими темпами, что существующая в Индии структура власти может претерпеть серьезные изменения¹⁵.

Приведенные факты и критические высказывания можно рассматривать не только как указание на слабости индийской политической системы, но и как на свидетельство ее жизненности. Ибо социальная критика, развитая система гуманитарных наук и ее высокий профессиональный уровень – все это "работает" на систему обратных связей, идущих от общества к государству, на консолидацию гражданского общества в Индии и в конечном счете на укрепление партийно-политического механизма в стране.

Точно также периодически возникающее рассогласование политических процессов и экономической модернизации во многом определяется открытым характером политической системы и той особой ролью, которую играют в политическом воспитании населения выборы и избирательные кампании.

В самой общей форме можно утверждать: выборы, особенно общенациональные выборы, являются самостоятельным фактором ускорения процесса политической модернизации. Политическому "созреванию" массового индийца способствует естественное во время избирательной кампании обострение интереса к таким проблемам, как классовая ориентация социально-экономической политики партий, отношения между политической элитой и электоратом, мотивация партийных предпочтений и т.д. Процесс развивается как на индивидуальном, так и на массовом уровне. "Избирательные кампании, – считает индийский автор Пармананд, – представляют возможность оценить уровень политической коммуникации в обществе. В такой стране, как Индия, содержание политической информации, получаемой различными группами общества, значительно варьируется в зависимости от географии, от условий жизни (город или сельская местность), а также от принадлежности индивида к той или иной классовой либо кастовой группе"¹⁶. Немаловажно и то, что избирательные кампании сводят лицом к лицу избирателей и политических лидеров.

Всеобщие выборы высвечивают основные проблемы и направления, по которым общество должно развиваться в ближайшие пять лет. Даже в имеющих ограниченную ценность партийных манифестах нередко достаточно акцентированно бывают очерчены контуры будущей политики той или иной партии по таким основополагающим направлениям, как положение религиозных меньшинств, государственное управление, социальная политика, занятость, развитие промышленности и сельского хозяйства, госсектор, отношение к основным макрогруппам индийского общества. В предвыборной кампании, благодаря усилиям региональных партий, нередко звучит и тема отношений между центром и штатами (более равномерное распределение материальных финансовых ресурсов, придание конституционного статуса Плановой комиссии и повышение ее роли в развитии штатов, усиление ответственности госсектора перед обществом и т.д.).

Если говорить о роли избирательных кампаний в становлении общественного сознания, то весьма показательны в этом отношении всеобщие выборы 1984 г., последовавшие за трагической гибелью И. Ганди. Важнейшей проблемой на этих выборах стало сохранение национального единства. Рост демократического сознания населения косвенно отразился в манифестах ряда партий, в частности у "Джаната парти" (лозунг "Вся власть – народу"). Достаточно четко выразились различия в подходах правящего Конгресса и оппозиционных партий к проблеме "центр–штаты": если ИНК(И) настаивал на необходимости сохранения принципов унитаризма, зафиксированных в конституции, для поддержания целостности страны, то практически все оппозиционные партии, включая коммунистов, высказывались за более или менее существенный их пересмотр и за перенесение акцента на принципы экономической и политической децентрализации. Определенное место в избирательной кампании заняла тема реформ в политическом механизме (демократизация партий, снижение возрастного ценза до 18 лет, использование компьютерной техники для подсчета голосов, синхронизация парламентских и штатовских выборов)¹⁷.

Результаты всеобщих выборов имеют, как правило, долгосрочные последствия. Так, всеобщие выборы 1984 г. дали толчок для изменения правящими кругами концепции отношений между центром и штатами, поскольку правительство ИНК осознало, что в основе результатов выборов в штатах: Западная Бенгалия, Андхра Прадеш, отчасти Карнатака и в некоторых других лежат долговременные факторы, определяющие партийные предпочтения избирателей.

Выборы являются стимулятором поступательного развития гражданских отношений и в том смысле, что в последние годы активизируется участие в них малоимущих и неимущих групп. Иначе говоря, практически все слои населения так или иначе заинтересованы в сохранении представительной системы, поскольку через нее могут быть в той или иной мере реализованы их социальные интересы, поскольку возникает шанс на урегулирование межобщинных отношений, на обеспечение гражданских и политических прав.

Процессы модернизации вовлекают в политическую жизнь массо-

вые группы населения, ранее от нее отстраненные. Урбанизация, индустриализация, а отчасти и "зеленая революция" – эти факторы постепенно нарушают сложносоставное равновесие, сложившееся в индийском обществе, вынуждают индивидов и целые общности искать "точки опоры" в новой, бурно развивающейся жизни. Такие поиски неизбежно затрагивают такие важные для Индии реальности, как этносы.

Наличие крупных этносов, с одной стороны, и функционирование политической системы открытого типа – с другой, создают благоприятные возможности для усиливающегося влияния этнонациональных факторов на общую расстановку социально-политических сил в стране. Сам процесс модернизации, отмечает авторитетный индийский ученый П.Н. Растоги, "мобилизует этнические группы и превращает их в активно действующие политико-культурные общности. Быстрота социальных изменений, а равно и интериоризация нетрадиционных ценностей, генерируемых модернизацией, способствуют развитию чувства отчуждения от общества, потери жизненной ориентации и ощущению незащищенности у индивидов и групп, подвергшихся процессам модернизации"¹⁸. Помимо этого, модернизация (точнее, форсированное капиталистическое развитие) углубляет диспропорции в распределении экономических ресурсов между различными регионами, что в Индии воспринимается как ущемление интересов одних национально-этнических групп и неоправданное возвышение других.

Короче говоря, неравномерность порайонного социально-экономического развития косвенно способствует обострению национальных конфликтов, тогда как предсавительная система "канализирует" их открытое проявление. Эти конфликты, очевидно, можно различать по степени интенсивности. Во-первых, это – естественно развивающиеся противоречия между "общими" и "партикулярными" интересами полиэтнического общества. Такого рода противоречия в индийской политической системе проявляются как противоборство двух противоположных политических тенденций – к централизации и децентрализации социально-экономического и политического курса государства. Эти тенденции в более или менее выраженной форме проявились в Индии со второй половины 60-х годов. Первоначально – в итогах всеобщих выборов 1967 г. (резкое падение влияния правящего ИНК и усиления региональных партий), а затем – и на всеобщих выборах 1977 г. (прекращение монополии Конгресса на власть на общенациональном уровне) и 1989 г. (повторная попытка сформировать правительство на основе общности интересов, прежде всего децентрализации власти в стране).

Во-вторых, национальные движения в штатах преследуют цели либо изменения территории штатов, либо перераспределения экономических ресурсов внутри штата. Подобные движения оказываются, как правило, недолговечными, а их притягательность оказывается ослабленной в результате оперативного вмешательства центральных властей и общенациональных политических партий (в первую очередь ИНК).

В-третьих, возникают интенсивные и продолжительные национальные конфликты в приграничных индийских штатах (Ассам, Пенджаб, Кашмир). В основе этих конфликтов – причины как эндогенного (наплыв бенгалцев в Ассам, искусственное торможение развития промышленного типа в Пенджабе и т.п.), так и экзогенного происхождения (в частности, сознательное поддержание остроты ситуации силами, связанными с сопредельными государствами, – Пенджаб, Кашмир). В этом случае центральное правительство и партийные структуры применяют меры как политического (попытка найти силы, готовые к компромиссному выходу из кризиса), так и силового характера (выявление и нейтрализация, а в случае необходимости – и ликвидация активных носителей деструктивных тенденций).

Однако опыт Индии показывает: правящие круги этой страны предпочитают политическое решение любого конфликта, включая национальный, и действуют в этом направлении и взвешенно, и решительно.

В целом, несмотря на объективные трудности, характерные для страны запоздалой модернизации, партийно-политическая система в Индии более или менее последовательно развивается в демократическом русле. Помимо продолжительной буржуазно-демократической традиции, возникшей еще в эпоху колониализма, о чем говорилось выше, тому способствуют два фактора:

во-первых, продвинутость развития капиталистических отношений, наличие частнособственных классов, предпочитающих представительный характер политической власти режимам военно-авторитарного либо бюрократически-олигархического типа;

во-вторых, сложный национально-этнический и конфессиональный состав населения, а равно и наличие многочисленных кастово-общинных групп, что значительно осложняет процесс управления волевыми методами.

Партийно-политическая система Индии более развита, нежели в большинстве стран афро-азиатского региона. Эта система по-прежнему имеет моноцентрический характер: ее ядром выступает партия Индийский национальный конгресс (ИНК), традиционно придерживающаяся левоцентристских ориентаций и соединяющая в своей политической практике приверженность принципам политической демократии и социального компромисса. Характерной особенностью политической жизни Индии выступает лояльность практически всех основных политических сил (включая БДП справа и коммунистов слева) концепции секуляристской государственности и признание за национальным государством ведущей роли в социально-экономической модернизации страны.

Организации непартийного профиля. Институциональную структуру гражданского общества современной Индии образуют, помимо политических партий, общественные организации, социальные движения и объединения неполитического характера, обеспечивающие обратные связи по линии "гражданское общество – государство".

Профсоюзное движение Индии выделяется своей разветвленной

структурой, организованностью, четкой социальной ориентацией профессиональных организаций трудящихся. Можно, очевидно, сказать, что это – отражение довольно развитого – на фоне афро-азиатских стран – социального бытия индийского гражданского общества. Вместе с тем структура индийского профдвижения имеет свои особенности.

Так, если в странах Западной Европы связь профсоюзов и политических партий выступает как явление по преимуществу идеологическое (а сами профсоюзные организации нередко дистанцируют себя от "родственных" политических партий), то в Индии налицо сохраняющиеся – и довольно устойчивые – организационные связи между политическими партиями и соответствующими профсоюзными организациями. Стоит вспомнить, что практически все основные политические силы (Индийский национальный конгресс, "Бхаратия Джаната парти", коммунисты) располагают соответствующей организационной поддержкой ассоциированных с ними профобъединений. Немаловажно и то обстоятельство, что несмотря на фактический раскол в профдвижении, индийские профсоюзы объективно выполняют важные социализирующие функции, приобщая массовые слои населения к современным формам социальной организации, апеллируя к экономическим интересам своих членов, косявенно способствуя изживанию традиционалистских пережитков из общественного сознания.

Профсоюзное движение Индии относят к числу наиболее развитых в афро-азиатском регионе. Начало профсоюзного движения падает на колониальный период, точнее на 20-е годы XX в. Поскольку в то время профсоюзное движение выступало составной частью общего движения за суверенитет, оно эффективно контролировалось его руководством (фактически лидерами ИНК). После 1947 г. процессы в профсоюзном движении во многом отразили диверсификацию постколониального общества, его расслоение по социально-экономическим интересам и политическим целям. Эти процессы также выявили высокую "политизированность" гражданского общества: в современной Индии существует несколько профобъединений, находящихся под патронажем ведущих политических партий. Это – Индийский национальный конгресс профсоюзов (ИНКП), тесно связанный с правящим Индийским национальным конгрессом, и Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП), находящийся под влиянием коммунистов. Свои профсоюзы имеет и неотрадиционалистская "Бхаратия Джаната парти" (БДП), в прошлом Джан Сангх. Индийские профсоюзы выполняют как традиционные задачи защиты экономических интересов трудящихся, так и специфически политические функции, выступая как "группы поддержки" той или иной партии.

В последние годы значительно активизировалось крестьянское движение. Правда, более корректным будет говорить о нескольких движениях, стремящихся реализовать интересы различных групп сельского общества. Здесь и движения имущей верхушки деревни, стремящейся сохранить свои позиции в системе отношений с городской торгово-промышленной буржуазией (Ш. Джоши), и движения "средних" землевладельческих каст, укрепивших свои экономические и полити-

ческие позиции в результате "зеленой революции" (долгое время выразителем их интересов был Ч. Чаран Сингх). Сложный спектр интересов отражают движения "неприкасаемых" и "племен", которые оказывают довольно эффективное давление на политические партии, в первую очередь на ИНК, особенно в период предвыборных кампаний.

Известное место в общественной жизни Индии занимают религиозно-культурные общества и организации. Эти объединения имеют различные, нередко полярные ориентации: спектр этих организаций простирается от реформаторской, стремящейся осовременить традиционный индуизм эволюционными методами, и культуртрегерской деятельностью Миссии Рамакришны до обскурантистско-традиционалистской Вишва Хинду Паришад (ВХП), ревностно охраняющей вековые устои индуизма и проповедующей активное неприятие других религий.

Особое место в гражданском обществе Индии занимает научное сообщество, фактически выполняющее (или эффективно дополняющее) функцию обратной связи "общество-государство". Эта функция реализуется как через широкие дискуссии о путях развития общества, инициаторами которых выступают ученые-обществоведы, так и в форме участия видных представителей последних (С. Накраварди, Р. Котхари, Р. Рой и др.) в деятельности центральных властных структур. Эффективность функции обратной связи определяет то обстоятельство, что науки об обществе в Индии находятся на уровне самых высоких международных стандартов.

¹ *Prasad N.* Ideology and organization in Indian politics: A study of political parties at the grass-roots. New Delhi, 1980. С. 289.

² Народы Азии и Африки. 1985. № 5. С. 85–87.

³ *Selbourne D.* An eye to India: The unmasking of a tyranny: A brutal and ignominious period in the history of the nation. Harmondsworth, 1977. С. 364.

⁴ См., напр.: *Deol D.* Charisma and commitment: The mind and political thinking of Indira Gandhi. New Delhi, 1981.

⁵ *Kamal K.L., Meyer R.C.* Democratic politics in India. New Delhi, 1977.

⁶ См.: *Kothari R.* Democratic polity and social change in India: Crisis and opportunities. Bombay, 1976.

⁷ См.: *Akinchan S.* Urban growth and political socialization in India. Patna; New Delhi, 1982. Р. 29–30.

⁸ Ibid. Р. 288.

⁹ J. of Peasant Studies. 1988. Vol. 15, N 2. С. 163, 165.

¹⁰ См.: *Sen A.* The state, industrialization and class formations in India: A neomarxist perspective on colonialism, under-development and development. L., 1982.

¹¹ *Kothari R.* Op. cit. С. 21.

¹² Восток и мировое обществознание: Зарубежные концепции развития освободившихся стран. М., 1991. С. 95.

¹³ *Малыгин С.В.* Экономика и социальное развитие Индии и Пакистана в период независимости. М., 1992.

¹⁴ Debating an agenda for India // Seminar. 1980. N 251. Р. 39.

¹⁵ *Masani Z.* Indira Gandhi: A biography. N.Y., 1976. Р. 307.

¹⁶ *Parmanand.* New dimensions in Indian politics: A critical study of the 8th Lok Sabha elections. Delhi, 1985. Р. 44.

¹⁷ Ibid. Р. 31–32.

¹⁸ *Rastogi P.N.* Ethnic tensions in Indian society. Delhi, 1986. Р. 18.

Буржуазия и власть. Рост предпринимательства в национальном секторе колониальной экономики явился базой формирования индийской буржуазии. Сильнейшие ее группы осуществляли первоначальное накопление главным образом в процессе скачкообразного превращения старых, добуржуазных видов капитала (торговый, ростовщический) в современные. Важную роль здесь играли источники доходов, связанные с колониальной эксплуатацией (компрадорская торговля, земельная рента), полученные торгово-ростовщическими элементами при содействии англичан. Показательно, что многие видные промышленники вышли из среды крупных торговцев и ростовщиков. Наряду с этим возник сравнительно небольшой слой мануфактуристов и мелких фабрикантов в результате роста рыночных связей и разложения мелко-товарного производства¹.

В 30-х–40-х годах нашего века появились крупные финансово-промышленные группировки (Бирла, Тата, Бангур, Баджадж, Вальчанд, Гоенка, Далмия, Шри Рам и др.). Фактически можно говорить о появлении еще в колониальный период национальных монополий.

С самого начала периода независимости политическое руководство Индии взяло курс на союз с национальной буржуазией и стремилось удовлетворять основные требования как крупного, так среднего и мелкого капитала. Последний был особенно заинтересован в содействии государства, чтобы сохранить свои позиции в конкурентной борьбе с местными и иностранными монополиями. Поэтому индийское правительство пошло на определенное ограничение деятельности национально-крупного бизнеса².

Указанный социально-экономический курс осуществлялся по следующим основным направлениям. Во-первых, главные усилия индийского правительства были сконцентрированы на ускоренном развитии государственного сектора. Это рассматривалось, по существу, как основное средство ограничения позиций монополистического капитала. Во-вторых, была предоставлена довольно широкая государственная помощь мелкому капиталу и производству. В-третьих, была разработана и осуществлена целая система государственных мер по прямому регулированию и контролю деятельности крупного капитала и производства. К числу важнейших из них принадлежали контроль над ценами основных видов промышленной продукции, валютно-импортные ограничения, лицензирование строительных предприятий, надзор за деятельностью акционерных кампаний.

Останавливаясь на отношениях монополистической и средней (а также мелкой) буржуазии, важно отметить их известную противоречивость. С одной стороны, интересы и позиции крупных и средних промышленников и бизнесменов, как современных предпринимателей, в значительной мере идентичны. Представители немонополистической буржуазии наряду с крупнейшими капиталистами являются членами многих национальных ассоциаций предпринимателей и занимают сходные позиции по различным вопросам социально-экономического и политического развития страны. За годы независимости произошло пере-

растание некоторых групп средней буржуазии в монополистическую. Таковы семейства Аминов, Камани, Найду, Котхари и др.

С другой стороны, средняя буржуазия, занимая значительно более слабые экономические позиции, чем монополистическая, стремится объединиться с мелкой буржуазией, выступая против монополий. Показательно, что противоречия средних предпринимателей с монополистами выявляются прежде всего на уровне штатов в борьбе за рынки и источники сырья, за влияние на местные органы власти и т.д.

Большинство мелких предпринимателей (за исключением небольшой части, связанной с монополиями) относится к монополистическому капиталу с большим недоверием. Засилье монополий в национальной экономике затрагивает их интересы значительно глубже, чем интересы среднего капитала.

Мелкая буржуазия играет значительную роль во внутривнутриполитическом процессе. Ее интересы преимущественно выражает консервативная партия "Джан сингх" (с 1980 г. – "Бхаратия джаната парти" – БДП), представляющая в основном идеологию и практику индусской общины. Мелкие предприниматели составляют определенную часть социальной базы БДП. Они финансируют ее, особенно в периоды предвыборных парламентских кампаний.

Мелкая буржуазия в принципе поддерживает парламентскую систему. Она как средняя, так и крупная, нуждается в "стабильности" и "промышленном мире", чтобы спокойно вести свои дела. Вместе с тем в отличие от других групп капиталистов мелкие предприниматели, будучи до сих пор довольно тесно связаны с ремесленниками, торговцами и другими представителями докапиталистических структур, иногда проявляют склонность к крайним, экстремистским действиям. Для достижения своих политических целей они активно используют не только БДП, но также такие индуистские шовинистические организации, как "Раштрия сваямсевак сангх" (РСС) и "Вишва хинду паришад" (ВХП). Они нередко принимали непосредственное участие в различных антиправительственных демонстрациях против роста цен, безработицы, инфляции, выступлениях против мусульман.

Монополистический капитал занимает в дуалистической социально-экономической структуре страны своеобразное положение. В результате значительного распространения докапиталистических производственных отношений арена деятельности крупного бизнеса по-прежнему недостаточно широка, да и сам он порой до сих пор связан с крупным торговым капиталом и помещичьим землевладением. Монополистический капитал представляет собой высшую, сравнительно малочисленную, но наиболее мощную группу индийской буржуазии.

Монополистической буржуазии присущи черты внутренней противоречивости. Она подвержена сильному деформирующему воздействию традиционных или полутрадиционных социально-экономических структур. На ее деятельность оказывают значительное влияние особенности национальных политических институтов. Нередко можно наблюдать обострение разногласий внутри монополистической буржуазии, так как

отдельные ее слои развиваются неравномерно и производственная база их деятельности различна.

Отличительной чертой монополистической буржуазии по сравнению со средним и мелким капиталом является тот факт, что она состоит из ограниченного числа кастовых группировок. Подавляющее большинство представителей старых монополистических групп являются, как и прежде, главным образом выходцами из Раджастхана (марвари, джайны), Гуджарата (парсы и гуджаратские бания), а также в определенной мере из Мадраса (тамильские четтиары), Бенгалии и Пенджаба. В то же время можно отметить ускоренный рост и укрепление в годы независимости новых монополистических группировок, представители которых являются выходцами из общин нуттокотаи четти – подкасты, входящей в касту тамильских четтиаров, пенджабцев и хиндустанцев.

Монополитическая буржуазия поддерживает парламентскую систему, действующую в Индии в годы независимости. Однако она была явно обеспокоена развитием в 70-х годах – начале 80-х годов процесса дезинтеграции в общественной жизни страны, резким обострением социальной и политической напряженности⁴. Ее представители требовали положить конец "неопределенности", поддержать "закон и порядок", установить "экономическую и политическую стабильность"⁵. Они добивались укрепления центральной власти, а также создания сильной администрации на местах.

Однако между отдельными группировками крупного бизнеса имелись разногласия относительно путей достижения этой цели. Среди значительной части индийских монополистов (Бирла, Сингхания, Далмия, Гоенка и др.) были распространены настроения в пользу отказа в крайнем случае от системы лингвистических штатов и установления в стране унитарной системы правления. Вместе с тем Дж.Р.Д. Тата требовал замены парламентской демократии "вестминстрского образца" "президентской системой американского типа", установления в центре "режима технократов"⁶.

Показательно, например, что в критический момент борьбы правящей партии ИНК и оппозиции в середине 70-х годов ведущие представители национальной крупной буржуазии резко изменили тактику своих действий. Отказавшись от прежней политики выжидания и лавирования, они пошли на тесное сотрудничество с правительством. Спустя несколько дней после введения чрезвычайного положения, делегация Федерации индийских торговых и промышленных палат (ФИТПП) посетила премьер-министра и выразила свое одобрение выдвинутой правительством программе. Монополисты, в частности, приветствовали упор, сделанный в программе на либерализацию процедуры частных капиталовложений и укрепление дисциплины в промышленности, и выразили готовность к сотрудничеству с правительством в целях роста производства. В целом почти все крупные деловые дома Индии (за исключением Гоенки, В. Шаха и некоторых других) поддерживали социально-экономическую политику правительства ИНК в период чрезвычайного положения.

Крупный бизнес является одним из основных носителей идеологии

"представительной демократии". Вместе с тем его некоторые представители склонны к проявлению авторитарных тенденций, добиваясь укрепления власти в центре и на местах.

Крупная буржуазия использовала разнообразные каналы для усиления своего политического влияния. Главными из них были контакты с чиновниками административного аппарата в центре и на местах, с членами центрального правительства и местной администрации. Главные предпринимательские группы активно стремились расширить неформальные связи с государственной бюрократией, в первую очередь с ее высшими кругами, и с их помощью оказать влияние на государственную политику. Это стремление было вызвано прежде всего чрезвычайно большим удельным весом госсектора в национальной экономике, его функций экономического регулирования и стимулирования. Монополисты осуществляли прямой подкуп отдельных государственных чиновников в форме денежных взятков или дорогих подарков. Многие крупные деловые дома Индии имели в Дели специальные представительства, занимавшиеся обработкой государственных чиновников и добивавшиеся выгодных для того или иного концерна решений. Ряд крупных частных компаний имел в своем штате специальных сотрудников, поддерживавших связи с необходимыми подразделениями госаппарата.

Крупные промышленники и бизнесмены неоднократно занимали в прошлом видные посты в различных правительствах Индии. Однако в основном индийские монополисты оказывали косвенное влияние на центральное правительство, стремясь к установлению личных и деловых контактов с отдельными министрами. При этом они делали упор на министерства финансов, торговли и промышленности.

Большое значение в усилении политических позиций монополистической буржуазии имел контроль над крупными предпринимательскими ассоциациями – как районными, так и отраслевыми. При этом особую роль играло господствующее положение монополистов – Бирлы, Гоенки, Тхапаров, Руйи и др. в центральных организациях, являющихся, по существу, штаб-квартирами местного бизнеса – Федерации индийских торговых и промышленных палат (ФИТПП) и др.

Контроль монополистической буржуазии над крупными ассоциациями предпринимателей дал ей возможность оказывать непосредственное влияние на разработку и определение конкретных направлений государственной экономической политики. Как представители ассоциаций крупные предприниматели входили и входят в состав многих совещательных и консультативных органов при правительстве Индии. Так, в конце 80-х – начале 90-х годов только ФИТПП была представлена более чем в 100 важнейших совещательных советах и комитетах при центральном правительстве, в том числе Центральном консультативном совете по промышленности, консультативных советах по экспорту и импорту, торговле, прямым налогам, внешнеторговым пошлинам, судоходству и др.

Индийская крупная буржуазия по мере роста своего экономического могущества предпринимала настойчивые попытки усилить свое

воздействие на политический механизм. Большая роль, которая принадлежала в осуществлении власти политическим партиям, побуждала крупный бизнес и его "группы давления" к укреплению связей с партиями, их руководством. Установившиеся в Индии еще в колониальный период контакты крупного бизнеса с некоторыми буржуазными партиями получили в новых исторических условиях дальнейшее развитие.

С первых лет независимости индийский монополистический капитал рассматривал Индийский национальный конгресс в качестве главной силы, способной, с одной стороны, обеспечить политическую стабильность в стране, а с другой – проводить в жизнь его основные экономические требования. При этом главная ставка делалась на сотрудничество с центристскими группами Конгресса, которые постоянно занимали господствующие позиции в центральных органах партии и правительства. Вместе с тем индийский бизнес предпринимал усилия и по другим "азимутам".

В 1959 г. группа Таты и некоторые другие связанные с ней предпринимательские объединения (в основном из Бомбея), недовольные усилением "левых" тенденций в политике ИНК, при поддержке бывших феодальных князей и помещиков содействовали созданию партии "Сватантра". Образование "своей" партии, по расчетам ее создателей, должно было способствовать "улавливанию" недовольных политикой Конгресса социальных элементов, а также усилить давление справа. Но "Сватантра" оказалась организационно слабой, не имела популярной программы и значительной социальной базы и в 1974 г. объявила о самороспуске.

Делая основную ставку на ИНК, представители крупной буржуазии вместе с тем действовали по принципу "класть яйца сразу в несколько корзин". В 80-х годах они поддерживали определенные связи с "Джаната дал" (эта влиятельная буржуазная партия была образована на базе распавшейся в 1980 г. "Джаната парти"), БДП и некоторыми другими общендийскими партиями. В Западной Бенгалии индийский крупный бизнес установил контакт со штатовским правительством, сформированным блоком левых партий во главе с КПИ(М) (главный министр – известный политический деятель параллельной компартии Дж. Басу). Характерно, что правительство Дж. Басу, проводя в целом прагматический курс, создало благоприятный инвестиционный климат для крупного предпринимательства, "мир в промышленности". В результате Бирла, Тата и некоторые другие индийские монополисты активно внедрились в экономику Западной Бенгалии. Они также стали все более широко опираться на усилившиеся партии и организации в штатах ("Шив сена" в Бомбее и др.), используя их в качестве дополнительных рычагов для укрепления своих политических позиций (главной причиной усиления этих партий явился рост националистических и сепаратистских настроений в штатах).

Крупный бизнес в Индии является одним из основных источников финансирования различных политических партий и группировок. По имеющимся оценкам, 90% всех поступлений в кассы партий составляли

денежные субсидии частных компаний. Официальные отчисления компаний в фонды политических партий составляли обычно лишь небольшую часть (около 20%) фондов, которыми располагали политические партии. На деле же средств им шло гораздо больше. Субсидии служили в первую очередь целям финансирования предвыборных кампаний политических партий и предоставлялись в основном в период проведения очередных парламентских выборов.

Финансовая поддержка крупным бизнесом политических партий осуществлялась главным образом по неофициальным, закрытым каналам. Значительные суммы притекали в кассы политических партий в виде так называемых неучтенных, "черных" денег. Неофициальные отчисления в партийные фонды чаще всего выражались в финансировании политических деятелей (партийных лидеров, депутатов парламента и др.) крупными частными компаниями, а также лично видными промышленниками, торговцами, банкирами, в том числе в форме денежных подарков (по случаю дня рождения, в связи с партийными съездами, накануне выборов и т.д.).

Индийский крупный бизнес в годы независимости активно стремится усилить свое влияние на деятельность парламентских учреждений. Цель состояла в том, чтобы расширить в них представительство и создать сильное лобби из "своих людей" в парламентских фракциях различных политических партий, прежде всего ИНК(И), "Сватантры" (до 1974 г.) и др. Кроме того, используется ряд внешних рычагов воздействия на деятельность парламента, основной целью которых является обработка "нужных" депутатов, главным образом путем личных контактов. Ассоциации предпринимателей постоянно организуют в Дели для встречи с депутатами различные увеселительные мероприятия, ланчи и т.д.

Крупный бизнес в Индии фактически занимает доминирующие позиции в национальной прессе. В результате он оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения.

Для Индии характерна высокая степень концентрации издательского дела. На вершине пирамиды находятся пять наиболее влиятельных и мощных концернов, которые непосредственно контролируются такими монополистическими группами, как Бирла, Тата, Далмия — Джайн, Гоенка, Мафатлал. Эти газетно-журнальные объединения выпускают более 80 изданий, в число которых входят крупнейшие газеты страны — "Индиан экспресс", "Таймс оф Индия", "Хиндустан таймс", крупнейшие коммерческие журналы. Группы крупного бизнеса оказывают значительное влияние на деятельность мелких и средних газетных компаний и политическую линию выпускаемых ими изданий, которые в большой мере зависят от финансовой поддержки деловых кругов, особенно от помещения рекламных объявлений частных фирм. Показательно, что крупный бизнес контролирует деятельность организации индийских газетовладельцев — "Индиан энд истерн ньюспейперс сосайети".

При управлении газетными объединениями допускаются различные злоупотребления и финансовые махинации. Так, в 70-х–80-х годах в

индийской прогрессивной печати неоднократно сообщалось о финансовых махинациях семейства Гоенки в газетном тресте "Экспресс ньюспейперс".

"Большой бизнес" Индии широко использует для усиления своих политических позиций различные благотворительные фонды, учрежденные крупнейшими монополистическими семействами. Таким путем он, в частности, стремится повысить свой престиж в обществе, прежде всего среди широких масс. Созданные самыми могущественными группировками монополистической буржуазии благотворительные фонды — это по сути дела специальные учреждения, призванные служить инструментами их политического влияния. Основная цель этих фондов, как официально указывается в их уставах, — "содействовать развитию системы образования и научных исследований". Благотворительные фонды занимаются наряду с пропагандистской всякого рода филантропической деятельностью (содержанием школ, колледжей, институтов, больниц, библиотек, выплатой стипендий студентам и научным работникам, литературных премий и т.д.). Вместе с тем указанные фонды занимаются финансовыми операциями на коммерческой основе, прежде всего финансированием промышленности.

В Индии монополистическая буржуазия создала большое количество благотворительных фондов. Так, семейство Бирлы субсидировало из средств фондов крупный учебный комплекс в Пилани (Раджастхан), научно-исследовательский химический институт в Месре (Бихар), ряд колледжей в Бомбее и некоторые другие учебные и научные заведения. Семейством Таты учреждены фонды, на средства которых работали: Институт фундаментальных исследований в Бомбее, Институт социальных исследований и ряд других центров. Семейство Сингхании финансировало физико-технологический институт в Аллахабаде, Институт социальных исследований в Лакхнау, а также ряд медицинских научно-исследовательских учреждений в Канпуре; семейство Подаров — коммерческий колледж и несколько школ в Бомбее и т.д.

Через благотворительные фонды и общества в Индии оказывалась различного рода помощь населению, осуществлялось финансирование программы развития отдельных отсталых сельских районов, делались пожертвования медицинским учреждениям, в фонды помощи голодающим, пострадавшим от стихийных бедствий, а также на строительство храмов и гостиниц для верующих. Например, семейство Бирлы построило ряд современных больниц в Бомбее и Пилани, несколько храмов, в том числе индуистский храм в Дели.

Определенную роль в укреплении политического влияния крупного капитала в Индии играл его контроль над финансовыми, просветительскими, медицинскими и прочими организациями крупнейших торгово-предпринимательских общин. Так, главой общины джайнов являлся К. Лалбхай, а Шриянс Прасад Джайн занимал посты президента важнейших общинных организаций джайнов — "Олл Индия дигамбар джайн паришад" и "Бхарат джайн махамандал".

Ведущие общинные организации джайнов, парсов, марвари, гуджарати и четтиаров, как правило, энергично поддерживали членов

крупнейших семейств, принадлежащих к этим общинам, во время различных избирательных кампаний, прежде всего на выборах в центральный парламент.

В 80-е годы влияние национального капитала на политический механизм как на центральном, так и на местном уровне стало еще более заметным. Свидетельство тому – принятые в этот период властями программы, в которых предоставлялись различные льготы предпринимательству (прежде всего крупному), что привело к началу 90-х годов к существенному сужению сферы госсектора в экономике.

Например, в 1980 г. монополистическая буржуазия организовала масштабную пропагандистскую кампанию с целью давления на правительство И. Ганди. ФИТПП составила и опубликовала "Программу-минимум экономических действий", а примыкавшая к федерации Всеиндийская организация работодателей – "Программу-минимум гармоничных производственных отношений". В указанных документах были выдвинуты требования о допуске частного капитала в ключевые отрасли промышленности, зарезервированные за госсектором (угольная, производство электроэнергии, черная металлургия и др.), о сокращении прямых налогов, а также об ограничении заработной платы промышленных рабочих и принятии жестких мер в борьбе против их "недисциплинированности". Правительство удовлетворило все эти требования, включая ослабление лицензионного контроля и легализацию большей части незаконно установленных (сверх выданных лицензий) производственных мощностей.

Эта политика набрала новые обороты при правительстве Р. Ганди. Его программу опоры на частный сектор и модернизацию национальной экономики индийский капитал принял с энтузиазмом. В бюджете на 1985/86 г. правительство предоставило немало серьезных льгот крупному капиталу (дальнейшее сокращение прямых налогов, отмена налога на наследство). Была серьезно ограничена сфера применения закона о монополиях – минимальный объем активов компаний и промышленных групп, подпадающих под его действие, увеличен с 200 млн до 1 млрд рупий. Это в существенной мере ослабило государственный контроль над деятельностью около 800 крупных компаний и промышленных групп, ранее относимых к монополиям. (Интересно, что сама монополистическая буржуазия в лице своих организаций добивалась повышения лимита активов лишь до 500 млн рупий.)

Вместе с тем госбюджет на 1986/87 г. не содержал каких-либо послаблений крупному бизнесу. Бюджет, в частности, включал такие меры, как оказание поддержки мелким предпринимателям, отмену некоторых налоговых льгот частным компаниям.

В конце 1985 – начале 1986 гг. министр финансов в правительстве Р. Ганди В.П. Сингх возглавил кампанию по борьбе с сокрытием доходов и неуплатой налогов крупными частными фирмами. Популист по своим взглядам, он решил таким образом ликвидировать наиболее злостные злоупотребления большого бизнеса. По указанию министра представители налоговых властей провели внезапные контрольные акции в отношении компаний, принадлежащих монополистическим

группам Кирлоскара и Баджаджа. В результате были арестованы ряд видных промышленников и бизнесменов. Эти действия государственных финансовых органов вызвали широкое недовольство деловых кругов страны. Под их давлением, в том числе апелляции к самому Р. Ганди, к лету 1986 г. указанная кампания была официально прекращена.

В конце 80-х годов В.П. Сингх во главе оппозиционного блока "Джаната" пришел к власти. Основой деятельности нового правительства была объявлена борьба против влияния больших денег на политику. Особый упор был сделан на развитие сельского хозяйства, мелкой промышленности, борьбу с коррупцией. "Мы обещаем стране, – подчеркивал В.П. Сингх, – правительство народного участия – правительство бедняков и для бедняков"⁶. Однако антиконгрессистское правительство просуществовало недолго. Как и в 70-х годы, блок оппозиционных партий был непрочным. Не последнюю роль сыграло сопротивление буржуазных кругов, которых не устраивала популистская направленность нового кабинета.

В результате на десятых парламентских выборах в мае–июне 1991 г. к власти вновь вернулся ИНК во главе с опытным лидером Нарасимха Рао. Продолжая курс своего предшественника покойного Р. Ганди, Н. Рао и его окружение осуществляет дальнейшую либерализацию индийской экономики. И здесь оно опять получает полную поддержку крупной национальной буржуазии, которая "работает" на формирование государственно-монополистического капитализма в стране.

¹ Подробно об этом см.: Павлов В.И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958; Левковский А.М. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963; Рейснер Л.И., Широков Г.К. Современная индийская буржуазия. М., 1966.

² Так, в официальных документах – Конституции Индии, пятилетних планах и др. – был провозглашен курс на "предотвращение возникновения частных монополий и концентрации экономической власти в руках ограниченного числа лиц". Цит. по: Second Five Year Plan. New Delhi, 1956; Press in India, 1965. New Delhi, 1965.

³ Hindustan Times. 1984. Sept. 6.

⁴ National Herald. 1984. Dec. 5, 30.

⁵ Times of India. 1975. Mar. 15; Commerce. 1975. Mar. 3.

⁶ India Today. 1989. Dec. 15.

Уровень "грасс-рутс". Огромное значение для судеб демократии в Индии имеет вовлечение в социальную и политическую жизнь широких масс бедноты, особенно сельской, составляющей здесь более половины населения. Попытка такового пробуждения общественной самостоятельности у низших категорий трудящихся, прежде всего неприкасаемых, племенных и религиозных меньшинств, осуществляется так называемыми добровольными обществами (voluntary societies).

Добровольные общества, организовывавшиеся с целью улучшения положения беднейших слоев населения, существовали в Индии издавна. Их истоки уходят во вторую половину XIX в., когда действовали Миссия Рамакришны, Арья Самадж, Брахми Самадж – религиозные

организации, занимавшиеся благотворительностью, просвещением и медицинским обслуживанием бедняков. Мощный импульс политике "грасс рутс" дал гандизм. И во времена Ганди и после него в Индии действовали тысячи "социальных работников", многие из которых организовывались в добровольные общества, различного рода неформальные объединения.

Новая волна добровольных обществ возникает где-то с середины 70-х годов, когда обострились экономические, социальные и политические противоречия в индийском обществе и получили распространение лозунги "тотальной революции" Дж. Нарайяна. В следующем десятилетии масштабность феномена добровольных обществ становится еще более очевидной. Хотя точное число этих обществ неизвестно (поскольку многие из них официально не регистрируются), но по некоторым подсчетам, сделанным в начале 80-х годов, в стране действуют порядка 65 тыс. добровольных объединений, крупных и малых, которые охватывают многие миллионы людей¹. Кроме того, возникают своего рода организующие центры, бюро документации и статистики, а также научные учреждения, где работают деятели движения "грасс-рутс". Среди них – Индийский социальный институт в Бангалоре, организация "Локайян" ("Движение народа") при Центре по изучению развивающихся обществ (Дели), Ассоциация добровольных обществ сельского развития (Дели), Национальный институт общественной кооперации и детского развития (Дели), феминистская организация "Гайя датар" (Бомбей).

Во многих случаях добровольные организации зарождались вокруг энергичных идейных личностей, энтузиастов. Это было своеобразное "хождение в народ", когда городская образованная молодежь, нередко безработная, "начала перемещаться в деревни и районы проживания отсталых каст и племен, с тем чтобы работать для бедняков и жить с ними"². Сравнение с российским аналогом вполне естественно, поскольку похожие явления имели место в России 70–80-х годов XIX в., причем не только в форме революционной пропаганды, но и так называемых малых дел (просвещение деревни, медицинская помощь крестьянам, устройство выставок сельскохозяйственной техники, организации артелей и товариществ и пр.). Сходными вещами занимаются и современные "неформалы" в Индии.

Например, Центр развития в округе Валлод в штате Гуджарат охватывает ряд деревень, где функционируют небольшая бумажная фабрика, предприятия по переработке молока, кооператив плотников, центры по распространению удобрений и улучшенных семян, а также льготного кредита для беднейших семей. Организованы начальная школа, пять частных средних школ и две школы высшего типа. За 20 лет своей деятельности Центр сумел поднять уровень грамотности в местной общине почти в 1,5 раза, а также в определенной мере улучшить материальное положение бедных семей³.

"Социальный центр" в деревне Тилония в округе Аджмер штата Раджастан, созданный в начале 70-х годов, занимается внедрением в крестьянское производство и быт ручных насосов, медицинским

обслуживанием населения, обучением женщин ткачеству, организацией ремесленников, профилактическими мерами по охране лесов, улучшению скотоводства и птицеводства.

В приведенных случаях добровольные общества ориентированы в основном на цели развития. Но существуют организации и иной направленности. К.Ф. Рустамжи, выходец из богатой семьи бомбейских парсов, в прошлом – соратник Неру, организовал общество по борьбе за права подсудимых и подследственных. Бенгалец Ш.Г. Нийоги создал организацию по защите и просвещению бедных горняков – неприкасаемых, работающих на железорудных разработках в штате Орисса. Врач по профессии Баба Адхав организовал в штате Махараштра крупное общественное движение социального протеста против ущемления прав далитов (неприкасаемых, принявших буддизм)⁴. За последнее время возникло очень много добровольных обществ с экологическими лозунгами, например, движение по защите лесов и местной фауны в штате Раджастан.

Индийский ученый Б. Дас, проводивший обследования на материалах Западной Бенгалии, выделяет добровольные общества: 1) чисто филантропического характера; 2) там, где благотворительность смешана с достижением задач развития; 3) идеологического типа, т.е. проникнутые гандистской или какой-либо другой идеологией; 4) так называемые группы действия, которые ориентированы на различного рода общественные преобразования и могут быть как революционными, так и реформистскими; 5) возникающие в целях ликвидации последствий различных общественных бедствий (голод, экологические нарушения, пожары и пр.)⁵. Существуют такие добровольные организации, где активную роль играют социальные ученые, цель которых – соединить науку и бизнес и поставить их на службу местному населению⁶.

Д.Л. Шетх, директор Центра по изучению развивающихся обществ различает также "неполитические группы" (филантропические, группы развития, социального обеспечения, экологические и др.) от политических и "полуполитических". В последние категории входят прежде всего "непартийные политические группы", возникшие как результат раскола политических партий, особенно левых (коммунистов и социалистов) или в качестве реакции на их "реформизм", вовлеченность в существующие электоральные игры в ущерб последовательности "революционной линии". Целью "полуполитических групп действия" является пробуждение общественной активности трудящихся, осознания ими своих интересов и своей потенциальной силы в общественной борьбе. Эти группы нацелены на работу прежде всего среди наиболее бедных и отсталых слоев⁷. Но и группы, прямо не связанные с политической деятельностью (профессиональные, экономические и пр.), могут играть и нередко играют косвенную роль в политической сфере.

Какими средствами располагают добровольные общества? Их бюджет складывается как из государственных субсидий, так и в гораздо большей мере из различного рода пожертвований. Обследование, проведенное Национальным институтом общественной кооперации и

детского развития в 711 добровольных обществах, выявило следующую "раскладку" источников их финансовых средств: отчисления центрального правительства – 14,6%; поступления от местных органов – 7,6; пожертвования – 20; в том числе от бизнеса – 2,4; финансирование из-за рубежа – 11,3; членские взносы – 14,9%⁸.

Для ряда добровольных обществ в Индии преобладающим источником средств является иностранное донорство. В отдельные годы субсидии из заграничных фондов индийским добровольным обществам доходили до 2 млрд рупий – сумма, до недавнего времени намного превышавшая государственные ассигнования (порядка 150–200 млн рупий в год). К середине 80-х годов, по крайней мере, более 5 тыс. добровольных обществ получали финансовую поддержку из различных источников за рубежом – фондов филантропических и религиозных организаций, западных банков и отдельных фирм ФРГ, США, Великобритании, Швеции и многих других стран⁹.

В 80-х годах начинает создаваться идеология движения "грасс-рутс". Эту миссию взяли на себя ученые и общественные деятели, группирующиеся вокруг Центра по изучению развивающихся обществ (Р. Котхари, Д.Л. Шетх, Х. Сети), некоторые публицисты (А. Шури, Б. Вергезе, бывший редактор журнала "Семинар" Р. Тхапар) и др. Нельзя сказать, что идеология "грасс-рутс" уже сложилась, но некоторые ее черты вырисовываются более или менее ясно.

Прежде всего – некий глобальный подход к проблеме "грасс-рутс", рассмотрение ее в общемировых параметрах, по крайней мере и в особенности в рамках "третьего мира". Далее, подчеркивается адекватность и укорененность движения добровольных обществ в условиях Индии, где, по словам Р. Котхари, существующие политические институты "исключают широкие сектора населения из процесса управления" и потому необходим "поиск новых инструментов политической деятельности". Таковым и является движение "грасс-рутс" как форма "непартийной политики"¹⁰.

По мнению теоретиков движения, формы "грасс-рутс" гораздо более эффективны для решения местных проблем, к тому же они способствуют включению в общественную и политическую жизнь широких масс, воспитывают у них солидарность, умение бороться за свои права. Это соответствует основной идее прогресса – развитие "не только для народа, но и с народом". Кроме того, добровольные организации не замыкаются на чисто локальных целях, но демонстрируют весьма широкий спектр активности, действуя по принципу "глобальные проблемы, местные решения"¹¹.

Рассматривая различные движения "грасс-рутс" – борьбу шахтеров в Чаттигархе, выступление носильщиков-кули в Андра Прадеш, крестьянскую сатьяграху в Канакпуре и другие, Р. Котхари подчеркивает, что они не ограничивались лишь экономическими или политическими требованиями, но затрагивали целый ряд других проблем – экологических, образовательных, культурных. В их поле зрения были и проблема укрепления моральных ценностей, и борьба за права человека. В этом плане они выгодно отличаются не только от партийных

форм деятельности, но и от региональных сепаратистских движений (Телугу десам в Андхра Прадеш, движение в Ассаме), которые преследуют более узкие и зачастую сомнительные цели.

Вместе с тем идеологи "грасс-рутс" предостерегают от излишнего оптимизма в отношении будущих перспектив движения. Индийский истеблишмент слишком силен, а борцы за вовлечение широких масс в политическую сферу еще недостаточно опытные, просвещены и организованы. У добровольных обществ сегодня немало проблем и трудностей.

Одна из проблем – взаимоотношения добровольных обществ с государством, госаппаратом. Эти отношения обладают двойственным характером. С одной стороны, государство заинтересовано в неформальных объединениях и опекает их, выделяет какие-то средства для их поддержки. Но эти объятия нередко переходят в удушающие. Добровольные общества начинают действовать под диктовку государственных учреждений, теряют инициативу и авторитет.

Кроме того, в ряде случаев государственные органы блокируют деятельность добровольных обществ, преследуют неугодных им руководителей. Например, в Манипуре "Центр под подготовке работников добровольных организаций" (СВТС) в результате трудной, кропотливой работы без всякой государственной поддержки организовал в деревне Андро, населенной неприкасаемыми, демонстрационную ферму. Жители деревни научились выращивать дотоле неизвестные здесь овощи (например, помидоры), начали культивировать рис. Около 300 детей было привлечено к работе на птицеводческой ферме. Им платили по 30 рупий. Дела фермы пошли столь хорошо, что скоро она уже смогла возратить сумму, вложенную СВТС. Люди почувствовали, что через добровольную кооперацию и опору на собственные силы можно добиться многого. Но успехи скоро обернулись проблемой. Ферму захотел прибрать к рукам глава панчаята. Ни СВТС, ни местные жители не захотели вступать с ним в открытый конфликт, хотя жители потихоньку просили работников СВТС продолжать руководство фермой. В результате деятельность активистов "грасс-рутс" оказалась заблокированной¹².

Конфликты между государством и движением "грасс-рутс" проявляются не только на местном, но и на центральном уровне. Особенно негативное отношение проявляется к тем добровольным обществам, которые получают деньги из-за рубежа. В середине 80-х годов была создана так называемая комиссия Кудала, которой вменялась в обязанность ревизия финансовых отношений добровольных обществ с зарубежными донорами. Материалы комиссии обвиняют добровольные организации, получающие иностранные деньги, в пропагандистских намерениях, "дестабилизации" политического положения в Индии, "коммерциализации" священного имени Махатмы Ганди¹³. За последние годы правительство запретило получать зарубежную помощь десяткам добровольных обществ.

Конечно, было бы неверно преувеличивать конфликтность отношений между государством и организациями "грасс-рутс". Наоборот, за

последнее время между ними наметилось сближение. Большую роль в этом сыграли документы принятого в 1986 г. Седьмого пятилетнего плана. Теперь добровольным обществам ежегодно выделяют 1,5 млрд рупий в год – сумма, вполне сравнимая с общим объемом иностранных субсидий. Предусматривается систематическая подготовка квалифицированных кадров для "грасс-рутс". С этой целью учрежден Национальный институт общественной кооперации и детского развития, где обучение кадров производится в основном за счет государства, но некоторый вклад вносят и сами добровольные общества. Все эти меры, по мнению наблюдателей, должны принести немалые плоды.

Равнодействующую в суждениях многих наблюдателей относительно взаимоотношений добровольных обществ с государством можно выразить таким образом, что трения между ними – до известной степени нормальное явление. Ведь "грасс-рутс" – это одна из различных сдержек и противовесов бюрократии, как и полагается в демократических структурах. Вместе с тем это и дополнение государственных усилий; иногда – замещение их в тех сферах, до которых государство не "дотягивается" или где оно не может в достаточной степени учитывать местные условия.

Нынешние проблемы и трудности добровольных обществ коренятся отнюдь не только в их взаимоотношениях с государственным аппаратом, но и в них самих. Общий уровень и результаты их деятельности нередко являются весьма разочаровывающими. Это обстоятельство особенно выявляется на фоне значительного количественного роста движения. Явно не хватает квалифицированных работников, основной персонал не отличается культурой и плохо оплачивается. Одного энтузиазма оказывается недостаточно. Да и сами энтузиасты, лидеры рекрутируются, как правило, из неопытной и не слишком образованной молодежи. Отсюда – примитивизм в работе, так называемый механический подход, который состоит в том, что главным считается, во-первых, достать как можно больше денег, а во-вторых, нанять на них как можно больше персонала. В результате утрачивается связь с теми, во имя кого все предприятие было задумано. Кроме того, происходит разбазаривание средств, нередко различного рода злоупотребления.

Еще одна проблема добровольных обществ – соперничество на местном уровне. Будучи сравнительно немногочисленными и недостаточно влиятельными, они зачастую попадают в зависимость от различных локальных группировок, которые либо используют их в своих целях, либо получают доступ к их средствам, иногда и то, и другое вместе. В этой ситуации порой наблюдается разрозненность организаций "грасс-рутс", их недостаточная взаимосвязь – с точки зрения обмена информацией, объединения усилий, поддержки в отстаивании самостоятельности от местных центров власти.

Поэтому известный деятель движения "грасс-рутс" Банкер Рой призывает к более тесному альянсу между добровольными обществами, в том числе в национальном масштабе. Речь идет о консенсусе относительно основных мотивов, задач и форм деятельности, а также

более тесной кооперации усилий. Б. Рой, в частности, предполагает выработать и утвердить единый "Кодекс поведения" для деятелей добровольных обществ. Последние должны конституироваться только после трех лет практической работы, зарплата их персонала не должна превышать 18 тыс. рупий в год (высший уровень дохода в Индии, освобожденный от налога), жить простой жизнью среди бедняков, чтить заветы Махатмы Ганди и т.д.¹⁴

Организация беднейших масс, маргинальных слоев – очень трудное мероприятие. Известно много примеров, когда вовлечение низов в общественную жизнь оказывается псевдововлечением, имитацией активности, поскольку превращается в обыкновенное манипулирование. Кроме того, в политике "грасс-рутс" возможны различные пути, не только добровольные общества. И все же индийский опыт в целом свидетельствует, что эта форма является достаточно эффективной и жизненной.

Конечно, добровольные организации имеют многочисленные слабости. Их коэффициент полезного действия еще довольно низок, они слабы перед уже сложившимися общественно-политическими структурами, действуют пока слишком на многих направлениях, не обрели в достаточной мере своего лица. Тем не менее они заняты, бесспорно, важным делом – стремятся мобилизовать деревенскую бедноту на решение ее же собственных проблем, указать ей конкретные пути к этому, пробудить веру в способность обездоленных слоев к самостоятельным действиям. Опыт лучших добровольных обществ показывает, что такая мобилизация и возможна, и эффективна. Об этом свидетельствуют примеры привлечения беднейшего населения к интенсивной культивации риса в штате Керала, реализации оздоровительной программы в штабе Махараштра, долевого жилищного строительства в штате Гуджарат и др.

Пока неясно, в какую сторону пойдет движение "грасс-рутс". При достаточной структурированности, организованности индийской политической жизни трудно предположить, что ему удастся сохранить прочную автономию или нейтралитет. В той или иной мере многие из этих организаций становятся и будут становиться околосударственными или околупартийными. Да это и естественно – они охватывают очень широкую социальную базу, которая может составить резерв для любой политической силы, правящей или оппозиционной. В этой связи странным представляется огульное третирование со стороны одной из индийских коммунистических партий – КПИ(м) неформальных добровольных организаций как "агентов империализма", ведь среди добровольных обществ есть немало таких, которые близки по духу и целям своей деятельности левым силам.

Суть, разумеется, не в том, чтобы добровольные общества приобретали обязательно левую ориентацию или вообще принимали активную роль в собственно политической борьбе, создавали самостоятельную политическую партию и т.д. Важны и многие другие формы неформальной деятельности: профессионально-трудовые, культурнические, оздоровительные и пр. В любом случае такие организации

способствуют становлению гражданского общества в Индии, равно как и в других развивающихся странах – причем на низовом уровне, в "глубинке".

Нынешние добровольные общества и подобные им неформальные организации в развивающихся странах являются, возможно, промежуточными, переходными формами на пути к тем институтам, через которые беднейшие, маргинальные слои будут вовлечены в гражданское общество. Но это образует необходимый подготовительный путь для наиболее отсталых и обездоленных групп, с тем чтобы пробуждение их сознания привело бы эти группы к полнокровному участию в общественной жизни, а не к разрушительному уравнильно-переделческому протесту.

¹ *Lall J.S.* Central and state governments and voluntary agencies: Common interests, areas of cooperation, limitations and barriers // *Vierteljahresherichte*. 1987. N 110. S. 415.

² *Sheth D.L.* Grass-roots stirrings and the future of politics // *Alternatives*. 1983. Vol. 9, N 1. P. 259.

³ См.: *Ghanshyam Sh., Chaturvedi H.R.* Gandhian approach to rural development: The Valod experiment. Delhi, 1983.

⁴ См.: *Punalekar S.P.* Untouchability and social change: A Maharashtra study // *Mainstream*. 1983. Vol. 21, N 21/23.

⁵ *Biswaroop Das.* Nature, types and character of voluntary organizations – the case of West Bengal // *Man and Development*. 1988. Vol. 10, N 3. P. 41.

⁶ *Brown L.D.* Private voluntary organizations and development partnerships // *Social development: A new role for the organizational science*. Delhi, 1988. P. 86.

⁷ *Sheth D.L.* Op. cit. P. 259.

⁸ *Lall J.S.* Op. cit. S. 414.

⁹ *Marxist*. 1984. Vol. 2, Apr.–June. P. 43–44.

¹⁰ *Rajni K.* The non-party political process // *Econ. and Polit. Weekly*. 1984. Febr. 4. P. 217–219.

¹¹ *Ibid.* P. 222.

¹² См.: *Bhattacharjee a.* Voluntary agencies: Identity crisis // *Mainstream*. 1985. Vol. 23, N 48.

¹³ *New Wave*. 1989. Aug. 27. P. 6.

¹⁴ *Bunker R.* Voluntary agencies and socio-economic change // *Vierteljahresberichte*. 1987. N 110. S. 427–428.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ: СДВИГИ И ТУПИКИ

В эпоху Великого противостояния (50-е–70-е годы) утвердилось представление о том, что социализм (во всех его видах, включая страны так называемой социалистической ориентации) реализует цели модернизации/развития незападных ареалов, в том числе "третьего мира". Более того, социализм казался адекватным – в условиях отсталости, периферийности, зависимости – способом развития, который в состоянии был не только конкурировать с буржуазной модернизацией, но и стать ее исторической альтернативой. Представление о социализме как варианте/способе модернизации стран "третьего мира" прочно входило не только в революционное, но и реформистское сознание, в частности, связанное с идеями конвергенции, постулировавшими социализм как вид индустриального общества.

И, действительно, на "путях социалистических преобразований" в ряде развивающихся стран довольно эффективно развернулись процессы индустриализации, урбанизации, создание социальной инфраструктуры (в первую очередь системы современного образования). Вполне обоснованно можно заключить, что в плане техноэкономическом, отчасти – социально-экономическом, да и социальном, новый общественный порядок действительно модернизировал эти страны, во всяком случае добился немалых достижений.

Однако уже в 60-е–70-е годы выявилась ограниченность этого варианта модернизации: отдельные сферы социальных отношений – экономика, право, культура – не обрели своей автономной логики, ибо складывались максимум как производные, вторичные от некоего политического "центра". Воплощая единство госвласти/собственности/идеологии, этот центр, по существу, блокировал формирование "гражданского общества". В таком организме индивид складывался не как суверенно-автономная единица, но как эманация, "винтик" целого. Если исходить из трех основных признаков модернизации (см. введение), то социалистическая модернизация ограничивалась лишь одним "технологическим", при этом стимулируя не столько индустриальное общество, сколько индустриальный способ производства. А с ходом мировой НТР, усилением процессов интернационализации и глобализации и эта сторона социалистической модернизации если не потеряла смысл, то существенно обесценилась.

Опыт развивающихся стран второй половины XX в. приводит к предположению, что историческая миссия социализма как способа модернизации/развития, преодоления отсталости/периферийности исчер-

пана. При этом данная разновидность модернизации исчерпала свои возможности достаточно быстро.

Дело в том, что в отличие от более ранних образцов основные социалистические модернизации в "третьем мире" развернулись в эпоху позднеиндустриального развития на Западе и набирающего силу нового витка НТР. В силу своей включенности в мировое общение они сразу же столкнулись с тем, как поднялась "планка" модернизации. Взять эту новую высоту они были не в состоянии, поскольку их социальная организация была ориентирована – в той или иной мере – на нормы советского тоталитаризма.

Парадокс социалистической модернизации "третьего мира" видится и в том, что ограниченность социалистической модели как таковой здесь сочетается со сравнительно большими, чем на родине "реального социализма", возможностями модификации, обновления и даже преобразования в силу открытости мировому рынку и политического влияния бывших метрополий. В "третьем мире" с его фрагментацией, культурной разнородностью и включенностью в мировые связи тоталитарная советская модель не была органичной. Исключение – страны китайского ареала, а также те развивающиеся страны, где противоположение мировых систем было особо острым и непосредственным (Куба) и/или где новый порядок генетически возник из подобного противоположения (Алжир).

Способность к преобразованию проявилась в указанной группе стран в сфере политики, где на смену прежним тоталитарным формам (или близким к таковым) идет авторитаризм. В одних странах он оказывается весьма продуктивным (Китай), в других – приводит к новым тупикам (Алжир). Будучи частью процесса демократизации, авторитаризм в одних случаях грозит свести этот процесс к чисто формальным институтам (Танзания); в других – конкурировать с формой представительной демократии (Никарагуа). Короче говоря, авторитаризм становится симптомом эволюции, модификации социалистического порядка, даже его преобразования в некий новый порядок, базирующийся на смешанной экономике и включенности в мировое хозяйство. Возможно, что на базе такого порядка модернизация в этих странах получит более полное и действительное выражение, если ее мировая или глобальная "планка" вновь не повысится.

6.1. ЭКОНОМИКА ВПЕРЕДИ ПОЛИТИКИ

(Китай)

К концу 70-х годов после многочисленных "скачков", "битв" и прочих массовых кампаний, инициировавшихся лидерами КПК с надеждой первыми "вбежать в коммунизм", а на деле построить еще более "чистую", чем существовавшая в СССР, модель тоталитаризма, после измотавшей общество "великой пролетарской культурной революции" китайская экономика оказалась в крайне тяжелом, критическом состоянии. Таким образом, необходимость реформы стала очевидной, возмож-

ность же начать ее появилась через два года после смерти Мао Цзэ-дуна с устранением "банды четырех" и укреплением в руководстве позиций прагматиков во главе с авторитетным лидером Дэн Сяопином.

Дэн принадлежит к первому поколению коммунистических руководителей Китая, прошедших многолетний путь революционных войн и занимавших заметное положение в КПК и ее вооруженных силах еще задолго до прихода к власти и образования КНР. В числе слагаемых его авторитета особо выделяются участие в "великом походе" и то, что он пострадал в годы "культурной революции" как "лицо номер два, облеченное властью в партии и идущее по капиталистическому пути". Такой тип лидера, который является носителем власти и одновременно находится в оппозиции к исповедуемым ей постулатам, вероятно, был необходим для сведения Китая с пути тоталитаризма.

Экономическая реформа в действии. К моменту активного перехода к преобразованию прагматикам во главе с Дэном удалось создать в высшем руководстве перевес в свою пользу. Это обеспечило политическую поддержку верхов реформе, отсчет которой принято вести с III пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в декабре 1978 г. С отчетным докладом на нем выступил Дэн Сяопин. Историческое значение пленума состоит в провозглашении им отказа от лозунга "классовая борьба – основа" и переносе центра тяжести с политических кампаний на "социалистическую модернизацию", ключевым звеном которой было названо экономическое строительство. Пересмотрен был и подход к использованию внешнего фактора: привлечение иностранного капитала, передовой зарубежной техники, технологии, управленческого опыта признавалось необходимым для успешного решения задач модернизации.

Эта, безусловно, модернизаторская по характеру реформа в Китае началась с введения семейного подряда в сельском хозяйстве. Причем фактически крестьяне оказались готовы к этому раньше, чем правящая элита. В ситуации, когда вопрос встал в прямом смысле о физическом выживании, ими самими интуитивно был нащупан выход в возвращении к традиционной системе хозяйствования, при которой основной производственной единицей является семья.

Суть подряда состоит в том, что при сохранении коллективной собственности на землю она распределяется между отдельными крестьянскими дворами для хозяйственного использования. Условия передачи земли фиксируются в подрядном договоре, подписываемом между каждым двором и местным коллективным органом. В соответствии с договором крестьянин обязан ежегодно выплачивать определенный сельскохозяйственный налог государству, а также производить отчисления в коллективный фонд накопления. Вся остающаяся сверх этого продукция, произведенная двором, полностью принадлежит ему, и он распоряжается ей по своему усмотрению. Тем самым материальное положение крестьянина ставится в тесную зависимость от конечного результата его труда.

Помимо такого мощного стимула, как материальная заинтересованность, семейный подряд имеет в глазах китайского крестьянина и

существенную психологическую привлекательность. Он позволяет ему почувствовать себя хозяином на своем поле, в определенной мере приобрести самостоятельность, когда тобой уже не может "каждый день командовать бригадир".

Благодаря этим качествам семейного подряда, его широкое применение в деревне значительно повысило трудовую активность крестьян, привело к оживлению в сельском хозяйстве. В 1984 г. был получен рекордный урожай зерновых – 407 млн т, что на 50% превышало уровень 1975 г. Важно отметить, что семейный подряд не был инициирован правящей элитой. Документы свидетельствуют о первоначально отрицательном ее отношении к этому явлению, стихийно возникшему и распространявшемуся "внизу". На него закрывали глаза, как на вынужденную меру в условиях бедственного положения крестьян. Однако по мере того, как успех подрядного эксперимента становился все более заметным, менялось и отношение к нему "наверху". С завоеванием же семейным подрядом ведущих позиций в сельском хозяйстве эта эволюция продвинулась вплоть до того, что в выпущенном ЦК КПК в январе 1983 г. Документе номер 1 "Некоторые вопросы нынешней экономической политики в деревне" – вполне в соответствии с логикой часто встречавшегося у нас в недавнем прошлом лозунга "Партия – организатор и вдохновитель всех наших побед" – постулировалось: "Производственный подряд является великим творением крестьянства нашей страны под руководством партии"¹ (подчеркнуто нами – А.О.). Но одновременно, по нашему мнению, это указывало и на то, что реформа в деревне стала предметом широкого общественного консенсуса.

Начало реформы с сельского хозяйства имело свои несомненные преимущества. Улучшение материального положения крестьян обеспечило стабильность китайской деревни, что, принимая во внимание ее 800-миллионное население, имеет определяющее значение для стабильности в стране в целом. Благодаря росту производства сельскохозяйственной продукции, удалось достаточно быстро не только "накормить народ", но и превратить Китай из импортера продовольствия в его экспортера. Одновременно это позволило надежно обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность. В результате реформы в деревне были подготовлены благоприятные условия и накоплен полезный практический опыт для реформы в городе.

Основное содержание экономической реформы в Китае – если говорить максимально кратко – составляет преобразование однообразной структуры общественной собственности с монопольным положением в ней госсобственности, как это характерно для "советской" модели высокоцентрализованной плановой экономики, постепенное расширение сферы действия рыночных отношений, переключение государства с чисто административных рычагов хозяйственного управления на в основном экономические и правовые. Сознывая при этом важность сохранения общественно-политической стабильности, здесь старательно избегают широкомасштабных экспериментов. Китайским реформаторам нельзя отказать в смелости, но она не является безоглядной.

За 16 лет реформы Китая удалось действительно создать пусть далеко еще не совершенный, но реально функционирующий рынок. Примечательно, что оказалось возможным достичь этого отнюдь не "любой ценой". По сравнению с дореформенным периодом значительно вырос уровень жизни населения как в городе, так и в сельской местности. Кроме того, не только не произошло падения производства, но, напротив, отмечалась устойчивая высокая динамика экономического развития. Так, в 1994 г. ВВП Китая составил 4,38 трлн юаней, увеличившись на 11,8% по сравнению с предшествующим годом. При этом промышленное производство выросло на 18%, сельскохозяйственное – на 3,5, сфера обслуживания – на 8,7%. Реальные доходы городского населения увеличились за год на 7,8%, сельского – примерно на 5%. Розничный товарооборот достиг в 1994 г. 1,6 трлн юаней, превысив на 7% уровень предыдущего года.

Быстрыми темпами шла интеграция китайской экономики в мировое хозяйство. В 1994 г. экспорт страны возрос на 31,9%, составив 121 млрд долл., импорт – на 11,2% (115,7 млрд долл.)². К настоящему времени в КНР зарегистрировано 184000 предприятий с участием иностранного капитала, 2/3 из которых уже вступило в строй. О превращении их в мощный фактор экономического развития свидетельствует тот факт, что за первые шесть месяцев 1994 г. ими было экспортировано продукции на 13,47 млрд долл. – на 44,4% больше, чем за аналогичный период 1993 г. Иначе говоря, совместные и чисто иностранные предприятия дали 1/3 всего китайского экспорта³. Общая сумма зарубежных инвестиций в Китай на конец 1994 г. составила 35 млрд долл., заметно – на 35% – увеличившись относительно 1993 г.⁴

Скромные изменения в политической сфере. На фоне крупных перемен в экономике политическая сфера в Китае не только внешне выглядит, но и, по существу, остается малоподвижной. О необходимости реформы политической системы периодически упоминается в публичных выступлениях высших руководителей, но при этом они совершенно не имеют в виду каких-либо действий, способных кардинально изменить существующее положение вещей. Стоит обратить внимание, что даже в собственном лексике этих высказываний не присутствуют такие слова, как, скажем, "смелее", "активнее", "коренной", "углубленный" или "ускорить темпы", без которых, напротив, не обходится ни одной формулировки, касающейся экономической реформы.

Более того, не в последнюю очередь благодаря тому, что в результате успехов экономической реформы КПК получила как бы "второе дыхание", в Китае по-прежнему сохраняется неинституционализированный авторитарный режим, основанный на соединении государства и партии в один организм. Коммунистическая партия занимает доминирующее положение в структуре власти, самым тесным образом переплетаясь со всеми государственными институтами (здесь вполне применим термин "государство–партия", столь любимый ранее некоторыми так называемыми революционными демократами из Тропической Африки). Существующие здесь также восемь демократических партий

самостоятельной политической и – тем более – оппозиционной роли не играют и служат, главным образом, для налаживания и поддержания контактов с зарубежной китайской буржуазией.

Формирование высшего слоя правящей элиты является результатом сложных неформальных компромиссов между различными составляющими ее группировками в ходе их соперничества за власть. В целом в ней выделяются, как говорят в Китае, "партия принцев" – дети бывших руководителей и "партия комсомольцев" – те, кто поднялся сюда благодаря собственному таланту и заслугам, пройдя через этап работы в комсомоле либо практической работы по той или иной специальности. Таким образом, при несомненном nepотизме и клиентелизме эта система обеспечивает достаточно высокую социальную мобильность. Сочетание же преемственности с обновляемостью, видимо, способствует устойчивости высших эшелонов власти.

По существу, китайская номенклатура (ганьбу) стремится сохранить нынешний политический строй в неприкосновенности, ибо речь идет об основе ее существования как правящего социального слоя. Говоря о реформе политической системы, лидеры КПК ни в коей мере не подразумевают существенной ее трансформации. Речь идет лишь о "еще большем совершенствовании социалистической системы", о "продолжении совершенствования системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партии Китая", а также "системы собраний народных представителей"⁵. Демократия западного образца, основанная на принципе разделения властей и с присущими ей соревновательными выборами, многопартийностью и свободой слова и прессы, отвергается как неприемлемая для конкретных условий Китая. В качестве цели провозглашается строительство "социалистической демократии".

Однако сохранять неизменным этот политический строй становится все более непросто. Основные причины здесь, как видится, в следующем. Официальная идеология – марксизм-ленинизм – к концу 80-х годов ощутимо утратила свое влияние в китайском обществе. Теперь, когда массовые политические кампании "культурной революции" все дальше отходят в прошлое, а жизнь все больше определяется реалиями рыночной экономики, значительная часть обычного населения воспринимает его как нечто к ней никакого отношения не имеющее. В Китае не раз приходилось слышать: "Нам все равно – социализм или капитализм, лишь бы жилось хорошо". Что касается таких социальных групп, как научная и творческая интеллигенция, то и здесь большинство перестает видеть в социализме "единственно верное учение". Откровенные ортодоксы невысоко котируются среди коллег.

Падает, как в свое время говорили у нас, "prestиж партийного билета". Членство в партии уже не выглядит столь почетным и желанным, как раньше. Особенно это касается молодого поколения, не участвовавшего в революционной борьбе, войне в Корее, не прошедшего через всеобщий энтузиазм в первые годы строительства социализма, поэтому воспринимающего партию умом, но не сердцем. Одновременно его ценностные ориентации из сферы идеологии перемести-

лись в сферу экономики. Люди старшего возраста часто сетуют, что "молодежь на все смотрит через деньги". Вступление же в партию в этом смысле никаких дополнительных перспектив не открывает.

Всевластие КПК – до сих пор внешнему наблюдателю кажущееся незыблемым – начинает подвергаться эрозии на самом нижнем уровне, главным образом, в сельской местности. Дело в том, что в последнее время в китайской деревне активно идет процесс возрождения базовых традиционалистских структур, особенно кланов, к которым переходит реальная власть в соответствующей округе. И секретарь местного парткома уже не может принять какое-либо важное решение, не посоветовавшись с главой клана. Ситуация тем более заслуживает внимания, что КПК привыкла воспринимать крестьянство как свою социальную базу.

В Китае уже можно говорить о появлении отдельных, пусть пока и весьма слабых, элементов гражданского общества. Помимо традиционных земляческо-клановых и религиозных объединений возникают различные профессиональные ассоциации, которые, правда, далеко не являются подлинно независимыми. В среде научной интеллигенции складываются неформальные группы, объединяющиеся вокруг идеи либо носителя (носителей) идеи. Несмотря на полную подконтрольность средств массовой информации официальной власти, вторая половина 80-х годов дала несколько примеров независимых изданий. Наиболее известные из них – пекинский "Цзинцзисюэ чжоубао" ("Экономический еженедельник") и шанхайский – тоже еженедельник "Шицзе цзинцзи даобао" ("Мировая экономика"), ставшие заметным явлением в общественной жизни Китая в период нарастания демократического движения в 1988–1989 гг. По оценке французского китаевода Жана-Филиппа Бежа, "Шицзе цзинцзи даобао" сыграл даже «в некоторой степени роль "Московских новостей" в первые годы "гласности"...»⁶. Помимо этого, в среде китайской интеллигенции, прежде всего имеющей отношение к общественным наукам, циркулирует немало текстов, аналогичных советскому "самиздату".

С осуществлением реформы и политики открытости колоссально расширились масштабы общения Китая с внешним миром. Неизмеримо вырос приток иностранцев, которых сегодня можно встретить практически в любой точке страны: бизнесмены, специалисты, персонал совместных предприятий, студенты, стажеры, туристы и т.д. Приезжает немало хуацяо, гонконгских китайцев и, как их называют, "соотечественников с Тайваня". Одновременно очень много китайцев едут за границу: к родственникам, на учебу, с предпринимательскими целями и т.д. В Китае свободно продаются ведущие западные периодические издания. Распространение получили параболические антенны, позволяющие принимать спутниковое телевидение. У многих есть видеокассеты с западными фильмами, включая и такие, которые по официальной терминологии именуются "желтыми". Поступающая по всем этим каналам информация о стандартах жизни в других странах обладает демонстрационным эффектом для населения, по крайней мере, городского.

Драматические изменения претерпело внешнее окружение Китая, так что в начале 90-х годов он оказался единственной в мире крупной страной с правящей коммунистической партией. Эти изменения не могли не сказаться и на самой партии, где усилились, с одной стороны, прорыночные элементы, с другой – в порядке реакции на них – ортодоксальные течения.

Данные обстоятельства не могут не учитываться руководством КПК, что отражается в выдвинутом им требовании адаптации партии к новым условиям.

Из того, в чем в плане политической реформы в 80-е годы удалось реально продвинуться, можно назвать изменение функций парткомов на предприятиях. По Закону о предприятии они лишались права вмешиваться в производственные дела и принимать хозяйственные решения, что относилось к прерогативе исключительно директора. Однако после событий 4 июня 1989 г. на предприятиях снова стало насаждаться "двоецентрие", в нарушение соответствующих положений законодательства парткомы опять стали вторгаться в сферу функций хозяйственных руководителей. Наряду с этим было принято решение, устанавливающее, что из общего числа работающих на предприятии не менее 1% должны составлять кадровые работники, занимающиеся партийной (организационной, пропагандистской и т.д.) работой.

Судя по последним сообщениям из Китая, на фоне общего потепления внутривнутриполитической атмосферы деятельность парткомов начинает приводиться в соответствие с Законом о предприятии. Это подтверждает, в частности, и ответ делегата XIV съезда КПК, секретаря парткома Цилиньской компании химической промышленности Ли Цишэна на вопрос корреспондента относительно роли парторганизации с учетом проводимой реформы хозяйственного механизма предприятий: "Предприятию для развития производства прежде всего необходимо активизировать рабочих и служащих, а для этого требуется усилить идейно-политическую работу, что и является важной задачей партийной организации"⁷. Вывод парткомов за пределы предприятий в намерения КПК не входит.

Еще одно изменение последнего времени – упразднение Комиссии советников при ЦК КПК на XIV съезде. Эта структура была создана в 1982 г. как своеобразный амортизатор для смягчения отхода от укоренившейся системы пожизненного занятия постов в верхнем эшелоне власти. С ее помощью решалась задача – крайне важная для реформаторов – омоложения руководства при снижении болезненности этого процесса для "товарищей, имеющих большие революционные заслуги", но достигших уже весьма почтенного возраста. Включение в состав Комиссии советников позволяло им после оставления официальных постов сохранить ощущение причастности к власти. Одновременно функционирующая власть получала возможность полнее использовать потенциал и опыт старых кадров. Предложение о роспуске Комиссии исходило как бы от нее, будучи сформулированным в докладе о ее работе XIV съезду⁸. Съезд с этим предложением согласился.

Несмотря на известную идеологическую жесткость и политический

консерватизм существующего в Китае строя, прагматизм китайского руководства наделяет его способностью к переосмыслению прежних, не согласующихся с изменившейся действительностью представлений, постепенному отказу от становящихся помехой догм. Например, долгое время в Китае для характеристики реализуемой в ходе реформы экономической модели не решались использовать слово "рынок". Вплоть до XIV съезда применялась формулировка "плановая товарная экономика", выдвинутая на III пленуме ЦК КПК 12-го созыва в 1984 г. и подтвержденная на XIII съезде КПК в 1987 г.⁹ "Рыночный социализм", к которому причислялась югославская модель, объявлялся совершенно неприемлемым для Китая. Все же на XIV съезде этот психологически трудный барьер оказался преодоленным. В докладе Генерального секретаря Цзян Цзэминя прозвучала новая формула: "Развитие практики и углубление познания требуют от нас четко обозначить, что целью реформы экономической системы Китая является строительство системы **социалистической рыночной экономики**"¹⁰ (подчеркнуто нами – А.О.).

Тем не менее, как особо подчеркивается китайскими руководителями, любое преобразование, любой шаг вперед требуют преодоления немалого идеологического сопротивления. Причем это сопротивление, по их словам, идет в основном "слева". Будучи зачастую окрашенным в "революционные тона", оно способно легко вводить в заблуждение людей, порождать недоверие и даже неприятие реформы и политики открытости. Поэтому во многих речах, включая съездовский доклад, повторяется призыв к кадровым работникам следовать указанию Дэна о том, что «надо сохранять бдительность в отношении правого уклона, но главным образом предотвращать "левый"»¹¹.

Реформирование политической сферы в Китае располагает очень небольшим числом степеней свободы: ключевое ограничение здесь – изменения не должны затрагивать "роли партии как руководящего центра". "Урок КПСС" не мог не стимулировать дополнительного внимания КПК к данному вопросу. Это подтверждает и ряд положений доклада Цзян Цзэминя XIV съезду КПК. Прежде всего "любые взгляды и действия, ставящие под сомнение, ослабляющие, отрицающие место партии как правящей и ее руководящую роль", однозначно расцениваются как "в корне ошибочные и чрезвычайно вредные". В случае реальной угрозы власти партии не исключается применение силы, для чего "необходимо усиливать функции демократической диктатуры народа, опираясь на тесные связи спецорганов с массами".

Учитывая крайне негативную реакцию населения на коррупцию среди партийных и государственных чиновников, способную, как это уже продемонстрировали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., становиться детонатором общественных потрясений, опасных для власти, было заявлено о готовности "решительно снимать безответственных, использующих служебное положение для извлечения личной выгоды кадровых работников".

Политические изменения позднереформенного периода в СССР,

ослаблявшие власть партии и приведшие в итоге к утере целостности государства, получали резко отрицательную оценку в закрытых документах ЦК КПК. Родился даже термин "мирная эволюция", критике за попустительство которой был подвергнут тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. Ее угроза, как здесь считают, в "процессе социалистической модернизации" может сохраняться очень долго. Таким же по длительности должно быть и противодействие ей. Поэтому "ни в коем случае нельзя ослаблять бдительность. И особенно высшие партийные руководители должны сохранять трезвую голову"¹².

Итак, более или менее глубокие преобразования в политической сфере Китая в ближайшем будущем вряд ли произойдут. В связи с этим будет сохраняться противоречие между либерализацией в экономике и жестким авторитаризмом в политике. Однако данное противоречие не видится нам как тупиковое или безусловно неконструктивное. С одной стороны, политическая неизменность неинституционализированного авторитаризма работает пока на стабильность в обществе, без которой устойчивое экономическое развитие невозможно. С другой стороны, совсем не исключается трансформация подобной полутоталитарной полуавторитарной формы в собственно авторитаризм, более соответствующий либерализуемой экономике.

Главным приоритетом остается экономическая реформа, развитие производительных сил, что должно обеспечить потенциал для превращения Китая в "мощное, модернизированное государство". Только вот останется ли в результате Китай "социалистическим"? Во всяком случае китайский вариант социалистического тоталитаризма продемонстрировал больший потенциал трансформируемости, чем его советский вариант.

¹ Цит. по: Ян Сюнь, Лю Цзяжуй. Путь реформы китайской деревни. Пекин, 1987. С. 78. На кит. яз.

² Жэньминь Жибао. 1995. 20 янв.

³ China Daily. 1994. July 27.

⁴ Жэньминь Жибао. 1995. 20 янв.

⁵ См.: Текст речи Цзянь Цзэминя в Партшколе при ЦК КПК 9 июня 1992 г. // Жэньминь Жибао. 1992. 15 июля.

⁶ Béja J.-Ph. Regards sur les "salons" chinois // Rev. fr. sci. polit. 1992. Vol. 42, N 1. P. 79.

⁷ Жэньминь Жибао. 1992. 17 окт.

⁸ См.: Доклад о работе Комиссии советников при ЦК КПК XIV съезду партии (принят на 9-м пленарном заседании Комиссии 9 октября 1992 г.) // Жэньминь Жибао. 1992. 23 окт.

⁹ См.: Чжао Цзыян. Вперед по пути социализма с китайской спецификой: (Отчетный доклад на XIII съезде КПК 25 октября 1987 г.) // Коммунист. 1988. № 1. С. 117.

¹⁰ Цзянь Цзэминь. Отчетный доклад на XIV съезде КПК. Пекин, 1992.

¹¹ Жэньминь Жибао. 1992. 15 июня.

¹² Цзянь Цзэминь. Отчетный доклад на XIV съезде КПК.

6.2. ДИСПРОПОРЦИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КРИЗИС РЕЖИМА

(Алжир)

В июне 1962 г. завершилась 8-летняя вооруженная борьба за национальное освобождение Алжира. Успех этой борьбы в значительной мере был обусловлен способностью Фронта национального освобождения (ФНО) объединить различные слои и группы алжирского общества вокруг программы-минимум – завоевание национальной независимости. Именно это отличие ФНО от всех других движений и партий страны сделало его бесспорным и общепризнанным лидером национально-освободительного движения сначала на этапе вооруженной борьбы, а затем и постнезависимого развития, превратив в фактически монопольно правящую политическую организацию. Вобрав в себя в период вооруженной борьбы, а затем и организационно подчинив наиболее социально и политически активные организации – Всеобщий Союз Алжирских Трудящихся (ВСАТ) и Национальный Союз Алжирских студентов (НСАС), – Фронт к моменту завоевания независимости фактически не оставил места для какой-либо партии или движения, способных конкурировать с ним.

Приобретению ФНО статуса и роли политического монополиста в первые годы после независимости способствовало и то, что еще в ходе вооруженной борьбы Фронт располагал неким подобием военной администрации, представленной как полевыми армейскими командирами, так и функционерами политического аппарата. Это позволило руководству Фронта сразу же после подписания Эвианских соглашений (июнь 1962 г.) о предоставлении Алжиру независимости наладить, пусть далеко не всегда эффективную, централизованную структуру управления на местах.

Придание изначально однопартийного характера данному режиму вытекало из идеологических воззрений леворадикального крыла, выдвигание которого в руководство Фронтом было связано с особенностями (прежде всего, длительность и вооруженный характер) освободительной борьбы. Принятая в июне 1962 г. Триполийская хартия ФНО, исходя из необходимости (в целях укрепления независимости) ускоренного преодоления экономической отсталости, предусматривала резкое повышение роли государства (создание национально-государственной собственности, госрегулирование, более равномерное с помощью государства распределение национального богатства, в том числе и перераспределение колониальной собственности) в решении данной задачи. Политическим условием способности государства выполнить возложенные на него функции, с точки зрения идеологов Фронта, должно было стать национально-политическое единство алжирского общества за минусом алжирской буржуазии*. Поскольку ФНО сумел

* В странах, недавно завоевавших независимость, – говорилось в Триполийской хартии, – использование методов классического либерализма не позволяет осуществить действительную трансформацию общества... Наша партия не может отдать решение фундамен-

добиться обеспечения такого единства на этапе борьбы за независимость, постольку только Фронт мог явиться гарантом его сохранения в условиях постнезависимого развития. Эти роль и место ФНО сначала были закреплены Конституцией страны в 1963 г., а затем и новой программой Фронта, принятой в 1964 г. и названной Алжирской хартией.

Вместе с тем следует иметь в виду и то, что создание этатистской модели во главе с ФНО получило широкую поддержку как вовне (прежде всего со стороны левых сил Франции и, конечно, арабских стран), так и внутри страны. Что касается внутреннего аспекта этой поддержки, то ее обеспечение можно объяснить следующим. Во-первых, огромной популярностью Фронта как выразителя идей алжирской независимости (еще не исчерпавшего кредита доверия). Во-вторых, реакцией на колониальное прошлое и особенностями алжирской политической культуры, что обуславливало поддержку, с одной стороны, идеи сильного централизованного государства, выступающего гарантом независимости, а, с другой стороны, той части программы ФНО, которая вобрала в себя принципы эгалитаризма и социальной поддержки, отразив тем самым систему общинно-исламских традиций и ценностей*. Однако едва родившись, левонационалистический режим, опиравшийся на относительный консенсус в его верхних эшелонах**, что компенсировалось харизмой А. Бен-Беллы и его прямым обращением к массам — части рабочего класса, входящего в состав ВСАТ, промежуточным городским слоям и особенно крестьянству, — вошел в состояние кризиса.

Этот кризис "от рождения" объясняется рядом факторов. Во-первых, фактический разрыв экономических связей с метрополией и массовый отъезд из Алжира французских колонистов в предверии и особенно сразу после провозглашения независимости имели своим результатом резкое ухудшение общей экономической ситуации в стране***, вызвав растущее всеобщее недовольство.

Во-вторых, перераспределение так называемой вакантной собст-

тальных проблем, которые встали перед страной, в руки буржуазии, находящейся в эмбриональном состоянии и связанной кроме того по характеру своей деятельности с экономическими кругами империализма¹ // *Annuaire d'Afrique du Nord* 1962 (Algerie, Maroc, Tunisie). P., 1962. P. 698.

*Это крайне важно, особенно если учесть преобладание крестьянства в населении страны и его активизацию в ходе вооруженной борьбы за независимость. К этому следует добавить и то, что на фоне растущей миграции на рубеже 50–60-х годов алжирских квалифицированных рабочих во Францию последние были заменены пришедшим из села крестьянством с присущим ему сознанием.

**Раскол в рамках ФНО произошел уже в ходе принятия Триполийской хартии. В результате в его составе образовались следующие группировки: бен-беллисты; руководители военных провинций; клан Уджа во главе с главнокомандующим Х. Бумедьеном.

***В 1954 г. стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции Алжира равнялась 360,0 млрд фр., экспорта — 140,3, импорта — 217,7 млрд фр. В том же 1954 г. в целом вся местная промышленность потребляла лишь 25% продукции сельского хозяйства, а сама выдавала последнему около 8% стоимости своей продукции².

венности (высокотоварные фермы французских колонистов)* в сельском хозяйстве в пользу "самоуправляемого сектора", призванного воплотить идеи самоуправления, столь популярные в европейской, особенно французской, и алжирской "левой", привели сначала к массовому разочарованию, а затем и к растущей деполитизации крестьянства. В то же время созданный как образец коллективных хозяйств с участием ранее занятых в них наемных рабочих, этот сектор изначально был подвергнут процессу "ползучего" огосударствления, что было окончательно и фактически закреплено мартовскими декретами 1963 г. Подмена идей самоуправления все более бюрократизирующей структурой управления, причем без какой-либо ощутимой и конкретной поддержки со стороны государства, привела не только к дальнейшему ослаблению позиций режима в деревне, но и к падению производства в этом секторе. По данным исследователей Дэвида и Мартин Оттовэй, к середине 60-х годов более 2/3 "самоуправляемых хозяйств работали в убыток. В 1965 г. их задолженность государству составила 33 млн дин."⁴

В-третьих, попытка и стремление внедрять идеи самоуправления в промышленность и торговлю, причем преимущественно на предприятиях мелкой и средней алжирской буржуазии, привели к аналогичным результатам.

Итогом всего этого явились ухудшавшаяся экономическая ситуация и растущее недовольство масс. Заметим, что это недовольство было обусловлено не только разочарованием крестьянства, рабочих, представителей промежуточных слоев города в способности режима удовлетворить их интересы, но и общей неэффективностью разраставшихся государственно-административных структур, которые при все более возрастающих расходах на их содержание погрязли в коррупции, взяточничестве и тому подобных явлениях. Через два года после получения независимости алжирский журнал "Револьюсьон африкэн" писал: "Если независимость смогла материально улучшить жизнь масс... конец колониального господства позволил некоторым занять посты, которые дают им многочисленные преимущества: виллы, автомобили, зарплату, влияние. Они уже не живут жизнью народа, они отделились от него. Зачастую они заняли место "пьернуар" ("черноногих" – пер. с фр. – *Примечание автора*). Они думают только о том, чтобы во что бы то ни стало сохранить свое место"⁶.

Таким образом, все это привело к потере правящим режимом массовой поддержки, что стимулировало углубление раскола в верхних эшелонах власти. В этих условиях авторитарный характер режима во все большей степени персонифицировался в личности самого президента. К весне 1965 г. помимо поста президента А. Бен-Белла исполнял функции Генсека ФНО, Верховного главнокомандующего, министра внутренних дел, министра финансов, министра информации и министра иностранных дел. Однако такая концентрация властных полномочий в

* На их долю приходилось около 2,7 млн га, или 40% всех, причем наилучших, обрабатываемых земель³.

одних руках не обеспечивала эффективного контроля за ситуацией, а также за ее развитием. Распоряжения и указы тонули в "море" бюрократизма. К тому же часть чиновничества, унаследованная от старого колониального аппарата, не разделяя устремлений режима и чувствуя его растущее бессилие, просто саботировала исполнение каких-либо решений. Другая его часть, предвидя падение режима, искала покровительства у набирающей силу оппозиции. В рамках последней, начиная с конца 1963 г., все большее влияние приобретала группировка Х. Бумедьена (к тому времени уже министра обороны). Ее сила была заключена в поддержке армии, влияние которой не без помощи того же Х. Бумедьена к весне 1965 г. простиралось до министерских постов и до целых секторов экономики, где армия играла ключевую роль, как, например, в строительстве и общественных работах. К тому же армия располагала своими собственными службами безопасности и каналами пропаганды.

Результатами этого и явился почти бескровный переворот 19 июня 1965 г. Хотя к власти пришел Революционный Совет, представлявший весьма пестрый блок противников прежнего режима, "мотором" и исполнителем переворота была группировка Х. Бумедьена, вышедшая из армии и опирающаяся на нее. Последняя к этому времени оставалась единственной сплоченной, организованной, а главное, как показал дальнейший ход развития событий, реальной силой.

От революционного "романтизма" к революционному "прагматизму". Приход к власти Ревсовета, несмотря на критику режима А. Бен-Беллы, не означал на деле принципиального изменения курса, зафиксированного в Триполийской хартии 1962 г. и подтвержденного в документах Фронта в 1964 г. Напротив, уже в заявлении Ревсовета от 19 июня 1965 г. подчеркивалась необходимость замены "рекламного и конъюнктурного социализма" социализмом, "соответствующим реальностям страны". В действительности это означало не только коррекцию, но и смещение акцента от теоретического конструирования умозрительной политической модели национально-социального распределения в сторону конкретного ее наполнения – прежде всего экономического развития и создания сильного государства. "Мы считаем, – объяснял Х. Бумедьен необходимость такого перенесения акцентов, – что создание алжирского государства – это основное условие любого прогресса и неотъемлемый элемент развития алжирского общества... Поскольку создание государства это гарантия развития, постольку это и гарантия экономики и фактор возрождения алжирской нации, которой надо вернуть ее истинный смысл и веру, отнятые у нее колониализмом... Современная история показала невозможность движения общества по пути прогресса без существования государства. Это очевидно"⁷.

Уже в 1966 г. была разработана и принята в качестве стратегического курса экономической политики концепция "глобальной индустриализации". Эта концепция, имевшая весьма разнородные источники (от Де Берни до советского опыта), предусматривала создание в

кратчайшие сроки базы тяжелой промышленности и машиностроения, на основе которых должно быть обеспечено развитие остальных отраслей промышленности и подъем сельского хозяйства. Ведущая роль в реализации этой концепции отводилась государству с его способностью аккумулировать средства из различных секторов экономики и концентрировать их на стратегически важных направлениях экономического развития.

С целью решения такой задачи в течение короткого периода времени был завершен процесс национализации кредитно-банковской системы и всех крупных промышленных предприятий, где ключевые позиции продолжали занимать представители французского капитала. К началу 70-х годов была поставлена точка в так называемой битве за нефть: все основные мощности по добыче, переработке и экспорту нефти и углеводородов окончательно перешли в руки государства. К концу 60-х годов государство фактически монопольно контролировало и все операции по экспорту и импорту товаров.

Одновременно реорганизации была подвергнута структура управления "самоуправляемого сектора" в сельском хозяйстве. Формально сохранив статус этого сектора и даже частично децентрализовав структуру его управления, что несколько повысило его эффективность, государство взяло на себя функции его материально-технического снабжения, обеспечения льготными кредитами и т.д. Это позволило закрепить финансовый контроль государства за деятельностью этих хозяйств, а главное – замкнуть на себя сбыт и реализацию производимой продукции. Отчасти аналогичные меры были предприняты и в отношении частного сектора в сельском хозяйстве. Впоследствии политика навязывания государства в качестве основного экономического партнера сельскохозяйственному производителю проводилась и в ходе осуществления так называемой аграрной революции в начале 70-х годов, когда на перераспределяемых землях в обязательном порядке создавались кооперативы или так называемые социалистические деревни, снабжение и кредитование которых, а на этой основе и сбыт их продукции брало на себя государство. Таким образом, последнее получало возможность с помощью государственного регулирования производственно-коммерческой системы (в том числе и через "ножницы цен") в отрасли искусственно занижать цены на сельскохозяйственную продукцию, что позволяло добиваться в той или иной форме перелива средств из сельского хозяйства в промышленность, в частности, путем снижения издержек производства в последней, как, например, расходов на рабочую силу.

Совокупность всех этих мер позволила в весьма короткие сроки добиться овладения государством всех основных рычагов управления экономикой страны, обеспечив способность государства не только аккумулировать значительные материальные средства и ресурсы, но и перераспределять их по своему усмотрению. Это существенно расширило возможности для прямых государственных инвестиций в экономику, чему особенно способствовало начавшееся после 1973 г. повышение мировых цен на энергоносители. В считанные годы Алжир

превратился в настоящую промышленно-строительную площадку. Было начато строительство целого ряда предприятий черной металлургии, машиностроения, химической промышленности и т.д., а также ряда импортзамещающих производств.

Наряду с этим были существенно пересмотрены взаимоотношения государства и частного сектора. В ходе кампании по реприватизации частным владельцам было возвращено значительное число мелких и средних предприятий, включая и сферу торговли и услуг. В 1966 г. был принят новый инвестиционный кодекс, регулирующий деятельность частного сектора в промышленности, но дающий определенные льготы последнему.

Следует признать, что предпринятые меры, в том числе и по реорганизации структуры управления госсектором, упорядочению деятельности отдельных его частей, а также некоторые льготы и стимулы, предоставленные частному сектору как в городе, так и в деревне, позволили относительно стабилизировать экономическую ситуацию в стране и даже, по мере возрастания доходов от нефти, значительно увеличить темпы экономического развития. В середине 70-х годов по данному показателю Алжир был отнесен к категории наиболее быстро развивающихся стран "третьего мира".

Как следствие, удалось значительно снизить накал социально-политической напряженности в стране. Стабилизировалось и даже несколько улучшилось положение занятых в так называемом самоуправляемом секторе в сельском хозяйстве. "Аграрная революция", не решив кардинально проблему земельного голода, тем не менее позволила существенно расширить социальную базу режима. Вместе с тем снятию остроты аграрного перенаселения, рассасыванию безработицы в городе и даже некоторому улучшению материального положения рабочих способствовала растущая потребность по мере осуществления проектов индустриализации в не- и малоквалифицированной рабочей силе. Гораздо свободнее (во всяком случае до начала 70-х годов) почувствовал себя частный сектор города. К концу 60-х годов до 180 тыс. против 130 тыс. в начале десятилетия увеличилось в Алжире число мелких торговцев и кустарей. Число проектов, предложенных частным сектором на рассмотрение специальной государственной комиссии, увеличилось с 65 в 1967 г. до 220 в 1968 г. и 279 в 1969 г.⁸

Наконец, с началом широкой национализации и развитием госсектора, а также после проведения в конце 60-х, а затем в 1974 г. коммунально-административной реформы резко возросла численность государственно-административного аппарата, достигнув в 1977 г. 400 тыс. человек⁹. Эта бюрократическая "рять" впитала в себя многочисленных представителей мелкой и средней буржуазии как города, так и деревни, умиротворив отчасти ее претензии, сделав ее более лояльной режиму и тем самым расширив консенсус, явно сузившийся в период режима А. Бен-Беллы.

Существенным фактором социальной стабилизации явилось проведение достаточно широких государственных программ по развитию системы здравоохранения и образования, а также введению пенсион-

ного обеспечения, защиты матери и ребенка, различного рода выплаты и дотация наименее обеспеченным слоям населения.

Улучшение экономической ситуации и снятие социальной напряженности позволили осуществить ряд мер по реконструкции и укреплению структур политической власти и нового режима. Прежде всего предметом особой заботы Х. Бумедьена стала армия. Еще в 1962 г. Х. Бумедьен считал, что в "третьем мире" нельзя построить социализм, не пройдя периода сильной власти, прежде всего опирающейся на армию. Впоследствии он неоднократно отмечал в своих интервью, что свержение Альенде в Чили и поворот вправо португальской революции в 1976 г. лишь подтвердили этот тезис¹⁰.

После переворота 1965 г. новое руководство не переставало подчеркивать неразрывную связь между армией и народом, ссылаясь, в частности, на крестьянское происхождение большинства офицеров. С этой же целью с введением всеобщей воинской обязанности в 1969 г. в армии была широко развернута система подготовки военнослужащих гражданским профессиям.

В то же время доходы, полученные от созданной госсобственности, особенно от нефти, позволили резко увеличить ассигнования на содержание армии, включая массированные закупки оружия из СССР. Существенно были повышены офицерские оклады. Как правило, младший офицер получал жалование, равное зарплате маститого профессора в университете, а в ряде родов войск, например, в ВВС и того больше. Значительно была расширена система льгот и привилегий, в том числе бесплатное и первоочередное обеспечение жильем, спецмагазины, где продавались товары со скидкой, различного рода надбавки и дотации.

Наряду с этим армия постепенно приобретала определенную экономическую самостоятельность. Ее бюджет был выделен в отдельную статью, подконтрольную фактически только Х. Бумедьену. Более того, в собственность передавались ранее созданные или вновь создающиеся сельскохозяйственные кооперативы, промышленные предприятия, недвижимость и т.д.

Укреплялся и политический статус армии в структурах власти. Хотя согласно Национальной хартии 1978 г. армия формально находилась под контролем ФНО, однако, на самом деле введенный в армии институт политического комиссариата не имел никакого влияния. Напротив, многие государственные структуры находились прямо или косвенно под ее контролем. Службы военной безопасности играли фактически ключевую роль в деле внешней и внутренней разведки, выполняли важную роль в организации пропаганды (в том числе в осуществлении цензуры) и политического воспитания. Армия курировала силы жандармерии. Многие министерские посты, а также посты руководителей административного аппарата и госпредприятий заполнялись бывшими военными, направляемыми туда для укрепления кадрового состава.

Наконец, дислокация армейских частей осуществлялась таким образом, чтобы обеспечивать командующему военным округом возмож-

ность контролировать ситуацию в рамках входящих в военный округ административных единиц. Именно это объясняет, почему командующие военными округами подбирались с особой тщательностью. Естественно, что ими, как правило, становились лично преданные Х. Бумедьену люди. Не случайно и то, что новый президент Шадли Бенджадид* после смерти Х. Бумедьена фактически выбирался в основном командующими военными округами из их числа. Таким образом, авторитарный режим приобретал черты милитаристского...

Вместе с тем, распустив на неопределенный срок в 1965 г. Национальное народное собрание (парламент страны), новый режим по мере укрепления своих позиций приступил к реконструкции структур государственно-административного управления. В 1967–1968 гг. была проведена коммунальная реформа. Предназначенная, как говорили ее авторы, для того, чтобы установить "революционную децентрализацию", эта реформа имела своей целью достраивание нижних этажей административно-командной структуры. Согласно закону, избираемые на четыре года коммунальные ассамблеи должны были ведать всеми вопросами на местах. Однако лишённые каких-либо средств они занимались только административными вопросами, в то время как наиболее важные вопросы – экономические, социальные и политические – оставались привилегией вали (главы администрации), назначаемого правительством, а также центральных министерств. Аналогичным образом была реорганизована администрация вилай (провинций), число которых в соответствии с административной реформой 1974 г. было увеличено с 15 до 31.

Что касается ФНО, то Х. Бумедьен уже через две недели после переворота (5 июня 1965 г.) подтвердил сохранение Фронта в качестве единственной политической организации страны. Однако, заявив о стремлении к превращению ФНО в "динамичную боевую партию революционного авангарда", новый режим фактически сохранил прежний бюрократический аппарат партии, ограничив тем самым и способность Фронта к превращению в самостоятельную, независимую от государства политическую силу. Вместе с тем ФНО отводилась важная роль в структуре политической власти: своего рода "приводного ремня" в кампаниях по мобилизации масс и массовой поддержки режима. С этой целью ФНО передавался контроль за деятельностью массовых общественных организаций.

Одной из наиболее влиятельных массовых организаций в 1965 г. являлись профсоюзы (BCAT). BCAT в этот период насчитывал около 250 тыс. членов, а его руководство, несмотря на замену прежнего руководства, в марте 1965 г. продолжало активно отстаивать свою автономию от нового режима. В 1965 г. большое число членов BCAT присоединилось к оппозиции, в частности, к созданной Организации

* Ш. Бенджадид – активный участник вооруженной борьбы. С 1955 по 1961 г. командовал военным сектором на востоке страны. В 1962 г. был назначен командующим военным округом департамента г. Константины, а с 1964 г. военным округом Орана (вплоть до 1979 г.). В 1965 г. вошел в состав Ревсовета.

народного сопротивления, среди руководителей которой был и бывший Генеральный секретарь компартии Башир Хадж Али. Ответом на это со стороны режима явился арест в июле того же года 17 руководителей ВСАТ. Это был серьезный удар по профсоюзному движению. Ликвидацию "актива" профсоюзов завершил аппарат ФНО, которому удалось заменить своими людьми ответственных секретарей комиссий по подготовке III съезда ВСАТ, развернув кампанию обвинения последних в саботаже. После этого судьба съезда была predetermined. Состоявшийся в марте 1969 г. профсоюзный форум подтвердил превращение профсоюзов в подчиненное режиму движение.

Во многом аналогичной была политика и в отношении Национального союза алжирского крестьянства, который подвергся существенной реорганизации в 1973 г., что сопровождало проведение так называемой аграрной революции. Последним в этом ряду был Национальный союз алжирских студентов, так же как и ВСАТ, выступивший в 1965–1966 гг. против нового режима. Отчасти разогнанный, отчасти подавленный этот союз в середине 70-х годов был "утоплен" в созданной заново организации – Национальном союзе алжирской молодежи.

Осуществление контроля за деятельностью общественных организаций обеспечивалось не только за счет подбора и расстановки руководящих кадров, жесткой цензуры и т.д. Важным рычагом являлось фактическое государственное финансирование их деятельности, осуществляемое, как правило, через ФНО либо в некоторых случаях напрямую. Обеспечение лояльности руководства и аппарата общественных организаций достигалось и установлением высоких окладов, распространением на них системы привилегий, допуском к "государственному распределителю благ".

С целью придания политической системе фасада представительной демократии режим пошел на восстановление в 1975 г. Национального народного собрания. Очевидно, однако, что располагая всеми возможными средствами контроля и мобилизации, режим обладал фактически 100%-й гарантией обеспечения необходимого состава высшего законодательного органа страны. Мало того, что "привилегия" выдвижения кандидатов в депутаты принадлежала ФНО и подконтрольным ему общественным организациям, государство в той или иной форме обеспечивало "своих" кандидатов соответствующей финансовой, политической и пропагандистской поддержкой, какой не мог располагать никто из потенциальных "независимых" кандидатов.

Наконец, этому в немалой степени способствовали целенаправленные усилия по пропаганде и разъяснению программных положений и установок ФНО. В настоящую идеологическую кампанию, например, вылилось так называемое всенародное обсуждение проекта Национальной хартии, принятой в 1976 г.

Крайне важным элементом идеологического обеспечения нового режима являлось постоянное выделение ислама как одного из важнейших источников "Алжирского социализма". Во-первых, в рамках этой модели, в основе которой лежали леворадикальные идеи при относительной слабости национальной общности ислам выступал в

качестве, с одной стороны, своего рода компенсатора недостаточности национальной идентификации, а, с другой стороны, источника легитимности как режима, так и модели "алжирского социализма" в целом.

Во-вторых, в условиях политической монополии ФНО ислам оставался единственным легальным каналом возможного выражения социально-политического протеста. Все это вместе взятое определило стремление режима использовать и в конечном счете "этатизировать" ислам*.

Таким образом, в Алжире к середине 70-х годов была создана мобилизационная модель политической организации ("polity"), включавшая однопартийный режим. Ее отличительными чертами явились, с одной стороны, неформальная нейтрализация самостоятельной политической деятельности большинства различных групп и слоев алжирского общества, а, с другой стороны, создание жестко иерархичной системы мобилизационных структур политической власти. Функционирование всей системы политической власти на этих условиях обеспечивалось, во-первых, мобилизационной идеологической концепцией, в основе которой лежали, с одной стороны, идея укрепления национальной независимости и сопротивления неокOLONIALИЗМУ, а, с другой – система общинно-исламских уравнилельных принципов и ценностей.

Во-вторых, созданием мощной вертикальной структуры государственного управления**. В-третьих, расширением и укреплением системы контрольно-репрессивных органов (армия, полиция, служба безопасности, цензура и т.д.).

Таким образом, с одной стороны, это резко повышало роль субъективного фактора в воспроизводстве – тем более в расширенном – модели в целом; с другой стороны, немаловажным условием устойчивости политической системы выступало наличие консенсуса "верхов".

Экономической основой функционирования такой модели являлось изъятие государством прибавочного продукта из различных секторов экономики с последующим его перераспределением между политическими, социальными и экономическими агентами режима (контрольно-репрессивные органы, государственно-административный аппарат, госсектор и т.п.). Следует отметить, что благоприятствующим фактором устойчивого и даже расширенного экономического воспроизводства алжирской модели было резкое увеличение доходов от экспорта углеводородов – нефти и газа.

Парадоксы демократизации. Однако уже к концу 70-х годов в механизме ее экономического воспроизводства во все большей степени стали ощущаться сбои и проявления экономических трудностей. Прежде всего это проявилось в растущей неспособности алжирского государства в условиях демографического взрыва (3,2% в год) удовлетворить

* Небезынтересно в этой связи заметить, что за период с 1962 г., особенно после 1965 г., до конца 70-х годов в Алжире, благодаря усилиям государства, было построено 4 тыс. мечетей¹¹.

** К 1977 г. численность государственно-административного аппарата достигла 400 тыс. человек.

возросшие количественно и качественно (повышенные претензии к стандартам потребления, качеству потребляемых товаров и услуг) потребностей населения.

Иными словами, налицо было проявление структурных диспропорций алжирской экономики – прежде всего как следствие осуществления концепции "глобальной индустриализации", на что в свою очередь накладывалась и общая неэффективность централизованной экономики.

"Мы начали не с того конца, – так резюмировал итоги экономического развития страны в 70-е годы в одном из интервью новый президент Алжира, бывший командующий 4-м военным округом Шадли Бенджадид. – Мы создали тяжелую промышленность, не заботясь о легкой, о реорганизации сельского хозяйства, не говоря уже о жилищном строительстве в период, когда переживали демографический взрыв"¹³. Хотя этот вывод был сформулирован Бенджадидом лишь в конце 80-х годов, тем не менее первые попытки внести коррективы в стратегию экономического развития системы управления экономикой были осуществлены в начале 80-х годов.

Прежде всего с начала 80-х годов акцент в приоритетах стратегии экономического развития стал смещаться в пользу сельского хозяйства. Существенным образом была стимулирована деятельность частного сектора, причем как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, что нашло свое отражение в новом варианте Национальной хартии, принятой в 1986 г.

Однако, несмотря на временные и относительные успехи в уменьшении давления на потребительский рынок, снять все причины экономических трудностей и роста социальной напряженности так и не удалось.

Структурная перестройка экономики носила достаточно ограниченный характер. Тяжелым бременем продолжали оставаться по-прежнему малоэффективные промышленные предприятия-гиганты. Предпринятые реформы по децентрализации управления сельским хозяйством и промышленностью не внесли радикальных качественных изменений в собственно основы государственной экономики. Напротив, они породили дальнейшее разбухание аппарата управления и в определенной мере даже ослабление контроля за его деятельностью.

Развитие частного сектора, получившего некоторую свободу действий, продолжало тем не менее оставаться под жестким контролем государства, что не исключало, а скорее предполагало дальнейший и в гораздо больших масштабах рост взяточничества, коррупции, хищений и тому подобных явлений в госаппарате и госсекторе. Кроме того, следует иметь в виду и то, что изначально слабый и действующий в условиях сохраняющейся бюрократической системы частный сектор на определенном этапе исчерпал возможности своего дальнейшего роста.

Сильнейший удар по экономике страны нанесло резкое ухудшение в 1986 г. мировой конъюнктуры нефти и газа, за счет доходов от экс-

порта которых удавалось покрывать растущую неэффективность алжирской экономики. Впервые темпы прироста в экономике сначала снизились до менее 3% в 1987 г. (при демографическом росте в 3,06% в год), а уже в 1988 г. характеризовались знаком минус¹⁴.

Перед режимом Шадли Бенджадида вновь и с еще большей остротой встал вопрос о путях и средствах выхода из экономического кризиса, но теперь уже при более худших экономических условиях, чем в начале 80-х годов. Кроме того, существенным образом, причем в худшую сторону, изменилась и социально-политическая обстановка. Во-первых, ранее сделанные шаги по децентрализации управления экономикой и самостоятельности госпредприятий значительно ослабили рычаги государственного контроля за развитием экономики, усилив, с одной стороны, позиции части госноменклатуры (директоров предприятий, высших чинов министерств и ведомств и т.д.) по отношению к собственно режиму, а, с другой стороны, процесс срастания значительной части этой номенклатуры с так называемой новой буржуазией – различного рода посредниками, маклерами, теневиками, паразитирующими на госсекторе.

Во-вторых, ухудшение экономической ситуации и падение уровня жизни*, особенно после 1986 г., на фоне обогащения представителей различных составляющих государственно-административный аппарат вызвало резкое усиление социальной напряженности, выявившееся в уличных беспорядках в октябре 1988 г. Хотя последние были жестоко подавлены, однако режим уже не мог более игнорировать "голос улицы". Причина заключалась не только в быстро возрастающей массовости этого "голоса", но и в силе брошенного этим "голосом" вызова режиму.

Движущей силой событий октября 1988 г. стала так называемая касба – наиболее обездоленная часть городского населения, в большинстве своем представленная люмпенскими и близкими к ним слоям. Вместе с тем активное и широкое участие в этих событиях приняли представители молодежи, в том числе образованной, но составляющей подавляющее большинство растущей армии безработных, достигшей к этому времени более 20% самодеятельного населения страны¹⁶.

Такой характер носителей растущего снизу социального протеста на фоне разочарования в декларированных идеалах "алжирского социализма", равно как и сохраняющегося негативного восприятия капитализма, обусловил облечение этого протеста в единственно возможную в данных условиях форму – обращение к исламу, в рамках которой все большее влияние получили идеи исламского фундаментализма.

Таким образом, сила брошенного улицей вызова режиму заключалась, с одной стороны, в том, что стихийно растущее движение протеста сопровождалось выдвижением альтернативной и конкурентоспособной политико-идеологической концепции, близкой и понятной

* По данным алжирского экономиста Омара Багли, в течение 1987–1988 гг. потребление на душу населения в реальном исчислении упало на 8,9%, а с учетом быстро растущего населения – на 21%¹⁵.

подавляющему большинству населения, что обеспечивало постоянное расширение социальной базы движения за счет городских промежуточных слоев и крестьянства; с другой стороны, в том, что тем самым впервые был поставлен вопрос о легитимности существующего режима, в том числе и с точки зрения ислама.

В качественно новых условиях – нарастания социально-политического кризиса на фоне продолжающейся ухудшаться экономической ситуации – правящему режиму все труднее становилось найти адекватный ответ брошенному вызову в рамках существующей модели, что объективно вело к осознанию частью правящего режима необходимости кардинального пересмотра статус-кво.

Однако это сразу же стимулировало растущие разногласия в рамках правящего режима. Во-первых, попытки умеренно-реформистского крыла во главе с Шадли Бенджадидом радикализировать процесс экономических реформ, в том числе путем ослабления государственного регулирования экономики и разгосударствления собственности, столкнулись с усиливающимся сопротивлением как идеологов этатизма, так и госноменклатуры. В результате меры, направленные на постепенную трансформацию экономического базиса алжирской модели, во все большей степени приобретали черты "ползучей" государственно-номенклатурной приватизации, что лишь подливало масла в огонь на фоне растущей дискредитации режима, в том числе и его способности к трансформации.

Во-вторых, разрушение политического консенсуса в верхних эшелонах власти становилось все очевиднее и по мере политических уступок президента Бенджадида оппозиции. Последний пытался таким образом, с одной стороны, умиротворить последнюю, а с другой стороны, ослабить давление, оказываемое на него изнутри режима, стремясь тем самым сыграть роль верховного арбитра. Однако сначала пересмотр в феврале 1989 г. Конституции, закрепившей отказ от "option socialiste", а затем (июнь 1989 г.) принятие закона о политических ассоциациях, что означало фактическую легализацию оппозиции, привело к растущей политической поляризации алжирского общества.

Прежде всего произошло организационное оформление оппозиционного движения исламских фундаменталистов, заявивших в августе 1989 г. о создании Исламского фронта спасения (ИФС). Это придало новые силы последнему, сделав его ведущей партией теперь уже легальной политической оппозиции. Несмотря на то, что наряду с ИФС как грибы после дождя о своем существовании заявили различные (от правых до левых, включая и исламские) оппозиционные силы, последние не смогли, в том числе по причине своей разрозненности, что-либо противопоставить мощи и популярности ИФС, ставшего бесспорным и первым противником режима. Более того, легализация оппозиции еще больше раззадорила лидеров ИФС, равно как и другие политические партии и движения, усмотревших в этом слабость правящего режима и возможность добиться новых уступок, включая возможность борьбы за политическую власть, что в конечном счете и стимулировало усиливаю-

щиеся с их стороны требования о демократизации политической системы и проведении выборов.

Естественно, что все эти процессы не могли не заставить представителей различных властных эшелонов алжирского режима усмотреть в этом нарастающую опасность своим интересам. Сигналом такой нарастающей опасности явились как растущая дискредитация ФНО, выявившаяся в неудачной попытке вернуть ему (начало 1989 г.) статус Фронта с целью вобрать в себя основные политические течения, повторив тем самым опыт борьбы за независимость*, так и согласие президента на проведение в июне 1990 г. муниципальных выборов. В еще большей степени эта опасность приобрела реальные черты после ошеломляющей победы на этих выборах ИФС, причем несмотря на специально принятый в пользу ФНО закон о выборах. Закономерно, что все это вызвало растущую критику внутри режима в адрес президента. Однако углубление таким образом раскола в структурах политической власти еще не достигло пика, что во многом объяснялось сохранением поддержки, хотя уже и не безоговорочной, президента со стороны армии.

Однако ситуация стала резко меняться по мере того, как президент Бенджадид, испытывая давление с обеих сторон на фоне попыток углубления экономических реформ, мало эффективных в условиях нарастающего политического хаоса, и чувствуя стремительное ослабление контроля за ситуацией, решил на проведение в декабре 1991 г. выборов в Национальное собрание (парламент) Алжира.

Итоги выборов, принесшие победу ИФС, поставили вопрос о судьбе не только отдельных представителей, но режима в целом. А это затронуло уже и интересы армии, стимулировав ее руководство к действию. Последнее, поддержанное партийно-государственной "номенклатурой", опасаясь потерять свою власть, пошло на введение чрезвычайного положения, аннулировав тем самым итоги выборов и сместив в январе 1992 г. президента Шадли Бенджадида, прервав таким образом процесс "демократизации" политической системы Алжира.

Следует признать, однако, что возвращение фактически к военно-авторитарному режиму не было встречено категорически отрицательно. При сохранении оппозиции нынешнему режиму многие из числа действующих после введения многопартийной системы партий и движений светского толка тем не менее поддерживали новый режим в его борьбе против ИСФ.

Вместе с тем было бы преждевременным полагать, что процесс политической трансформации Алжира оказался прерванным. Прежде всего следует иметь в виду то, что изначально введение "демократизации" было обусловлено не столько потребностями дальнейшего развития экономического базиса, сколько его растущей неспособностью обеспечить устойчивое функционирование алжирской модели, в том числе и ее политической системы. Иными словами, процесс "демо-

* Уже в конце 1989 г. на внеочередном съезде ФНО последнему был возвращен статус партии.

кратизации" преимущественно был вызван растущим социальным протестом "низов" с последующим оформлением его в альтернативную (исламистскую) концепцию развития. Вместе с тем, учитывая характер и суть данной концепции, вряд ли можно считать последнюю, равно как и само политическое движение исламских фундаменталистов, началом процесса "демократизации" в традиционно западной интерпретации этого термина.

Более того, думается, что восстановление в Алжире военно-авторитарного режима в этих условиях не исключает продолжение вызревания предпосылок для прихода к власти исламистов.

Во-первых, с введением чрезвычайного положения и запрещением ИСФ противоречия, породившие экономический и политический кризис в стране, не ликвидированы.

Во-вторых, учитывая, с одной стороны, массовое разочарование в идеях "алжирского социализма", но, с другой стороны, сохранение неприятия капитализма, концепция исламского фундаментализма остается пока единственной, причем весьма популярной, идеологической альтернативой.

Таким образом, опыт развития Алжира в рамках "l'option socialiste" наглядно показал неконструктивный характер алжирской модели развития, которую условно типологически можно расположить между этатистско-авторитарной и этатистско-тоталитарными моделями.

Главным образом "неконструктивизм" алжирской модели заключается, с нашей точки зрения, в ее неспособности к последовательно восходящему саморазвитию, особенно и прежде всего в том, что касается экономической основы ее воспроизводства. Причина этого лежит не столько в ошибочности выбранной стратегии экономического развития ("глобальная индустриализация"), сколько в неспособности, а точнее даже неэффективности обеспечения политической надстройкой адекватного ответа потребностям социально-экономического развития страны.

¹ *Annuaire d'Afrique du Nord*, 1962: (Algerie Maroc, Tunisie). P., 1962. P. 698.

² *Raffinot M., Jacquemot P. Le capitalisme d'état algerien*. P., 1977. P. 31–32.

³ *Ibid.*

⁴ *Ottoway D. and M. The politics of a socialist revolution*. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 170.

⁵ *Raffinot M., Jacquemot P. Op. cit.* P. 46; *Ottoway D. and M. Op. cit.* P. 85.

⁶ *Raffinot M., Jacquemot P. Op. cit.* P. 56.

⁷ *Khalifa M. Citations du President Boumedien*. Alger, 1977. P. 56.

⁸ *Raffinot M., Jacquemot P. Op. cit.* P. 88.

⁹ *Marchés tropicaux et mediterrannéens*. P., 1978. T. 1710. P. 2189.

¹⁰ *Francois A., Sereni I.P. Algerien nommé Boumedien*. P., 1976. P. 129.

¹¹ *Problèmes économiques*. P., 1981. T. 1727. P. 7.

¹² *Marchés tropicaux...* P. 2189.

¹³ *Правда*. 1988. 3 нояб.

¹⁴ *El. Moudjahid*. 1989. 3 jan.; *Monde*. 1988. 3 oct.

¹⁵ *El. Moudjahid*. 1989. 3 jan.

¹⁶ *Revolution Aricaïne*. 1988. 10 june.

Выбор Танзании в качестве "case-study" для исследования роли социалистически ориентированного развития как модели модернизации стран Тропической Африки не случаен. Он обусловлен самыми масштабными – и практически и идеологически – в регионе попытками трансформировать все сферы общественно-политической и экономической жизни Танзании на основе учения Дж.К. Ньерере – ведущего идеолога "африканского социализма". Его концепция, базирующаяся на специфическом толковании культурно-исторических традиций африканских народов, является к тому же наиболее разработанной и систематизированной среди современных теорий популистского типа¹. Главный предмет исследования – ньереровский революционный популизм как социально-политическая практика. Хотя эта тема не обойдена вниманием в научной литературе², но взгляд на танзанийский эксперимент с рубежа 90-х годов, когда страна переживает серьезные перемены, представляет, на наш взгляд, значительный интерес не только для определения будущего страны, но и способности к (само)трансформации подобных режимов и структур.

Со времени достижения независимости в 1961 г. Танзания прошла в своем общественно-политическом развитии три этапа. На первом этапе форсированными темпами решались задачи политико-государственного строительства, и выбор модели развития лишь намечался. Второй этап ознаменовал переход к социалистически ориентированным преобразованиям и их кризис. Третий – отмечен попытками реформирования социалистической модели развития.

Становление государственно-политических структур (1961–1967 гг.). Главным принципом зарождавшейся независимой государственности и связанных с ней политических институтов была широкая социально-политическая коалиция. Основной ориентир – общественный консенсус на базе идей антиколониализма и антиимпериализма, создания национальной государственности и единой нации, неприятия "расизма наоборот", экономического прогресса.

Складывающийся в этих рамках союз Дж. Ньерере и его соратников с этноконфессиональной и бюрократической элитой, представителями эксплуататорских слоев на основе их доступа к государственной "власти – собственности" вызывал противодействие со стороны профсоюзов. Недавний важнейший союзник ТАНУ по антиколониальной борьбе призывал партию приступить к разработке программы построения социализма, немедленно африканизировать аппарат, выдвигал и требования улучшения социально-экономического положения лиц наемного труда. После военного мятежа 1964 г. профсоюзы, обвиненные в подстрекательстве к нему, были распущены, так же как и армия; затем новый профцентр и реорганизованные вооруженные силы поставили под прямой контроль партийно-государственного аппарата. Под его жесткой опекой оказались также молодежные и женская организации. Однако до 1967 г. профсоюзное движение оставалось в

скрытой или открытой оппозиции к правительству, находясь на левом фланге политического спектра. Армия же Танзании, пронизанная вертикальными партийными структурами, стала важнейшей опорой ньереровского режима, который приобрел черты авторитаризма. К середине 60-х годов политико-государственное строительство завершилось объединением Танганьики, Занзибара и Пембы и становлением в Объединенной Республике Танзании президентской республики и однопартийного режима*.

Конституционное закрепление авторитарных форм правления и властвования, установление верхушечного союза с важнейшими социально-политическими силами или контроля над их организационными структурами вовсе не сняло напряжения в кругах политического руководства, в новых институтах власти. Наоборот, оно нарастало из-за недовольства значительной части общества неэффективной и разорительной деятельностью правительства при отсутствии у него четкой, социально-ориентированной экономической стратегии. Экономически негативные (свертывание важных проектов) и социально взрывоопасные (введение непомерных налогов) последствия имел и разрыв Танзанией отношений с основными донорами – Великобританией и ФРГ из-за ее антиколониального и антиимпериалистического курса. Озабоченность Дж. Ньерере и его соратников вызывалась и усилением социально-классовой дифференциации в стране, особенно "ускоренным ростом несоциалистических институтов, ценностей, взглядов". В этих условиях принятие Арушской декларации (1967 г.) означало решительный поворот Дж.К. Ньерере к альтернативной стратегии строительства социалистического государства на принципах "уджамаа" и "опоры на собственные силы". Авторитаризм режима принял, таким образом, левую ориентацию.

Этап социалистически ориентированного развития (1967 г. – до начала 80-х годов). Переход к новому этапу сопровождался естественной перегруппировкой сил в партийно-государственном руководстве – его покинули видные деятели, ярые противники социалистического выбора, а также изменением – и сужением социальной базы режима. Если профсоюзы восприняли принятие Арушской декларации как свою победу, то большинство политически активных слоев общества проявило неприятие и даже оказывало сопротивление новому курсу. Среди них, понятно, были крупная азиатская и европейская (поселенческая) буржуазия, традиционно-феодалная верхушка, представители иностранного капитала, чья собственность (частично или полностью) была национализирована. Но в оппозиционном лагере оказалась и значительная часть учителей, лиц свободных профессий и – что особенно тревожило Дж. Ньерере – духовенства, которое имело очень большое влияние в стране. В 1969 г. был раскрыт антиправительственный заговор. В этих условиях авторитарный режим ищет опору в сфере идеологии как определяющем факторе формирования политической элиты, с одной стороны, а с другой – как мощном инструменте

* На континентальной части правила ТАНУ, на островной – Партия Афро-Ширази.

механизма социального контроля и политизации масс. Первоочередное внимание уделяется крестьянству, которое, по мысли Ньерере, в ходе реализации "уджамаа" должно было стать главной опорой режима и важнейшим субъектом социалистически ориентированных преобразований в стране.

Ньереровская концепция представляла собой соединение понятия модернизации и развития в русле немарксистского социалистического учения с преобладанием элементов крестьянского утопического социализма. Среди стержневых его положений – ориентаций – экономический и социальный эгалитаризм; бесклассовое, неконкурентное общество, опирающееся на принципы солидарности и взаимопомощи. Термин "уджамаа" явно "выпадает" из ортодоксально-марксистской традиции, ибо в качестве основного пути развития отсталого социально-экономического базиса Танзании намечается производственная кооперация на базе... возрождения и укрепления общинного коллективизма. Однако такой подход был несостоятельным в своей основе, так как совместная деятельность в современных кооперативах, ориентированных на рынок, качественно не совпадает с традиционными формами ассоциированного труда на базе натурального хозяйства. Этот подход в принципе делал несовместимым идею модернизации и практику социалистического эксперимента в Танзании.

Самая масштабная в Тропической Африке акция по преобразованию деревни на традиционалистско-социалистических началах затронула миллионы африканцев. Большинство из них было насильственно переселено в новые места компактного проживания, старые деревни укрупнили. И уже в 1975 г. на континентальной части Танзании 6940 поселений (65% населения страны) были зарегистрированы как "социалистические" деревни. Однако в социально-экономическом базисе деревни по-прежнему доминировали индивидуальные формы труда традиционного или полутрадиционного типа. Показатели производственной деятельности были очень низкими, выход товарной продукции незначительным. Социокультурная отсталость крестьянства, низкий уровень их потребностей обусловили отсутствие стимулов к интенсификации труда путем приобщения к современным методам хозяйствования. В этом же направлении действовал и такой фактор, как подмена самоуправления крестьян администрированием низовых партийных структур. Двоевластие (деревенская ассамблея–парторганизация), заложенное в новой системе деревенского управления (с начала 70-х годов), "разрешалось" обычно в пользу парткома, связанного напрямую с Национальным исполкомом ТАНУ. Эти реальные субъекты "уджамаизации" – парткомы – формировались (как и деревенские советы) преимущественно из лидеров традиционалистских структур (формально упраздненных), религиозных общин³ и богатых крестьян⁴ (в различном соотношении в зависимости от местных условий). Единственным положительным результатом преобразований на селе было создание на базе деревень "уджамаа" социальной инфраструктуры, что можно считать признаком модернизационных процессов. К началу 80-х годов почти 40% деревень было обеспечено питьевой водой, 90 имели

начальные школы и медслужбы (либо последние находились в радиусе 10 км), а 75% – магазины. Уровень грамотности населения вырос с 10% в 1960 г. до 66%⁵⁻⁶.

"Уджамайзация" деревни стала основной причиной прогрессирующего – с 1973 г. – падения сельскохозяйственного производства в целом и развития продовольственного кризиса в частности. А ежегодный прирост товарной продукции на протяжении десятилетия снизился в 2 раза (в процентах) по сравнению с приростом населения. В условиях нарастания экономических трудностей с середины 70-х годов началось наступление не только на частный сектор (национализация розничной торговли в городе, через год отмененная, и 18 филиалов британской корпорации "Лонро"), но – главное – и на снабженческо-сбытовую кооперацию из-за того, что она стала базой формирования многочисленной прослойки сельской буржуазии. Подобные меры лишь усугубили экономическую ситуацию.

Дж. Ньерере видел цель национального возрождения в развитии масс через самоуправление и их политическую самостоятельность путем отказа от однонаправленности политического процесса "сверху вниз" и монополии "верхов" на принятие решений. Однако реализация этой установки становилась затруднительной и даже невозможной с усилением этатистско-бюрократических и авторитарных тенденций в общественно-политической жизни страны. Они сформировались в ходе процесса становления современной государственности при наложении социалистической идеологической ориентации на низкий уровень развития и специфический характер местного общества. Закреплению этих этатистских и авторитарных тенденций содействовало использование силовых методов, расширение функций госмашины при проведении радикальных преобразований "сверху".

Неизбежно повышенная роль политического авангарда, вынужденного восполнять (а точнее – замещать) своей активностью отсталость (экономическую, классовую, культурно-цивилизационную) общества и отсутствие социальной базы преобразований, вылилась в Танзании в господство партбюрократии, сращенной на всех уровнях делегирования власти с чиновниками госаппарата. Вместо инструмента мобилизации крестьян в качестве субъекта реформирования деревни правящая партия стала инструментом бюрократической власти.

Подобная трансформация не была неизбежной, фатальной, ибо политический авангард выступал, по сути дела, "во внутренне противоречивой форме, заключающей в себе разные (в том числе противоположные) социально-групповые интересы"⁷. Однако попытки трансформировать ТАНУ, а затем и Революционную партию Танзании (ЧЧМ)* в партию авангардного типа, несмотря на декларации их партийных документов (1971 г., 1981 г.), закончились неудачей. Правящие группы, и в первую очередь ключевая фракция "партийцев", на волне и логикой социалистически ориентированных преобразований превратились в ядро этакратии или своего рода собственнического макрокласса⁸. Объединив

* ЧЧМ образовалась в результате слияния ТАНУ и Партии Афро-Ширази в 1977 г.

в своих руках функции распоряжения госсобственностью*, управления народным хозяйством и рычагами власти, они обеспечили себе доминирование не только политическое, но и экономическое. Попытки пресечь тенденцию сращивания правящих групп с местным и иностранным частным капиталом ("Кодекс лидера") оказались малорезультативными, однако, масштабы этого явления не столь впечатляющи на фоне других стран региона. "Перелив" же госбюрократии в частный сектор был еще меньшим. Она предпочитала госслужбу как стабильный источник доходов риску частного предпринимательства**.

Парадоксально выглядели отношения танзанийской этакратии с Западом. Активная антиимпериалистическая позиция режима неоднократно приводила к разрыву или охлаждению отношений Танзании с ведущими странами Запада. Но именно финансово-экономическая помощь Англии, ФРГ, США, Скандинавских стран стала важнейшей ресурсной базой правящих групп, и, следовательно, одним из основных слагаемых формулы устойчивости и стабильности ньереровского режима. Только за период с 1970 по 1985 г. Запад предоставил Танзании 9,5 млрд долл., а за один лишь 1990 г. еще 1 млрд долл.¹¹ С середины 80-х годов сотрудничество правящих групп с международным финансовым капиталом в лице МВФ и МБРР становится ведущей тенденцией: так социалистически ориентированная этакратия воспроизводилась усилиями... мирового капитала. В период существования конфронтационной модели международных отношений экономическая помощь Запада преследовала цель сохранить некоторую дистанцированность ньереровского режима от социалистического лагеря (на фоне активного "сотрудничества" последнего с другими странами соцориентации).

Учение Дж. Ньерере оказалось несостоятельным в качестве теоретической основы некапиталистической модернизации (если таковая вообще возможна), а партия – неадекватным инструментом ее реализации. Модернизация затронула лишь социальную инфраструктуру и отчасти – политическую сферу, но полностью была заблокирована в экономике. Зато революционный популизм оказался весьма эффективным как средство сохранения стабильности и источник легитимности режима в 70-е годы. Некоторые исследователи (Д.К. Мартен) даже считают, что "Танзания привлекает внимание не своей моделью или антимodelью социализма слаборазвитости, а ее... способностью создать новую политическую культуру" (курсив наш. – Э.Л.)¹². Концепция "уджамаа" действительно удачно соединяла традиционные этические и политико-культурные "коды" (такие, как взаимопомощь, солидарность, перераспределение) с социалистическими установками. Конгломеративный характер официальной идеологической доктрины усилил ее

* К началу 80-х годов государство владело всеми финансовыми и страховыми компаниями, 70% предприятий добывающей промышленности, 55 транспорта, 40% обрабатывающей промышленности⁹.

** Показательна в этом плане карьера бывших министров – членов кабинетов 1961–1984 гг.¹⁰

адаптационные возможности, сделал ее понятной "низам". Более того – и в этом была его основная социальная функция – он прикрывал и оправдывал господство и привилегии правящих групп, "переводя" их в плоскость отношений и понятий патерналистско-клиентельного толка.

Правящей партии как носительнице популистской идеологии и инструменту внедрения его в массовое сознание, руководство низовых структур которой, как уже указывалось, к тому же формировалось из традиционалистско-конфессиональных элементов, несомненно, удалось укорениться в танзанийской общественно-политической почве. Огромное значение имели и тот факт, что ТАНУ, а затем ЧЧМ персонифицировалась в сознании масс с личностью Дж. Ньерере. Первый президент Танзании харизматически сочетал с имиджем Учителя, Гуманиста, Социалиста образ и просто кристально честного человека. Нельзя отрицать и того, что партия была не только важнейшим звеном в механизме социального контроля правящих групп, но в ней работала в значительной мере и "обратная связь": от масс – к политическому руководству. Именно фигура лидера и наличие участия обратной связи обусловили ориентированность формирующейся политкультуры на общественный консенсус и достижение баланса контроля и участия. Это отличало танзанийский режим от других национально-демократических режимов.

Тем не менее на протяжении 70-х годов сигналы "снизу" о кризисе доверия к "верхам" все более активно ими игнорировались. Эти сигналы поступали не только по партийным каналам, но и через регулярно проводимые выборы "полуконкурентного" типа в парламент и местные органы власти (выдвижение в континентальной части страны двух кандидатов от ТАНУ на одно место). Массы не имели возможности выбрать альтернативный политический курс, но высокий уровень сменяемости кандидатов (1/3–1/2 часть парламентского депутатского корпуса)¹³ свидетельствовал о растущем недовольстве танзанийцев политикой правящих групп. Однако чем непопулярнее она становилась, тем авторитарнее становился режим. В 70-е годы уже только половина депутатов парламента избиралась прямым голосованием на "полуконкурентной" основе. Конституция 1977 г. признала руководящую роль ЧЧМ в общественно-политическом развитии страны. На практике это означало усиление и закрепление властвующих позиций Национального исполкома и ЦК партии, а главное – президента. Именно он играл ключевую роль в процессе принятия решений, выработке курса и формировании структур управления. В составе правительственных кабинетов, назначаемых Ньерере в 70-х годах, росло (не только абсолютно, но и пропорционально)* количество министров, не являвшихся избранными парламентариями (некоторые из них парламентарии, потерпевшие поражение на выборах), но твердыми сторонниками президентского курса. Затем эти министры вместе с комиссарами областей и невыборными представителями общественных организаций пополняли де-

* Число таких министров выросло с 1965 по 1975 г. в 5 раз, а пропорционально – с 6% до 30%¹⁴.

путатский корпус, закрепляя господство правящих групп в парламенте.

Стабильность ньереровского режима (на фоне постоянных политических катаклизмов в большинстве стран континента) не означала бесконфликтности функционирования властных структур, отсутствия напряженности и противоборства в "верхах". Существовала и постоянно усиливалась гетерогенность политической элиты, обусловленная не только растущими (в основном по мере углубления экономического кризиса) разногласиями по поводу социалистической ориентации, методов и темпов ее реализации. Конкуренция в верхах подпитывалась и соперничеством периферийных клиентел-нижних звеньев патронажных цепочек, образующих внутреннюю структуру этакратии. Ресурсы, выделяемые государством для модернизации деревни, особенно после создания в 1967 г. фондов регионального развития, стали основным источником средств для формирования данных клиентел и главным фокусом их борьбы. Борьба за ресурсы между местными конкурирующими клиентелами заставляла их апеллировать к патронам в центре, стимулируя противоборство последних и влияя на расстановку политических сил в целом. При этом преобладал административный, а неэтнополитический клиентелизм – в отличие от большинства африканских стран. Это связано с отсутствием в Танзании доминирующей этнической группы (2 самых больших этноса – из 120 – составляют всего 10% населения страны¹⁵) при явной интегрирующей роли языка и культуры суахили. Большую роль сыграло и перемещение огромных масс людей в ходе "уджамаизации" деревни, а также целенаправленные действия руководства страны по искоренению этнических основ политических отношений¹⁶. Одновременно клиентельные отношения, обеспечивая конгломеративное единство этакратии, давали ведущим фракциям правящих групп возможность контролировать периферию и манипулировать массами.

Политическая практика режима свидетельствует об активном использовании им в качестве механизмов социального контроля – наряду с идеологическим, а также социально-политическим манипулированием на основе клиентелизма – принудительных и даже репрессивных мер. Но силовое давление никогда не приобретало в Танзании зловещих масштабов, столь характерных для стиля правления многих африканских лидеров. Этот фактор играл не последнюю роль в благосклонном отношении Запада к Танзании.

В начале 80-х годов не только режим Дж. Ньерере, но и его "модель развития" оказались перед лицом самого тяжелого кризиса за всю историю их существования. Развитие кризисных явлений в аграрном секторе вкупе с негативными последствиями войны с Угандой, крахом Восточно-африканского сообщества и падением мировых цен на сырье привели к катастрофической ситуации в экономике страны и – естественно – к резкому снижению жизненного уровня населения. Результат – рост антисоциалистических настроений среди политически наиболее активных слоев населения, а именно зажиточных крестьян, мелких предпринимателей города и чиновников, мечтающих о "Танзании, идущей по кенийскому пути". Индикаторами не только размывания

консенсуса, но и широкого недовольства стали поражение половины прежнего состава депутатов на парламентских выборах 1980 г. и попытка государственного переворота в 1983 г. Разочарование масс и сокращение ресурсной базы правящих групп в результате экономического кризиса "совпало" с усилением давления Запада, который прямо увязывал оказание экономической помощи с либерализацией экономики и демократизацией политической жизни. Все эти факторы стимулировали перемену курса режима в направлении смягчения авторитаризма и расширения атрибутов представительной демократии, ознаменовали начало нынешнего – третьего этапа общественно-политической эволюции.

Перестройка по-танзанийски. В 1984 г. обновленный состав Национального исполкома партии инициировал принятие конституционных поправок. Они несколько ограничили полномочия президента, расширили прерогативы Национального собрания (коллективная ответственность перед ним правительства) и увеличили численность (до 2/3) прямо избираемых на "полуконкурентной" основе депутатов¹⁸, создав тем самым базу для автономии парламента как агента власти, но при этом и закрепили принцип верховенства ЧЧМ. В 1983 г. обозначился поворот в аграрной политике, а именно – признание ведущей роли единоличных хозяйств, стимулирование участия частного местного и иностранного капитала в производстве экспортных культур и промышленного сырья, в связи с чем была изменена система землепользования и проведена денационализация значительной части кофейных и чайных плантаций; восстановлена снабженческо-сбытовая кооперация. Одновременно были повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, отменен контроль над розничными ценами на основные продукты питания, разрешена частная торговля ими, производителям экспортных культур оставляли до половины валютной выручки. Эти и другие подобные мероприятия реализовались в рамках двух Программ экономического восстановления (ПЭВ – I на 1987–1989 гг., ПЭВ – II на 1989–1991 гг.), разработанных и финансируемых МВФ и нацеленных на расширение экспорта и увеличение запасов валюты, сбалансирование госбюджета и снижение дефицита платежного баланса. Новый курс поразительно быстро дал весомый результат. Уже во второй половине 80-х годов рост сельскохозяйственного производства достиг 4–6%, появились даже излишки продовольствия¹⁹. Производство главной экспортной культуры хлопка увеличилось в 1986–1991 гг. в 3 раза. Прирост ВВП (4,1% в 1989 г.) впервые за многие годы стал опережать рост населения (2,8%)²⁰.

Попытки несколько смягчить авторитарность власти президента, а главное – курс на либерализацию экономики были результатом выдвижения молодого, высокообразованного, прагматичного поколения политической элиты, переориентации на более умеренные центристские позиции части старых ведущих политиков (А.Х. Мвиньи) и усиления влияния технократов – сторонников программ структурной адаптации МВФ и МБРР. Но одновременно Национальный исполком потребовал "правильного" исполнения основополагающих решений ЧЧМ и санкционировал разъединение на всех уровнях партийных и управлен-

ческих структур, которые еще в 1981 г. остро критиковались за "содействие укреплению и росту капитализма в стране". Это свидетельствовало о том, что ядро этакратии – "радикалы-партийцы" – не собирались сдавать без боя свои позиции. Более того, после вынужденного ухода с поста президента в 1985 г. Ньерере, который охарактеризовал переход к реализации программ структурной адаптации как "незапланированный отход от социализма", они попытались замедлить эрозию социалистически ориентированной этакратии, превратив пертию в оплот антиперестроечных сил.

Козырем в руках жестких сторонников социалистического выбора (по существу, этакратического реванша) стали некоторые негативные последствия структурных реформ. Во-первых, внешний долг Танзании к середине 80-х годов ежегодно возрастал и приблизился в 1990 г. к 6 млрд долл.²¹ Во-вторых, в ходе осуществления ПЭВ-I сократились бюджетные ассигнования на социальные нужды, а резкий рост инфляции, стимулирующий обнищание масс, не позволял им воспользоваться плодами стабилизации экономики. В целях минимизации социальных издержек структурных реформ правительство разработало Программу приоритетных социальных действий в рамках ПЭВ-II. Однако ее осуществление потребовало еще большего притока иностранной помощи, а значит, и содействовало росту внешнего долга. Круг замкнулся: по существу, ПЭВ закрепили тенденцию зависимости танзанийской экономики от внешнего финансирования, которая стартовала еще в 60-е годы в полном противоречии с лозунгом опоры на собственные силы. Помимо проблемы внешней зависимости завязалась очень серьезная борьба и вокруг судьбы крупнейшего в регионе госсектора. Фактически главным "толкачом" структурных реформ в Танзании на первых порах являлся Запад в лице международных финансовых организаций при слабости местных адептов реформ – мелкого предпринимательства в городе и на селе и средних слоев. Их силы были значительно слабее партийно-государственной бюрократии, в большинстве своем противостоявшей реформам, поскольку они подрывают основы сложившейся социально-экономической системы с монопольным положением в ней государства и авторитарным режимом.

После победы на президентских выборах 1991 г. А.Х. Мвинья радикализировал реформы. Были приняты законы о либерализации деятельности финансовых институтов и операций с иностранной валютой, что позволило возобновить функционирование иностранных банков в стране. Инвестиционный центр, освободивший на пять лет вкладчиков капитала от уплаты налогов и таможенных пошлин, сумел привлечь солидные капиталовложения. Либерализация торговли золотом обусловила подъем горнорудной промышленности. В целом за десять лет реформ удалось обеспечить стабильный ежегодный экономический рост в 3–4%, снизить инфляцию, увеличить экспорт и приток иностранных инвестиций. Но одновременно усилились и негативные последствия реформ – рост социального неравенства, разворовывание вместо приватизации госсектора, огромные масштабы коррупции, что несет угрозу дестабилизации ситуации в стране.

Крах социализма в Восточной Европе, демократические веяния и ликвидация жестких авторитарных структур в Тропической Африке, давление Запада и появление организованной оппозиции обусловили постепенный "дрейф" Ньерере в сторону от прежней модели социализма, но не от идеи социализма как таковой. Осудив наметившуюся тенденцию к чрезвычайной партийной дробности (в середине 1992 г. в стране было зарегистрировано более 15 политических организаций), он высказался в пользу двух – или трехпартийной системы как самодостаточной в целях создания нового эффективного и демократического политического механизма. Ньерере рассчитывал, что конкуренция "встряхнет" ЧЧМ, положит конец ее явной политической стагнации. В рамках нового политического механизма ЧЧМ имеет все шансы удержать доминирующие позиции на первых многопартийных выборах 1995 г., учитывая ее значительную структурную и идеологическую укорененность, а главное – слабость оппозиции, отсутствие у нее авторитетного лидера. Однако Дж. Ньерере, передавший бразды правления и в партии в руки А.Х. Мвиньи, оправданно предсказывает, что реальная оппозиция родится в самой ЧЧМ, что рано или поздно приверженцы социалистических идеалов и сторонники капиталистически ориентированных реформ должны будут разойтись.

Реформы в Танзании, несомненно, содействовали стабилизации экономики, но они оказались не способными дать толчок подлинному экономическому росту, и не только из-за невыполнения ее основополагающих положений. Совершенно очевидно из опыта многих африканских стран, гораздо дальше продвинувшихся по пути реформ, что там за прошедшее десятилетие не сложился – да и не мог сложиться! – механизм саморазвивающейся экономики. Помимо структурных факторов важнейшими "пробелами" выглядят опора (при реализации программ) только на финансовые мероприятия, использование сугубо рыночных механизмов в условиях слабой, недиверсифицированной производственной базы и неразвитого, разбалансированного рынка, а также недостаточный приток финансовых средств²². При этом нужно подчеркнуть, что ЧЧМ провела гораздо более глубокую, чем в России, корректировку своей экономической политики в плане расширения возможностей для деятельности частного сектора. Заметим, что Танзания обогнала и Китай в плане политических реформ. Однако движение по пути модернизации будет весьма медленным (учитывая особенности социальноэкономических и социокультурных реалий Танзании, недостатки программ структурной адаптации, серьезное сопротивление ее проведению со стороны значительной части правящих групп) и – в сопровождении социалистической риторики, сохраняющей убедительность на фоне последствий этих реформ. Проблемой остается не только достижение консенсуса (хотя бы ограниченного в рамках правящих групп), но возможность модернизации страны в рамках социалистически ориентированного развития.

- ¹ *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.
- ² *Овчинников В.Е.* История Танзании в новое и новейшее время. М., 1986.
- ³ J. Development Stud. 1986. Vol. 22, N 3.
- ⁴ *Martin D.-C.* Tanzanie: l'invention d'une culture politique. P., 1988.
- ⁵ Monde. 1980. 21 oct.
- ⁶ World Development. 1980. Vol. 18, N 5.
- ⁷ Эволюция политических структур. М., 1990.
- ⁸ *Чешков М.А.* О содержании понятия "классовая коалиция" // Классообразование на современном Востоке: Проблемы и тенденции. М., 1978.
- ⁹ Африка: Справочник. М., 1987.
- ¹⁰ J. Modern Afr. Stud. 1986. Vol. 24, N 4.
- ¹¹ Economist. 1991. Aug. 24. P. 43.
- ¹² *Martin D.-C.* Op. cit. P. 277.
- ¹³ Election in independent Africa. Boulder, 1987.
- ¹⁴ J. Modern Afr. Stud. 1986. Vol. 24, N 4. P. 630.
- ¹⁵ Africa South of the Sahara, 1986. L., 1989. P. 994.
- ¹⁶ Восток. 1994. № 1. С. 61–62.
- ¹⁷ Economist. 1991. Aug. 24. P. 44.
- ¹⁸ Africa South of the Sahara, 1986. L., 1985. P. 962.
- ¹⁹ Азия и Африка сегодня. 1992. № 2. С. 35.
- ²⁰ African Business. 1990. N 144. P. 13.
- ²¹ БИКИ. 1991. 14 мая.
- ²² African alternative framework to structural adjustment programmes for socio-economic recovery and transformation. Addis Ababa, 1989.

6.4. ЛЕВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ПОИСКАХ ДЕМОКРАТИИ (Никарагуа)

Путь политической модернизации маленькой (4 млн населения) центрально-американской страны в 70-е–90-е годы во многом уникален – не только для региона, но и для "третьего мира" (и человечества) в целом. И в то же время отражает некоторые глобальные закономерности и противоречия периферийного развития, периферийной, "запоздалой" демократизации.

Печатью "особенности всеобщего" отмечена сама последовательность этапов демократизации, сочетающей в рамках единого процесса сугубо разнородные фазы, характерные для Латинской Америки 50-х–70-х и 80-х годов и для Восточной Европы 1989–1991 гг. Ряд параметров демократического процесса – от характеристик его исходного пункта (природа диктатуры) через уникальность его центральных фаз¹ к уникальности нынешней политической системы в стране (структурный плюрализм постреволюционной политической системы) – в определенном смысле "предельны" для всей истории XX в.

Народная революция – корни, программа, свершения. По сравнению с другими олигархическими авторитарными режимами Центральной Америки (см. главу 4) "полутрадиционная" диктатура сомосистского клана, существовавшая в Никарагуа с середины 30-х годов, обладала определенными индивидуальными чертами (что и определило – во многом – дальнейший ход событий). Клан, стоявший у власти почти

полвека, слился с государственным аппаратом и в то же время чем дальше, тем в большей мере контролировал экономику страны, прямо владея (накануне революции) примерно 1/4 ее богатств и производства. Репрессивная, воинствующе антидемократическая практика режима сопровождалась особым – и нарастающим – отчуждением власти от гражданского общества, от всех его "частных" классов, включая олигархию и "частную" буржуазию.

Слабость внутренней поддержки режима до поры до времени компенсировалась поддержкой внешней: в течение почти полувека режим был главной – и откровенной – опорой администрации США в Центральной Америке. Сам генезис сомосовского режима, возникшего как прямое продолжение американской оккупации, "на крови" национально-освободительного движения 20-х–30-х годов, определял его не-легитимность в глазах городских масс (усиленную культурной отчужденностью американизированного семейства от национального общества).

В итоге власть клана осуществлялась исключительно через свой госаппарат, "свою" армию, "свой" ключевой сектор в экономике и "свою" тень "метрополии – покровительницы", держалась лишь на голой силе и слабости своих потенциальных противников. Элементы господства, основанные на гегемонии и консенсусе, представляли здесь величину "бесконечно малую и стремившуюся к нулю". Чем дальше, тем в большей мере единственной объективной функцией диктатуры становилось обеспечение своей собственной стабильности.

Подобная ситуация (самодостаточная, изолированная, опирающаяся на оружие, к тому же – персонифицированная диктатура, неразвитое гражданское и "политическое" общество; поддержка власти метрополией) могла быть изменена только вооруженной силой; для такого режима попросту не существовало модифицирующего компромисса, промежуточного решения вопроса о власти (в интересах "своего класса" и т.д.). Однако традиционные (политические, социальные, "соперничающие" в рамках вооруженных сил) группы никарагуанского общества не могли стать реальными субъектами этой борьбы. Условием развития и успеха демократического движения в обществе, подобном никарагуанскому, выступало формирование и действия нового, военно-политического авангарда, способного превратить демократический, мобилизующий, объединяющий потенциал ситуации в энергию "внеклассового", народного, переворота.

Эту функцию выполнил созданный в 60-е–70-е годы Сандинистский фронт Национального освобождения (СФНО). Именно его "якобинские" действия "развязали" непосредственную революционную ситуацию (1977–1978), а затем и революцию: восстание "народа против власти"², "против Сомосы и (Национальной) гвардии".

По масштабам и глубине вовлеченности масс, по ожесточенности и бескомпромиссности борьбы, по широте консенсуса, сложившегося вокруг требования устранения диктатуры (и охватившего практически все никарагуанское общество), революция 1979 г. не знала себе равных в истории Латинской Америки.

В июле 1979 г. к власти пришел блок антидиктаторских сил, вполне официально возглавленный и "структурированный" СФНО – и опиравшийся прежде всего на вооруженные силы Фронта (не отделенные от вооруженного народа)... По тогдашним – да и нынешним – оценкам мировой прессы, настроение, эйфория масс были таковы, что в случае выборов правительство, руководимое СФНО, могло бы рассчитывать на 80–90% голосов.

Каковы были ключевые пункты этого исходного консенсуса (на уровне массового – и политического сознания)? Что было его предметом?

Во-первых, сама революция, понимаемая и ощущаемая прежде всего как свержение диктатуры. И соответственно признание особой роли СФНО в "последиктаторской" системе власти.

Во-вторых, как непосредственное продолжение "во-первых" – осуществление свобод; уверенность в том, что власть должна и будет исходить из интересов народа. Речь шла о стремлении к демократизации общества; "послании", понимаемом, конечно, по-разному в образованных верхах – и народных низах, активистами СФНО – и политиками буржуазии, но обладавшим в ту пору достаточно четким и не противоречивым "общим знаменателем".

В-третьих, восстановление страны, преодоление ситуации разрухи, голода, безработицы, эпидемий, социальная защита жертв войны... Затем – повышение жизненного уровня низов города и деревни и скорейшая модернизация экономики.

Существовал определенный консенсус и вокруг проблемы социальных (перераспределительных) преобразований. Мотивы этого совпадения взглядов, настроений и проектов были различны: социальная справедливость – для одних; политическая стабильность и экономическая эффективность – для других; идеологические и долговременные стратегические установки – для третьих. Но все – слева направо и сверху донизу – сходились в признании необходимости конфискации имущества сомосистского клана, создания сильного госсектора, прежде всего – в сфере инфраструктуры; проведения аграрной реформы; политики, направленной на рост благосостояния большинства и развитие социальных служб.

Сложнее обстояло дело с вопросом о *независимости*. Практически единодушной была поддержка таких принципов, как самостоятельность страны, независимость внешней политики, позиция неприсоединения и т.д. Но здесь реальные устремления "непосредственно" сандинистских и особенно организованных масс, с одной стороны, и большинства буржуазии (а также значительной части средних слоев, церковной иерархии и т.п.) – с другой, качественно разнились с самого начала. Для левых независимость означала прежде всего разрыв прежних отношений с США, ориентацию на "второй" и "третий миры", солидарность с другими революционными движениями в Латинской Америке; для либеральных политиков – меньшую, более гибкую зависимость от тех же, что и вчера, сил, дисперсию зависимости, смену контрагентов в метрополии.

Именно здесь линия потенциального раскола проходила ближе всего к поверхности.

Так или иначе изначальный консенсус антидиктаторских и народных сил, сложившийся летом 1979 г., нашел свое отражение – и был закреплен как в программе первого коалиционного правительства, так и в политических установках СФНО, провозгласившего политический плюрализм, смешанную экономику и политику неприсоединения краеугольными камнями стратегии национального согласия "во имя восстановления, благосостояния и развития нового Никарагуа".

В последующие годы революционная власть приложила огромные усилия для выполнения этой программы – и для сохранения социальных и политических завоеваний народного большинства – в ходе многолетней "войны низкой интенсивности", развязанной администрацией Р. Рейгана против правительства СФНО (1983–1989)³. Опираясь на поддержку этого большинства, сандинистам удалось нанести военное поражение "контрас" и отстоять революционную власть, хотя "цена" этих успехов оказалась для нее непомерно высокой.

Революция, демократия, авторитаризм. В эти годы в стране был до основания уничтожен разветвленный репрессивный аппарат диктатуры, очищены – от ее людей – все государственные службы. Создавался новый госаппарат, который при всех "но", о которых пойдет речь ниже, по своей природе и (в меньшей мере) методам был качественно демократичнее прежнего.

В 1979–1983 гг. началось преодоление отчуждения масс от государства, страха – и униженности рядового никарагуанца перед лицом власти. Для значительной же части населения власть – впервые в истории – стала своей. Резко выросла требовательность масс к государству.

Впервые в истории страны возникли массовые организации трудящихся, молодежи, женщин⁴. Функционировали все традиционные политические партии страны и десятки новых (включая формально нелегализованные). Даже в условиях войны ни одна из общественных организаций не запрещалась, в том числе и те, которые поддерживали "контрас"⁵. В ситуации гражданской войны Никарагуа почти не знала массовых, политических репрессий (вне непосредственной зоны военных действий). Напротив, в этой же ситуации дважды – впервые за полвека – были проведены всеобщие выборы, плюралистический характер которых был общепризнан.

С 1985 г. функционировал многопартийный, включающий оппозицию парламент. В 1987 г. им после многомесячной дискуссии была принята конституция – одна из самых демократических в "третьем мире" (действует и сегодня).

За десять лет пребывания СФНО у власти ни в партии, ни в стране не сложилось ничего, похожего на режим личной власти (и не произошло никаких насильственных сдвигов, дворцовых "coups d'Etat" и тому подобное в его руководстве).

Все это – и поражение, нанесенное контрас, что перечеркнуло надежды и шансы диктатуры на реванш – обусловило необратимость

основных демократических завоеваний в стране, невозможность возврата к диктатуре, во всяком случае – к прежним ее формам...

Однако параллельно с процессами политической демократизации, о которых шла речь, иногда переплетаясь с ними, иногда – в корне противореча им, развивались тенденции иного рода.

Речь идет прежде всего об устройчивой (а временами – и нарастающей) *авторитарно-этактистской тенденции* в рамках самой народной и плюралистической революции региона, о ее воздействии на исходный консенсус (политический и – в меньшей мере – социальный), на автономию субъектов – и сфер общественной жизни. Именно на пути фетишизации государства как главного объекта и субъекта революции и исторического процесса в целом были утрачены те оптимальные решения проблем "авангард–массы", "народное единство – национальное единство", "консенсус – классовая (идеологическая) поляризация", которые были даны опытом 1979 г.

Между тем сама концентрация всех (немногочисленных) кадров СФНО в госаппарате и особенно в армии в сочетании с определенными идеологическими установками и слаборазвитостью гражданского общества предопределила полное преобладание вертикализма (действие сверху–вниз) в общественной жизни и структурах. По мере отдаления от момента восстания организации, органы, импульсы, идущие снизу, от масс, теряли свою автономию; "усыхали", уступая место "царству структуры". Чем более креп, разветвлялся и модернизировался госаппарат, тем более односторонней становилась его – и СФНО – связь с массами. Причем происходило это в период наибольших экономических и социальных успехов новой власти (1979–1982).

Нечто параллельное (в системе отношений "государство–СФНО – гражданское общество") происходило и со вновь создаваемыми институтами представительной демократии, импульсами политического плюрализма.

Дело не только в общем предубеждении сандинистов по отношению к институту выборов, как бы ставившему под сомнение приоритет революции, как главного источника легитимности (а стало быть – и власти СФНО), но и в абсолютном приоритете, отдававшемся укреплению *исполнительной власти*, концентрация всей полноты которой в руках СФНО воспринималась как главный критерий поступательного развития процесса.

Провозглашенный, внедряемый и отстаиваемый сандинистами политический плюрализм понимался ими, скорее, как синоним гражданских свобод, а не отношений по поводу власти; как право на легальную деятельность политической и идейной оппозиции, но не как право этой оппозиции претендовать на власть. Поэтому "национальный консенсус" был легко принесен в жертву "социальной консолидации". В том числе и в тех случаях, когда разрыва со вчерашними союзниками вполне можно – и нужно – было избежать...

Далее, в 1982–1985 гг. в отношениях государства – СФНО с массами (прежде всего – "чужими") стали нарастать элементы командования,

государственного принуждения, а в военной обстановке – и прямых репрессий. И здесь отсутствие изначальной установки на компромисс, а также традиционные идеологические и политические импульсы "сужали и иссушали" русло консенсуса 1979 г. Это в наибольшей мере сказалось на отношениях с крестьянством, индейцами, сторонниками католической иерархии.

Концентрация усилий и решений вокруг государства и через государство, маргинализация – или формализация – "вклада" общественных организаций, органов самоуправления, "несистемной" логики "неорганизованных масс" неформального сектора – (выживание; а не "строительство новой жизни") – и "чужесистемного" частнокапиталистического сектора – характеризовали и *экономическую политику* СФНО.

Диктат госсектора, принудительная (по госцене) закупка зерна, преследование "неформальной" торговли и ущемление ее интересов неумелым применением карточной системы – наиболее болезненные аспекты этой политики.

Схожие процессы протекали и в рамках самого СФНО, обуславливая полное преобладание централизма над демократией, "назначенства" над выборностью, "доминирование" руководства – над массами.

Причины устойчивости авторитарно-этатистской тенденции в практике СФНО достаточно очевидны. Это:

авторитарность многовековой политической традиции и политической культуры, общая неразвитость гражданского общества в стране;

изначальная авторитарность любой революции, усиленная "военно-авангардистским" генезисом самого фронта, инерцией вооруженного пути к власти;

новая, навязанная США война, которая в одних случаях обусловила, в других – облегчила, в третьих – как бы предоставила алиби действиям и поведению сандинистов, не отвечавшим их заявленному демократическому кредо; которая усилила вертикалистские тенденции в самом СФНО.

Вместе с тем важнейшую роль в "этатистской нейтрализации" антиавторитарных моментов конъюнктуры 1979 г. (широта консенсуса, "равноправность" отношений в системе "авангард–массы", "действия снизу – действия сверху") сыграли *идеологические, общетеоретические* установки СФНО. Отметим основные направления этого воздействия.

От общего пафоса идеологии – к представлению о необратимости процесса (и, стало быть, о легитимизированной вечности власти СФНО); к принятию социально-политической поляризации (полное отстранение буржуазии от власти) как закономерного, позитивного и даже искомого феномена; к специфическому отношению к частной собственности ("необходимое зло").

От конкретной модели нового "социалистического" (этатистски-партийного) общества – к фетишизации революционного государства

("эмбрион социализма") и процессов его экспансии; к объяснению и оправданию слияния СФНО с государством.

От "верхушечности", "авангардности" марксистско-ленинской ориентации (СФНО и государства), не опиравшейся на собственный социальный опыт, жизненную практику, реальные устремления большинства населения страны (и даже радикализированных слоев, составлявших непосредственную массовую базу СФНО)⁶ – к постоянному "зазору" между мироощущением (самоощущением) активистов СФНО – реальными факторами влияния фронта в массах – и общим настроением большинства⁷. Подобная политико-психологическая ситуация постоянно питала патерналистский (а в ряде случаев – и авторитарный) комплекс в отношениях "просвещенного" авангарда – и своих, "полусознательных" масс. И отчуждение – вплоть до враждебности – в его отношениях с массами "несознательными", активно не приемлющими социалистических ориентиров и, как правило, неорганизованными⁸.

Отнюдь не отвечала классическим нормам и традициям плюрализма и разделения властей и природа отношений в треугольнике "СФНО – государство – вооруженные силы" (нерасчлененный, однопартийный и идеологизированный аппарат управления и принуждения). Очевидно, что эта ситуация не оставляла места автономии различных сфер и структур общественной жизни – в частности политической. Ведущая тенденция была связана с командной ролью политики, подчинением ей (во всяком случае до 1985–1986 гг.) всех сфер общественного развития.

Все это, равно как и фактическое отсутствие (до конца 1989 г.) реальной политической альтернативы СФНО и его власти, и дает основание говорить об авторитарно-этатистской компоненте сандинистского режима. Между исходным демократическим посланием революции и последующей практикой революционной власти (особенно после начала войны) существовала не только преемственность, но и противоречия. И в этом смысле процесс демократизации в Никарагуа 1979–1989 гг. нельзя признать ни последовательным, ни завершенным.

Верно, однако, и то, что несмотря на доказанный событиями 1978–1979 гг. потенциал массового низового демократического действия в стране, на несравненно меньший риск подобных действий, нежели при Сомосе – или в соседнем Сальвадоре, массовых выступлений против "антидемократического обмана сандинистов" Никарагуа почти не знала. И не только потому, что политика СФНО адекватно выражала социальные и особенно национальные устремления большинства. Но и потому, что авторитарные тенденции в установках и практике режима сочетались, как мы видели, с сохранением и развитием демократического начала в революционном процессе; авторитарность идеологии и структуры государственной власти – с плюрализмом гражданского (в том числе и политического) общества; неприятие (большинством) многого в методах и ментальности власти – с отсутствием восприятия ее, как "чужой", и с пониманием (по крайней мере, частичным) обусловленности ее действий реалиями интервенции и войны⁹.

В целом в системе "демократия–авторитаризм" сандинистский режим и 1979–1985 гг. и 1986–1989 гг. предстает как *качественно* отличный от гватемальского или сальвадорского, не говоря уже об институционализированных диктатурах в странах южного конуса¹⁰. Но, разумеется, это и не был современный представительско-плюралистический режим; война – с одной стороны, идеология – с другой заблокировали развитие в этом направлении; поиски же "синтеза" начались с большим опозданием. Между тем уравновесить изъяны и опасности, связанные с бедственным материальным положением масс (результат отсталости двух войн и кризиса, поразившего весь регион), могли лишь *высшие* оценки демократичности власти, широчайший консенсус, существующий вокруг этой власти и ее политики¹¹.

Между тем "консенсус 1979 г." продержался недолго. Объективная тенденция "послереволюционного размежевания" (вокруг путей и пределов реализации исходной программы) не была нейтрализована или хотя бы смягчена установками на политический компромисс. Уже к началу 1982 г. организация предпринимателей, дополнительно стимулированная воинственным курсом администрации США, уходит в глухую оппозицию.

Еще через два года укоренение "контрас" в горах Центральной Никарагуа показывает (а итоги выборов 1984 г. подтверждают), что от сандинистов отвернулась и значительная власть крестьянства этой зоны... "Продразверсточная" практика государства в отношении мелких производителей и торговцев (призванная обеспечить снабжение трудящихся городов в условиях войны) привела к новым трещинам и расколам.

Выборы 1990 г. и смена режима. С 1985–1986 гг. многие параметры прежнего социального, экономического и в известном смысле политического курса СФНО изменяются, они становятся менее вертикалистскими, авторитарными, этатистскими. Рождается формула о "социализме с опорой на гражданское общество" как модели, принципиально отличной от традиционного "социализма с опорой на государство". Но все это не привело уже к качественным сдвигам в политико-психологической ситуации, в характере и широте суженного поликлассового консенсуса, сложившегося вокруг власти СФНО в середине 80-х годов¹². Тем более что в обратном направлении (на сужение и "деактивацию" консенсуса) воздействовала жесткая антиинфляционная политика правительства (1988–1989 гг.) и накопившаяся общая усталость населения от войны (и лишений), неприятие ситуации ее бесконечного продолжения. Резко ухудшившиеся экономические условия (покупательная способность зарплаты упала до 6% дореволюционной) обостряли недовольство низов системой привилегий (армия, верхушка госаппарата) и коррумпий (чиновничество).

Таким образом, сузившиеся база и "сфера" консенсуса продолжали подтачиваться и "нормальной" эрозией власти, особо интенсивной в стране, охваченной экономическим кризисом¹³, и чрезвычайными характеристиками ситуации (война, жертвы, шантаж США). В то же время

режим не мог опереться ни на безукоризненно демократический имидж власти (и разделенную – с другими партиями – ответственность), ни на мобилизацию социального сознания, ни на гарантированную помощь извне.

Как это ясно сейчас, ситуация приближалась к тупиковой; объективная возможность выполнения режимом его социэталных функций была близка к исчерпанию.

Между тем СФНО, опираясь на результаты многочисленных опросов общественного мнения, уповав на антиимпериалистический настрой большинства и на новый образ "партии мира и демократии" (выборы!), шел к парламентско-президентским выборам 25 февраля 1990 г. с уверенностью в победе.

И потерпел поражение: вся "неопределившаяся" (на опросах 1988–1990 гг.) часть населения страны проголосовала за оппозицию¹⁴. СФНО остался при "своих" (41,85%), подтвердив свое положение сильнейшей партии страны (и самой влиятельной левой партии континента), но утратив гегемонию и конституционные права на власть.

Выборы 25 февраля 1990 г. стали одним из узловых моментов процесса политической модернизации в Никарагуа, началом нового его этапа.

При всей противоречивости характера и результатов голосования¹⁵ оно показало возросшую независимость воссозданного революцией гражданского общества (по отношению к государству).

Решающее значение приобретал ответ на два "поствыборных" вопроса: примет ли неблагоприятные для него результаты правительство СФНО, произойдет ли демократическая смена революционной власти? И не приведет ли подобная смена к хрестоматийным ситуационным последствиям – контрреволюции, контрреформам, репрессиям, вооруженному сопротивлению масс?

Демократический процесс в Никарагуа должен был пройти между "Сциллой" левого антиконституционного переворота и "Харибдой" правового авторитарного перерождения – с альтернативой в виде новой гражданской войны.

Первый из "порогов" процесса был пройден быстро – и успешно. Руководство СФНО, вопреки национальной и идеологической традиции и настроениям значительной части актива фронта, единодушно высказалось за признание победы оппозиции и передачу ей властной власти. Как и в других странах, в еще большей мере, чем в других странах, этот акт стал решающей проверкой – и доказательством – реальности демократии в постдиктаторском обществе.

Но передача власти, будучи абсолютной необходимой предпосылкой преемственности демократического процесса в стране, не была достаточной гарантией дальнейшего развития страны в демократических рамках. И дело здесь не только в общих тенденциях (и традициях) развития исторических ситуаций, подобных никарагуанской, но и в "национально-специфических" чертах последней. Консенсус в стране сложился лишь в отношении проблем мира и демократии. Решение иных – раскалывало никарагуанское общество

пополам. У "проигравших" были "свои" вооруженные силы, массовые (также частично вооруженные) организации, решающее влияние в госаппарате. В то же время любой вариант выхода из тяжелейшего экономического положения не мог не потребовать новых жертв от населения – и отягощать их последствиями контрреформ, *социального реванша* значило рисковать взрывом. Отсюда условия передачи власти, выдвинутые СФНО (сохранение социальных завоеваний революции, стабильности госаппарата и структур вооруженных сил, скорейшее разоружение "контрас") и поиски – с обеих, как увидим, сторон – некоего ограниченного консенсуса в социально-политической сфере.

По сути дела сандинисты добивались того, чтобы в стране произошла обычная для нормального демократического процесса смена правительства, правящих групп, политики, даже режима – но не государства, конституции, социальных институтов и т.д. Речь шла о становлении своеобразной, "гибридной" политической системы, гарантом которой должны были стать вооруженные силы, созданные революцией и сохранявшие свою прежнюю структуру и внутреннюю автономию.

В отличие от стран Южного конуса, где уход военных от власти был обставлен схожими условиями, в Никарагуа они "работали" на принцип разделения властей, и, главное, резко уменьшали угрозу осуществления новыми властями социально (и политически) репрессивного курса.

Выдвинутые СФНО условия были без особых затруднений приняты и выполнены его партнерами на переговорах¹⁶. Практически они в основном соблюдаются по сей день¹⁷. И дело здесь не только в исходной слабости победителей (на февральских выборах), которые могли опереться лишь на поддержку США и на отчаяние и иллюзии неорганизованных масс. Но и в том, что частью вчерашней оппозиции условия СФНО были восприняты как оправданные – с точки зрения интересов политической демократии (а в известной мере – и экономического восстановления).

27 марта 1990 г. соглашение СФНО–НСО было подписано. 25 апреля произошла мирная – и даже торжественная – передача власти. Несколько недель спустя "контрас" сложили оружие. Второй "порог" в русле постреволюционного процесса демократизации и "плюрализации" никарагуанского общества остался позади.

К осени 1990 г. прагматическое руководство правительства (В. Чаморро, А. Лакайо) определило "социальные рамки" осуществления своего курса. Результатом стал отказ от наиболее шоковых форм "терапии", принятие практики "консультаций и договоренностей" с массовыми организациями при проведении тех или иных крупномасштабных экономических мер и уход из правительства большинства правых.

В политическом плане основные разделительные линии прошли не только (а, быть может, и не столько) между сандинистами и их противниками, но и между прагматическим этатистско-демократическим – модернизаторским (и умеренно националистическим) *центром*, опирающимся на правительство, технократию и сосуществовавшие (в 80-е

годы) с сандинистами группы предпринимателей, – и реваншистской, "сомосо-майамистской" опирающейся на парламентскую группу НСО, алькальдии, крупных землевладельцев, сторонников социально-политического курса "а ла Пиночет".

Постреволюционная демократизация. Смена правительства в Никарагуа, поставив под угрозу ряд элементов (и даже блоков) "демократии солидарности и справедливости", существенно расширила поле "демократии свобод и плюрализма"¹².

Распался монолит государственных структур. Разделение властей (не "скрепленных" структурами сандинизма – и дополнительно расчлененных расколом НСО) стало реальным и, наверное, наибольшим в регионе (если не в мире). Парламент (большинство), правительство, вооруженные силы, политические партии, местные власти стали как бы самостоятельными субъектами, действующими по своей, иногда совпадающей, иногда толкающей на конфронтацию логике. Значительно более мощным и независимым, чем при власти СФНО, фактором общественной жизни явилась политическая оппозиция (на этот раз – преимущественно сандинистская).

В то же время возросший плюрализм "субъектов политики" сопровождался общим ослаблением элементов политического и административного принуждения: общая численность вооруженных формирований в стране сократилась вчетверо; ни армия, ни полиция не выступали ни против масс, ни против (новой) власти, ни против оппозиции. И здесь авторитарное начало в национальной политике отступало.

Важнейшим сдвигом в направлении реальной "демократии участия и гражданского общества" оказалось обретение самостоятельности массовыми организациями. Прежде всего самостоятельности от *государства*; ушла в прошлое "скованность лояльностью" ("своей" власти). Но и самостоятельностью от *"партийной опеки"* СФНО. Отныне приоритетными для этих организаций (прежде всего речь идет о крестьянских организациях и о профсоюзах) выступили непосредственные интересы – и настроения – "своих" масс.

Процессы низовой демократизации и плюрализации затронули и сам СФНО¹⁹ (хотя процессы в партии существенно отставали от процессов в обществе, что и привело впоследствии к ее расколу).

Очевидно, насколько более "равновесными" стали в Никарагуа 1990–1994 гг. субъекты и тенденции политического развития, соотношение сил и блоков. В известной мере это относится и к социальным силам: "классовые конфликты, которые в течение десяти лет как бы опосредовались через политику (а точнее – через деятельность СФНО), вырываются наружу..."²⁰.

Вместе с тем относительная устойчивость политической ситуации и первые успехи экономической стабилизации в стране (1990–1992) свидетельствовали об определенной эффективности нового, "равновесного" консенсуса. Его политической основой выступали совпадающие моменты в позициях правительства и руководства СФНО (социальной – на-

строения большинства жителей города, выигрывающих от преодоления инфляции, и сохранение ряда завоеваний недавнего прошлого).

Противостоят этому консенсусу полярные силы, находящиеся на антиэтатистских позициях; справа – традиционная буржуазия, "экспроприированные", часть неформального сектора и средних слоев; слева – часть интеллигенции, актива СФНО, безработных (особенно – демобилизованных); "снизу" – безземельное крестьянство (включая вчерашних "контрас").

* * *

В актив последних пяти лет политической модернизации в Никарагуа можно занести три главных свершения:

1. Стране удалось – до сих пор – избежать практики контрреволюционного ("рыночного") авторитаризма; ограничения свобод, прав оппозиции, разделения властей; уничтожения социальных завоеваний масс; репрессий и кровавой междоусобицы;

2. Развитие плюрализма – идеологического, политического, социального – в никарагуанском обществе (при сохранении плюрализма экономического). Экспансия гражданского общества, относительное равновесие социально-политических сил и относительно устойчивая практика компромисса этих сил стали основой консолидации демократических свобод и институтов в стране;

3. Демократические институты, сильная оппозиция, активность масс как ограничитель "шоковости" экономической терапии – все это не позволило (и можно надеяться – не позволит) принести нынешнее поколение никарагуанцев в жертву на алтарь капиталистической модернизации. Ослабление авторитарного начала в обществе и под этим углом зрения оказалось фактором, отвечающим интересам большинства...

Разумеется, нынешнему процессу консолидации демократии в стране свойственны острые конфликты, вызванные и непрерывными атаками правых, поддерживаемых США, и ответными действиями (левых) массовых организаций, и развитием социальной борьбы (прежде всего – за землю), и колебаниями центра. Существуют и иные, более глубинные противоречия, связанные с растущим конформизмом и пассивностью большинства населения (прежде всего – в ходе его "коммерциализации", но также как реакция на "этатистский консенсус" в центре политического спектра); с ослаблением народных начал государственной власти; с общим разочарованием в политике, утратой – в массовом сознании – элементов сопричастности, "субъективности".

Это в свою очередь чревато прямым ослаблением демократических и плюралистических начал в жизни страны – по мере того как меняется нынешний баланс политических сил. Либо в направлении "усредненной латиноамериканской" демократии, с характерным для нее преобладанием "постоянной власти" госаппарата, в полном исключении участия масс в межвыборный период и массовом "неучастии" – на выборах. Либо в пользу правой реакции, "свободной от ответственности" за

вчерашие и сегодняшние грехи государства и потому способной мобилизовать и "канализовать" недовольство масс (с их притупившейся памятью о делах позавчерашних)...

Вместе с тем нельзя считать исключенным и новый после демократических выборов 1996 г. поворот страны влево (к левоцентристскому режиму), также вписывающийся в тенденции глобального "посткоммунистического" развития.

- ¹ Имеются в виду всенародность антидиктаторского движения (и восстания), беспрецедентный уровень политических свобод и плюрализма в рамках революционного (и ориентированного на социализм) режима, конституционность смены политических систем.
- ² Власть ненавидима народом до рвоты // *Le Monde*. 1979. 24.IX.
- ³ Данной тематике посвящена обширная литература. Из опубликованного на русском языке см.: ст. Т.Е. Ворожейкиной (МЭиМО. 1989 № 1.), материалы 1990 г. // *Латинская Америка*. 1990. № 3; № 7 (с. 15–42), №№ 9–10.
- ⁴ До революции профсоюзы объединяли 7% экономически активного населения страны, в 1989 г. – 28%. Еще примерно столько же было объединено другими массовыми организациями.
- ⁵ Правда, в самый напряженный момент вооруженной борьбы (1985) были запрещены "Mass-media" непримиримой оппозиции, но через два года их выход в свет и эфир был вновь разрушен. В 1989 г. 4/5 газет и более половины радиостанций (23 из 43) в стране были частными (негосударственными).
- ⁶ В лучшем случае – речь идет примерно о 1/4 населения страны – они поддерживали социалистические лозунги, поскольку были сторонниками СФНО, но не наоборот.
- ⁷ Решить эту проблему, "сделав" социалистический выбор производным от собственного опыта масс, можно было, лишь "приняв" иную модель социализма. А это до поры до времени блокировалось.
- ⁸ Массы эти воспринимались скорее как помеха планам и усилиям авангарда/государства, а не как субъект гражданского общества – со своей ментальностью, логикой существования, экономикой и т.д.
- ⁹ См.: результаты социологического опроса жителей Манагуа // *Encuentro*. 1988. № 35.
- ¹⁰ Более всего, по параметрам "свободы – авторитаризма – демократии – плюрализма" сандинистский режим был схож с мексиканским, хотя и в этом случае сравнение определенно было бы в пользу Никарагуа...
- ¹¹ Перефразируя известную фразу Че о социализме на Кубе, можно сказать, что революционный режим в Никарагуа мог выжить только как "образцовая демократия".
- ¹² По данным опросов (и результатам выборов), усредненный показатель поддержки режима колебался между 40 и 43% населения (лишь в сфере внешней политики – проблемы независимости, противодействия интервенции и т.д. – зона консенсуса составляла 60–80%). Социальную опору сандинистов составляли служащие госаппарата, рабочие госсектора и крестьянских кооперативов, военные, студенты, молодежь в целом (среди этих категорий влияние СФНО всегда превышало 45%, а зачастую и 50). Кроме того, их поддерживала значительная часть традиционных средних слоев и крестьянства Запада страны, примерно 1/3 занятых в неформальном секторе города и меньшинство рабочих и служащих частного сектора и домохозяек.
Основная же часть этих слоев – абсолютное большинство крестьянства Централь-ных районов, 35–40% крестьян Запада и неформалов – поддерживали установки правой оппозиции.
Остальные колебались....
- ¹³ Характерно, что в 1988–1990 гг. все выборы в Латинской Америке завершились поражением стоявших у власти партий.
- ¹⁴ За 14-й партийный Национальный союз оппозиции (НСО) проголосовало 52,45% горожан и 58,4% жителей деревни. Наибольшие потери СФНО понес среди крестьян-

середняков и рабочих частных предприятий (здесь различия в электорате СФНО – НСО составили более 23%); среди мелких крестьян это различие напротив было меньше общенациональных – 14%. СФНО получил большинство голосов трудящихся кооперативов, госхозов, военных (Avispa. 1990, № 1. Р. 26–27), (Подробнее об итогах выборов и факторах, их обусловивших, см.: Латинская Америка. 1990. № 7. С. 35–37).

- ¹⁵ Трудно говорить о свободных выборах и свободе выбора в ситуации, где решающим фактором выступают результаты интервенции, давление и шантаж соседней сверхдержавы. Итоги голосования в значительной мере отражали настроения резигнации масс, стали "выбором усталости и отчаяния".
- ¹⁶ Спорным – и ставшим впоследствии постоянным источником политической напряженности в стране – остался лишь вопрос о реституции собственности (в городах), переданной правительством СФНО "своему" активу между 25 февраля и 25 апреля (день формальной передачи власти) 1990 г.
- ¹⁷ Что не исключает, однако, постоянной "позиционной войны" на границе между "социальными завоеваниями" и "экономическими императивами".
- ¹⁸ Формула А. Руиса Хименеса – известного деятеля испанской христианской демократии.
- ¹⁹ До сих пор эта дифференциация воздействовала на демократическое развитие страны скорее позитивно. С одной стороны – умеряя тенденцию "поляризации и конфронтации" в национальном обществе; с другой – препятствуя реформистскому, "этатизирующему" сдерживанию массового движения.
- ²⁰ См.: Envio. 1990. № 104. Р. 18.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (опыт стран Азии)

В 70-х – начале 90-х годов достаточно отчетливо проявилась важная закономерность развития незападных стран, которая, по всей видимости, будет определять общественную эволюцию большей части мира и в ближайшие десятилетия. Речь идет о том, что капитализм прямо или косвенно подчиняет себе все новые участки экономического пространства, в то время как в социальной, политической и духовной сферах утверждаются не только симбиотические, но и синтезированные формы общественного бытия, существенно отличающиеся от известных по западному опыту примеров и обладающие – в некоторых случаях – достаточными потенциями к саморазвитию.

Современные реалии Японии, Китая, Южной Кореи, Сингапура и ряда других "догоняющих" и даже "обгоняющих" Запад незападных стран свидетельствуют о следующем: неэкономические сферы общественной жизни демонстрируют не просто большую инерционность в процессе модернизации, но обеспечивают многовариантность развития на базе постепенно унифицирующихся в мировом сообществе экономических отношений. В основе этого процесса лежат многообразие социумов, культур и цивилизаций, различия в месте индивида в обществе.

Основными факторами, предопределившими своеобразие процесса общественной эволюции и места индивида в незападном социуме, являются, во-первых, специфика традиционного социального генотипа и, во-вторых, привнесенность капитализма извне, через колониальную и полуколониальную зависимость.

Если попытаться кратко охарактеризовать специфику общественного развития, например, традиционной Азии¹ в интересующем нас разрезе, то она состоит в примате общинно-этатистских структур над индивидуально-собственническими². Привнесенный с Запада достаточно зрелый капитализм (в виде элементов новой системы производительных сил, распространения наемного труда, принципов государственного устройства, правовых норм, ценностных ориентаций личности и т.д.) начал утверждаться в азиатском обществе, не знавшем столь глубоко зашедшего процесса атомизации, дробления социального пространства на автономные свободные индивиды, как это было в Западной Европе на заре становления буржуазных отношений. Это обстоятельство имеет ключевое значение для социального контекста различных форм организации общества и государства, в том числе для проблематики демократии в оппозиции к авторитаризму.

В истоках специфики общественного развития здесь лежат особенности азиатской формы общины, которые, по мнению Маркса, заклю-

чались прежде всего "в том, что отдельный человек не становится (по отношению к ней – *И.З.*) самостоятельным"³. Именно это во многом определило устойчивость общины как универсального образования, где в неразрывном единстве срослись экономические, социальные, духовные компоненты. Характерно, что Маркс в своем анализе азиатской формы общины сделал упор не на экономические аспекты так называемой общинности, что в последующем акцентировалось большинством ученых его школы (коллективное землепользование, уравнительные переделы и т.д.), а на результирующий "системный", социальный показатель – положение человека.

Сельская община – лишь одно из проявлений корпоративности как глубинного явления докапиталистического общества⁴, представлявшего собой совокупность разнообразных "узких союзов" – малоподвижных местных объединений людей, где локальные экономические связи были сращены с природными⁵. Перенос на восточную почву достаточно зрелых форм капиталистического производства начался на том этапе, когда сельская община, большая семья, род, городской квартал продолжали оставаться важнейшими элементами социальной структуры, и индивид из них еще не выделился, не превратился в самостоятельную единицу общественного устройства.

Для более глубокого анализа особенностей социального контекста различных форм государственного устройства в современной Азии необходимо остановиться и на некоторых вопросах эволюции социальной структуры под углом зрения ее модернизации. Ниже предлагается модель, согласно которой социальная структура незападных обществ конституируется действием трех основных групп факторов – экономических, естественно сложившихся и государственно-политических.

Первая из перечисленных групп факторов формирует основы классов и примыкающих к ним слоев. В силу того, что восточное общество достаточно далеко не только от идеального гражданского общества, но и от схожего с последним западноевропейского социума XIX в., экономический фактор здесь не может рассматриваться в качестве однозначно доминирующего.

Вторая группа факторов – природная или естественно сложившаяся. Она формирует кровно-родственные, территориальные и локально-этнические общности.

Третья группа факторов – государственно-политическая. Ею формируются группы, отношения между которыми строятся на системе власти, привилегий, личной зависимости, неэкономического принуждения. Здесь можно выделить две подгруппы факторов. Во-первых, те из них, которые действуют на микроуровне, порождаются местной неотрадиционной властью, "присвоением чужой воли", иногда – насилием. Это особенно сильно в восточной деревне. Во-вторых, факторы властных отношений, генерируемых государством.

В некоторых странах и районах Востока существует, по всей видимости, и четвертая группа факторов – религиозная. В результате ее влияния формируются конфессиональные общности, которые могут становиться важнейшими элементами социальной структуры при взаи-

модействии различных культур (Ближний и Средний Восток, Южная Азия).

Расстановка сил в обществе, социальные противоречия, политическая борьба на современном Востоке формируются в результате сложного переплетения, взаимного наложения и столкновения отмеченных трех (в некоторых случаях – четырех) типов структур.

Общепризнанной в современной политологии является идея о том, что социальной базой демократии являются прежде всего "средний класс". В отечественном востоковедении в наибольшей степени проработана проблематика, связанная с формированием интеллигенции – важнейшей составной части "среднего класса".

Современные реалии подтверждают обоснованность утверждения о том, что в отношении восточной интеллигенции действует ряд социальных факторов, усиливающих ее "традиционную общность на неорганической основе, ее относительную самостоятельность и социальную автономию"⁶.

Удельный вес интеллигенции и служащих⁷ в экономически активном населении крупных и средних городов стран Азии, согласно нашим оценкам⁸, достиг в начале 90-х годов 20–30%, что составляет в среднем 4–8% всей рабочей силы. Это вполне сопоставимо с долей городских новых средних слоев во всем самодеятельном населении развитых государств Запада, где в 1950 г. она составляла 7–9%, а к 70-м годам несколько повысилась, достигнув в США и Англии 13–14%⁹. Расширение современного производства и услуг, рост государственного аппарата, систем образования и здравоохранения стимулируют дальнейшее увеличение численности и значения интеллигенции и служащих. Таким образом, в странах Азии "досрочно", до завершения индустриализации (или, во всяком случае, для многих стран, на стадии ее неполной зрелости) возникают черты типа социально-классовой структуры, характерного для постиндустриального общества.

Большие группы населения динамично развивающихся азиатских государств, связанные с современными формами общественной жизни, занимают свое место в социальной структуре не только и не столько в результате определенного отношения к средствам производства, а в силу специфической роли в разделении труда и, следовательно, особого образа жизни, менталитета, политических и моральных ценностей, включающих в себя и ценности демократии.

Здесь следует отметить, что понятие "средние слои" в отечественной научной литературе отражало в целом успешную попытку совместить классический марксистский классовый анализ с реалиями постиндустриального общества и концепцией "среднего класса"¹⁰.

В странах Азии "средний класс", постепенно кристаллизующийся из конгломерата городских слоев, занятых нефизическим трудом, пока чрезвычайно разнороден и многолик экономически, социально, идеологически и психологически. Однако уже, видимо, можно говорить о том, что он существует и постепенно укрепляет свои позиции. Его характерной чертой до недавнего времени была не только зависимость от государства, но бюрократизированность и даже сращенность с

госаппаратом. Но в 80-е–90-е годы, в связи с ускорением процессов модернизации и либерализацией экономической политики, укрепилась тенденция к "отпочкованию" и самостоятельности "среднего класса" в азиатских странах. Это создает новую социально-политическую обстановку для обострения борьбы между авторитарной и демократической тенденциями, так как растет влияние тех общественных сил, чьи коренные интересы связаны с идеологией и практикой индивидуализма, свободы, правовой защищенности, демократии.

Опыт арабских стран, Пакистана, Индонезии, Сингапура в 80-х – начале 90-х годов свидетельствует о том, что рост "среднего класса" не ведет автоматически к демократизации. События в Южной Корее, на Тайване в 1992 г. показывают, что усиление демократических тенденций в политике происходит с определенным временным лагом после социальной модернизации общества.

И тем не менее формирование достаточно сильного "среднего класса" меняет как минимум формы авторитаризма, наполняет его целями модернизации и делает более социально ответственным, стимулирует переходные формы политики, намечает демократическую перспективу, делает более активным влияние становящегося гражданского общества на характер государственного устройства.

Здесь следует отметить, что мы исходим из того, что концепция "гражданского общества", будучи наложенной на реалии современного Востока, необходимо включает такой параметр как суверенно-автономный индивид (см. гл. 1). Поскольку капитализм в неевропейских цивилизациях способствует выделению индивида в качестве самостоятельной единицы социума, постольку там формируется гражданское общество – основа демократии и прав человека. Мы считаем, так как воспроизводится коллективистский, корпоративный социальный генотип в странах Востока, поэтому их общественное развитие не может быть адекватно описано с помощью категории гражданского общества, ибо в этих случаях демократическим институтам не достает их "естественного" социального базиса. Важнейшим моментом для понимания специфики социально-политического измерения борьбы авторитарной и демократической тенденций является в силу этого анализ взаимодействия индивида, общества и государства.

Государство в некоторых азиатских странах доказало способность охватывать своими структурами общество, выкачивать из него ресурсы. Но в большинстве случаев оно оказалось не в силах радикально менять социальные отношения и поведение людей. В тех редких случаях, когда это все-таки удавалось (маоистский Китай, Северная Корея, Вьетнам), то лишь ценой гигантского насилия и по сути дела – ликвидации "гражданского общества".

Слабость государственных структур во многих незападных странах, заключающаяся в том, что они не опираются, как на Западе, на прочный фундамент консолидированного гражданского общества, ведет к тому, что контролирующее государство группы вынуждены нарушать устанавливаемые ими самими правила игры – законность и правопорядок. В борьбе с конкурирующими общественно-политическими

силами правящие режимы прибегают к таким методам, которые, в принципе, казалось не характерны для олицетворяемого ими государства – к незаконным арестам и ссылкам, пыткам, организации "исчезновений" и т.д.

Исторический опыт Запада демонстрирует, что участие низших классов в политике (прежде всего через всеобщее избирательное право) здесь было допущено лишь после создания базы индустриальной экономики и основ гражданского общества. Иными словами, государственные институты там были ограждены от прямого влияния бедствующих слоев населения. В третьем мире "досрочное" – без основ "гражданского общества" – введение демократии автоматически вызывает рост притязаний широких социальных слоев, на которые победившие политические группы должны отвечать распределением скудных ресурсов через государственные каналы в пользу тех или иных групп избирателей по принципу патронажно-клиентельных связей.

Способность государств устанавливать свой контроль над обществом и успешно осуществлять функции социального инженера¹¹ – одна из важных переменных, определяющих дифференциацию незападного мира. Исторический опыт второй половины XX в. свидетельствует: наибольших успехов в этой области добивались социалистические тоталитарные режимы, порядки и страны дальневосточного культурного ареала. Важным условием, многократно усилившим способности государства перестраивать социальное устройство в этих странах, стал распад традиционных связей в ходе войн и революций, атомизация общества в 30-е–50-е годы. Однако еще нигде в мире этатизм не приводил к укоренению либеральных и демократических принципов. Наоборот, "сильные" тоталитарные государства всегда отличались наиболее вопиющими и массовыми нарушениями прав человека.

"Слабые" же государства незападного мира, даже если там происходила формальная политическая эмансипация и принимались демократические конституции, не обладали достаточными возможностями внедрять новые принципы в плотные, сопротивляющиеся нововведениям полутрадиционные социальные структуры, особенно на "местах"¹².

Главная причина неспособности "слабых" государств незападного мира эффективно преобразовывать общество состоит в сохранении паутины "узких союзов", во главе которых стоят местные лидеры, осуществляющие контроль над всеми процессами¹³. Именно деревенская элита, главы влиятельных "больших семей" и родов способны либо свести на нет социальную политику государства, либо трансформировать ее на местах в выгодном для себя направлении.

Человек во многих странах современной Азии оказывается между Сциллой традиционного угнетения в рамках своих "узких союзов" и Харибдой "сильного", в том числе тоталитарного государства, грозящего разрушить его вековое бытие и перестроить на чуждый лад, столь же далекий от гуманистических, демократических идеалов.

В странах Азии (это относится и к "сильным", и к "слабым" государствам) государственные институты всегда рассматривались общест-

венным сознанием как единственный механизм предотвращения социального распада. При этом анархия в зависимости от типа преобладающих социальных структур видится либо в возможности ослабления жесткого государственного контроля над обществом и нарастания хаоса (дальневосточные культуры), либо в нарушении компромисса на государственном уровне между многочисленными "узкими союзами" – этнолингво-конфессиональными группами (Южная и часть Юго-Восточной Азии).

Таким образом, характер социальных структур в Азии ставит перед властью определенные рубежи в области демократизации даже в том случае, когда имеется соответствующая воля правящих кругов. Во-первых, преобладающий тип индивида на Востоке – коллективистски ориентированный на свой "узкий союз", локальную общину. Такой индивид не может быть субъектом демократии в ее классическом понимании. Во-вторых, политическими и гражданскими правами наряду с цивилизованной оппозицией могут воспользоваться традиционалистско-экстремистские силы для прихода к власти и последующего свертывания всех свобод. Эта угроза вполне реальна в ряде арабских стран и в Южной Азии.

Формирование общемировой цивилизации и поддержание ее безопасности немыслимы без глобального признания прав человека, а их соблюдение ставится главным критерием оценки того или иного режима. Гражданское общество и демократия – средства, целью же является человек, его права. Реальность состоит в том, что мировое сообщество в настоящее время и в обозримом будущем будет включать в себя как государства, где права человека – повседневность, так и страны с отсутствием предпосылок для этого. Предшествующий анализ показал: проблема демократизации государства и его институтов в странах "третьего мира" заключается в характере самих обществ, чей строй отрицает независимую самостоятельную личность как высшую ценность, не создает предпосылок формирования и укрепления демократической и политической культуры.

В странах Востока и Юга с несформировавшимся гражданским обществом, неустоявшимися институтами демократии и привычными нарушениями прав человека есть три основных варианта развития на 90-е годы: авторитаризм и ограничения прав для обеспечения стабильности и возможности проведения социальной модернизации; жесткая диктатура, прибегающая к массовым нарушениям прав человека преимущественно для самосохранения; хаос и массовое "неинституционализированное" насилие. Думается, что попытки установления "полной демократии" при отсутствии зрелого гражданского общества – обречены. Там, где само общество не в состоянии обеспечить порядок, функции по его поддержанию возлагаются на государство. Люмпен или фанатик не могут пользоваться свободой и всеми правами, не создавая при этом угрозы социального распада.

Любым формам политического устройства – демократии, авторитаризму – противостоит анархия, хаос, открывающие дорогу насилию, открытому использованию стихийной грубой силы, агрессивности чело-

века. Основная функция любой власти – ограничение, недопущение этого, и человек зачастую готов мириться с формами власти, далекими от идеала, ради спасения от угрозы социального распада. В большинстве азиатских культур анархия и хаос рассматривались не как давнее прошлое, а как реальная угроза в будущем, в то время как прошлое, напротив, ассоциировалось с идеальными формами правления¹⁴. В период независимого развития эта установка была усилена необходимостью модернизации, главной движущей силой которой рассматривалось государство.

Дисциплинирующая роль ритуалов, табу и иерархии статусов в восточном обществе препятствовала утверждению взгляда на политическую сферу как на конкуренцию между различными социальными группами за контроль над государственной властью для защиты определенных, лишь своих особых, корпоративных интересов.

В обществах Юго-Восточной Азии, например, особенное значение имеет система взаимоотношений между людьми, описываемая западными социологами в категориях "патрон-клиент". Эти социальные отношения сыграли значительную роль в формировании политической культуры стран региона.

Зарегистрировав преобладание ценностей иерархизированного общества над идеями конкурентности в социально-политической сфере в странах Востока, западная политология прочно связала это явление с авторитаризмом. Однако, как справедливо отметил Л. Пай, это верно лишь отчасти. Признавая, что нетерпимость властей к критике и склонность народа к конформизму способствуют утверждению авторитаризма, он в то же время подчеркнул, что в традиционной восточной политической культуре от власти ожидали не команд и принятия решений, а соблюдение и охраны сложившегося консенсуса по поводу социального порядка, ритуалов и т.д. Поэтому в иерархизированной статусной структуре дух прямого доминирования и подавления, характерный для авторитаризма, практически отсутствует. "Восточный" патернализм немыслим без заинтересованности и участия клиентелы. В западном понимании в авторитарной системе "верхи" манипулируют "низами" исключительно в своих интересах, в то время как на Востоке "низы" ищут покровительства "верхов" не меньше, чем "верхи" стремятся заручиться их поддержкой.

В период колониализма метрополии, создавая строго иерархизированную административно-бюрократическую структуру управления в колониях, фактически закрепили традиционное совпадение между социальным статусом и властью и отнюдь не способствовали распространению в массах демократических представлений о сфере политики как конкурентной борьбе в цивилизованных формах между различными интересами и нахождения их консенсуса.

Авторитарные действия властей по поддержанию порядка и безопасности часто могут восприниматься восточным обществом как должное – это необходимо для сохранения социального порядка. В то же время поощрение государственной политикой индивидуализма может восприниматься как стремление нарушить порядок, свергнуть

страну в хаос, изменить фундаментальные принципы, на которых держится социум.

"Основа властных структур в азиатских культурах – лояльность по отношению к коллективу" – отмечал Л. Пай¹⁵. В политической культуре восточных стран поражает стремление людей растворить свое "я" в групповой идентичности. Даже современные формы социально-политической активности реализуются "командами", а не индивидами. Желание изменить существующий порядок, как правило, не идет дальше того, чтобы сделать власть, авторитет менее коррумпированным, более "чистым".

Практически во всех незападных странах, включая самые благополучные из них, вопрос номер один политической жизни – стабильность, устойчивость правящего режима. Соответственно приоритетные действия находящейся у власти группировки можно назвать, вслед за Дж. Мигдалом, "политикой выживания". В этих условиях все вопросы внутренней и международной жизни, в том числе проблемы демократизации, прав человека, свободы, рассматриваются правящей элитой сквозь призму сохранения и укрепления своей власти.

Подводя итоги анализа социальных барьеров для развития демократии в незападных обществах на примере Азии, следует признать, что под воздействием процессов модернизации устои традиционного общества сильно и почти повсеместно подорваны. "Узкие союзы" в значительной мере размыты и уже не в состоянии обеспечивать защиту своих членов по всем параметрам, как это было столетия назад. Индивид в большинстве стран Востока взаимодействует уже не только с членами своей и соседних общин, но и во все большей степени с "большим" социумом и государством. По мере роста интенсивности нового, современного типа взаимодействий усиливается значение демократических институтов для защиты индивида и его достоинства прежде всего от государства, чья роль в процессе модернизации колоссальна и чьи претензии на всеобъемлющий контроль над обществом и личностью весьма значительны. Однако вытеснение общинно-коллективистских традиций в обществе и патерналистского характера государства нормами индивидуализма, либерального строя и демократии идет не как равномерный, последовательный процесс, а реализуется скорее через механизмы сложного и противоречивого взаимодействия.

В реальных условиях 80-х–90-х годов XX в. в большинстве незападных стран нормы и институты демократии сталкиваются, таким образом, с двойной оппозицией. С одной стороны, им противостоят коллективистские антидемократические традиции добуржуазного и небуржуазного (в том числе социалистического) общества, с другой – политика контролируемого узкими олигархическими группами "современного" государства, ставящего цели социально-экономического развития и политической стабильности, выше идеалов демократии и прав человека.

В то же время опыт 80-х – начала 90-х годов свидетельствует и о том, что с укреплением позиций "среднего класса" и диверсификации

его структуры и изменениями в мировом сообществе расширяются и активизируются процессы демократизации незападных обществ, что вовсе не обязательно ведет к потере их уникального социально-культурного облика.

- ¹ Последующий анализ относится прежде всего к Азии – крупнейшему региону незападного мира. В Азии сложились особые формы корпоративности и групповой идентичности, патернализм государственной власти, в общественном сознании прочно укоренился страх перед социальным распадом и хаосом, стремление избежать их любой ценой. Однако часть выводов настоящего раздела, как нам представляется, приложима к "третьему миру" в целом: укрепление позиций "среднего класса", сопротивление полутрадиционных слоев общества процессам модернизации, наличие социальных ограничителей демократизации.
- ² См. об этом, в частности: *Зевелев И.А., Кара-Мурза А.А.* Государство и пути общественного прогресса в странах Азии и Африки // *Мировая экономика и междунар. отношения.* 1989. № 4. С. 101–107.
- ³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 474.
- ⁴ См.: *Алаев Л.Б.* Сельская община в Северной Индии. М., 1981. С. 11.
- ⁵ Подробнее о понятии "узких союзов" см.: *Город в формационном развитии стран Востока.* М., 1993. С. 240–241.
- ⁶ *Интеллигенция и социальный прогресс в развивающихся странах Азии и Африки.* М., 1981. С. 20–21.
- ⁷ В данном случае к интеллигенции отнесены лица умственного труда, который является основным источником их существования, а к служащим – наемные работники, занятые менее сложными видами умственного и нефизического труда (см.: *Ли В.Ф.* Средние городские слои в социальной структуре освободившихся стран Востока // *Средние слои городского общества в странах Востока.* М., 1975. С. 23, 28).
- ⁸ Здесь была применена методика расчетов, описанная в работе: *Зевелев И.А.* Юго-Восточная Азия: Урбанизация и проблемы социального развития. М., 1985. С. 38–45, 153–154. Источники: *Demographic Yearbook, Yearbook of Labour Statistics* и др. конца 80-х – начала 90-х годов.
- ⁹ Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран. М., 1977. С. 321.
- ¹⁰ Напр., см.: *Надель С.Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978.
- ¹¹ См.: *Randall V., Theobald R.* Political change and underdevelopment: A critical introduction to third world politics. Basingstoke; L., 1985. P. 189.
- ¹² См.: *Migdal J.* Strong societies and weak states. Princeton (N.J.), 1988.
- ¹³ Подробнее о сопротивлении "сильных людей" на местах государственной политике см.: *Migdal J.* Op. cit. P. 33.
- ¹⁴ *Pye L.W.* Asian power and politics: The cultural dimensions of authority. Cambridge, 1985. P. 34.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 326.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИИ

Невозможно понять специфику политической организации и деятельности стран современного развивающегося мира вне традиционного социокультурного контекста, сложившегося в доколониальный период. Подчеркнем крайнее разнообразие этого контекста и особенно "многозначность" его последствий для нынешней политической жизни этих стран. В этой "многозначности", в глубине традиций, можно найти, как отмечают исследователи, истоки и элементы как авторитарных, так и демократических тенденций. Далее, сам характер действия традиций в их разнообразном составе опосредован и обусловлен глубокими сдвигами в социокультурной структуре как в эпоху колонизации, так и в ходе доколониализации и независимости.

Остановимся здесь лишь на двух важнейших формах социокультурных традиций – общинно-коллективистской и религиозной, оставляя в стороне характер традиционно азиатского государства и патронажно-клиентельных связей.

Общинное наследие. Общинно-коллективистские традиции восходят к древнейшим временам. Общество, не дошедшее еще в своем развитии до той стадии, которую условно называют "современной индустриальной фазой" (или докапиталистическое общество), основано на традициях, определяющих по существу всю его жизнь. Не углубляясь в эту обширнейшую проблему, отметим лишь могущественную роль общины – первичного коллектива.

"В первобытности имелись строгие системы норм, регулировавшие взаимоотношения между людьми... Нормативные предписания пронизывали все аспекты жизни людей: во взаимоотношениях внутри семьи и общины, между родственниками и свойственниками, соплеменниками и чужаками, представителями различных поколений и разных ритуальных групп и пр., повсюду действовали неписанные правила, основанные на традиции, идущей от предков. Коллективизм, тесно связанный с наличием широкой социальной сети, которая только и помогала людям преодолевать жизненные невзгоды, неизбежно должен был опираться на нормы, до определенной степени ограничивавшие свободу действий отдельных индивидов"¹.

"Забота о благе индивидуума была производной от блага общины, а не наоборот. Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер"².

Первичные – родственные, общинно-племенные, кастовые связи обеспечивают существование и охраняют социальный статус членов общины, но лишь на условиях их подчинения конформистской линии поведения и мышления. Человек – член коллектива, он служит освя-

ценным традицией обычаям и институтам, его жизненный путь определен местом в социальной ячейке. Эксплуатация осуществляется в формах личной зависимости от "большого" или "сильного" человека, под покровительством которого находятся "малые". Господствуют незыблемые клиентельные отношения.

Принцип решения вопросов в общине – консенсус, единомыслие, устанавливаемое фактически старейшинами, но выглядящее как утверждение мнения коллектива. Это достаточно демократично, но, по существу, маскирует непререкаемую власть "верхушки", а также старейшин. Деспотизм верхов общины закамуфлирован под демократию, точнее, под общинный консенсус. Последний не предполагает особой борьбы мнений, голосования, отсюда – отсутствие традиций оппозиции, ведущих к образованию партий. Партийность противопоказана общинной традиции. Нет понятия о личном достижении – конечно, лишь теоретически, поскольку естественное неравенство способностей людей непременно ведет к выделению наиболее талантливых, энергичных или целеустремленных, беспощадных, ловких и т.д. индивидов, но это опять-таки маскируется конформистским поведением, и индивидуальная предприимчивость официально не в почете. В принципе, налицо противоположность тому, что существует в западной цивилизации и называется "performance society" (общество достижения, или общество, в котором критерием служит результат).

Общинная традиция при ее патриархальном демократизме является, по существу, авторитарной как в первоначальном смысле слова (почитание власти "старших", основанной на их авторитете, который в свою очередь неотделим от неукоснительного соблюдения традиций и обычаев), так и в практическом плане (массы следуют за вождями). Ослушаться "старших", проявить вольнодумство, противопоставлять консенсусу свое "особое мнение" означает нарушение традиций, устоев общины, т.е. непростительный грех.

Данная традиция рождалась естественным образом, более того, можно даже сказать, что на первоначальном этапе общественного развития и в условиях жестокой борьбы за выживание и утверждение общности именно она является объективно необходимой и, пожалуй, единственно возможной для обеспечения самого существования коллектива. Но в этой же традиции – корни авторитарных, антидемократических тенденций, на которые опирается уже в иных условиях диктаторская и деспотическая власть. Примат общего, коллективного над личным, пренебрежение отдельной личностью, ее правами, отсутствие даже понятия о самооценности человеческой жизни – этот принцип лежит в основе тоталитарных государственных конструкций XX в. вплоть до имевшего хождение в гитлеровской Германии лозунга: "Ты – ничто, твой народ – все!" или ленинско-сталинской теории "винтиков общепролетарского дела".

На этом же фундаменте стоит и феномен культа государства, пришедший на смену почитанию "старейшин" с их традиционным авторитетом, поддерживается давней традицией. Тот, кто служит государству, не может не пользоваться большим почетом, чем частный

предприниматель, преследующий цель личного преуспеяния. В Бирме была пословица: "Десять купцов не стоят одного государственного слуги". Чиновник служит государству, значит – всем, т.е. коллективу, обществу, на него распространяется – пусть в ничтожной мере – ореол могущественной безличной силы, выражающей "общий интерес" – понятие, берущее свое начало в примате интересов общины, племени, рода над интересом отдельной личности³.

Разумеется, в реальной жизни речь идет не о некоей всеобщей любви к государству, слиянии или отождествлении себя с ним. Государство на практике может рассматриваться населением как сила чуждая и даже неприятная, если не враждебная, особенно когда дело касается конкретных его слуг – чиновников-бюрократов, сборщиков налогов и т.д. Но эта сила признается, во-первых, естественной и неизбежной, роковым образом поставленной над людьми, и, во-вторых, всемогущей, по сравнению с которой судьба отдельного человека – жалкая пылинка. Перманентное состояние зависимости от государства и осознание неизбежности такой зависимости идут в массовом сознании от поколения к поколению с незапамятных времен, с той далекой эпохи, когда человек в страхе перед природными силами и "чужими людьми", т.е. врагами (а чужой для данного племени был всегда врагом), инстинктивно искал спасения в силе "общего", совместного, коллективного, а это и персонифицировалось в старейшинах, вождях.

Исторические религии. Коллективистские традиции и авторитарные тенденции, берущие в них свое начало, базируются на религиозной основе или во всяком случае тесно связаны с религиозным мировоззрением. Обратимся к Исламской цивилизации, рассматривая ее как предельный случай воздействия Религии на нынешнюю "Polity".

В исламе нет различия между миром духовным и миром светским. Оба начала – духовное и светское – слиты в единое целое, и это слияние, подчеркивает русский ученый М. Пиотровский, – один из основных принципов и фундаментальных понятий ислама. В Коране «власть Аллаха описывается тремя терминами: "султа" (власть повелевать и распоряжаться), "мулк" (владение, управление, царство) и "хукм" (власть принимать решения, судить). Эти оттенки значений обнимают собой все аспекты власти над людьми, и все они принадлежат Аллаху»⁴. Слияние светского и духовного начал, безусловно, способствовало абсолютизации религиозного авторитета. Утвердилось сакральное представление, согласно которому "человек, находящийся во главе группы людей, общины, государства, не просто выполняет волю божества, но находится с ним в контакте, служит посредником между ними и людьми, поэтому его слова и распоряжения священны"⁵. В самом прямом и цельном виде таким посредником, посланником Аллаха, представителем его на земле был, конечно, Мухаммад (он так и называется "расулюллах", посланник Аллаха). Он объединял в своих руках все виды и функции власти, о которых было сказано выше, и это вполне логично: Аллах един и единствен, поэтому и власть едина и в принципе не подразделяется на виды и категории.

Уже здесь, в самом начале, виден фундамент авторитарной тен-

денции. Авторитет Бога абсолютен и распространяется на тех, кто по его поручению практически эту власть на земле осуществляет. Их власть соответственно тоже едина, неделима и абсолютна – тотальна.

И это власть не просто религиозная, а именно неразделимая, всеохватывающая. Принцип "Богу – Богово, а кесарю – кесарево", ставший правилом для христианства, абсолютно чужд исламу, противен самой его сути. Христианство, замечает Л.С. Васильев, никогда не вытесняло полностью светской власти. "Ислам же заполонил собой все поры мусульманского общества, определил характер экономических отношений и формы политической администрации, социальную структуру, культуру и быт правоверных. Духовная жизнь в исламских странах не только всегда была под контролем ислама – она просто протекала в рамках ислама, была исламской как по сути, так и по форме"⁶.

Таким образом, институт единоличной верховной власти освящен именем Аллаха и его посланника Мухаммада. Практически этот институт в течение столетий был воплощен в фигуре халифа. Халиф (т.е. преемник, заместитель) в принципе был главой всех мусульман мира и олицетворял идею неразрывности светской и духовной власти. И дело не в том, насколько реальна и сильна была власть халифа в конкретных мусульманских странах, а в том, что посредством фигуры халифа в сознании бесчисленных поколений мусульман утверждалась простая и несокрушимая идея: власть Аллаха, единая и нераздельная, священная и неоспоримая, осуществляется через его посланника Мухаммада, а затем через преемников и заместителей последнего – халифов. И это есть высшая, более того, – единственная власть для каждого правоверного, единственно законный и безусловный источник авторитета.

Исполнение функций управления обществом, таким образом, – это прямое осуществление воли и поручения Бога. Этой воле, этому завету Аллаха люди обязаны повиноваться безусловно. Подчинение власти, следовательно, – это прямая религиозная обязанность. Подчиняться верующие должны, во-первых, Аллаху, во-вторых, – его посланнику, и в-третьих, – должностным лицам. "О вы, которые уверовали! – говорится в Коране. – Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас".

В этом смысле можно утверждать, что авторитарное начало уже изначально заложено в исламе, причем, куда в большей мере, нежели, скажем, в конфуцианстве или индуизме⁷.

Естественно, в реальной жизни это начало никогда не проявляется в чистом и безусловном виде. История мусульманских стран, как и всех иных, полная примеров выступлений против властей, бунтов, переворотов, борьбы за власть, свержения монархов и т.д. Но во всех этих случаях необходимым условием был некий консенсус – если не во всем обществе, то в его активной, политизированной части, в ключевых социальных группах – по вопросу о несправедливости, нелегитимности данного конкретного правителя и поддерживавшей его группы, во имя утверждения "подлинно исламской", благочестивой и справедливой власти. Эта тенденция пронизывает всю историю мусульманских стран,

начиная от первого раскола, разделившего верующих на суннитов и шиитов, и кончая "исламской революцией" под водительством Хомейни против шаха. Но красной нитью через всю эту историю проходит идея безусловного подчинения власти, если она является – или считается, выглядит – подлинной, воистину исламской, руководствующейся заветами Аллаха и Пророка.

Другой аспект данной религиозной системы можно назвать общинно-корпоративистским.

Известно, что мусульманская община – "умма" (в наше время имеет и значение "нации") с самого начала рассматривалась как единое сообщество правоверных, никакого разделения по национально-этническому признаку ислам не признает. Б. Капустин выдвигает тезис о корпоративности и регулятивно-нормативной функции модели раннеисламского общества. "Под корпоративностью в самом общем виде подразумевается то, что в традиционном исламе непосредственным объектом социально-нравственной регуляции выступает коллектив как единое целое, тогда как благочестие отдельного индивида определяется не столько его индивидуальным подвижничеством, сколько предписанным участием в делах праведной общности. Само спасение возможно лишь в этой общности и через нее. Или, по выражению классика мусульманской юриспруденции XI в. аль-Маварди, общественные интересы имеют первостепенное значение, так что благо всей общины заслоняет частичные и особенно индивидуальные интересы. В общности как коллективном носителе святости норма предполагает тождество религиозной и светской власти, всеобъемлемость регулирования шариатом социальной и личной жизни. В идеале такая общность представляется строго определенной системой личностно-волевых (в противоположность стихийным овеществленным) отношений людей, равных во всем, кроме степени благочестия. Соответственно важнейшие предписания ислама направлены на поддержание и воспроизводство такой системы. Итак, корпоративистский эгалитаризм является одной из существенных характеристик исламского социального идеала"⁸.

Но это именно идеал, а в реальной жизни, по мере развития и классового расслоения общества, развивались и личностные отношения зависимости и подчинения. "Социальная дифференциация развивалась по линии закрепления за определенными группами и индивидуумами различных функциональных ролей в коллективе и связанных с ними статуса и престижа, что лишь постепенно и позднее приводило к имущественному неравенству и образованию частной собственности на средства производства у господствующих классов. Иными словами, на этом этапе базой социального возвышения служит не собственность, а право редистрибуции, т.е. распоряжения избыточным продуктом подчиненного данному лидеру коллектива, и различия в престиже, обусловленные осуществлением теми или иными индивидуумами и группами разных социальных функций"⁹.

Итак, с одной стороны – общинный коллективизм с эгалитаристскими тенденциями и строгим послушанием верховной воле, имеющей сакральный характер, с другой – выделение групп с распределен-

тельными функциями, групп, обладающих тем самым привилегиями. На первый взгляд, здесь противоречие. На самом деле его нет. Это две стороны модели общинно-авторитарного устройства общества. "Право редистрибуции" укладывается в схему такой организации еще не развитого общества, которая предполагает, что на "распределяющих" индивидов распространяется ореол легитимной верховной власти; эти лица – частичка данной власти, они призваны выполнять определенные функции, отведенные им верховной волей и ответственные перед ней, они всего лишь слуги и функционеры. Другое дело, что впоследствии, по мере развития общества, "распределяющие" функционеры могут трансформироваться во владельцев частного имущества, появятся классы частных собственников. Стартовой площадкой для них явилась "обслуживающая функция" в рамках общинно-авторитарной системы, а не индивидуальная инициатива, направленная на приобретение частной собственности.

Дело в том, что традиционный ислам враждебен самому принципу частной собственности. Это, как подчеркивал З.И. Левин, – "естественное следствие безусловного признания Аллаха абсолютным собственником... Инициатива личности несвойственна человеку традиционного мусульманского, полностью конформированного общества, в котором отсутствовала свободная конкуренция и коллективистское начало полностью подавляло личность"¹⁰. Со временем, конечно, частная инициатива стала пробивать себе дорогу, развивалось естественное экономическое неравенство, шло имущественное расслоение, частное предпринимательство, особенно в сферах торговли и ремесла, процветало, но это не мешало тому, что государство всегда оставалось верховным собственником земли и – в еще более общем плане – хозяином, повелителем и судьей всех правоверных. Давно уже исчезла первоначальная нераздельная "умма", образовались отдельные мусульманские государства, и эти государства как бы переняли, унаследовали – хотя бы частично – тот, исходивший прямо от Аллаха и его Посланника, авторитет, который с самого начала был заложен в фундамент ислама.

Практически государство – это прежде всего государственный аппарат, его значение и роль неуклонно возрастали по мере становления и консолидации государственных образований на территориях, являвшихся разделенными, но все же частями мусульманского мира. Как подчеркивает П. Грязневич, "государственная машина (ад-даула) стала приобретать самодавлеющий характер. Власть воспринималась как некая самостоятельная сила, существующая независимо от ее носителя и от общины. Она сама воспринималась как источник права халифа и как бы определяла его действия. Эти процессы питали развитие... представления о божественной природе власти как таковой"¹¹.

Подобно свету отдаленной звезды, отблеск божественных установлений Корана освящал мусульманское государство, жители которого всегда ощущали себя не кем иным, как просто подданными всемогущей и тотально легитимной власти, берущей свое начало от пророка

Мухаммада, который раз и навсегда повелел устроить общество по определенным неизменным канонам. Этой власти надлежало беспрекословно повиноваться – при условии, подчеркнем еще раз, что она воспринималась именно как праведная, легитимная. Малой частичкой этой власти был назначенный государством локальный правитель, как бы ниспосланный сверху для справедливого исполнения верховных предначертаний. Так была заложена основа авторитарного устройства общества и утвердилась тенденция, в принципе определяющая вплоть до настоящего времени социальный облик и политическую культуру мусульманского мира. Именно прочность, укорененность данной традиции и позволяет понять, почему наибольший отклик среди мусульманских масс находят те революционные, антирежимные, антисистемные движения и течения, которые призывают к восстановлению нарушенных, искаженных праведных, исконных начал устройства общества: Здесь – корни исламского "возрожденчества".

Базой этого "возрожденчества", наиболее зримо проявляющегося в "исламской революции" в Иране и в подъеме чрезвычайно усиливших свое влияние фундаменталистских движений в ряде арабских стран, являются, как известно, полутрадиционные, мелкособственнические, маргинальные и плебейские слои общества, выбиваемые из колеи процессом модернизации не только в материальном, экономическом, но и в духовном смысле. "Логика перехода к новому социальному строю, – пишет Б. Капустин, – отрицает их нынешнее состояние как определенных слоев... их собственному сознанию отвечают утопические доктрины, в которых критика действительности сочетается с идеализацией легендарного прошлого и проектами решения их проблем на основе коммунальной солидарности, эгалитаризма, клиентельных отношений, где патроном выступает само государство"¹².

У мусульман-суннитов, – отмечает М. Пиотровский, – в движении за возрождение в современных условиях норм "правильного" раннего ислама... немалое место занимают идеи и попытки восстановления единой, не различающей духовное и светское власти... у "Братьев-мусульман" широко употребляется и специальный термин – "шумалия" (всеобщность)¹³.

Ислам, вероятно, можно назвать наиболее "сильной" из религий, распространенных в "третьем мире", если иметь в виду степень, в которой религия определяет не только духовный облик личности, но и всю его жизнь – как в бытовом, так и в общественном плане. Соответственно авторитарные черты, потенциально заложенные во всех религиях вообще, в исламе выделены резче и укоренены глубже, чем, пожалуй, в других религиях. Но и в прочих религиях Востока эти черты присутствуют в достаточной мере. Безусловно, авторитарно конфуцианство. Конфуций так, например, сформулировал основы того социального порядка, который хотел бы видеть в Поднебесной: "Пусть отец будет отцом, сын – сыном, государь – государем, чиновник – чиновником..." Упорядоченное таким образом общество должно состоять из двух основных категорий, верхов и низов, – тех, кто думает и управляет, и тех, кто трудится и повинуется... Апостолы

конфуцианства были глубоко убеждены в том, что самому народу его собственные интересы непонятны и недоступны и что без постоянной отеческой опеки образованных конфуцианцев-управителей он обойтись никак не может: "Народ следует заставлять идти должным путем, но не нужно объяснять, почему" (Луньюй, гл. VIII, § 9). Одной из важных основ социального порядка, по Конфуцию, было строгое повиновение старшим. Любой старший, будь то отец, чиновник, наконец, государь, – это беспрекословный авторитет для младшего, подчиненного, подданного. Слепое повиновение его воле, слову, желанию – это элементарная норма для младших и подчиненных, как в рамках государства в целом, так и в рядах клана, корпорации или семьи. Не случайно, Конфуций любил говорить, что "государство – большая семья, а семья – малое государство"¹⁴.

Кастовая система Индии, разительно отличающаяся как от исламских, так и от конфуцианских основополагающих принципов и установлений, также содержала в себе сильный авторитарный потенциал. Образование сотен обособленных и замкнутых эндогамных корпораций, каждая из которых заняла свое строго определенное место в гигантской иерархической системе, привело к утверждению авторитарных начал совершенно своеобразного типа. Жесткое разделение общества по кастам, даже независимо от характера взаимоотношений людей внутри каст, уже само по себе принципиально противоречит духу демократии, так как закрепляет и освящает традицией неравенство в обществе.

Таким образом, можно придти к выводу, что религиозные традиции восточного общества освящали развитие авторитарных начал в общественной жизни. Освященный религией авторитет власти является в принципе непререкаемым. В древности это был авторитет старейшин, руководителей общины – даже тогда, когда современные мировые религии еще не появились или не сформировались в окончательном виде. Эта первоначальная авторитарная тенденция чрезвычайно усилилась, особенно на территориях распространения ислама, когда власть руководителей приобрела в значительной мере сакральный характер и неподчинение им оказывалось тождественным вызову, бросаемому установленному божеством миропорядку.

Переходя из поколения в поколение, данная традиция дошла до наших дней. Она во многом, если даже не в решающей степени, определяет характер политической культуры. Осуждение (хотя бы в теории) личной инициативы, стремление к индивидуальному преуспеянию, примат интересов общины, общности, клана, касты, иначе говоря, – того или иного коллектива, – все это ставит серьезную преграду на пути распространения утвердившихся в западном христианском мире принципов личной свободы и личной ответственности, неизбежно ведущих в области политической культуры к утверждению представительных, плюралистских начал. И сегодня наиболее рьяные и откровенные поборники традиций "возвращения к истокам" прямо отвергают саму идею представительства, парламентаризма, партийной жизни; характерны заголовки параграфов "Зеленой книги" Каддафи: "Представи-

тельство – это фальсификация", "Представительство – это отрицание участия" и т.д.¹⁵

Итак, в традициях азиатских и африканских обществ содержатся существенные предпосылки развития авторитарной тенденции. Было бы, однако, серьезной ошибкой видеть только эту сторону дела и игнорировать наличие в тех же традициях иных элементов, способных или влиять на современное (постколониальное) политическое развитие Азии и Африки в направлении, противоположном авторитарным формам политики, или ограничивать таковые¹⁶.

Многозначность коллективистских установок. Первый из таких потенциальных элементов демократии коренится там же, где находится основной источник авторитарных тенденций, – в коллективизме, общинном характере патриархального доколониального общества. Хотя на практике этот коллективизм социального сознания и быта чаще всего прикрывал привилегированные позиции старейшин рода, племени, деревни, вместе с тем сама по себе традиция решения местных проблем путем "общего собрания" (даже если фактически это выливалось чаще всего в конформистский консенсус) содержала в себе демократическую потенцию: без согласия "общины" (племени, рода и пр.) ее верхушка лишается подлинной легитимности. Главы этих корпоративных общин всегда должны были иметь в виду, что их верховенство и привилегии зависят от того, насколько они сообразуют свои решения и действия с преобладающим в общине мнением, с традиционными установками и обычаями, с менталитетом соплеменников. Очевидная несправедливость, прямой произвол, откровенное своекорыстие, фаворитизм, недостаточная забота об общем благе – все исключалось в этой традиции и соответствующих ей обычаях. Естественный – в этом смысле – консенсус не был фикцией, он лишь принципиально отличался от возникшей гораздо позже и утвердившейся – в качестве "классической" и эталонной – западной модели демократии, основанной на борьбе мнений и на плюрализме взглядов, что и стало базой партийно-парламентской системы.

Патриархальное общество с его традициями и обычаями не знало и не признавало такого рода борьбы мнений, которая раскалывала массы людей на большинство и меньшинство, утверждала принцип решения вопросов путем голосования на партийной основе. Но это не значит, что исключались и различие и даже борьба мнений вообще. Даже заранее подготовленные верхушкой общины в келейном порядке решения, представлявшиеся затем на утверждение "общего собрания", принимались, несомненно, с учетом того, как они будут восприняты. Разумеется, всегда и всюду были интриги, посулы, "выкручивание рук" и т.д., но в целом старейшины и вожди, инстинктивно сознавая хрупкость своей легитимности, державшейся только на понимании нравов и обычаев общины, имели в виду, что коллектив – это не послушное стадо, которое пойдет, куда бы его ни повели¹⁷.

С этим связан и другой элемент традиционного общественного сознания, который по меньшей мере не исключал демократизма, это – убежденность в необходимости справедливости, понимаемой как

обеспечение интересов рода, племени, общины в целом. Старейшины, вожди, впоследствии правители разных рангов в принципе становились таковыми именно потому, что считалось, что именно эти люди в силу своих личных качеств и опыта смогут наилучшим образом обеспечить интересы коллектива. Слишком выдающиеся, чересчур удачливые, разбогатевшие индивиды и т.д. не то, чтобы находились под подозрением, но к ним относились с некоторой настороженностью, и они должны были как-то "амортизировать" или компенсировать свое отличие от большинства. Так человек, выделившийся из общей массы благодаря обогащению, обязан был (и это остается правилом и сегодня даже в больших городах Азии и Африки) "поделиться" в известной мере своим богатством с другими, вносить пожертвования в общий фонд и т.д. Такое поведение в определенной мере поддерживает первые шаги предприимчивых инициативных людей, деятельность которых выходит за пределы их "общины".

"Вождь" должен быть не просто компетентным и эффективным, но еще и справедливым, праведным – такова установка традиционного патриархального сознания, которая перешла впоследствии и в один из негласных, но очень важных постулатов религии, в первую очередь ислама, и особенно шиитского толка ислама (это было одним из основных мотивов иранской революции, свергнувшей шаха). Но кто решает, справедлив ли и праведен ли правитель? В современных условиях это – зачастую неформальные лидеры, как, например, религиозные деятели в Иране, получающие импульс и(ли) от низов, и(ли) от общинной (в широком смысле) среды.

Подобные ограничения авторитарности верховной власти содержатся и в африканской политической традиции. Об этом можно судить по примерам, приводимым Дэвидсоном, одним из самых глубоких знатоков африканского общества. "Для того, чтобы народ признал вождя, – писал он, – его власть должна носить законный характер, а для этого народ должен признать его как человека, стоящего на ритуальной вершине данной социально-моральной системы"¹⁸. Говоря об африканских монархах, Дэвидсон замечает: «Власть была сосредоточена в их руках, но она оставалась элементом системы, унаследованной от предков. Узурпаторы были в состоянии захватить трон, но сохранить его можно было, только подчиняясь существовавшим правилам. А эти правила – конституционные правила – всегда включали в себя систему "ограничений и компромиссов»"¹⁹. Описывая обычаи народа баротсе, он указывает на "родовую концепцию, предусматривавшую наличие заместителя или помощника, который одновременно должен был предотвращать чрезмерную концентрацию власти... монарх должен был соблюдать законы, а если он становился жестоким тираном, совет и народ имели право восстать против него и лишить его власти"²⁰.

Описывая статус правителя государства джукунов в Нигерии, Дэвидсон отмечает, что "хотя он находился в центре системы, его правление не было автократическим... Правители джукунов могли быть низложены, если их поведение угрожало структуре государства"²¹.

Такие порядки и обычаи, присущие раннегосударственным образованиям, в современных условиях если и не работали на демократию (в той же Тропической Африке), то могли бы быть противовесом развитию авторитарных тенденций.

Еще одним следствием, естественно, коллективистской традиции следует считать широко распространенное в обществах, о которых идет речь, явление под названием "самодеятельность", или активность ассоциаций. Это явление характерно и органично для данного типа обществ, но отлично и в то же время сходно с ассоциациями в современном обществе, имеющими основой свободного индивида. Однако и здесь в различного рода неформальных, не имеющих отношения к власти группах, ассоциациях, объединениях, напоминающих клубы, люди приучаются чувствовать себя самостоятельными, а человеческие взаимоотношения в них носят не структурно-вертикальный характер иерархии, господства и подчинения, а горизонтально-эгалитарный.

Израильская исследовательница обществ "третьего мира" Наоми Хазан отмечает в своей работе о Гане, что "глубоко укоренившаяся индигенная культура консультаций, автономии, участия, надзора за властями сохраняется и поныне, позволяя ганцам противостоять доминированию государства и тирании его лидеров. На ее основе адвокаты, студенты, профсоюзы, объединения торговцев создают то, что она называет либеральной культурой сопротивления вмешательству в их дела"²². Значимость таких традиций в современном африканском обществе отмечает и другой автор — Л. Дайамонд: "Несмотря на удлиняющуюся тень государства, нависающую над экономической и социальной жизнью Африки, во многих африканских странах, независимо от государства, развивается богатая, живо вибрирующая жизнь в рамках ассоциаций, и этот плюрализм гражданского общества является одной из наиболее значительных сил, работающих на демократию. Эта сила, в особенности в Нигерии и Гане, вновь и вновь срывала попытки увековечить авторитарное правление... В Сенегале и Уганде растущий плюрализм и автономия, присущие жизни в рамках ассоциаций, усиливает демократический процесс... Африканские народы объединяются, образуя ошеломляющее множество добровольных ассоциаций. Они имеют форму как аскриптивных ассоциаций (т.е. этнических и локальных групп, действующих ради улучшения своего положения), так и функциональных групп по интересам (профессиональные, хозяйственные, молодежные, студенческие, женские и т.д.). По мере того, как эти группы множатся и становятся более зрелыми, они образуют целую сеть общественного плюрализма, все более затрудняющую консолидацию авторитарного господства". Без учета этой традиции и тенденций ее своеобразного современного возрождения трудно понять "растущий отход от этатистской экономической политики и государственных структур, который может быть назван одним из наиболее примечательных факторов, благоприятствующих демократической перспективе Африки"²³.

Весьма эффективным средством утверждения становится сочета-

ние такой традиции с освободительным движением. Так, в Индии, — отмечает Дайамонд, — "политический стиль и стратегия национального движения основывались на консенсусе, терпимости и духе взаимного приспособления, т.е. на политической культуре, имеющей глубокие корни в традиционном убеждении в том, что наиболее приемлемым методом решения конфликта является арбитражный подход... Отсюда, видимо, давняя традиция либеральной политической мысли, давшей жизнь многочисленным ассоциациям, цель которых — распространение и поощрение политических свобод и защита интересов населения"²⁴.

Если в Индии традиция работала на демократию, то в Сенегале (после достижения независимости) она в определенной мере блокировала авторитаризм. Дайамонд отмечает: "Тот факт, что сенегальский режим так и не продвинулся в направлении авторитаризма и, более того, первым начал движение к демократии, частично объясняется либеральными, плюралистическими и прагматическими аспектами сложной личности Леопольда Сенгора и — в более общем плане — всей системой ценностей сенегальской элиты... Равным образом в Уганде готовность Иомери Мусевани поступиться своей левой идеологией ради создания широкой демократической коалиции говорит о прагматической и либеральной ценностной ориентации, позволяющей питать надежды в отношении демократических перспектив в этой стране, пережившей столько бедствий". Можно согласиться с тем, что пишет Дайамонд об Африке в целом: "Народные убеждения и культурные традиции играют значительную роль. Хотя население новых африканских государств, в своей массе неграмотное и необразованное, вряд ли хорошо понимает и ценит суть демократических структур... его исконные культурные традиции во многих случаях ограничивают или подрывают авторитаризм"²⁵. Во всяком случае такой вывод подтверждается и на микроуровне. Например, в Индонезии, где на уровне деревни налицо развитое чувство равенства, социальной справедливости и ответственности"²⁶.

Надо, однако, подчеркнуть, что отмеченные традиции и черты политической культуры народов Азии и Африки, действуют ли они в сторону демократии или в порядке противодействия авторитарным тенденциям — вписываются в контексты доминирующих в обществах данного типа социальных отношений трибалистского, кастового, сектового, кланового, патронажно-клиентельного типа и, следовательно, выступают в плане социальном как демократические формы власти локальных лидеров всех видов — от вождей кланов, сект, каст до глав общинно-государственных институтов. Подобная антиавторитарность или подобная демократия в азиатском и африканском обществах "демократичны" лишь в качестве известной преграды всевластию государства, препятствуя установлению монолитно-централизованного авторитарного государства. Парадокс, но закрепление на низовом микроуровне демократии каст, племен, кланов, сект, основанной на политической традиции, противодействует развитию современ-

ного авторитаризма на макроуровне, не говоря уже о тоталитарной квазигосударственности, которая в принципе не терпит наличия локальных, автономных центров силы, "отбирающих" лояльность населения у "главного центра". Короче говоря, такой, питающийся традицией демократизм есть реакция (и защита) от современного авторитаризма, как и, скажем, возрождаемая военная демократия противостоит любой современной государственности и даже теократии (Афганистан) или коммунокрапии (Таджикистан).

Однако такая демократия имеет свою оборотную сторону. Дж. Мигдал отмечает: «Во многих странах стремление лидеров государства к господству, к неоспариваемому социальному контролю тормозилось упрямым сопротивлением гибких и жизнеспособных организаций, рассеянных по всему обществу... Неэффективность государственных лидеров, наталкивающих на непреодолимые барьеры на пути к установлению господства государства, объясняется характером тех обществ, с которыми они сталкиваются, сопротивлением, которое оказывают вожди, землевладельцы, боссы, богатые крестьяне, предводители кланов, заимы, эфпенди, ага, касики, кулаки (короче, "сильные люди") при опоре на их общественные организации»²⁷.

Мигдал упоминает об отчаянии, которое охватило Индиру Ганди и толкнуло ее на злополучный путь применения жестких авторитарных методов, когда она убедилась в невозможности осуществления институциональных реформ. "Наследственные кастовые группы, каждая из которых ритуально занимала выше- или нижестоящее положение по отношению к другим (а все вместе руководствовались в своих взаимоотношениях нормами несимметричных прав и обязанностей) составляли строительные блоки социальной организации в сотнях тысяч индийских деревень"²⁸.

* * *

Суммируя все сказанное выше – традиции совещательности и консенсуса, наличие прочной сети низовых, локальных самодеятельных групп и ассоциаций, сопротивление составляющих общество "субгрупп" кланового и патронажно-клиентельного типа установлению мощной и всеохватывающей системы государственной власти, можно сделать вывод о том, что в самом характере азиатских и африканских обществ, в их традициях и политической культуре заложены элементы, способные при благоприятных условиях не только достаточно эффективно противодействовать тенденциям авторитаризма, но и тем самым благоприятствовать эвентуальному развитию демократических начал. Такого рода потенции многократно усилились в ситуации распада "реального социализма" и дискредитации этатизма вообще. И лишь как реакция на этатизм традиционалистские формы демократии – только и имеют перспективно-исторический смысл: сами же по себе – и это нельзя упускать из виду – они скорее разрушительны, особенно там, где их оживляет национал-коммунизм (Закавказье, территории бывшей Югославии, Таджикистан).

В общем социокультурном плане понятие традиций многозначно. Но в плане политологическом тем более, когда речь идет о демократии, авторитаризме в развивающихся странах, трактовка их традиционного наследия требует особой осторожности.

- ¹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 394–395.
- ² Дэвидсон Б. Африканцы: Введение в историю культуры. М.: Наука, 1975. С. 52.
- ³ Здесь нам представляется вполне уместным известное (по Ж.Ж. Руссо) понятие "государство-община".
- ⁴ Пиотровский М.Б. Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама // Ислам: Религия, общество, государство. М.: Наука, 1984. С. 176.
- ⁵ Пиотровский М.Б. Исторические истоки политической теории и практики современного ислама // Ислам в современной политике стран Востока. М.: Наука, 1986. С. 19.
- ⁶ Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Высш. шк., 1983. С. 171.
- ⁷ Не случайно, что именно в исламских обществах исследователи (напр., Л.А. Седов) находят куда большую степень "азиатского деспотизма", нежели в Китае и Индии, где власть контролировалась или социально-моральными нормами, или религиями (см.: Народы Азии и Африки. 1985. № 3).
- ⁸ Капустин Б.Г. Основные направления исторической эволюции социальных исламских учений // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. М.: Наука, 1985. С. 28.
- ⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁰ Левин З.И. Национализм и буржуазная интерпретация "исламского пути" // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1986. С. 64, 65.
- ¹¹ Грязневич П.А. Ислам и государство // Ислам: Религия, общество, государство. М.: Наука, 1986. С. 20.
- ¹² Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 39.
- ¹³ Пиотровский М.Б. Исторические истоки политической теории и практики современного ислама // Ислам в современной политике стран Востока. М.: Наука, 1986. С. 33.
- ¹⁴ Васильев Л.С. Указ. соч. С. 263–264.
- ¹⁵ Al Qadhafi M. The green book. Pt I. P. 14, 15.
- ¹⁶ Традиция Латинской Америки требует специального исследования: здесь общий "третьемирский" подход неприемлем.
- ¹⁷ Каковым и стал "коллектив" в своем новом – социалистическом – издании; он не обманул ожидания Ф. Энгельса, став элементом социализма без демократии.
- ¹⁸ Дэвидсон Б. Африканцы: Введение в историю культуры. С. 161.
- ¹⁹ Там же. С. 166.
- ²⁰ Там же. С. 167.
- ²¹ Там же. С. 169.
- ²² Chazan N. Problems of governance and emergence of civil society // Democracy in developing countries // Ed. L. Diamond et al. Boulder (Colo.), 1988. Vol. 2. Africa. P. 121.
- ²³ Ibid. P. 23, 26, 27.
- ²⁴ Ibid. Vol. 1: Asia. P. 15.
- ²⁵ Ibid. Vol. 2: Africa. P. 13, 14.
- ²⁶ Ibid. Vol. 1: Asia. P. 16.
- ²⁷ Migdal J.S. Strong societies and weak states. Princeton (N.J.), 1988. P. 32.
- ²⁸ Ibid. P. 36.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА РАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Сравнительный анализ опыта развивающихся стран подводит к выводу о наличии тесной зависимости между характером национальных политических структур и проводимой экономической политикой. Причем зависимость эта обоюдная: политический режим создает условия для реализации экономического курса, а успех или неуспех такого курса в свою очередь критически влияет на жизнеспособность политического режима.

Особый интерес представляет анализ такой связи в странах, добившихся значительного прогресса в хозяйственном строительстве. Это прежде всего государства Восточной и Юго-Восточной Азии, Индия, Турция. В последнее десятилетие заметные результаты в стабилизации и структурной перестройке хозяйства достигнуты и в некоторых латиноамериканских странах. В этой группе лидеров (с точки зрения результативности хозяйственной политики) присутствуют как государства, прошедшие через длительный период "модернизирующего" авторитаризма, так и страны с квазидемократическими и демократическими режимами. Уже сама эта политическая разнородность членов группы показывает, что между степенью рациональности экономической политики и формой политического режима не существует жесткой зависимости.

Способность государства подняться над узкогрупповыми интересами. Объяснение дееспособности государства следует искать гораздо глубже – в соотношении социально-политических сил, которое складывается в той или иной ситуации. Ведь определение экономической политики, по существу, означает выбор вариантов распределения национальных ресурсов между отдельными секторами хозяйства и социальными группами. И любое принципиальное решение в этой области неизбежно поощряет одни социальные группы и задевает интересы других. В этих условиях проведение хозяйственного курса, соответствующего долгосрочным общенациональным целям, – всегда сложнейшая задача, которая не только предъявляет чрезвычайно высокие требования к компетентности и эффективности аппарата государственного управления, но и подразумевает способность противостоять часто весьма мощному давлению сил, связанных с "теряющими секторами".

В ряду важнейших компонентов национальной экономической стратегии важное место занимает политика в отношении обменного курса национальной валюты. Для нормального развития экспортных отраслей такой курс должен устанавливаться на уровне, который как

минимум соответствовал бы паритету покупательной способности местной и иностранной валюты. Учитывая, что темп инфляции в большинстве стран "третьего мира", как правило, выше, чем в развитых государствах, поддержание реалистичной цены местной валюты требует регулярных корректировок – девальваций. При этом экспортные сектора, естественно, заинтересованы в том, чтобы такие девальвации более чем компенсировали рост внутренних цен, поскольку заниженный курс местной валюты прямо увеличивает их доходы.

В то же время корректировки местной валюты в сторону понижения обычно наталкиваются на сопротивление тех слоев населения (особенно городского), в потреблении которых высока доля импортных товаров. Пересмотр курса невыгоден также и получателям зарубежных кредитов, опасаящимся увеличения долговых платежей в национальных денежных единицах; представителям имущих классов, скупающим иностранную валюту для перевода ее за границу и т.д.

Решиться на девальвацию особенно трудно в тех случаях, когда корректировка обменного курса серьезно запаздывает и накопившиеся диспропорции достигают особой остроты. Резкое снижение официального курса в этих случаях сопровождается особенно ощутимым ростом внутренних цен и падением реальных доходов больших групп населения. К тому же значительно возрастают затраты на обслуживание внешнего долга, что больно бьет по государственному бюджету.

Не удивительно, что политическое влияние блока противников девальвации в большинстве случаев очень велико, что зачастую скаывается на готовности правительства осуществлять необходимые, но крайне непопулярные меры.

Не менее острым является вопрос о формах и масштабах протекционистской поддержки местных производителей. В относительно крупных странах создание современного производственного потенциала и особенно высокотехнологичных производств требует сочетать защиту от внешней конкуренции и финансовое стимулирование еще неокрепших отраслей с энергичным поощрением роста конкурентоспособности и экспортной активности национальных производителей. На практике осуществить такое сочетание очень нелегко. Создаваемая под защитой протекционистских барьеров промышленность чаще всего в течение длительного времени остается низкоэффективной, превращаясь в серьезное препятствие на пути повышения конкурентоспособности экономики в целом. Получая льготные кредиты, государственные заказы, налоговые скидки, валютные средства, эти производства могут отвлекать на себя большую часть тех национальных ресурсов, которые могли бы быть направлены на стимулирование наиболее перспективных экспортоспособных отраслей. Давление со стороны социальных групп, связанных с низкоэффективными производствами, во многих странах сильно затрудняет оптимальное распределение государственных средств между внутриориентированными и экспортными отраслями, препятствует разумному открытию национального рынка для конкуренции со стороны иностранных товаров и инвесторов.

Чрезвычайно "взрывоопасен" с политической точки зрения и вопрос

о размерах бюджетного и банковского финансирования населения и хозяйства. Сохранение (или восстановление) равновесия в финансовой сфере обычно требует от правительства постоянного и напряженного противостояния с самыми различными социальными силами, стремящимися увеличить свою долю государственных ассигнований и льгот: от работников неэффективных предприятий госсектора до владельцев автомобилей, требующих субсидировать цены на бензин, и военных, добивающихся увеличения закупок вооружений.

Серьезнейшую политическую проблему для развивающихся стран представляет распределение ресурсов между городом и деревней. Необходимость приоритетного финансирования производственных и социальных проектов в сельской местности во многих случаях диктуется как социальными императивами (в деревне обычно сосредоточен основной массив населения с наиболее низкими доходами), так и экономическими соображениями (вложения в аграрную сферу и трудоемкую сельскую промышленность зачастую дают большую экономическую отдачу, чем инвестиции в капиталоемкую "городскую" индустриализацию). Тем не менее во многих странах (и прежде всего африканских) город традиционно получает львиную долю как государственных производственных капиталовложений, так и расходов на создание социальной инфраструктуры. К тому же в большинстве африканских стран сельское хозяйство в течение длительного периода (до реформ, фактически навязанных западными кредиторами в 80-е годы) эксплуатировалось с помощью системы государственных закупочных цен, экспортных налогов, завышенного валютного курса и т.д.

"Городской уклон" в экономической политике объясняется прежде всего доминирующим положением городского населения (прежде всего средних слоев, крупного предпринимательства и государственно-бюрократической элиты) в национальной политической жизни. Эти группы обычно достаточно организованы, хорошо осознают свои интересы и имеют возможность оказывать воздействие на правительство по самым различным каналам. В то же время крестьянское население, несмотря на численное преобладание, обычно мало участвует в политике и не представляет непосредственной угрозы режиму.

Социально-политические проблемы, связанные с формированием оптимальной экономической политики, далеко не исчерпываются теми, что были упомянуты выше. Однако даже этот очень краткий перечень показывает, что обеспечение финансовой, отраслевой и внешнеэкономической сбалансированности народного хозяйства подразумевает наличие у правительства достаточно прочных социально-политических позиций, позволяющих ему быть независимым от тех или иных узкогрупповых интересов. Такого рода относительная независимость исполнительной власти, пожалуй, — главная общая черта, объединяющая страны, достигшие заметного прогресса в хозяйственном строительстве.

Авторитарные методы достижения экономического прогресса.
Свобода рук для компетентных руководителей экономики, позволяющая им действовать исходя из долгосрочных национальных интере-

сов, может достигаться очень разными путями. Один из таких путей — союз технократов и сильного авторитарного (обычно военного) режима. Исправление перекосов в национальной экономической политике с помощью военной силы и жесткого подавления демократических свобод, как правило, происходит в тех случаях, когда такие перекосы и связанные с ними экономические диспропорции начинают угрожать развалом хозяйства и порождают резкое обострение социально-политических конфликтов в обществе. Эта "экономическая" подоплека (наряду с иными, чисто политическими причинами) играла важную роль при становлении "модернизирующих" авторитарных режимов в таких странах, как Бразилия (1964 г.), Чили (1973 г.), Индонезия (1964 г.), Южная Корея (1961 г.) и др. Сильная власть дала возможность политически нейтрализовать влиятельные социальные группы, блокирующие необходимые реформы, и в той или иной мере восстановить нарушенную сбалансированность экономики.

Показательна в этом отношении история Южной Кореи. В 50-е годы при правительстве Ли Сын Мана она представляла собой типичный для развивающегося мира пример слабого государства, неспособного реально контролировать ход хозяйственного развития. Тон в экономической политике задавали владельцы импортзамещающих предприятий, находившиеся в тесном контакте с верхушкой правящей либеральной партии и получавшие огромные спекулятивные доходы на несложной переработке ввозимого сырья за счет завышенного курса валюты, протекционизма и различного рода финансовых привилегий.

После своего прихода к власти в 1961 г. военное правительство Пак Чжон Хи решительно пересмотрело порядок предоставления льгот для промышленности, ориентированной на внутренний рынок. (Некоторых наиболее одиозных представителей спекулятивного капитала даже провели по улицам Сеула с табличкой "Паразит".) Были также радикально перераспределены в пользу экспортного сектора кредитные и валютные ресурсы, введен жесткий контроль за расходованием бюджетных средств, ограничена активность профсоюзов. Бросив всю мощь государства на поддержку изначально политически и экономически очень слабых экспортных производств, корейский режим добился создания развитого экспортного сектора, занявшего доминирующие позиции в национальном хозяйстве.

Принудительное "выключение" из политической игры профсоюзов, а также левых и популистских партий и движений (в том числе организаций, отражающих интерес низкоэффективных секторов национальной промышленности), позволило военным режимам в Индонезии, Чили и Бразилии оздоровить бюджет и финансовую ситуацию в целом, восстановить благоприятный инвестиционный климат, начать структурную перестройку хозяйства и поднять его конкурентоспособность на внешних рынках.

Необходимо отметить, что сама по себе авторитарность режима отнюдь не гарантирует осуществление необходимых экономических преобразований. История "третьего мира" изобилует примерами воен-

ных диктатур, вынужденных сойти со сцены, так и не добившись долговременного улучшения хозяйственной ситуации. В тех случаях, когда попытки провести реформы недемократическими методами давали заметные позитивные результаты, такие результаты были связаны с целым комплексом дополнительных обстоятельств. В их числе наличие авторитетного главы режима, пользующегося твердой поддержкой армии и способного гасить конфликты внутри правящей элиты. (Так, личный авторитет в армейских кругах, политические способности и преданность интересам страны Пак Чжон Хи, Пиночета, Сухарто имели очень большое значение для успеха возглавляемых ими режимов.)

Чрезвычайно важно и то, что дееспособные авторитарные режимы, как правило, пользовались (по крайней мере на первых порах) достаточно широкой поддержкой со стороны значительной части среднего класса и буржуазии, напуганных усилением левых сил и разрушительной хозяйственной политикой в период, предшествовавший установлению власти военных. Эта поддержка, впрочем, всегда оказывалась преходящей. Ее размыванию парадоксально способствовали как успехи режимов в решении своих основных политических и экономических задач (устранение левой угрозы и оздоровление экономики), так и хозяйственные неудачи. (Первое наблюдалось, например, в Чили и Южной Корее, второе – в Бразилии, Аргентине, Уругвае и ряде других латиноамериканских стран в первой половине 80-х годов.) Потеря авторитарными режимами легитимности в глазах основной части имущих слоев населения неизменно оборачивалась быстрым "увяданием" диктатур.

При сравнении наиболее экономически продвинутых регионов развивающегося мира обращает на себя внимание большая устойчивость "модернизирующих" авторитарных режимов Восточной и Юго-Восточной Азии по сравнению с латиноамериканскими. (Авторитаризм просуществовал в Южной Корее около четверти века, в Индонезии и на Тайване здравствует до сих пор.) Объяснение этого феномена, видимо, следует искать не только в наличии в Азии глубоких культурно-исторических традиций сильной государственности. Особую роль во всех трех названных азиатских странах играет "крестьянский фактор". Чрезвычайно болезненный опыт леворадикальной политической активности в сельской местности в прошлом и стремление не допустить распространения в деревне коммунистического влияния стимулировали повышенное внимание к нуждам крестьянства. В Южной Корее и на Тайване были осуществлены решительные аграрные реформы, во всех трех странах проводилась последовательная политика финансовой и технической помощи крестьянству. В Индонезии и на Тайване с интересами крестьян-производителей сельскохозяйственных экспортных культур в немалой степени связано и поддержание в целом реалистичного валютного курса. Все это обеспечило правящим режимам трех стран массовую опору в деревне и относительную свободу от давления городских интересов при выборе экономической политики.

В случае Южной Кореи и Тайваня не следует недооценивать и

значение психологии "прифронтового государства". Напряженное противостояние с агрессивным и сильным противником, безусловно, способствовало как сплочению всех социальных групп вокруг государственной власти, так и стремлению к максимальной эффективности экономической политики.

Феноменальный прогресс, достигнутый Южной Кореей и Тайванем в деле завоевания мировых рынков, обусловлен еще и тем, что переход к экспортоориентированной модели был здесь совершен на ранних этапах индустриализации, когда группы интересов, связанные с низкоэффективной импортзамещающей промышленностью, еще не приобрели достаточно большой политический вес. Сказалось и то, что правительства Пак Чжон Хи и Чан Кайши, по крайней мере, в течение длительного периода могли действовать в условиях обществ со слаборазвитой профсоюзной и партийной активностью. Укреплению режимов способствовала также благоприятная внешнеэкономическая и внешнеполитическая ситуация в 60-е–70-е годы, позволявшая получать извне крупные финансовые ресурсы и пользоваться практически беспрепятственным доступом на крупнейший в мире американский рынок.

Во многом иным было положение авторитарных режимов Латинской Америки в 60-е–80-е годы. В более развитых государствах (Бразилия, Аргентина, Уругвай и др.) им пришлось иметь дело с диверсифицированной промышленностью, созданной в ходе длительной импортзамещающей индустриализации. Соответственно совершенно иными были и политические возможности сил, выступающих против рационализации экономической структуры и сокращения льгот неэффективным производителям. К тому же в ведущих странах региона существуют стойкие традиции функционирования таких институтов гражданского общества, как партии, профсоюзы, предпринимательские ассоциации, которые могут быть использованы для отстаивания групповых интересов. Нельзя недооценивать и влияние широко распространенной в городских слоях идеологии популизма. Все это сказалось на способности военных правительств проводить последовательный экономический курс и ускорило их падение после резкого ухудшения микрохозяйственных условий в начале 80-х годов.

В Бразилии и ряде других государств региона сокращение дефицитов государственного бюджета, уменьшение протекционизма в отношении местных производителей, приватизация убыточных государственных предприятий сильно осложняются нерешенностью аграрной проблемы. Отсутствие массовой политической базы в деревне ослабляет позиции правящих кругов независимо от характера режима в отношениях с городскими слоями, настроенными в значительной мере популистски.

Наряду с авторитарными в числе экономически дееспособных политических режимов имеется несколько квазидемократий, где демократическая форма сочетается со значительными элементами авторитаризма (Мексика, Сингапур, Турция, Таиланд). В первых двух странах относительная независимость исполнительной власти объясняется ее опорой на традиционно доминирующую в общественной жизни

партию. В Мексике способность правящей Институционально-революционной партии эффективно контролировать основные крестьянские и рабочие организации является прежде всего наследием периода революции и аграрной реформы. Завоеванная тогда (и закрепленная впоследствии сложной системой институциональных связей и перераспределения государственных ресурсов) поддержка со стороны крестьянства и профсоюзной элиты обеспечивает руководству страны прочные позиции в отношениях с противниками нынешнего курса на открытие экономики и приватизацию, позволяет сдерживать недовольство основной массы городского населения, сильно потерявшего в уровне жизни в ходе стабилизационных мероприятий последнего десятилетия.

Что касается бессменно правящей партии Сингапура, то ее легитимность во многом связана с личным авторитетом создателя – Ли Куан Ю, а также чрезвычайно благоприятными для населения результатами проводимой партией хозяйственной и международной политики.

В Турции и Таиланде относительная стабильность экономического курса во многом объясняется постоянным и весьма ощутимым присутствием на заднем плане "демократической" политической сцены военных, служащих гарантом против усиления влияния как крайне правых, так и левых сил.

Возможности политической демократии. Наконец, остановимся на факторах, определяющих экономическую результативность демократических режимов. В этом случае последовательно проводить рациональную экономическую политику в течение продолжительного срока обычно удается в тех странах, где или присутствует доминантная партия, или существует единство по основным принципиальным вопросам внутри национальной политической элиты, позволяющее руководителям экономики не зависеть от колебаний избирательного маятника.

Примером реализации первого варианта может служить многолетнее руководство Индией со стороны ИНК. Основы доминантной партии, похоже, заложены и в Южной Корее после объединения двух из трех основных партий страны. Иллюстрацию второго варианта дает Колумбия. Политическая стабильность страны определяется соглашением о разделе власти, заключенным в конце 50-х годов двумя ведущими партиями после многих десятилетий ожесточенной борьбы. (Только гражданская война 1948–1958 гг. унесла 200 тыс. жизней.) Главным фактором стабилизации в этом случае стало истощение противоборствующих сторон и осознание ими пагубности дальнейшего противостояния. Принципиальное единство основных политических сил по экономическим вопросам наблюдается и в постепиночетовской Чили. Опыт хозяйственного хаоса периода Альенде и последовавших за ним политических репрессий способствовал выработке консенсуса в отношении необходимости взвешенной экономической политики.

Неизмеримо более трудную задачу для демократии представляет осуществление рациональной экономической политики при наличии глубоких идеологических расхождений между ведущими участниками политического процесса. (Ситуация, характерная, в частности, для ряда

латиноамериканских государств, где силам, выступающим за либерально-рыночное решение проблем, противостоят мощные популистские организации и движения.) Тем не менее имеется немало примеров реализации необходимых, но весьма непопулярных экономических преобразований и в странах такого рода, как Боливия, Ямайка, Коста-Рика, Аргентина в 90-е годы и т.д. При этом результативность реформ может обеспечиваться различными способами.

Один из них – осуществление рыночных преобразований лидером сильной популистской партии. Например, в Боливии чрезвычайно жесткая программа финансовой стабилизации и сокращения занятости в государственном секторе была проведена в середине 80-х годов президентом Эстенсорро, имевшим твердую репутацию деятеля, опирающегося на профсоюзное движение. Не менее радикальный идеологический поворот совершил аргентинский президент Менем. Придя к власти во главе популистской партии, он приступил к радикальным реформам неолиберального толка. Как и в первом случае контроль лидера страны над партией и профсоюзными организациями позволил нейтрализовать традиционную оппозицию такого рода реформам. Менем в какой-то степени завершил длительный период истории Аргентины, в течение которого происходила периодическая (и часто отнюдь не мирная) смена у власти представителей двух непримиримых блоков – условно протекционистского и либерально-фритредерского.

Осуществление программы экономического оздоровления в демократических условиях обычно удается в тех случаях, когда проводящие их лидеры приходят к власти в результате убедительной победы на выборах, обеспечивающей на определенный срок доминирование в парламенте, а оппозиция ослаблена промахами или злоупотреблениями своего прежнего правления. Особенно важной необходимой предпосылкой успеха является крайняя усталость населения от разлада в экономике в результате ошибок предыдущих правительств и его готовность идти на серьезные жертвы во имя исправления положения.

Нужно, однако, отметить, что даже в тех случаях, когда лидер-реформатор получает "общественный мандат" на реформы, кредит доверия не безграничен и через достаточно короткий срок (год-полтора) исчерпывается при отсутствии существенного восстановления потерь в уровне жизни. Поэтому в долгосрочном плане судьба преобразований в демократическом обществе зависит от искусности лидеров в формировании коалиций поддержки.

Один из главных рецептов в этом деле, вынесенный из опыта развивающегося мира, заключается в том, чтобы постараться не отчуждать все политически влиятельные группы одновременно. Для этого целесообразно "дозировать" непопулярные меры таким образом, чтобы совокупный политический вес групп, теряющих от каждого очередного этапа, не превышал некий критический порог и хотя бы частично балансировался влиянием выигравших слоев. Обязательно должна применяться также продуманная политика компенсации некоторым наиболее пострадавшим социальным стратам. Так, несмотря на жесткий стабилизационный курс, правительство Озала в Турции перед

решающими выборами в середине 80-х годов значительно увеличило ассигнования на жилищное строительство, что позволило смягчить социальное недовольство. Возможны и уступки особо "политически опасным" группам (военные, наиболее сильные профсоюзы и т.д.) во имя спасения экономического курса в целом.

Все это превращает стратегию и тактику экономических реформ в странах с серьезно разбалансированным хозяйством в разновидность искусства, которое требует от руководства страны незаурядного политического чутья и умения варьировать осуществляемые меры в зависимости от складывающейся в стране ситуации.

Безусловно, пройти по этому политическому канату удастся далеко не всем реформаторам-демократам. Тем не менее было бы неверным чрезмерно пессимистически оценивать реформаторские возможности представительных режимов. Показательно, что исследуя результаты большого числа стабилизационных программ в Латинской Америке, американский экономист К. Реммер не обнаружила значительных различий между авторитарными и демократическими режимами с точки зрения способности успешно осуществлять макрорегулирование хозяйства¹. К сходным выводам пришел другой американский исследователь Б. Эмс. Завершая свою монографию о бюджетной политике в Латинской Америке, он отмечает: "Деление правительств на авторитарные и неавторитарные чрезмерно упрощает вопрос. В действительности многие правительства чувствуют себя настолько уверенно, чтобы не использовать бюджет для укрепления своей политической базы"².

В заключение хотелось бы подчеркнуть обстоятельство, имеющее принципиальное значение для жизнеспособности любых проектов перестройки низкоэффективной экономики и стабильности ее последующего развития. В долгосрочном плане проведение рационального экономического курса возможно лишь при условии поддержки его основной частью политически активного населения. Навязывание преобразований силой в лучшем случае может дать лишь кратковременные результаты, которые будут сведены на нет последующим "откатом" после неизбежной смены непопулярного режима.

¹ Comparative Politics. 1986. Oct.

² Ames B. Political survival. Berkeley, 1987. P. 33.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА

О факторах внешних и внутренних: некоторые наблюдения. Дискуссии о примате факторов внутренних и внешних скорее выражают различия политических позиций, нежели реальный вес обеих групп факторов. Так, ссылки на роль "внешних факторов" в становлении авторитаризма всегда входили в идеологический арсенал местных левых, демократических и национальных сил, в аргументации же западных либеральных кругов авторитаризм неизменно связывался с местной политической традицией.

Примерно также обстояло дело и в научных исследованиях.

Подход с позиций эндогенных (в теориях модернизации и развития), как правило, тесно увязывал авторитаризм с внутренними противоречиями социальной модернизации, а демократию – со становлением внешних и универсальных норм и институтов. Подход с позиций экзогенных (теория зависимости, периферийного капитализма), напротив, выводил авторитаризм из воздействия мирового капитализма, ТНК и их союзников, а демократию и демократизацию – из действия внутренних, главным образом низовых и массовых сил.

При этом обоим присуще достаточно неявное представление о том, что считать внешним, а что – внутренним для политического развития и модернизации развивающегося общества.

Попытки вертикально разделить факторы на два "класса" (что делалось и в отечественной литературе) кажутся нам мало эффективными: один и тот же "фактор" в различных ситуациях может быть оценен и как внешний, и как внутренний, особенно по мере роста того, что называется интериоризацией внешнего фактора.

В качестве гипотезы примем следующее структурно-функциональное определение внешнего и внутреннего. Все те факторы, которые "работают" на воспроизводство развивающегося социума в качестве автономного социального (в широком смысле) образования, политически суверенного и обладающего культурной идентичностью, мы принимаем за "внутренние факторы". Напротив, факторы, "работающие" на воспроизводство развивающегося социума как производного (во вне) образования с ограниченным политическим суверенитетом и имитирующей идентичностью, определяются как "внешние". (Речь идет о толковании, а не о претензии на исчерпывающее теоретическое объяснение.)

Внешние факторы выступали в разных видах, имея облик целостных (капитализм, социализм) систем, или вид материализованных объектов (цены, капитал, технология), или отдельных групп/агентов, или социальных сил (рынок), или культурных ценностей. Вряд ли можно

понять смену авторитарных и демократических форм, не учитывая динамику кондратьевских циклов – или конкретную конъюнктуру мирового рынка важнейших сырьевых товаров (нефть, медь, олово и др.) и движения капиталов (помощь, частные инвестиции и пр.). Без экономического подъема и выгодной конъюнктуры середины – второй половины 60-х годов вряд ли возможен был бы бразильский военный авторитаризм, без нефтяного бума – укрепление авторитарных форм в Алжире, Нигерии или Индонезии (при всем различии их идеологических ориентаций).

Еще в большей мере определял ход политического развития и облик политической модернизации такой внешний к "третьему миру" фактор, как противостояние мировых систем. Речь идет не только о "пограничных" странах (Корея, Вьетнам), но, скажем, и обо всем регионе Юго-Восточной Азии, где это противостояние было прочно интериоризовано в виде повстанческих движений 50-х годов, да и общин этнических китайцев. Это внутреннее противостояние создало благоприятный климат для закрепления здесь авторитаризма, причем в далеко не в самом эффективном, а скорее – паразитарном виде (Таиланд, Филиппины 50–60-е гг.). В не меньшей степени к тем же последствиям приводили и военно-политические союзы, создаваемые обоими блоками (СЕАТО, СЕНТО, Багдадский пакт, так называемые договоры о дружбе Союза со странами Азии, Ближнего Востока). Вне идейно-политического силового поля холодной войны немыслимы военные диктатуры 60-х–70-х годов в Латинской Америке и их поддержка Западом (США).

Весьма существенным было "внешнее" воздействие через каналы идейного и культурного влияния, закрепляемого институтами образования "помощи", сотрудничества и пр. Примером такого длительного и глубокого воздействия может быть формирование неолиберальной экономической идеологии в Чили и ее последующее воплощение в жизнь, как и тесные связи индонезийских технократов, творцов "Нового порядка" с университетами Беркли и Лос-Анджелеса. Менее глубокими, но достаточно действенными были связи различных американских общин (помощь, предприниматели) и так называемой Шахской (Белой) революции в Иране. Левый авторитаризм как в Алжире, так и в Тропической Африке в немалой степени питался идеями французской левой (С. Туре, М. Кейта); Алжир, например, демонстрирует редкое сочетание идей французского дирижизма (Ф. Перру, Де Бернис) с советской моделью индустриализации, выступающих в качестве составных экономической стратегии "сверхиндустриализации" бумедьеновского режима.

Многообразие внешних факторов соответствовали разнообразию механизмов реализации их воздействия, сами процессы воздействия и их результаты. В одних случаях речь шла о воздействии как влиянии (например, политика США в Индии с поддержкой оппонентов ИНК из рядов Сватантры), в других – о более глубоком, "встроенном" воздействии (через механизмы помощи, подготовки кадров, в том числе военных (Латинская Америка). Иногда воздействие имело прямой и

жестко детерминированный характер (Франции – в Тропической Африке 60-х годов), а бывало – опосредовалось деятельностью местных агентов и сил. Нередко результаты такого воздействия были противоположны преследовавшимся целям: "Союз ради Прогресса" в конечном итоге стимулировал не столько демократические, сколько авторитарно-технократические режимы.

В целом в 50–60-е годы внешние воздействия, видимо, имели более прямой и жестко детерминированный характер (конечно, с различиями по странам), а в 70–90-е – более косвенный, опосредованный и обуславливающий характер (исключение – практика США в Латинской Америке в 80-е годы). Это изменение связано с усложнением как социальной фактуры развивающихся обществ (и ростом культурного ревивализма), так и интересов Запада в "третьем мире", не сводимых ни к получению сырья, ни к военно-стратегическим мотивам в ходе конфронтации с мировым социализмом.

Если прежнее воздействие в основном стимулировало авторитарные формы (в разных их видах), то воздействия – условно-новые (с середины 70-х годов: доклад комиссии Брандта или политика Дж. Картера) стали склонять баланс – и выбор – в пользу представительной демократии.

Со сменой цикла на Западе и с крахом "Востока" сдвиг к новым формам воздействия и баланса получил новый импульс. Однако движение в этом направлении оказалось не столь однозначным, как это представлялось в эйфории эпохи "падения диктатур, стен и занавесов". В ряде развивающихся стран, особенно в Тропической Африке, внутренние противоречия (и сдвигов, и застоя) вновь открывают возможности для усиления прямых, непосредственных и более того – жестко детерминирующих воздействий внешних факторов, причем в направлении как к представительным, так и авторитарным формам нового (в том числе международного) издания (см. ниже).

Встает вопрос: имеем ли мы дело с очередным циклом колебаний "авторитаризм – демократия" под воздействием внешних факторов? Циклом, где фаза подъема авторитаризма (50–70-е годы) сменяется фазой победы демократии (конец 70-х–90-е годы) с тем, чтобы вернуться к новому витку подъема авторитаризма, стимулированного внешними факторами, т.е. с завершением большого цикла политического развития (50–80-е годы). Или же подъем демократии (также стимулированный извне) приобретает характер необратимого процесса?

Для поиска ответа на этот вопрос попытаемся ввести проблему "авторитаризм, демократия и внешние факторы" в новую теоретическую (не использованную ранее в данной монографии) рамку. Речь пойдет о концепции глобальной общности, призванной характеризовать целостность мира.

Внешние факторы и концепция мира как глобальной общности. Объективные основания для видения мира как целого (World as whole) складывались в ходе процессов интернационализации, роста коммуникаций, распространения масс-культуры и т.д. Сырьевые, энергетические, экологические кризисы 70-х годов с их резким ухудшением и

даже разрывом связей (по линии Север–Юг) содействовали парадоксально закреплению такого видения мира, которое в свою очередь стало опираться на целый куст так называемых мироведческих, глобалистских и – отчасти – цивилизационных дисциплин, образовавших своего рода комплекс мироведения (или мондиологии).

В рамках этой новой отрасли знания появилось немало теоретических конструкций, предназначенных для освоения данного объекта (мироцелостности) и разворачивающих исходную идею целостного/взаимосвязанного мира. Весьма приблизительно взгляды на структуру "мироцелостность" можно сгруппировать по трем позициям. Соответственно первой из них мир предстает как взаимосвязь различных социокультурных образований (или цивилизаций); в рамках второй он видится как целое, определяемое системой то ли экономических, то ли политических или межгосударственных отношений; третья – постулирует целое как некое общее гуманитарно-экологическое "условие существования человечества" (global human condition).

На наш взгляд, именно эта, третья позиция обладает наибольшей генерализующей силой, и покрывая то, что называется модернизацией, и позволяя по-новому понять баланс "внешнего/внутреннего". Поэтому именно в ее рамках мы формулируем свое представление о мироцелостности как глобальной общности¹. Термин "глобальный" призван характеризовать данное образование как "целое", интегрально включающее природное, социальное и духовное начала жизнедеятельности человечества². Это образование выступает в исторически различных организационных формах; обозначим их как совокупность, конгломерат, полисистему. Последняя форма складывалась в течение XIX в. и особенно активно с середины XIX; с крахом псевдосоциалистического тоталитаризма как отдельного мирообразования ее "экспансия" еще более расширилась и углубилась.

Именно с полисистемностью наиболее тесно связаны изменения в политической жизни развивающихся социумов, поэтому на характеристике ее свойств надо остановиться немного подробнее.

Специфика полисистемы заключается в том, что она конституирована не субстратно-различными ее компонентами, но связями между ними. Отсюда – принципиальная (а не ситуационная) разнородность состава и соответственно – высокая степень сложности всего образования. Более того, отдельные компоненты здесь вообще не обладают некоей особой сущностью (капитализм – социализм), независимой от их взаимосвязей. Полисистема есть структура взаимосвязей или взаимосвязи и есть ее структура.

Сохраняется ли в глобальной общности, организованной в форме полисистемы, членение "внутреннее – внешнее"? Да – и в том смысле, как оно было сформулировано выше (см. с. 277), но таким образом, что данные "факторы" теряют свою взаимопротивоположенность, встраиваются друг в друга, становясь взаимообусловленными и даже взаимонеобходимыми. Речь, однако, не идет о членении по критерию "целое – часть", или "глобальное – локальное", или, точнее, не сводится к нему, ибо воспроизводство части как автономной единицы связано с

внутренними факторами, а воспроизводство части как эманации целого – с факторами внешними.

Будучи "организованной" как полисистема, глобальная общность включает разнородные компоненты; в ней "равно" участвуют социумы и культуры, экономики и политические институты (в первую очередь государства). Совокупность компонентов этих групп образует своего рода "под (поли)системы" (экономическую, культурную и т.д.), которые работают и по общим правилам полисистемности, и по своим особым правилам.

Какой же представляется динамика политической подсистемы (в мировом масштабе) и особенно основных форм ее организации?

На этапе формирования мировой политической подсистемы переход к новому происходит и в рамках "этатистского" производства и исходя из его цикла экономического развития – возвышение авторитарных и близких ему форм – и в Центре (фашизм, нацизм, корпоративизм), и на Периферии (в Бразилии, Китае, Иране), и во внешней зоне (тотальная советская общность и ее квазигосударственность)³.

На следующем этапе картина усложняется: крах авторитаризма и постоянное преобладание представительной демократии в Центре коррелируются с различными типами Политики как на Периферии (подъем демократии в середине 40-х – середине 60-х годов сменяется ее крахом и подъемом авторитаризма в последующих десятилетиях), так и во внешней зоне – социалистических странах и ее третьемировских "филиалах" (некаппут, соцориентация), здесь после частичного ослабления тоталитаризма с середины 50-х годов до середины 60-х происходит его усиление в последующем десятилетии.

Наконец, на современном этапе развития "мировой политической подсистемы" развертывается ее деполяризация в первую очередь по "оси" Центр–Периферия. С конца 70-х начинается кризис авторитарных режимов "третьего мира", с начала 80-х – подъем демократии или "спонтанный" (Латинская Америка, Юго-Восточная Азия), или "наведенный" (Тропическая Африка); затем деполяризация идет по "оси" Восток–Запад, делая представительную демократию основной формой власти сначала в Европе, а затем, возможно, хотя и проблематично и ныне, в Восточной/Центральной Евразии.

Деполяризация мировых политических отношений приводит к трансформации прежних устойчивых (парных) структурообразований – капитализм/социализм, Центр/Периферия, внутреннее/внешнее. Некоторые из них разрушаются, другие существенно меняются (Центр/Периферия), и все, вместе взятые, преобразуются – через "структуру взаимодействия" – в разнотипно-организованные (симбиотические, синкретические, синтезированные) единицы глобальной общности.

Как же эта деполяризация мировой политической подсистемы скажется на балансе форм политической организации в бывшем "третьем мире"? Ответ на этот вопрос не так уж и ясен, как это может показаться, и его нельзя получить без анализа полисистемности глобальной общности. Смягчение мировой напряженности, разоружение, прекращение холодной войны, исчезновение образа врага, безусловно, снижа-

ют шансы авторитаризма, особенно тех его видов, идеология которых ориентировалась на антикоммунизм (доктрина национальной безопасности в Бразилии, Чили, Южная Корея). Однако в условиях сохранения отношений неравенства и дискриминации вырастает роль внутренних сил, склонных к религиозному фундаментализму, ксенофобии, расизму ("черному", "желтому" и т.п.). В среде этих сил активизируются "самые внутренние" – периферии периферий – вроде наиболее отсталых районов в Азии (Афганистан), Тропической Африки и даже Латинской Америки, вступающие в конфликт со всеми государственниками, как с революционными авангардистами, так и с прозападными либералами.

В такой глубинке и возникают очаги нового авторитаризма – регионального и локального⁴, в котором конвергируются (Таджикистан) элементы если не традиционалистские, то базовые или примордиальные (община, племя, клан), современные институты и базовые общности (языковые, этнические). Если здесь и есть шансы для демократии, то разве что в связи с общинно-племенной ("военной") демократией⁵. Есть и другой сценарий: выбор и закрепление формы политических отношений (хотя они становятся предметом конфликтов "внутренних" сил), которые остаются или вновь (цикл?) определяются воздействием сил то ли внешних, то ли глобальных. Таковыми могут быть отдельные – старые и новые великие державы (новая гегемония США?), их возможные блоки (США – Россия) и объединения (Европейское сообщество и Россия в Центральной Азии), "новые великие" (Япония? Ислам?), комбинации великих, сильных и слабых (Евро-Африка) или даже институты мирового сообщества в целом (опыт ООН в Камбодже).

В свете становления подобных конфигураций, коалиций и комбинаций преобладания того или иного вида политорганизации (скажем, демократии) кажется очень проблематичным, напоминая скорее циклические колебания, чем динамический (тем более стадийный) сдвиг.

В настоящей ситуации устойчивы три тенденции: усиление значимости связей вообще и особенно – межсубъектных; возвышение культуры как доминирующего элемента реакции развивающихся стран на глобализм; распространение идеологии прав человека вкупе с идеями ненасильственной (и) "низовой" (grass-roots) политики и мирового гражданского общества. Эти тенденции означают возвышение, по крайней мере, относительное, представительно-демократической формы. Чтобы объяснить эту перспективу, необходим теоретический анализ возможных трансформаций глобальной общности и особенно ее полисистемной формы организации. Мировая полисистема (МПС) и станет отправным пунктом последующего анализа.

Баланс авторитаризма и демократии (теоретический прогноз). Эволюция мировой полисистемы включает процессы как ее воспроизводства, так и трансформации.

Она воспроизводится в двух видах – как "структура взаимодействия" без общих системных свойств по формуле "глобальное взаимодействие без глобального общества", или же как особая система, кон-

ституированная связями. Трансформация же означает ее преобразование в моно-(или органическую) систему.

В первом из этих трех вариантов конституирующая роль связей такова, что перспективы и баланс авторитаризма/демократии в развивающемся мире определяются взаимодействием, взаимовлиянием (вплоть до взаимовстроенности) всех компонентов мировой полисистемы. Диалогическая, а скорее полифоническая, структура взаимодействий такова, что различие авторитаризма и демократии перестает быть жестким, дихотомическим; и та, и другая структуры становятся обратимыми, причем в обоих направлениях. Баланс их изменяется не столько динамически, сколько циклически, не столько диахронно, сколько синхронно. Это положение закрепляется в глобальной общности, обретающей вид неопределенного множества сетей с гибкой логикой и нечеткими границами.

При втором варианте (взаимодействие, порождающее системную общность) амбивалентность обеих форм также ослабевает, ибо автономность форм политорганизации Юга более жестко ограничена в пользу мироцелостности и ее негосударственных институтов, выполняющих некоторые функции государств. Это приводит к определенной десуверенизации, "мягкому" государству, а значит, и ослаблению "национальной" государственной власти, этого важнейшего источника авторитаризма; соответственно авторитаризм обращается в этом случае к иным, скажем, партийным (или племенным) институтам. Подобное потенциальное ослабление авторитаризма не означает автоматически усиление шансов демократии; последнее зависит от целого ряда дополнительных факторов, и особенно – от деятельности агентов/актеров тенденции демократизации.

Третий вариант (моно/система) может принять различные формы. Одна из них – образование некоего мирового социума, аналогичного "обществу Запада (Севера)" с государственной властью, "производной" от гражданского общества или отражающей интересы его субъектов. Это – перспектива воспроизводства гражданского общества как мирового феномена вкупе с подобием мирового государства. При этом демократия закрепляется в развивающихся странах как основная (базовая) форма, а авторитаризм выглядит как форма производная, скорее циклическая, чем динамическая, и порождаемая преимущественно как реакция на эту базовую, в известной мере, навязанную норму, закрепленную мировым сообществом и мировыми институтами власти. (В том же – реактивном – виде авторитаризм может возникать и при реализации второго варианта – в той мере, в какой демократические институты привносятся и поддерживаются "извне" – мировыми институтами полисистемной глобальной общности.)

Шансы "реактивной" формы авторитаризма определяются противоречиями между моно/системой, построенной по нормам социума Запада ("общество"), и ее локальными компонентами, стремящимися – и в этой системе – сохранить автономию, суверенность и идентичность, в том числе через экспансию (Россия по сценарию В. Жириновского). Именно на их защите и может играть авторитаризм (популизм/национализм,

религия), легитимность которого будет "выше" легитимности демократии, проигрывающей за счет ее "промондиалистской" ориентации. Выигрыш в этой "конкуренции легитимности" зависит не только от местной политической культуры и ее традиции, но и – что нас особенно интересует – от способов (механизмов) включения развивающегося мира в полисистемную организацию глобальной общности и ее политическую подсистему (сравни опыт Кампучии, Сомали – Гаити).

Итак, можно наметить три основные "группы" последствий" эволюции мировой полисистемы для баланса политических форм в развивающемся мире.

1. Снятие жесткой дихотомии/исключительности обеих форм в пользу их амбивалентности – вплоть до заменяемости/замещения.

2. Доминирование (первичность) демократии и соответственно – превращение авторитаризма в форму производную, и/ли циклическую, и/ли/ "реактивную", но достаточно устойчивую с опорой на глубинные тенденции к автономии и идентичности локальных компонентов мировой полисистемы.

3. Проблема выбора форм политической организации или снимается⁶, или не носит фундаментального характера (вроде "защитного" авторитаризма).

Наметившиеся (на рубеже 80–90-х годов) сдвиги опосредованы не только ситуацией (или – шире – "эпохой"), но и, конечно, деятельностью субъектов становящейся глобальной общности. Поскольку основания таковой далеко не сложились, то роль субъекта ныне критическая; от его сознания, ценностей и норм, его исторического "проекта" и способа деятельности зависит облик будущего мира, который не "открывается", но "создается" этим субъектом.

Роль такого субъекта выполняет в разной мере и форме ряд "агентов", из числа которых можно выделить нескольких, наиболее влиятельных (по типу сознания, ресурсам, организации и пр.). Это – агенты ("актеры"), связанные с:

1. Различными мировыми организациями/институтами (от ООН до МВФ; правительственными и неправительственными);

2. Над/меж/государственными объединениями как регионально-институциональными (ЕС, АСЕАН), так и специально экономическими (ОПЕК), политико-религиозными (Исламская конференция) и неформальными ("семерка", бильдебергская группа);

3. Наиболее мощными государствами;

4. Некоторыми мировыми конфессиями;

5. Мировым гуманитарным сознанием (интеллектуалы) и движениями (пацифистскими, альтернативными, конфедеративными, экологическими, экуменистскими);

6. Транснациональными и мировыми экономическими силами (ТНК, ТНБ, мировые финансы).

Взаимосвязи этих агентов реализуются (не говоря о конфликтных) через такие механизмы, как диалог, посредничество, третейские решения. Мировые организации и институты представляют собой базовый элемент данных взаимосвязей, без него нет других, но он в свою

очередь зависит от способности данной политической культуры не только к открытости, но и к "самоутверждению через общение" (Е. Рашковский), саморефлексии, а значит, самокритичности. Иначе говоря, лишь там, где местная политкультура наименее самодостаточна (и поэтому – наименее тотальна) – там диалогический механизм включения наиболее эффективен. Возрастающая роль меж/нац/государственных объединений делает баланс авторитаризм/демократия в развивающихся странах более взаимозависимым уже в масштабах региона, пан/суб/регионов и их центров силы.

Не вдаваясь в характеристики каждой из названных групп сил, соединим их по их ориентации на присущий им тот или иной принцип связи "целое – часть" (поскольку по нему можно судить о форме возможного воспроизводства мироцелостности). Возможны три таких принципа: целое определяет часть; часть определяет целое; целое и часть равноположены. Причем в первом случае возможны различные варианты в зависимости от того, как реализуется примат целого: и как доминирование (где часть – или автономна, или есть эманация целого) и как координирование. К первому принципу (целое → часть) склонны агенты тех групп, которые выше обозначены как 1 и 5; на второй принцип (часть → целое) ориентированы деятельность и сознание групп 2 и 4; на третий принцип (равноположенность части и целого) – 3. Такие группы, как 6 – в силу специфики своего пространства – могут поддерживать разные принципы.

Соотнеся эти принципы (и субъектов) с вариантами эволюции мировой полисистемы, получаем:

миросоциум, организованный по принципу "целое → часть", имеющий вид орг/моно/системы, где доминанта демократии реализуется представителями мировых организаций и мирового гуманитарного сознания;

миросоциум, построенный по принципу "часть → целое", также формирующийся в русле моносистемности, где доминанта демократии непрочна и имеются значительные шансы для реактивного и защитного авторитаризма, который может опираться на разнородную коалицию этатистских сил (в том числе над/меж/государственных) и некоторых мировых конфессий.

Принцип равноположности целого и части, пожалуй, наиболее многозначен, ибо он может стимулировать в равной мере и процессы демократизации, и новые виды авторитаризма (опора на национал-этатистские силы ныне дает, пожалуй, больше шансов авторитаризму, чем демократии).

Первый принцип воспроизводства мировой полисистемы опирается на силы, которые можно считать чем-то вроде демократической коалиции; второй реализуется коалицией, где сторонники демократии, доминируя, сталкиваются со значительными авторитарными силами; третий представлен сторонниками авторитаризма в наиболее эффективном на сегодняшний день (национал-этатизм) виде. Однако и доминирование демократии возможно в различных вариантах в зависимости от преобладания тех или иных сил, входящих в демократи-

ческую коалицию. Самыми последовательными сторонниками демократии выступают представители мирового гуманитарного сознания как носители идеологии прав человека. Позиции представителей мировых организаций менее четки, среди них есть и такие, которые ориентируются в первую очередь на стабильность и порядок (мировые экономические организации) и по меньшей мере безразличны к выбору политических форм; и такие, которые разделяют идеологию прав человека (институты ООН, скажем, ЮНЕСКО) и достаточно четко ориентируются на поддержку демократии.

Конечно, изменения в формах организации глобальной общности имеют далеко не столь прямые и однозначные последствия для баланса форм политики стран Юга, нежели это следует из теоретического прогноза. Не хватает знания закономерностей становящейся глобальной общности и ее отдельных компонентов (социумов, культур), уяснения специфики политической сферы развивающегося социума и, в частности, в связи с принципами, ценностями и нормами традиционной "polity"; наконец, понимания политических субъектов не как "представителей", а как творцов социальных сил.

Бесспорным представляется лишь одно: усиливающаяся глобализация политики в странах Юга означает усиление тенденции и утверждение представительной демократии в качестве базовой формы "нормы") и авторитаризма в качестве вторичного отклонения (от нормы) и реактивного феномена. Однако авторитаризм, может быть, и станет основной формой, если – а это вполне реальный вариант – мировая полисистема (и глубже – глобальная общность) окажется не просто в состоянии нарушенного равновесия (что уже реально), но в ситуации хаоса.

¹ Она описана и в отечественной систематике. См. напр.: Восприятие и анализ мировых проблем. Париж, 1986. С. 38–40.

² Об этих трех началах см.: МЭМО. 1990. № 5. С. 41–43; о концепции глобальной общности см.: МЭМО. 1995. № 1. С. 5–71.

³ Об этой разновидности государства см.: МЭМО. 1993. № 1. С. 28–40.

⁴ Регион (область) становится фокусом политики почти повсеместно – от Бразилии до Триплической Африки, от Средней до Юго-Восточной Азии, в чем выражается, видимо, тенденция к "территоризации" политики в отличие и в порядке реакции на "детерриторизацию" капитала, подчеркиваемую в работах так называемой школы регуляции.

⁵ Возродившейся, например, в виде так называемых полевых командиров в ходе войн – афганской, таджикской и на Северном Кавказе (Чечня).

⁶ Считая, что неототалитаризм в его смешанных видах (тоталитарное государство/авторитарный режим) хотя и не потеряет социальных оснований в развивающихся странах, но будет там, скорее, маргинальным феноменом политического развития.

СУДЬБЫ ДЕМОКРАТИИ В "ТРЕТЬЕМ МИРЕ"
НА ИСХОДЕ XX СТОЛЕТИЯ

Демократия как культура. Если просматривать нынешнюю политологическую литературу, издаваемую на разных языках и на разных континентах, удивляет следующее. Стержневое для исхода XX в., равно как и – во многих отношениях – для истории двух-трех предшествующих веков, понятие демократии берется автоматически или, в лучшем случае, эмпирически, без серьезного анализа и дефинирования. А между тем само содержание этого понятия претерпело в истории существенное изменение в акцентах. Прежнее употребление данного понятия, восходящее к политической философии Древних Афин, было почти что этимологическим, отражавшим идею полноты властвования народа: сущ. *dēmos* + глг. *krateō* (править, властвовать, одолевать). Но еще афинским философам было известно, что прямое народовластие – вещь кратковременная, нестойкая: власть большинства легко перерождается во власть самых яростных и разнузданных его группировок, в охлократию; в недрах же последней ожесточается борьба за долю в общественном "пироге", что и приводит вскоре к утверждению "тирании". Свобода же вызревает медленно, задыхается легко и снова обречена на десятилетия – если не на века – постепенного прорастания: вплоть до будущей вспышки...

И как не архаично платоно-аристотелево учение о круговороте политических форм, как не связано оно своим происхождением с социокультурной природой малого античного полиса, – эвристическая ценность этого учения остается в силе поныне и признается современной наукой¹. Действительно, народ не может властвовать сам по себе. "Прямое" волеизъявление масс, не способное делегировать свою инициативу системе рациональной и правоупорядоченной государственности, – рискует оказаться источником общественного хаоса и восходящей на его гребне диктатуры. Демократия (народовластие, народоправство) в повседневной ее практике может быть процессом прежде всего опосредованным: народ, сам будучи несомненным источником власти, делегирует часть процедур отправления власти сложной машине, сочетающей в себе выборные и назначаемые институты. В идеале, эти институты должны быть подконтрольны народу. Народ же мыслится не только как совокупность индивидов, но и как живое и сложное взаимодействие, сообщенность (*con-sociationalism*)² разнообразных входящих в его состав социокультурных групп и, что не менее важно, – как сообщенность человеческих личностей – живых, мыслящих, ищущих, страдающих. Смысл демократии вовсе не в том, чтобы каждая кухарка, могла бы, согласно внушению Ленина, управ-

лять государством. Кухарка, "выдвинутая" в руководящие структуры, так и не набравши ни знаний, ни общественного кругозора, легко подкупается и легко забывает о бедах своих товарок: история внутреннего разложения наших "выдвиженцев" свежа и во многих отношениях продолжается. Смысл в другом. Каждый человек, включая кухарку, должен быть, в принципе, огражден обществом и государством в своих правах и достоинстве и, по возможности, услышан в повседневных нуждах и беде. А это как раз и самое трудное. Ибо требует от общества и государства весьма высоких культурных стандартов, рациональных нормативных принципов и отлаженности конкретных механизмов и структур.

Что же касается институционально-государственной стороны демократического процесса, то речь идет не о праве институций и их руководителей патерналистски распоряжаться людскими судьбами и не о праве благодетельствовать или смирять большинство или меньшинство по своему усмотрению, но о чем-то существенно ином, – нетрадиционном, нетривиальном, современном. Конечной ценностью демократического процесса является соблюдение и защита человеческого достоинства в нелегких и изменчивых обстоятельствах социальности и истории.

Разумеется, проблематика человеческого достоинства – не сегодняшнее изобретение. Она имеет многовековую подоплеку и коренится в культурном наследии высокоразвитых традиционных (по терминологии Карла Ясперса, "осевых") обществ. Эти общества знали идею или, по крайней мере, обладали интуицией человеческого достоинства. Но понималось оно как таинственное, в эмпирической жизни слабо проявленное. Наличное же достоинство человека мыслилось не полным, не родовым, но, скорее, сословно предписанным; принцип "предписанного" достоинства и поныне является существенным элементом социально-политической действительности развивающихся стран³. Между тем идея явленного универсального достоинства, требующего отчетливо выраженных правовых гарантий, есть в конечном счете идея европейская, секуляризированная (нравится нам это или нет) и отчасти ставшая общим достоянием в нынешнем мире. Но за этой идеей – тысячелетия. Ее истоки – и динамическая библейская метафизика человека (человеческая личность – "образ и подобие" Творца; она соучаствует в Завете, т.е. в мистическом договоре, или союзе, Неба и Земли); греческая философия (с ее концепцией причастности человеческой души умопостигаемому внутреннему строю Бытия); формализованное и абстрактное римское право вместе со многовековой церковной его рецепцией⁴. Контекст проявления родового и формально гарантированного достоинства человека – складывающееся исторически и самопознающее гражданское общество. Но гражданское общество становится развитым в том случае, когда способно усваивать не только духовный опыт, приходящий из глубин истории, но и современный комплекс тех уникальных и ценнейших знаний о человеке и его свободе и об обществе, что накоплены на протяжении последних

двух столетий, т.е. в эпоху становления и новейших форм знания, и гражданского общества как такового.

В нынешнем социокультурном и политическом контексте понятия демократии и гражданского общества – неразрывны. Как полагают некоторые современные философы и политологи, связанный с традициями европейской классической философии термин гражданского общества, по сути дела, весьма нов. Точнее, он является старым словосочетанием, заработавшим на новый лад где-то после 60-х годов XX в. и охватывающим новые, доселе непривычные смыслы. Современное словоупотребление связано с обозначением особого социокультурного процесса, ознаменованного автономизацией внесударственных, внеказенных форм самосознания и самоорганизации людей при переходе от авторитарных (или тоталитарных) к более демократичным формам общественной жизни. Гражданское общество (в таком понимании) переживает в нынешнем мире сложный процесс некоего поставторитарного "воскресения" и является необходимой предпосылкой становления дальнейших, более развитых форм демократической институционализации.

Современная идея гражданского общества во многом строится на допущении, что сегодняшний плюрализм несет в себе долговременную тенденцию корректировки принципа централизованной государственности принципом межличностной и межгрупповой координации, "сообщенности". Конечно же, велик соблазн истолковать эту идею в духе старой марксистской погудки об "отмирании государства". И все же – она помогает осмыслить механизмы возможного ограничения притязаний некогда всевластного этатизма.

Автономизация институтов и самосознания гражданского общества не снимает общественную потребность в сильном и эффективном государственном аппарате. Но именно в таком контексте и выдвигается на первый план идея сильной конструктивной оппозиции как залога гибкого общественного развития. Только в условиях институционализированного и правовым образом отлаженного взаимодействия между сильной оппозицией и сильным государством присущие развитым оппозиционным движениям функции социальной критики и поисков новых альтернатив приобретают конструктивный характер, рассчитанный на долговременные и глубокие преобразования.

Так что гражданское общество есть, в некотором роде, необходимая предпосылка признанного общественно-политического взаимодействия, или консенсуса. Гражданское общество имеет свойство воздействовать на всю сложную институциональную структуру современного общества – от малых групп до основных ветвей власти.

Так обстоит дело в плане теоретически нормативном. Но эмпирика нынешней истории, во многом подкрепляющая такой взгляд, отчасти его и корректирует. Характерные для нынешнего мира беспрецедентно интенсивные экономические, информационные, этнодемографические, организационные, идейные взаимодействия – это как раз то самое, что придает особую напряженность всему облику текущей (посттрадиционной и во многих отношениях даже постиндустриальной) истории:

ставятся под вопрос – авторитарность и границы бывших обществ и групп, с трудом уточняются и формализуются принципы межгрупповой "сообщенности". Более того, как настаивает нынешний российский философ, опыт непрерывных столкновений и взаимодействий культур, столкновений и взаимодействий различных форм самопонимания и самооценки человеческой личности – такой мучительный опыт касается в нынешних условиях, по сути дела, каждого и поневоле образует духовное и культурное содержание нашей текущей истории⁵. Этот опыт не может не осложнять и без того трудные процессы индивидуальных и коллективных самоотождествлений, выборов политических и идейных приоритетов и т.д.

Темы российские и глобальные. Вопрос о культурной подоплеке судеб демократии и авторитаризма в странах "третьего мира", а также в какой-то мере ныне социально конвергирующих с ними странах бывшего "социалистического лагеря" представляется особо важным в плане разговора о судьбах демократии в современном мире. И хотелось бы в этой связи присмотреться к некоторым общим темам глобальной культурной динамики второй половины нашего истекающего столетия.

В самом грубом и упрощенном виде можно было бы предложить такую схему.

Первая половина XX в. знаменовала собой почти что глобальное упрости́тельное торжество целого ряда просветительских и романтических тем европейской культуры, причем торжество это во многом было связано с утверждением в Европе и за ее пределами своеобразного этатистского мифа. Речь у нас пойдет не о социоэкономических предпосылках и детерминациях этого мифа (они почти что очевидны, ибо во многом опираются на специфические черты экономики, технологии и власти незрелого индустриального общества и спровоцированных им кризисных явлений)⁶. Речь у нас – о самом содержании мифа.

Итак, народные массы – именно как "массы", как сверхличное, или, точнее, внеличное человеческое и специально социальное множество – образуют природу, соль и суть истории. Массы – именно как "массы" – осознают себя в активных исторических преобразованиях и сдвигах. Но, представляя собой грозную историческую силу, массы сами по себе едва ли способны стать активным преобразующим фактором, да и вообще – субъектом истории как длительного процесса. Массам хватает самосознания и организационной воли только на единовременный исторический акт, на момент истории. Для того чтобы ввести чаяния масс в большое историческое время, потребуются лидерские структуры и избранные личности, способные сформулировать и персонифицировать пред лицом "масс" их же собственные естественные чаяния и открыть перед ними горизонты победоносного будущего. Путь к такого рода победной исторической трансформации, разумеется, крут и требует мобилизации всех внутренних ресурсов общества, послушания, дисциплины и т.д. И, разумеется, требует концентрации всех ресурсов власти в руках тех, кто взял на себя смелость сформулировать и выразить объективные чаяния масс с предельной последовательностью

и решимостью. Предельный материализм, или точнее, натурализм исходных посылок мифа диалектически переколдовывается в крайний волюнтаризм или, если угодно, субъективный идеализм⁷. С его помощью массы не только десубъектируются, но становятся объектом, чтобы вновь в гипотетическом новом акте воссоздать себя как субъекта и т.д.

В Европе – глобальном идейном авангарде первой половины XX в. – с наибольшей открытостью и последовательностью этот комплекс идей отстаивали наиболее воинственные и наиболее популяризаторские версии марксизма и нищезанятия; причем версии эти имели свойство не только соперничать между собой, но и вступать в самые причудливые комбинации⁸. Важно понять, что эти идеи элитарного авангарда, способного возноситься над массами, сочетая элементы рационального знания и иррационального наития (на истматовском жаргоне это называлось "сочетанием объективного и субъективного факторов"), коренились не только в беспрецедентной и мучительной социальной и духовной динамике характерного для Европы XIX–XX вв. индустриально-урбанистического рывка. Они парадоксальным образом активизировали глубочайшие архаические ("доосевые") пласты психологии и культуры модернизирующей Европы, – пласты, связанные с магическим передоверием личного сознания и воли чудотворцам, шаманам и вождям, "знающим слово"⁹. Парадоксальное сочетание в этом идейном синдроме модернизаторских устремлений и глубоких архаических смыслов обеспечило этому синдрому не только мощное влияние на европейский мир, но и на внеевропейские ареалы. Оно и не мудрено. Характерные для незападных ареалов чаяния преодоления нищеты и отсталости и обретения национального (в том числе исторического!) достоинства могли выразить себя прежде всего через традиционно-патерналистские комплексы психологии и сознания, через принцип передоверия взволновавшейся "народной воли" лидеру, претендующему не только на модернизацию/развитие, но и на магическое "знание слова"¹⁰.

Есть брать глобальную ретроспективу того кризиса авторитарных форм управления и власти, который переживает нынешний мир, в том числе и "третий мир", то нельзя не признать, что исторически исходной предпосылкой этого кризиса – и не только в контексте Западной цивилизации – явился разгром европейского и японского фашизма в середине 40-х годов. Разгром этот выявил не только духовное уродство и культурную непродуктивность тоталитаризма как крайней формы авторитарного мышления и практики. Однако – опять-таки парадоксальным образом – дискредитация и разгром праворадикальных, а то и консервативных тоталитаризмов способствовали утверждению в мире иных, леворадикальных, ориентирующихся на марксистско-ленинское идейное наследие форм, в которых тотальность власти и авторитарность политики были доведены до тотальности как особого бытия (организации) социума. И было тому множество причин.

Народы Советского Союза понесли особые страдания и внесли особый вклад во всемирно-историческую победу над фашизмом.

В глубоком романе фронтовика Вас. Гроссмана "Жизнь и судьба" показано, что эта победа была одержана не столько благодаря беспощадности и организационным возможностям коммунистического режима, сколько вопреки ему. В экстремальных условиях навязанной гитлеровцами войны на истребление в людях подымались как раз те нравственные силы, которые преследовались коммунистической диктатурой: силы солидарности, сострадания, внутреннего достоинства, инициативы, смутного чаяния свободы. В борьбе за собственное выживание режим обратил эти чуждые ему силы в свою пользу и присвоил себе результаты победы. Победа народов России и Советского Союза в Отечественной войне обернулась дополнительным глобальным аргументом в пользу этатистских и авторитарных форм правления.

Далее, вынужденная советская казенная "либерализация" конца 50-х годов дала тоталитарному режиму новые политические и идеологические преимущества на глобальной арене за счет успехов в космической и военно-технической сферах. Однако таковые опирались, во-первых, на не до конца еще истребленный и изжитый культурный потенциал старой России, а также еще на не до конца истощенные харизматические духовные ресурсы первых лет революции¹¹, а, во-вторых, – на предельное напряжение и расточение всего человеческого, социального и экологического потенциала советского общества. С начала 60-х годов диктатура большевиков провозгласила принцип затапывания зачатков гражданского общества в стране ("борьба с идеологическими диверсиями") одним из политических своих приоритетов. Давя и вытесняя из страны эти зачатки, система тем самым исподволь изничтожала свой собственный интеллектуальный и – шире – человеческий потенциал. Тенденции самораспада триумфалистского тоталитарного режима стали намечаться лишь к середине 70-х годов и явственно выявились лишь в 80-х. Органически чуждые коммунизму проявления постиндустриального и – одновременно – посттрадиционного развития решительно поставили под вопрос присущие ему силы внутреннего и глобального самоутверждения¹².

И что опять-таки парадоксально, тенденции внутреннего развития высокоразвитых демократических обществ, характерные и для последних десятилетий, – опыты огосударствления, тенденции экономического дирижизма и многоуровневой социальной политики – не только "резонировали" с опытом реального социализма, но и отчасти воспринимались как косвенное подтверждение перспективно исторической правоты этатизма вообще, правоты "социалистического" этатизма в особенности и, стало быть, авторитарных принципов правления в частности. Все это "резонировало" и с ранними, незрелыми формами политического развития большинства освободившихся стран, где неудачи первых опытов парламентаризма автоматически истолковывались как санкция программно-авторитарных форм правления. И лишь где-то с конца 60-х годов в мировое общественное мнение исподволь, хотя и крайне медленно, начала проникать мысль, что развитые формы государственного и общественного регулирования в социальной и экономической сферах суть нечто неимоверно более сложное,

нежели переход от свободно рыночных к этатистским формам организации.

На самом же деле речь шла о существенно ином: о становлении новой, доселе невиданной, усложненной социоэкономической и социокультурной среды, где развитые системы правоупорядоченной государственности, общественной и личной самодеятельности не столько оспаривают, сколько дополняют и корректируют одна другую. Процессы такого взаимоприспособления, взаимосотнесения, взаимокоррекции – далеко не идилличны; неумение или нежелание понять эти новые принципы общежития и подход к ним с сугубо авторитарными и силовыми мерками лишь усугубляет боль этих процессов.

Сказанное выше во многом, как мне думается, определяет глобальный социокультурный контекст тех революционных антитоталитарных и антиавторитарных сдвигов, которыми отмечена всемирная история 70–90-х годов. Относительно смягченный, "бархатный" характер ряда антиавторитарных или антитоталитарных революций на разных континентах (будь то на Иберийском полуострове, в "третьем мире", на просторах бывшего "соцлага") свидетельствует не только об организационной и духовной истощенности нынешних авторитарно-этатистских социальных и политических программ, но и об известной зрелости многих направлений общественной мысли и общественных движений в этом новом глобальном контексте¹³.

Антропологический императив. На наших глазах, в муках и боли, рождается новая общечеловечная среда, в духовный "код" которой беспрецедентным и доселе всерьез еще не осмысленным образом вписан принцип творческой и самосознающей свободы человека. Если угодно – "антропологический" императив.

Серьезнейшие ученые-философы нынешнего столетия, В.И. Вернадский и П. Тейяр де Шарден, ставили судьбы критической самосознающей мысли в прямую связь с космоисторической эволюцией человеческого рода. На этом, собственно, и строится идея ноосферы как живого, одухотворенного и разумного единства человечества, как единственной альтернативы силам вселенской энтропии¹⁴.

Напомню, как определял Вернадский эту идею на исходе жизни в последней своей работе (1944): «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – в свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилom его представления о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом возникает вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть "ноосфера"»¹⁵.

Подчас мы слишком поспешно интерпретировали эту идею как идею, безусловно, торжествующего разума, но сила в мировом интегративном процессе иррациональных тенденций такова, что приходится отождествлять судьбы человеческого разума с мучительными исканиями смысла, достоинства и свободы. И дело здесь в том, что

человеческий разум, входя в общий динамический строй Бытия, сам непрерывно преумножает его проблематику. Причем – не только своими положительными свершениями, но и отчужденными результатами; не случайно же, Вернадский в дневниковой записи от 26 августа 1941 г., т.е. в роковые дни гитлеровского натиска на Россию, заметил, что видит ноосферу зарождающейся "в буре и грозе"¹⁶.

Мир ныне проходит существенное испытание перед лицом этой новой, с болью формирующейся реальности, и авторитарно-этатистские системы, с их бедной, архаической духовной ориентацией и соответствующими общественными приоритетами, не выдерживают проверку этой реальностью. Возникающие в посттоталитарных обществах или переоформляющиеся в "третьем мире" мощные прямолинейно-националистические или религиозно-фундаменталистские движения не могут адекватно ответить на "вызов" этой реальности, ибо она – как реальность многомерная и сугубо человеческая – попросту вне их понятий и горизонтов.

Однако и высокоразвитые современные идейные конструкции, причем именно гуманистической направленности, не вполне улавливают эту реальность. Так, идеи современного неолиберализма отвечают этой реальности, акцентируя важность правоупорядоченной свободы и экономической самостоятельности индивида и настаивая как на творческой важности элементов саморегуляции в социоэкономических процессах, так и на пагубности их административного или коллективистского подавления. Но в нынешних условиях большинство человечества – особенно внезападного человечества – все еще насущно нуждается во множестве общественных и государственных "подпорок", компенсирующих слабость наличных материальных, социальных и духовных гарантий человеческого достоинства. Да и в самых передовых странах неолиберальные программы соотносятся с развитыми системами социальной поддержки.

Популярная среди многих миллионов людей Запада, "третьего мира" и славянского ареала современная католическая социальная доктрина с ее принципом всеобщей сопричастности (*communio*) делает справедливый упор на безусловной ценности человеческой жизни, глубокой метафизической перспективе каждого индивидуального существования, солидарности и взаимопомощи людей в малых группах. Но и здесь трактовка человеческой солидарности может выглядеть подчас патерналистски; не всегда осмысливается, сколь глубоки и насущны могут быть тенденции человеческой индивидуализации и самостояния в нынешних беспрецедентно сложных и подчас непредсказуемых социокультурных условиях. Не всегда осмысливается, сколь авторитарен может быть климат в малых группах, – особенно в условиях полутрадиционной клановости, в традициях "предписанного" достоинства.

Далее, в свою очередь современная социал-демократическая доктрина права, делая акцент на важности демократической самоорганизации трудящихся и неотъемлемой роли государства в делах социального и культурного обустройства жизни людей. Однако ориентация

социал-демократических движений на разветвленные социальные, образовательные или культурные программы подчас снижает эффективность народнохозяйственных систем, способствует разрастанию управленческих кадров и – в конечном счете – ложится на плечи простых людей...

В этих трех столь различных направлениях нынешней общественной мысли есть, несомненно, нечто общее. Это, во-первых, высокий статус права и демократических свобод как центральных и ценнейших жизненных регуляторов, а, во-вторых, – особая ставка на общественную самоорганизацию "снизу", или, точнее, на гражданское общество как на непреложное условие демократического развития. Эти направления, хотя и противостоят духу самодовлеющего этатизма, отражают, скорее, отдельные и взаимодополняющие измерения реальности в то время, когда человеческая история становится уже не преемственной чередой малоподвижных и потому "внешних" для человеческого существования форм, а чем-то иным. Историческое время существует уже не в отвлеченности обособившихся от человеческой практики внешних форм, но, скорее, как реализация внутренней динамики человеческого духа и человеческого общения. Или, иными словами: история насыщается личностной, личностно-человеческой динамикой. Эта новая всемирно-историческая реальность ставит под сомнение статус государства как священного сюзерена человеческой личности. Демократия, основывающаяся на развитых формах взаимодействия правового государства и гражданского общества, знаменует собой замену традиционного, строящегося на принципе сакральной власти или подделывающегося под этот принцип (как это было с авторитарными версиями XX в.) иным: "антропологическим" и в этом смысле рациональным.

Тогда встает вопрос, причем особо животрепещущий для западных обществ и культур: утрачивает ли коллективная жизнь людей в условиях демократического общежития всякое сакральное измерение? – Едва ли. Сакральное измерение жизни издревле имело своим смысловым центром в конечном счете не внешние, отчужденные структуры, но внутренний опыт непосредственного общения между людьми, коммуникативные измерения человеческого бытия.

Стремление к высветлению и очеловечению общественно-политических отношений, преодолению крайностей отчужденного священновластиа и соответствующим сдвигам в общественном порядке и в политических структурах тянется через всю историю от самых "осевых" времен¹⁷. Это стремление получило некоторый минимум – хотя и далеко не достаточный – материальных и интеллектуальных гарантий лишь в эпоху высокоразвитой технологии и эгалитарного правосознания, исходящего из предпосылок величества каждого человека. И в этом смысле духовно обращенные вспять тоталитаристские или же преднамеренно авторитарные движения XX в., приписывающие "величество" лишь своим собственным человеческим массивам и их вождям, несут в себе парадоксальную дань тенденциям демократического развития: сугубо плебейские, духовно-уравнительные стремления – не в

силах воспринять содержательную сложность и трудные издержки демократических тенденций нынешнего дня – вольно или невольно имитируют социокультурную "органику" давно прошедших времен¹⁸. Взрывы нетерпимости, ксенофобии, взвинченных ретроспективных идеалов были и, к сожалению, остаются темной изнанкой перспективно демократизирующих процессов¹⁹. В нынешнюю эпоху авторитарно-этатистские тенденции развития, будучи изрядно скомпрометированы, все еще не исчерпали своего потенциала. Опыт "третьего мира", а также опыт ряда посткоммунистических ареалов показывает, что эти тенденции могут до определенных пределов уживаться и с элементами технологической рациональности, рыночного хозяйства, представительного правления, но не с корневыми элементами демократического развития (эгалитарная законность, ограждающая права личности, ограничивающая рамки казенного произвола и регламентирующая весь характер правоотношений; неподвластное прямому казенному диктату интеллектуальное, религиозное и художественное творчество). Авторитарные системы действуют в жестких тисках нередко ими же избранного детерминизма власти, в конечном счете стремящейся подчинить и присвоить себе совокупность человеческих отношений в самых различных областях. Будучи исторически понятной и соблазнительной передержкой модернизационных процессов, эти тенденции во многих отношениях подрывают свою же собственную историческую перспективу. Хотя, разумеется, не только этатистские, но и коллективистские искушения могут еще долго удерживаться в последующем развитии.

¹ См., напр.: Kahn G., Wiener A.J. The year 2000... / Introd. by D. Bell. N.Y.; L., 1967.

² См.: Lejphart A. The politics of accomodation and democracy in Netherlands. Berkeley, 1968. См. также: Young C.M. Cultural pluralism in the third world. Preprint. Moscow, 1979.

³ См.: Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.

⁴ См.: Joblin J. L'Eglise et le développement des droits de l'homme // Islamochristiana. 1983. Vol. 9.

⁵ См.: Библиер В.С. Диалог. Сознание. Культура: (Идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. М., 1989. С. 52–54.

⁶ Особый вклад в дело описания и анализа предпосылок и детерминаций специфических (в том числе и крайних) форм политического авторитаризма XX века принадлежит философам и социологам так называемой Франкфуртской школы.

Одна из самых фундаментальных попыток спроецировать эту проблематику европейской истории на судьбы внезапных ареалов принадлежит американскому социологу и историку Бэррингтону Мупу (см.: Moore B., Jr. Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Boston, 1966).

⁷ См.: Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии. 1990. № 10.

⁸ Одной из самых причудливых и суггестивных комбинаций такого рода современная историография считает мирозерцания Жоржа Сореля и Максима Горького.

⁹ Собственно, такое связанное с архаической регрессией личности вольное или невольное передоверие индивидуального "я" массе, а через массу – ее лидерам – основная тема трудов Г. Ле Бона и З. Фрейда по социальной психологии. Тонкость только в том, что такая регрессия ведет людей индустриально-урбанистической эпохи не к инволюции в архаический коллектив (возвращение в утекшие воды невозможно), но к предельному взаимоотноуждению – к деградации в "одинокую толпе".

- ¹⁰ См.: *Germani G.* Hacia una teoria del fascismo: Las interpretaciones cambiantes del totalitarismo // *Rev. mex. sociol.* 1968. Vol. 30, N 1; *Чешиков М.А.* Исторические аналогии в контексте сознания и познания // *Угол зрения: Отечественные востоковеды о своей стране.* М., 1992.
- ¹¹ Не случайны неомарксистские или неоленинистские обертоны в российских либеральных и освободительных чаяниях послевоенный эпохи – вплоть до середины 70-х годов.
- ¹² См.: *Киселев Г.С.* Трагедия общества и человека: Попытка осмысления опыта советской истории. М., 1992.
- ¹³ См.: *Hildebrandt R.* Von Gandhi bis Walesa: Gewaltfreier Kampf für Menschenrechte / Mitarbeit von H.-J. Dyck. В., 1987.
- ¹⁴ Категория ноосферы была впервые выдвинута французским натуралистом и теологом Э. Ле Руа где-то на грани 1922 и 1923 гг., когда Ле Руа, Вернадский и Тейяр работали вместе в парижском философском семинаре Бергсона. Концептуальная разработка этой категории стала центральной для всех последующих научно-философских исканий Вернадского и Тейяра. Оба они – каждый на свой лад – формулировали идею ноосферы, исходя из данных истории космоса, истории земной природы, истории человеческой мысли и культуры.
- ¹⁵ *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // *Гумилевский Л.И.* Вернадский. М., 1967. С. 234.
- ¹⁶ *Вернадский В.И.* Коренные изменения неизбежны...: Из дневников 1942 г. / Публ. И.И. Мочалова // *Лит. газ.* 1988. 16 марта.
- ¹⁷ См.: *Sheth S.* Equality and inequality in the Hindu scriptures // *Equality and the religions traditions in Asia* / Ed. R. Siriwardena. L., 1987; *Рашковский Е.Б.* Ш.Н. Айзенштадт: Противоречия конвергирующего мира // *МЭиМО*, 1991. № 10.
- ¹⁸ См.: *Moore B., Jr.* Op. cit. P. 304–305, 491 etc
- ¹⁹ См.: *Ibid.* P. 384.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В "ТРЕТЬЕМ МИРЕ": НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Модернизация вообще и политическая модернизация в регионах "запоздалого развития", в частности, весьма существенно отличаются от аналогичных процессов в западных обществах XVIII–XX вв. Во-первых, модернизация колониальных и зависимых стран такого типа генерировалась изначально извне. Уже в колониальную эпоху (XIX в.) рождается дилемма "авторитаризм – демократия", при этом доколониальная политическая традиция выступает не как генератор, но как предпосылка обоих "полюсов" (а не только авторитаризма). Во-вторых, в колониальных и – шире – периферийных обществах, где отдельные "сферы" социальных отношений и деятельности были не расчленены или взаимопереплетены, отдельные формы политической организации также были взаимовстроены и "обратимы". Например, государство могло выступать непосредственным участником экономического процесса, общинные организации занимались экспортными операциями и пр. Поэтому политические институты не имели и собственной логики развития, испытывая воздействие других, неполитических сфер. В-третьих, политика равно творилась деятельностью как местных, так и инородных (внешних) социальных сил, а граница между "внутренним" и "внешним" в политике была размыта.

В этом контексте поначалу доминировали, скорее, не авторитаризм и демократия, но иные разновидности – олигархии, диктатуры, тирании. Доминанта *авторитаризма* проявляется наиболее четко к середине XX в. с достижением политической независимости странами Африки и Азии, и это в определенной мере совпадает с тенденцией к экономической самостоятельности в Латинской Америке.

Распространение авторитаризма объясняется не только тем, что для данного вида режимов в этих обществах имелись достаточные основания, но в первую очередь тем, что он оказался силой, продвинувшей процессы индустриализации, экономической и социальной модернизации. Более того, в ряде стран авторитаризм заложил предпосылки и возможности собственного отрицания и последующей демократизации политической сферы.

Подобная – сравнительная – функциональность присуща, однако, не авторитаризму вообще, но лишь его определенной разновидности, которую мы назвали условно "авторитаризм модернизации" или "авторитаризм развития". Если в одних обществах или ситуациях авторитаризм оказывается дисфункциональным, неэффективным, то в других он способен выполнить конструктивную историческую роль. Попытаемся определить те некоторые общие закономерности и признаки,

которые присущи "авторитаризму развития", построить его идеал-типическое изображение.

Но сначала отметим, что авторитаризм данного вида в 50-х–80-х годах использовал различные модели социально-экономической политики – этатистскую и неолиберальную. Для первой характерны доминирующая роль государства в народнохозяйственном комплексе, сильное госпредпринимательство и преимущественно административные методы регулирования госсектора и экономики в целом. Вторая модель основана на большей экономической самостоятельности предпринимателей, хозяйственных методах регулирования рыночной экономики. Этатистская модель реализовалась и через авторитаризм, причем с различным успехом (Бразилия с середины 60-х до середины 70-х годов, Иран 60-е–70-е годы), и через демократию (Индия, Чили 60-х годов). Неолиберальная модель также использовала обе эти формы (Чили 70-х–80-х годов, Турция).

Таким образом, опыт развивающихся стран 50-х–80-х годов не дает оснований установить однозначную, жестко детерминированную связь между социально-экономической и политической сферами. В этот период происходило не только утверждение указанных моделей, но и их смена, "опробование" одной за другой – например, переход от этатистской модели к неолиберальной, что напоминает соответствующие тенденции в нынешней России. Подчеркнем, что в процессе подобного перехода связь социально-экономического и политического факторов остается столь же многозначна: переход к неолиберализму может идти через авторитаризм (Чили) или его эволюцию и модификацию (Мексика, Индонезия) для последующего преобразования в демократию (Турция, Южная Корея, Тайвань).

Теперь попытаемся определить некоторые общие закономерности и признаки наиболее интересующего нас "авторитаризма развития". Последний обычно возникал как реакция на накопление экономических и социально-политических противоречий в период правления предшествующих демократических или квазидемократических режимов (С. Альенде в Чили, Сукарно в Индонезии, Ли Сын Ман в Корее, Ж. Кубичека в Бразилии и т.д.). Политическая жесткость авторитаризма во многом обуславливалась необходимостью резко изменить экономический курс и соответственно распределение национальных ресурсов между отдельными общественными группами, ущемив интересы как отдельных привилегированных групп и секторов хозяйства, так и некоторых массовых слоев.

Функциональность или продуктивность "авторитаризма развития" были связаны с целым рядом условий и предпосылок как объективного, так и субъективного порядка. Во-первых, наличием и минимальной мерой консенсуса в обществе относительно задач и форм развития. Политическая воля и управленческое искусство оказывались тем более важны, чем более узким являлся фронт консенсуса. Однако, как показывает практика, при ограниченном согласии и поляризации общества еще более необходимо самосознание субъектов власти, т.е. понимание ими своей реальной и потенциальной социальной базы и нацеленное,

адресное проведение соответствующей политики (стратегии и тактики). Особенно важен консенсус в политической элите – кто с кем, во имя чего и против кого блокируется. Например, бразильский авторитарный режим в 60-х–70-х годах обрел функциональность лишь тогда, когда возглавлявшие его военные и гостехнократы сумели сплотить центристов в армейской среде и, отсекая экстремистские элементы как справа, так и слева, закрепить свои позиции в тройственном альянсе (вкуче с верхушкой иностранного и местного бизнеса).

Аналогичным образом требуется ориентация власти на те социальные слои, которые могут составить относительно массовую поддержку режиму и стать реальными бенефициантами процесса развития (крестьянство в Индонезии и Южной Корее, часть предпринимательства и средние слои в Чили и Бразилии и т.д.). Но решающим условием успеха является расширение круга бенефициантов, втягивание в процесс модернизации все более крупных массивов населения. Если этого не происходит, то углубление и даже сохранение социальной поляризации может подорвать общественный консенсус, и никакие репрессии (которые в условиях частичного консенсуса способны сыграть в какой-то момент определенную сдерживающую роль) не остановят этот процесс. Не только пример Ирана, но и ряд других случаев, даже сравнительно благополучных (того же Чили), доказывает это.

Безусловно, наиболее надежным средством укрепления и расширения политического консенсуса является эффективная экономическая политика правящей элиты. Как показывает опыт наиболее продвинутых азиатских стран "третьего мира" (и Мексики), где имел место "авторитаризм развития", основными элементами такой политики являются:

эгалитарная аграрная реформа по принципу "земля тем, кто ее обрабатывает" и подъем производительности труда в сельском хозяйстве;

финансовая стабилизация, но с учетом интересов наиболее уязвимых социальных слоев;

оптимальная комбинация принципов технократизма и популизма, т.е. сочетание экономической эффективности с определенным перераспределением доходов в пользу нуждающихся социальных групп, но не просто в порядке попечительства и благотворительности, а в целях вовлечения их в процесс развития. Иными словами – когда достигается баланс экономических и социальных показателей модернизации;

экономическая стратегия, определяемая местными условиями и использующая наличные "козыри" (природные ресурсы, уровень и потребности рабочей силы, научно-технические традиции, географическое и торговое местоположение и пр.).

Можно выделить два основных варианта успешного экономического развития. В одних странах (Чили, Тайвань, Южная Корея) на первый план выдвинулась экспортоориентированная модель, удачное нахождение ниши на мировом рынке. В других странах (Индонезия, Таиланд, Бразилия) экономический рост осуществлялся более пропор-

ционально, прежде всего за счет укрепления внутреннего рынка и обслуживающих его производств. Но в обоих случаях наблюдалось взаимодействие экспортных и внутренних отраслей: часть доходов от экспорта направлялась на укрепление "домашних" производств, и наоборот, становление и развитие импортзамещающих отраслей и относительное насыщение внутреннего рынка открывало возможность развертывания производств на экспорт.

Как правило, в реализации программ экономического ускорения определенная доля приходилась на внешний фактор – помощь, кредиты и прямые инвестиции со стороны развитых стран. В некоторых случаях (Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Чили) эта доля была очень весомой. Но даже здесь ее никоим образом нельзя считать основной. Главное состояло в том, чтобы рационально распорядиться этой помощью – в противном случае внешние вливания приносили даже вред (Бразилия конца 70-х – начала 80-х годов).

В ходе осуществления политики развития очень многое зависело от личности национального лидера и его непосредственного окружения. Ли Куан Ю, Чан Кайши, Сухарто, Пак Чжон Хи – в этих и других именах как бы персонифицированы целые периоды в истории соответствующих стран и успехи модернизации. Личные заслуги этих людей заключались, может быть, даже не столько в выдвижении крупных стратегических идей, сколько в верном подборе профессионалов и последовательном проведении в жизнь разработанных ими программ. Кроме того, их личный авторитет оказался достаточно высоким для объединения сил как внутри политической элиты, так и на массовом уровне для поддержания политической стабильности. Легитимность национального лидера – одно из важнейших условий функциональности политического авторитаризма на этапе поздней модернизации.

К субъективным факторам успеха модернизаторской политики можно отнести также степень кристаллизации реформаторских идей в обществе, прежде всего в интеллектуальных кругах. "Берклийская мафия" в Индонезии или "Чикаго бойз" в Чили (группа местных экономистов, получивших образование в США) сформировались задолго до того, как им представилась возможность реализовать свои идеи на практике. Не меньшую роль сыграло и то обстоятельство, что национальные лидеры в данных странах поверили именно этим профессионалам, сделали ставку на их идеи. Если же интеллектуальная элита по тем или иным причинам не готова выдвинуть эффективную концепцию реформ, то процесс идет методом проб и ошибок.

Другие условия успешного функционирования авторитарной власти связаны с наличием того или иного, но сильного институционального звена в политической системе, на которую мог бы опереться лидер и режим (армия, партия); с рационализацией деятельности и минимизацией коррупции в государственном аппарате; оптимальным распределением ресурсов и прерогатив между центральной и местной властями; налаживанием разносторонних обратных связей между властью и обществом (парламент, расширение границ гласности в прессе, допущение зачатков партийного плюрализма, механизм консультаций,

создание научных центров по отслеживанию результатов проводимой политики и пр.).

Что касается роли армии (а также близких к ней структур госбезопасности, разведки и др.) в системе авторитарной власти, то, как показывает опыт развивающихся стран, военные могут сыграть здесь позитивную роль лишь тогда, когда они, по крайней мере, значительная часть офицерства, проникнуты идеалами модернизации и, будучи в определенной степени дееспособны и компетентны в политическом плане, при этом не отождествляют себя полностью с профессиональными политическими структурами. В противном случае военные перевороты вырождаются в обыкновенную диктатуру.

Оптимальная политическая стратегия авторитарного режима заключается в формировании и постепенном расширении поддерживающей его социально-политической коалиции. Правда, успех такой коалиционной политики зачастую означал начало эрозии авторитаризма. Общество уже могло удерживаться в рамках новой экономической модели без опеки со стороны авторитарных правителей, которая начинала становиться для созданного "среднего класса" (или его подобия) уже обременительной.

В тех случаях, когда такая коалиция включает значительную часть политически влиятельных социальных сил (особенно средних слоев, организованных секторов труда, мелкого и среднего предпринимательства), серьезные реформы могут осуществляться и в рамках демократических институтов. Примеры: решительная финансовая стабилизация в Боливии в середине 80-х годов, в Аргентине в последние годы. Социальные коалиции, открытость, способность к диалогу определили способность авторитарных режимов или к самопреобразованию (Мексика), или к либерализации (Бразилия), что отличало их от тоталитарных систем (социалистических, а также теократических режимов (Иран после прихода к власти Хомейни).

Таким образом, "авторитаризм развития" содержит в себе потенции либерализации, которые реализуются тем вернее, чем более успешной оказывается проводимая политика экономической модернизации. В результате *переход от авторитаризма к демократии* становится в "третьем мире" достаточно заметной тенденцией, начиная с 80-х годов.

Однако, опыт показывает, что эту тенденцию пока еще нельзя считать необратимой. Во-первых, сохраняются общие условия, "питающие" авторитаризм (отсталость, зависимость, социально-классовая размытость и др.). Демократия во многих случаях остается недостаточно социально обеспеченной, подрывается различными общественными конфликтами, столкновением региональных, этнических и религиозных интересов. Во-вторых, в некоторых случаях демократизация осуществляется по принципу "политика впереди экономики", т.е. когда предшествующий авторитарный режим не сумел добиться устойчивого хозяйственного роста и тем самым создать социальную базу политической либерализации. Тогда переход от авторитаризма к демократии приносит, как правило, лишь политическую нестабильность, ухудшающую также и экономическую ситуацию (Филиппины).

Политическая демократия предполагает ряд условий – не только широкий консенсус в обществе, но и достаточно массовый, экономически сравнительно независимый от государства средний класс, начинающую закрепляться правовую культуру, привычку к диалогу и компромиссу. Если этого нет или не хватает, социальная почва демократии не будет прочной. В этом смысле можно сказать, что своевременный авторитаризм предпочтительнее преждевременной демократии. В немалой, а в ряде случаев в большой степени становление демократии зависит от отношения иностранных общин (предпринимателей и др.), региональных и мировых организаций. Говоря в целом – от внешнего фактора, мирового контекста, иностранного капитала и, конечно, мирового общественного мнения. Их воздействие если и не генерирует демократию, то по меньшей мере ее стимулирует и поддерживает (Чили, Южная Корея в 80-х годах и др.).

Наконец, более или менее устойчивые *демократические режимы* в развивающихся странах (Индия, Малайзия, Шри Ланка и др.), в которых демократические институты формировались изначально после завоевания независимости. Таких примеров в "третьем мире" сравнительно немного. При этом демократические структуры в незападных обществах обладают большой спецификой по сравнению с классическими западными аналогами: этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, патрон-клиентные отношения, большая роль традиционных ценностей в политической культуре (например, в поведении массового электората) и др. В этом смысле нецелесообразно оценивать "третьемирскую" демократию лишь по западным меркам или по узкоинституциональным критериям. Если говорить об особенностях демократических структур и институтов в незападном мире, то можно выделить два наиболее важных аспекта. Во-первых, специфичность формирования гражданского общества в этих странах, преобладание различных форм, опирающихся на корпоративно-коллективистские традиции (расширенная семья, община, каста, этносы, конфессии и др.). Эти формы затрудняют формирование демократии западного типа, привносят в общество элементы неравенства и иерархии. Но вместе с тем именно иерархичность традиционного типа неожиданным образом может способствовать укреплению демократических институтов. Такова, например, роль кастовой системы в Индии. Благодаря ей, в частности, современный сектор в стране (примерно 1/7 населения), представленный в основном высшими и отчасти средними кастами, может осуществлять курс на модернизацию и сохранение демократической системы при относительной политической стабильности в стране.

Во-вторых, сравнительно немногие случаи демократии в незападных странах, как правило, основываются на доминантной партии, т.е. партии, постоянно стоящей у власти благодаря стабильному превосходству на выборах. Это относится прежде всего к странам Востока – Индии, Малайзии (по такому же пути пошла и Япония). В азиатских режимах, осуществляющих переход от авторитаризма к демократии (Таиланд, Индонезия, Тайвань, Южная Корея), дело обсто-

ит аналогичным образом. Эта тенденция, по-видимому, не случайна: система с доминантной партией обеспечивает в условиях данных обществ большую политическую стабильность, нежели двухпартийная или многопартийная система, хотя главенствующая партия здесь обладает таким набором функций, какой в немалой мере отличает этот институт от политических партий в западных обществах (громоздкий кадровый аппарат, сращенность с государственным чиновничеством и пр.). Вместе с тем политическая система с доминантной партией обладает признаками демократической, поскольку здесь гарантированы права оппозиции, существует механизм консультаций, независима пресса. Разумеется, эта система не свободна от серьезных недостатков, поскольку длительное пребывание у власти одной партии может постепенно развращать ее функционеров, равно как и госаппарат – периодические скандалы по поводу коррупции и "черных денег" в Индийском национальном конгрессе или в Японской ЛДП являются тому наглядными примерами.

Наконец, важным показателем эффективности политической власти в развивающихся странах – и это относится не только к демократическим, но и ко всем ее формам, – является степень ее укорененности в национальных культурных традициях и нередко сознательное использование этих традиций правящими группами. Разумеется, мы имеем в виду использование традиций как важных компонентов модернизации и развития, а не для блокирования этих процессов. В таких ситуациях традиция не просто "сохраняется" или возрождается, но как бы обретает новую жизнь, соединяя национальную идентичность в ее исторической преемственности с "идеологией развития".

Бывшие страны социализма и социалистической ориентации в Азии, Африке и Латинской Америке сегодня почти все, за немногими исключениями, отказались от своих прежних программ или существенно видоизменили их. Собственно, уже с середины 70-х годов – после краха социалистического эксперимента в Чили и "культурной революции" в Китае – они находились в глубоком кризисе. Суть его в том, что данные системы пытались осуществлять развитие (и сделали многое в этом плане), не решая ключевых проблем модернизации в политике, культуре, в сфере личности. Попытки преодолеть этот кризис были многообразны, как и их последствия: экономический и политический тупик (Алжир), крах модели (Афганистан, Эфиопия), ее значительная модификация (Танзания, Сирия), стремление к адаптации (Вьетнам), наконец, серьезные структурные изменения (КНР).

В обществах, где подобные системы сложились достаточно прочно, их радикальный и в особенности быстрый демонтаж чреват полным распадом и хаосом. В таких ситуациях, если, конечно, способность к модификации и самопреобразованию данной системы не утрачена, та или иная разновидность политического авторитаризма, а также функционирование так называемой двухсекторной экономики (сочетание административно-планового и рыночного начала) кажутся предпочтительнее резкой демократизации и "шоковой терапии". Их предпочтительность в том, что они могут работать как формы, переходные от тоталитарного

строю к новому общественному порядку, соединяющие политический авторитаризм и смешанную экономику (что наглядно показал опыт Китая 80-х годов).

Преимущество этих переходных форм перед хаосом и распадом столь же очевидно, как и опасность того, что они "закостенеют", став промежуточными, но не переходными к новому общественному порядку. В последнем случае промежуточность будет постоянно питать и реставраторско-тоталитарные или неототалитарные тенденции.

Каковы же перспективы авторитаризма и демократии в "третьем мире" или, точнее, мире миров? Разумеется, точный или однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен. Можно лишь набросать контекст, ситуацию, в которой определяются перспективы.

С крахом биполярности новый мировой контекст стимулирует скорее демократию, нежели авторитаризм. Это вовсе не означает, что новый мировой контекст исключает авторитаризм в развивающемся обществе: столкновение интересов – пусть и не идеологических, но экономических, геополитических, геостратегических – порождает ситуации, благоприятствующие этой форме политической организации.

Однако поскольку новый мировой контекст базируется на активизации взаимосвязей между всеми компонентами мирового сообщества, так сказать, на механизме синхронного взаимодействия между ними, постольку шансы демократии в развивающемся обществе кажутся более предпочтительными по сравнению с авторитаризмом. Если принять, что в эволюции мирового сообщества сегодня доминирует механизм синхронности, а не диахронность, то сравнительно более высокие шансы демократии в развивающемся мире опираются и на этот механизм межстранового взаимодействия.

Соотношение этих двух типов политической организации не выглядит столь однозначным, если обратиться к внутренней структуре развивающихся социумов. Во многих из них политическая организация не достигла системной целостности – в том смысле, что она не имеет четко выраженной дифференциации между авторитарной и демократической моделями. Преобладают переходные, смешанные и промежуточные разновидности политической организации, так называемые демократический авторитаризм или авторитарная демократия.

По-видимому, такой симбиоз будет существовать в большинстве стран "третьего мира" еще достаточно долго, особенно если принять во внимание, что политическая эволюция этих обществ имеет не только стадийную логику (в рамках которой переход от авторитаризма к демократии составляет в целом закономерную тенденцию), но также циклические колебания (механизм "политического маятника"). Наконец, в этих недостаточно устоявшихся социумах, равно как и в меняющемся мировом порядке, возможны различные конкретные и непредвиденные ситуации (этнические конфликты, религиозные противоречия и пр.), которые могут нарушать общую тенденцию сдвига к демократии, реанимировать политический авторитаризм, порой даже в самых одиозных его формах.

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ МИРА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ("круглый стол" авторов)

В.Г. Хорос: Итак, собран обширный материал по проблемам политической модернизации развивающихся стран, выделены различные авторитарные и демократические модели власти, сделаны определенные выводы. Но наша исследовательская работа не может этим ограничиться. Мы писали данную книгу с оглядкой на Россию, на ее современные проблемы, имея в виду изучение мирового опыта и его применение к нашей сегодняшней ситуации.

Правда, сразу же возникает вопрос методологического порядка: в какой мере такой перенос опыта "третьего мира" на Россию будет корректным? Не окажется ли при этом неучтенной бесспорная и громадная специфика России как общества и государства? Можно ли сопоставлять Россию с развивающимися странами?

Попробуем подойти к проблеме исторически. Россия принадлежала к странам запоздалого буржуазного развития, второму эшелону мирового капитализма – наряду с Японией, Турцией, некоторыми странами Латиноамериканского Южного конуса. Начавшись примерно в начале XIX в. (а в каких-то аспектах – даже раньше), модернизация в России особенно активно пошла после серии реформ 60-х годов прошлого столетия. К каким результатам привело "обуржуазивание" страны с точки зрения преодоления периферийности? На этот счет существуют разные мнения. Один из ведущих теоретиков "периферийности" Самир Амин, например, считал Россию страной хоть и "отсталого", но "центрального" капитализма¹. Известный английский социолог и историк Теодор Шанин определял дореволюционную Россию как первую страну "третьего мира"².

Как ни странно, оба эти мнения не противоречат друг другу – они скорее взаимодополнительны. Россия, безусловно, имела немалые отличия от тогдашних колониальных и зависимых регионов. Капитализм в ней развивался на независимой национальной основе, в очень крупной стране, обладавшей гигантскими природными и человеческими ресурсами. Все это – тем более в эпоху еще окончательно не сложившегося индустриализма и мирового рынка – повышало шансы догоняющего развития. Не случайно, И. Валлерстайн относил Россию к полупериферии.

Вместе с тем ряд черт, действительно, сближал Россию с теми обществами, которые относятся сегодня к "третьему миру" – преимущественно сырьевой экспорт, весомая доля иностранного капитала в народном хозяйстве, значительный внешний долг и зависимость от

зарубежной технологии, серьезные дисбалансы структурного и социального порядка, неадекватность политической надстройки.

Характер модернизации в России во многом определялся имперской моделью общества, которая утвердилась в стране начиная с Петра I. Выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых стран в обмен на сырье и сырьевые продукты – главным образом в интересах укрепления самодержавно-бюрократических структур и военного сектора – сочеталось с ужесточением добуржуазных методов эксплуатации. Отсюда непоследовательность буржуазных по своей объективной направленности реформ, консервация традиционных политических структур и пережитков крепостных отношений, хроническая отсталость аграрной сферы, неспособной образовать прочную базу индустриализации. Все это создавало серьезное социальное напряжение, усугубленное мировой войной. В результате – срыв модернизации буржуазного типа, хаос гражданской смуты и попытка продолжения развития на путях социализма.

Нельзя отрицать, что коммунистический режим в СССР по ряду направлений (индустриализация, наука, образование) осуществлял модернизацию в стране. Но этот тип развития оказался чрезвычайно односторонним, во многих чертах продолжавшим и усугубившим прежнюю имперскую модель. Промышленный рост был сконцентрирован вокруг военно-промышленного комплекса и осуществлялся за счет потребления подавляющей части населения, эксплуатации его добуржуазными методами, дошедшими до рабского труда концлагерей. Экономика общества оказалась лишенной внутрисоциальной пропорциональности и имманентной динамики. Ей были присущи глубокие внутренние дисбалансы. В середине 80-х годов (я пользуюсь расчетами Б.М. Болотина) годовой ВВП на душу населения в Советском Союзе составлял около 7500 долл. – где-то между средним показателем Западной Европы (12700 долл.) и Латинской Америки (3200 долл.). Но если мы возьмем уровень потребления, картина будет иная. По отношению, скажем, к США объем потребления в индивидуальном ВВП у нас составлял всего 27%, что ниже Уругвая (41%), Мексики (30%), Аргентины (27%) и чуть выше Бразилии (25%). И это несоответствие понятно: непропорционально большая часть советской экономики работала не "на человека", а на государственные, прежде всего военные цели. Неудивительно, что по ряду общепринятых показателей качества жизни (потребительские стандарты, продолжительность жизни, уровень медицинского обслуживания и др.) мы выглядели даже хуже многих развивающихся стран.

Эта диспропорциональная народнохозяйственная конструкция подерживалась тоталитарным политическим строем, блокировавшим все естественные проявления общественной самодеятельности. Но командно-бюрократическая система все в большей степени не справлялась с возрастающими сложностями управления. Ресурсозатраты возрастали. Люди уже не в силах были нести бремя расходов, в которые вовлекала гонка вооружений с несравненно более развитыми странами, затеянная амбициозной правящей номенклатурой. Результат известен – попытка

перестройки, обернувшаяся серьезной экономической, политической и национально-государственной дестабилизацией, развалом "второго мира" в целом.

Т.Е. Ворожейкина: Значит, социализм не является вариантом модернизации?

В.Г. Хорос: Скажем так: социализм является попыткой модернизации. Или вариантом модернизации частичной, неполной. Существуют разные точки зрения по этому вопросу.

В западной литературе иногда высказывается тезис о социализме как альтернативном и даже весьма эффективном пути модернизации для стран запоздалого развития. Таков, например, подход западногерманского ученого Дитера Сенгааса в его книге "Европейский опыт". Д. Сенгаас говорит о "социалистических индустриальных обществах" XX в., которые в отличие от многих обществ "третьего мира" сумели преодолеть отсталость, "периферийный" характер экономики. Хотя Сенгаас не отрицает присущих социализму противоречий, кризисных и застойных тенденций, он все же считает, что социализм сумел создать самостоятельный национальный производственный комплекс, автономный внутренний рынок, что открывает путь равноправной интеграции в мировое хозяйство³. Автор непосредственно основывается на примерах Китая, Кубы, Северной Кореи. Но распространение данной оценки на Россию (или СССР), естественно, предполагается.

Книга Д. Сенгааса писалась где-то в конце 70-х – начале 80-х годов, когда еще не вполне были ясны признаки надвигающегося кризиса социалистического мира. Возможно также, что автор не располагал достаточной информацией. Бесспорно, в любых социалистических программах и планах развития ликвидация национальной отсталости формулировалась как одна из главных целей. Но вокруг чего концентрировалось развитие?

Опыт социализма в различных странах ясно показал: вокруг политических императивов, строительства и укрепления авторитарной или тоталитарной власти, государства. На примере СССР это видно особенно наглядно. Поэтому в социалистических обществах индустриализация и экономический рост не "работали" или "работали" крайне слабо на массовый потребительский спрос, на создание полноценного внутреннего рынка и межотраслевой пропорциональности. Экономические структуры в социалистических странах оказались лишены самостоятельной динамики, страдали от дезинтегрированности и однобокости, хотя и по-другому, чем в классических обществах "третьего мира", прямо зависимых от развитых стран.

Если брать конкретный пример России, то нельзя отрицать, что социалистический период ее истории принес те элементы, которые принято включать в процесс модернизации: индустриальный рост, урбанизацию, научно-технический прогресс, развертывание массовой системы образования и здравоохранения, развитие коммуникаций и пр. Но, во-первых, вряд ли все это можно считать исключительными достижениями коммунистического режима. Указанные сдвиги и процессы

имели место еще в дореволюционной России. Можно предположить, что в случае, если бы не произошло срыва буржуазной модернизации в 1917 г., они, возможно, развивались бы даже успешнее, поскольку не были бы связаны со столь серьезными издержками.

Во-вторых, отдельные элементы модернизации еще не дают модернизацию в целом. Экономическая модернизация в бывшем СССР не сопровождалась модернизацией политической, созданием демократических структур. Некоторые социалистические достижения (например, отсутствие безработицы) были основаны на искусственном ограничении доходов и уравнивании большинства населения в бедности. Право подменялось бюрократическим произволом. Принудительный социалистический коллективизм подавлял личность. И так далее.

В итоге социализм в России скорее принес то, что может быть названо "негативной модернизацией". Ибо советский режим намного более решительно, чем самодержавная власть до 1917 г., уничтожал структуры традиционного общества в России. Прежние культурные традиции и социальные институты были подвергнуты целенаправленному разрушению – сословное деление общества, община, дворянская культура, религия, в значительной мере семья. Заодно разрушалось и то, что успело пустить корни в недолгий период буржуазной модернизации (предпринимательство, демократические учреждения, некоторые научные традиции и др.). Эти деструктивные тенденции осложняют возможности продолжения модернизации в посткоммунистический период.

Пока Россия совершала свой социалистический "виток", в международном сообществе происходили серьезные изменения. Завершив в первые послевоенные десятилетия индустриальную фазу, "центральный" регион Запада перешел на новый виток научно-технической революции, в постиндустриальную фазу. Отрыв Центра от бывших колониальных и зависимых территорий, освободившихся после второй мировой войны, увеличился. Но и окружающие регионы не стояли на месте. В считанные десятилетия переместилась из полупериферии в центр Япония, стремительно перейдя от индустриальной к постиндустриальной стадии. В последовавших за ней восточноазиатских "драконах" эти стадии и вовсе практически оказались совмещены. В целом вместе с другими странами этого куста (Индонезией, Таиландом, континентальным Китаем и др.) мы видим сегодня подымающийся мощный Тихоокеанско-Азиатский регион, вырастающий во второй мировой центр. Другие страны запоздалой модернизации либо застряли в противоречиях несбалансированного индустриализма и попытках совместить его с тенденциями адаптации к изменившемуся мировому рынку (Латинская Америка), либо живут на использовании сырьевых ресурсов (арабские страны), либо стагнируют на почве слабаразвитости (Африка).

Что же вытекает из этого краткого исторического экскурса? В какой точке на оси координат мировой эволюции мы сейчас находимся? Я думаю, примерно там же, где была Россия в начале нынешнего столетия – между Центром и Периферией. С той разницей, однако, что

окружающая и внутренняя ситуация усложнились: путь вверх стал еще более труден, а скольжение вниз, учитывая глубину нынешнего общественного кризиса и национально-государственного распада, вполне реально. Россия перед выбором: либо постепенная (а возможно, и весьма быстрая) "търмондизация", либо после преодоления кризиса движение по магистральному направлению мирового развития.

С точки зрения логики этого развития достаточно ясны и задачи, стоящие перед нами. Они связаны прежде всего с завершением индустриальной стадии. Дело не только в структурных и технологических решениях – переброске ресурсов из военно-промышленного комплекса в гражданскую сферу, модернизации сельского хозяйства и пр., – но в принципиальной перестройке "античеловеческой" экономики на интересы массового потребителя. На этой, и только на этой основе будет возможен последующий переход к постиндустриальной модели.

В принципе у России есть все объективные возможности для подобной перспективы. В стране создан автономный воспроизводственный комплекс, она все еще с избытком богата природными ресурсами и достаточно квалифицированными кадрами, развиты наука и инженерные традиции, существует более или менее разветвленная инфраструктура, довольно высок уровень образования. Проблема в том, чтобы достойно распорядиться этим потенциалом, который мы до сих пор столь неразумно использовали.

Но обрисованная выше перспектива – лишь самая общая. Как реализовать ее? Какова должна быть оптимальная экономическая стратегия переходного периода? Ее политическое обеспечение? Размышляя над этими вопросами, мы действительно сталкиваемся со значительной спецификой России – ее исторических традиций, а также своеобразием той ситуации, в которой она сегодня оказалась.

Это прежде всего – глубина поразившего общества кризиса. Тоталитарная коммунистическая система не поддавалась реформированию, она должна была пройти через коллапс, когда тенденции разрушения на какой-то период оказываются сильнее тенденций созидания.

Это – распад некогда единого хозяйственного и государственного целого на отдельные государства под хрупкой и в правовом отношении неопределенной крышей СНГ. Распад, который привел к нарушению экономических, социальных и культурных связей и который угрожает ныне самой России.

Это – объективная сложность перехода от предельно огосударственной экономики к рыночной, когда к старым диспропорциям (гипертрофия группы "А" и военно-промышленного комплекса) прибавляются новые, связанные с неравноправным положением различных отраслей производства, "отпущенных" в самостоятельное плавание и соревнующихся между собой в монополистическом ценообразовании. Неравноправие, которое оборачивается глубокими социальными контрастами в обществе.

Это, наконец, нарастающая слабость государственных структур, конфронтация двух основных ветвей власти – законодательной и

исполнительной, отсутствие прочного (даже частичного) консенсуса в политической сфере и в обществе в целом. Спор, несколько лет назад начатый теоретиками-политологами о предпочтительности для России на переходный период авторитаризма или демократии, приобретает сегодня практические очертания в самой жизни.

Мы, разумеется, не можем претендовать на то, чтобы разрешить все эти вопросы, тем более что удовлетворительных ответов пока не смог дать никто. Но давайте попробуем наметить хотя бы некоторые подходы, используя изучавшийся нами опыт "третьего мира".

М.А. Чешков: Я согласен, что "наложение" опыта развивающихся стран на нашу ситуацию должно быть в научном отношении корректным, не опирающимся на признаки случайного или поверхностного сходства. В нашей литературе, особенно в массовой прессе, одно время довольно часто проводились сравнения политических процессов в посттоталитарной России то с "банановыми республиками" (Гондурас), то с Ливаном, то с Афганистаном. Толку от таких аналогий было мало. Постепенно становилось ясным, что необходимо определить существенные основания и параметры для подобных сравнений. Собственно, и в западной литературе межстрановая компаративистика осуществляется зачастую достаточно нестрого, "на глазок".

В принципе, конечно, можно апеллировать к опыту той или иной страны (Китай, Чили и др.). Но все же, как мне представляется, сопоставление может принести пользу лишь в рамках некоей общей модели, объединяющей различные конкретные случаи. В наше сравнение развивающихся стран и посттоталитарной России необходимо заложить некоторые общие параметры. Это, на мой взгляд: 1) тип социума; 2) его состояние (исходная ситуация); 3) динамика (вектор изменений); 4) социальные и политические субъекты; 5) мировой контекст (механизмы его воздействия на "третий мир" и Россию, баланс мировых и внутренних факторов в динамике данных стран); 6) основные исторические задачи (преемственность, национальная общность и пр.).

Тип социума исходно различен, ибо в большинстве развивающихся стран он, как правило, мозаичен, фрагментирован, а ныне эволюционирует в сторону полисистемности. Советский же социум представлял целостную общность, где отдельные сферы и виды деятельности функционировали по законам целостности, не имея автономной логики.

Ныне ситуация в России такова, что распад тотальной общности означает фрагментацию, в некоторой степени аналогичную "норме" классического "третьего мира". Однако за этим сходством скрывается существенное различие, поскольку развивающиеся страны проходят, скорее, через кризис, нежели распад исходной структуры, а некоторые из них, переходя на позиции более близкие к "центру", нежели "периферии", тем самым движутся по вектору, обратному "тьермондизирующейся" России. Можно сказать так: и там, и здесь разворачиваются процессы как хаотические, так и структурирующие, но с преобладанием первых в России и вторых – в "третьем мире".

Векторы процессов и там, и здесь сходны: движение к рыночной экономике, демократическому или представительному политическому

строю, гражданскому обществу, суверенно автономному индивиду, включению в интернациональные и глобальные связи. В обоих случаях происходит выбор модели общественного развития, причем основные альтернативы две: этатистская (дирижистская) и неолиберальная.

Субъекты модели развития выглядят весьма отличными. В развивающихся странах этатистская модель имеет субъектами часть политической, технбюрократической и госпредпринимательской элиты и опирается на поддержку средних слоев, части рабочего класса, мелких или средних предпринимателей и даже верхушку крестьянства. Неолиберальная модель – на часть все тех же элит, верхушку предпринимательства, научно-техническую интеллигенцию и специалистов, мировые финансы и иностранный бизнес, какую-то часть рабочих. Во всяком случае силы, стоящие за этими моделями в развивающихся странах, если и не равны, то равнопорядковы, относятся, так сказать, к одной "весовой категории".

Иное положение в России. Здесь этатистская модель опирается на часть бывшей номенклатуры и новой политической элиты, директорский/председательский корпус и массу люмпен-клиентизированных работников. Неолиберальная модель может опереться пока на демократически настроенную интеллигенцию, небольшую часть новой политической элиты, нарождающееся предпринимательство и фермерство и, конечно, на массовое настроение недовольства прежним тоталитарным порядком и нежелание его реставрации. Социальный баланс, очевидно, в пользу первой модели. Ситуация распада может усилить позиции сторонников второй модели, но может сработать и в сторону первой, даже в ее варианте, близком реставрационному (пусть и в порядке исторического зигзага).

Другое отличие: если в "третьем мире" – особенно с ходом демократизации – происходит более/менее "подгонка" социальных и политических сил (через коалиционные формы политики), то в России до такой "подгонки" далеко. Социальные субъекты не организованы политически, а политические силы не имеют адекватной поддержки в своих социальных адресатах. Отсюда – такая ситуация, когда сторонники неолиберальной модели апеллируют к авторитарному типу политики, а этатисты – к демократическому режиму. Короче говоря, если в обоих случаях субъекты выбора находятся в состоянии дисбаланса, то таковое куда глубже в России, нежели в "третьем мире".

Мировой контекст имеет чрезвычайно важное значение для обоих случаев, но способы его воздействия и соотношение с внутренними факторами – различны. Для развивающихся стран, которые есть, по существу, часть мирового капиталистического хозяйства, это воздействие непосредственно, прямо. Для России, которая только еще выходит из состояния обособленности от мирового рынка, это воздействие преимущественно косвенное. В силу этих различий мировые факторы здесь менее значимы. Поэтому проблема выбора модели развития в России решается главным образом внутри, тогда как в "третьем мире" решение ее в немалой степени определяется извне.

Исторические задачи в целом представляются сходными, ибо и там,

и здесь необходимо восстановление культурно-исторических традиций, становление как гражданского общества, так и "гражданских" индивида и государства, формирование национальной общности. Однако и здесь различия существенны, ибо если в развивающихся странах, несмотря на эпоху колониализма и зависимости, культурная преемственность сохранялась и традиция неоднократно возрождалась, создавались по меньшей мере элементы гражданского общества, складывались или сохранялись национальная общность, то в России тоталитаризм, по существу, разрушил прежние культурные традиции, создал своеобразную и искусственную общественную структуру, где не было "нормальных" государства, политических партий, наций, индивида и т.д., а были лишь их "подобия"⁴. В итоге перед Россией стоит задача как бы создания заново, своего рода третье рождение государственности, а не ее возрождение.

Таким образом, из шести показателей различия четко видятся в трех (исходный тип социума; соотношение мировых и локальных факторов; преемственность); сходства/различия – в двух (направленность и баланс основных процессов); сходство – в одной (выбор модели развития). Первый вывод, который отсюда следует, состоит в том, что Россия и "третий мир" в принципе сопоставимы – по крайней мере по типу их обществ и присущих им закономерностей эволюции в контексте мировых трансформационных процессов.

Второй вывод состоит в том, что основной (но не единственный) способ переноса заключается в моделировании общей ситуации, содержание которой определяется как выбор модели развития. Поскольку ситуация понимается как проблема выбора, то ее "моделирование" предполагает в первую очередь определение субъектов выбора и среди них – субъектов, связанных с властью вообще и госвластью в особенности. В этом плане – обе властные структуры, хотя и близки, (социальная власть фрагментирована, а госвласть децентрализована), но разнокачественны, ибо в случае России речь идет о распаде старой власти и зарождении новой госвласти, а в "третьем мире" политическая власть не рождается (разве что в Тропической Африке), но так или иначе формируется. Можно принять, что выбор модели развития осуществляется в обоих случаях множеством фрагментированных, децентрализованных субъектов власти.

Эти два параметра – выбор модели развития и субъекта выбора (власти, госвласти) и составляют, на мой взгляд, ядро того, что необходимо выделять в любой операции по "переносу" опыта политической модернизации в развивающихся странах на Россию. В конечном счете речь идет об использовании для России опыта "третьего мира" в выборе моделей развития (этатистская – неолиберальная) с различными коалициями субъектов. И – при учете того, о чем говорилось выше (в России процесс распада преобладает над структурированием, локальные факторы пока доминируют над мировыми, восстановление культурных традиций начинается чуть ли не с нуля и т.д.).

В.Г. Хорос: Но все-таки как же, по Вашей методологии, будет реально выглядеть этот "перенос" опыта? Можно ли найти отдельную

страну или группу стран, которые в наибольшей степени подходят для сопоставления с Россией?

М.А. Чешков: Надо искать страну или несколько стран, наиболее близкие России по предлагаемым двум критериям. Для этого не подходит Китай 1976–1985 гг., ибо здесь нет речи о выборе модели как таковой – несмотря на модификации – остается этатистская модель. Более подходит – в плане выбора – опыт этатизированных обществ – Мексики, Индии, Бразилии, Египта, Турции. Мексика исторически (с 30-х годов) вполне подходит для моделирования, но этому "мешает" ее близость к США, что резко меняет закономерности ее развития. Индия в 50-х–70-х гг. также близка к этатистской модели, но использованию ее опыта в России препятствует отсутствие традиции сильной централизованной (и "национальной") госвласти. Бразилия, как и Индия, лишена такой национально-государственной традиции, хотя весьма близка к нашему опыту с 30-х годов XX в. ("Новое государство"). Египет – с его законченной исторически этатистской моделью – "плох" для сравнения в силу нечеткой социально-политической ситуации (что характерно для этой страны вот уже с десятков лет, если не более).

Остается Турция, где этатистская модель, созданная в 30-х годах, исторически укоренена в одном из "наиболее азиатских" деспотизмов (османском). Что особенно важно для "переноса", так это ситуация выбора, хотя и растянутого во времени (с 60–70-х годов), но все-таки реализованного (в 80-е годы), и сочетавшего смену не только режимов, но и, видимо, типов госвласти, и особенно ее социальных субъектов. Итак, именно Турцию (70-х–80-х г.) можно считать ключевой страной в операции "переноса". Опыт других стран полезен не в качестве базовой модели, но по ее отдельным параметрам. Например, опыт Индии можно "переносить в Россию" в той мере, в какой речь идет о разнообразии культурных традиций (что отличает ее от однородных в этом плане обществ Китая и Турции) и о федеративном устройстве.

Можно использовать и мозаично-страновой метод "переноса". Если Турцию, на мой взгляд, можно считать для России ключевой моделью, то по отдельным параметрам нашу ситуацию можно сравнивать с теми или иными развивающимися странами: по уровню развития – с некоторыми государствами Латинской Америки, по разнообразию условий – с Индией, по политической роли регионов – с Бразилией, по выбору модели – с Аргентиной и Мексикой, по исходной структуре – с Китаем и т.д.

Г.И. Мирский: Есть один бесспорный параметр, который сближает сегодняшнюю Россию с "третьим миром" (впрочем, не только с ним) – национально-этнические конфликты. Проблемы, связанные с переходом от авторитарных форм правления к демократическим, являются в многонациональном государстве значительно более сложными и трудно-разрешимыми, чем в этнически однородном. Вдвойне тяжело решать эти проблемы сейчас, когда небывалый подъем этнонационализма, ведущий к обилию национально-сепаратистских движений и межэт-

нических конфликтов во многих регионах мира, в особенности в бывших странах социалистической системы, невозможно понять и осмыслить вне связи с крахом идеологий, основанных на теории классовой борьбы как сути развития общества.

Если раньше естественное недовольство широких слоев населения экономическими и социальными условиями своего существования (что неизбежно в странах низкого и среднего уровня экономического развития, переживающих распад и ломку прежних устоявшихся структур) в значительной или даже преобладающей мере направлялось в каналы классовой или "народной", антиимпериалистической борьбы, то теперь положение изменилось. Национально-этнические, коммунитаристские, религиозные движения "вбирают" в себя народный протест и недовольство, зачастую уже не имея серьезных соперников в лице партий и движений, предлагавших рецепт спасения в классовой борьбе, целью которой объявлялся социализм как панацея.

С другой стороны, новый "класс" политиков, пришедших к власти в новых независимых государствах, во многих случаях, чтобы удержаться на своих позициях, может разыгрывать только националистическую карту. У них нет ни возможностей, ни способностей для того, чтобы содействовать улучшению социально-экономических условий жизни народа, экологической ситуации и т.д. Чтобы легитимизировать себя как лидеров общества, они способны лишь играть на патриотических струнах и разжигать национализм. Это можно проследить на многочисленных примерах, от Югославии до Закавказья.

Такого рода обстановка существенно усложняет проблему внедрения демократических начал и принципов в ткань общества, возросшего и воспитанного в условиях тоталитарного режима и не пропитавшегося еще духом демократии.

Конкретно в российских условиях на первый план выдвигается задача решения важнейшего вопроса – о принципах федеративного устройства государства. Здесь сталкиваются две логики. Одна из них исходит из принципа сохранения федерации, ядром которой является Россия. Это – полиэтническая, многонациональная федерация. Другая – это, по существу, логика конфедерации, т.е. союза независимых государств. Вопрос еще больше усложняется требованиями русскоязычных областей относительно уравнивания их в правах с бывшими автономными республиками, одна за другой объявляющими себя "суверенными", хотя и воздерживающимися, за исключением Чечни, от провозглашения независимости. Используемые ими термины, такие, как "суверенитет" или "субъект международного права", позволяют избежать декларации о выходе из федерации.

Аргументы, выдвигаемые русскоязычными областями, звучат достаточно убедительно. В самом деле, почему Свердловская, Челябинская или Самарская области с многочисленным населением и мощным хозяйственным потенциалом должны пользоваться меньшими правами, чем, например, Калмыкия, Бурятия или Кабардино-Балкария?

Аргументация сторонников особого, повышенного статуса бывших автономий по сравнению с другими территориальными образованиями в

составе Российской Федерации основывается, по существу, только на этническом принципе: национальные республики, в которых "коренное" население составляют нерусские этносы, уже в силу этого должны стоять на ступеньку выше и пользоваться более широкими правами, чем обычные края и области, которые обладают "частичками" общерусского суверенитета, исходящего из Москвы, и поэтому не нуждаются в такого рода суверенитете, какой имеют образования этнические.

Данная точка зрения представляется не вполне логичной хотя бы потому, что в ряде автономных (или "национальных", этнических) республик коренное население отнюдь не составляет большинства: так, в Удмуртии русских – 59%, а удмуртов – 31%, в Коми русских – 58%, а коренного населения – всего 23%, в Адыгее – соответствующие цифры 68 и 22, в Хакасии – 79 и 11, в Бурятии – 70 и 24% и т.д. Непонятно, почему русскоязычное население, достигающее 60–70% общего числа жителей автономной республики, должно иметь больше прав, чем примерно такой же процент русскоязычного населения, обитающего в "обычных", неэтнических, областях федерации. Но дело даже не только и, может быть, не столько в этом. Выделять из субъектов федерации национальные республики и наделять их более широкими правами – означает ставить во главу угла лишь один из нескольких принципов, лежащих в основе любой федерации, т.е. этнический.

Разумеется, можно доказывать, что подъем этнонационалистических движений – явление, широко распространенное в современном мире и что даже в Европе в нашу эпоху наряду с успешным развитием интеграционных процессов имеет место усиливающаяся автономизация (Бельгия, Испания). Бесспорно, Татарстан имеет не меньше прав на особый, самостоятельный статус, чем Каталония. Но нельзя не видеть, что в конкретных условиях постсоветской России русскоязычные области и края уже не согласятся с построением новой, но по-прежнему иерархической (унаследованной со времен большевизма) федеральной структуры, в рамках которой одни территориальные образования стоят выше других только на базе этнического принципа.

Ведь сейчас уравнивать русскоязычные и национально-этнические субъекты федерации можно, только повышая первых до уровня вторых, а не наоборот. Так, скорее всего, и будет, и это логично, исходя из того, что говорилось выше. Это само по себе не страшно и не смертельно. Федерация при этом вполне может сохраниться, исходя прежде всего из экономических реалий. Вологодская или Саратовская области в той же мере являются частями общероссийского хозяйственного организма, что Татария или Чувашия; стать отдельными, независимыми государствами они в экономическом смысле просто не могут. Другое дело – политико-юридический аспект проблемы, и здесь мы вплотную подходим к существу дела.

Из состоявшейся некоторое время назад поездки в Татарстан я вынес впечатление, что местное руководство, с одной стороны, склонно к совместному с Россией решению "глобальных проблем", прежде всего экономических и экологических, и в этом смысле стремится остаться

частью российского пространства, но, с другой стороны, хочет выйти из подчинения Москвы в том, что касается государственно-властных и юридических вопросов. Например, прокуратура и органы внутренних дел постепенно выводятся из-под общероссийской юрисдикции.

Сам по себе этот процесс можно было бы признать закономерным и не дающим повода для беспокойства. Практически, однако, он может быть чреват опасностями тройкого рода.

Во-первых, рост самостоятельности в области управления, обретение правовых атрибутов государственности сопровождается, как показывает опыт бывших союзных республик, началом процесса "коренизации" (используя старый советский термин): на разных уровнях предпочтение начинает отдаваться лицам "коренной" национальности. Такая кадровая политика неминуемо вызывает "эффект бумеранга"; русскоязычное и вообще иноязычное население чувствует себя ущемленным, начинает проявлять недовольство, межнациональные отношения обостряются. В Татарстане, например, русские и татары сосуществуют вполне успешно, оба народа полностью совместимы в плане ментальности и образа жизни, могут даже считаться принадлежащими к одной цивилизации, невзирая на разницу языков. Однако односторонняя кадровая политика может быстро разрушить эту атмосферу.

Во-вторых, в случае продолжающегося ухудшения экономического положения (к Татарстану это относится в меньшей степени, но в ряде других республик вполне вероятно) у руководства может появиться соблазн разыграть этническую карту, направить недовольство населения в националистическое русло. Люди, уже имея собственное руководство в суверенном государстве, склонны будут обвинять в своих бедах уже не столько Москву, сколько свое местное "национальное" начальство, которое именно поэтому, чтобы отвести от себя удар, будем инспирировать версии о "происках" и "заговорах" имперских сил России (как, по сути, имело место в Чечне), и русские будут чувствовать себя все более и более неуютно, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В-третьих, отход от "центра" в государственно-юридическом и политическом отношении, даже при сохранении в прежнем объеме экономических связей, может привести к фактически бесконтрольному процессу концентрации власти в руках местных элит. Лозунг самостоятельности во внутренних делах, суверенной власти, необходимости сильного национального руководства способен стать прикрытием для установления авторитарных систем управления. Исполнительная власть, используя иногда такие аргументы, как необходимость сплочения нации, борьба против "подрывной" оппозиции, специфика национальной психологии и т.д., может проводить политику жесткого подавления всех проявлений демократии. В этих условиях демократические импульсы, могущие поступать из Москвы, будут резко ослабляться по мере их прохождения в национальную "глубинку".

Как предотвратить такого рода опасные тенденции, способные оказаться роковыми как для судьбы собственно России, так и для новых суверенных наций федерации? Очевидно, необходимо найти разумный

баланс сил и такую форму федеративного устройства, которая обеспечила бы преобладание демократических начал в абсолютно равной мере на всех без исключения территориях федерации. Это, конечно, несовместимо с абсолютным суверенитетом, граничащим с полной независимостью (т.е. выходом из федерации) или с конфедеративным устройством. Распад Российской федерации может стать катастрофой мирового масштаба. Для сохранения же ее необходимо компромиссное решение, способное жестко пресекать тенденции превращения суверенных образований на территории федерации в замкнутые, самодовлеющие "княжества" с авторитарной, если не деспотичной, властью.

В.Г. Хорос: Бесспорно, нейтрализация центробежных тенденций является одной из самых трудных задач, стоящих сегодня перед Россией. Однако есть и другие задачи строительства новых структур власти. Они связаны как с характером политических институтов (авторитаризм? демократия? их симбиоз?), так и с тем, насколько они способны обеспечить экономические реформы. Кроме того, говоря о тех или иных структурах власти, важно отдавать отчет в том, какие именно политические элиты и социальные блоки будут формировать их. Давайте обсудим этот круг вопросов.

Т.Е. Ворожейкина: Исторический опыт многих стран показывает, что временная, казалось бы, политическая система, возникшая в переходной ситуации под влиянием конъюнктурных политических факторов и соображений экономической целесообразности, очень часто переживает эту ситуацию и оказывается наиболее долговременным фактором, определяющим дальнейшее развитие общества.

В результате разгона Верховного Совета в октябре 1993 г. и принятия новой конституции в России в основном сложились институты авторитарного президентского режима: основные властные функции сосредоточены в исполнительных органах, и прежде всего в президентских структурах, полномочия законодательной власти, возможности ее влияния на принятие важнейших политических решений сведены до минимума, непрерывность функционирования законодательных органов решающим образом зависит от президента, которому конституционный механизм (постановка вопроса о доверии правительству) позволяет в любой момент распустить неудобный парламент. Сохраняющаяся слабость судебной власти, ее традиционная многообразная зависимость от исполнительных органов не позволяют ей быть реальным арбитром между законодательной и исполнительной ветвями власти. Важнейшим для формирования политического механизма стал сам прецедент силового решения конфликта между ветвями власти в 1993 г., сделавший психологически и политически допустимым применение военной силы для решения любых конфликтов на территории России. Нынешняя система политических институтов в России и механизм принятия политических решений, несомненно, еще далеки от завершенности, но сложившийся уже баланс (или, точнее, дисбаланс) властей в кратко- и даже среднесрочной перспективе, по-видимому, сохранится и будет определять политическое развитие страны.

Тем самым сформированы политические предпосылки для того, чтобы реализовать тот путь авторитарной модернизации, о необходимости которого многие сторонники экономического либерализма говорили начиная с 1990 г. Вопрос о том, какая политическая система наиболее адекватна для обеспечения стабильности экономических преобразований, в российской действительности решается, по-видимому, в пользу авторитаризма, хотя, несомненно, это результат не только "объективного" хода вещей, но и в значительной мере "самосбывающееся пророчество", результат загипнотизированности большей части либерального общественного мнения неизбежностью и целесообразностью авторитаризма.

Существует целый ряд очень серьезных аргументов в пользу авторитарного решения проблем экономической модернизации в России. Они таковы:

необходимость укрепления вертикальных структур исполнительной власти для того, чтобы компенсировать распад старого партийно-государственного аппарата, единственно скреплявшего общество в отсутствие институтов самоорганизации;

необходимость единой воли и жесткого государственного вмешательства для осуществления экономической реформы, в особенности в условиях сопротивления старых структур на местах;

неэффективность демократических институтов и процедур в чрезвычайной экономической ситуации, в условиях хаоса и распада, в обществе, где отсутствует консенсус.

В подтверждение данной точки зрения часто приводится латиноамериканский опыт, и в частности опыт Чили как страны, где именно жесткий авторитарный режим сумел наиболее успешно осуществить экономическую модернизацию, заложив тем самым экономические основы для последующего стабильного демократического развития.

Между тем и сам латиноамериканский опыт 70-х – начала 90-х годов в этом отношении далеко неоднозначен, и правомерность его применения к нынешней российской ситуации весьма сомнительна. В 70-е годы практически повсеместное установление в Латинской Америке авторитарных режимов, военных диктатур было действительно ответом на острейший структурный кризис, поразивший экономику и общество. Правящие круги латиноамериканских стран попытались найти выход из этого кризиса на пути ускоренной экономической модернизации, главным условием которой стали ликвидация социальных и политических каналов воздействия на ситуацию для тех, кто нес основные издержки этого процесса. Однако установление подобных режимов произошло в рыночной экономической ситуации, в странах, где капиталистическое развитие насчитывало уже 100–150 лет и где существовала более или менее развитая система политической демократии. Очевидно, что это принципиальным образом отличает ситуацию от современной российской, делая само сравнение некорректным.

С другой стороны, экономический итог правления авторитарных режимов в Латинской Америке в 70-е – начале 80-х годов оказался повсеместно, за исключением Чили, отрицательным. В значительной

мере это произошло потому, что авторитарные режимы (в Бразилии, Аргентине, Уругвае) по природе своей оказались неспособны преодолеть сопротивление десятилетиями укоренявшихся государственных экономических структур назревшей потребности в экономической либерализации. В 80-е – начале 90-х годов с теми же экономическими проблемами столкнулись новые демократические режимы, пришедшие на смену авторитарным. Некоторые из них, проводя гораздо более жесткий, чем военные, либеральный курс, добились больших успехов в экономической стабилизации, стартовые условия которой (уровни инфляции, падение производства, дезинтеграция экономики) были очень тяжелыми. Иначе говоря, опыт Латинской Америки не дает возможности установить какую-либо зависимость эффективности экономического курса от типа политического режима.

Еще менее правомерно выводить из этого опыта неизбежность и необходимость авторитарного режима для последующего перехода к стабильной демократии. Единственная страна, где этот переход оказался достаточно плавным и расширяющим консенсус в обществе, – опять-таки Чили. Однако причина этого не в особой эффективности авторитарного режима, а, напротив, в демократических традициях чилийского общества и общественного сознания, предшествовавших перевороту; в глубокой, как ни в одной латиноамериканской стране, укорененности демократических институтов и партий.

Вместе с тем нынешнее демократическое развитие латиноамериканских стран ставит перед ними проблемы, сходные с нашими, и, в частности, проблему сохранения стабильности, управляемости и консенсуса в поляризованном, расколотом обществе, переживающем болезненный период экономической стабилизации и структурных реформ.

Для стран Латинской Америки, столкнувшихся в 80-е годы с очень высоким уровнем инфляции, падением производства и ростом безработицы, способность новых демократических институтов управлять в условиях экономического кризиса оказалась не менее важной, чем их демократический характер. Иными словами, «"плавание" в бурных волнах кризиса показало, что укрепление демократии потребует не меньше, а больше государственного вмешательства – достаточно парадоксальный вывод для стран, только что освободившихся от авторитарного правления»⁵. Ситуация гиперинфляции повсеместно требовала резкого усиления вмешательства исполнительной власти в экономику и, следовательно, увеличения роли и ответственности президента. Это в свою очередь породило во многих странах столкновения законодательной и исполнительной власти, вылившиеся в острые политические кризисы. В Перу такой кризис привел к роспуску парламента и установлению президентского правления, опирающегося на армию. В Бразилии и Венесуэле попытки президентов осуществлять жесткую экономическую стабилизацию в обход сопротивляющихся парламентам стали одной из причин обвинения президентов Фернандо Коллора и Карлоса Андреса Переса в коррупции и их импичмента (вместе с тем эти обвинения были отнюдь не беспочвенны). В целом ряде стран – в Аргентине, Перу, Бразилии – сейчас обсуждаются

конституционные реформы, направленные на усиление президентских полномочий и, в частности, разрешающие переизбрание президента на второй срок подряд.

В Латинской Америке, однако, имеется и опыт, заставляющий многие общественные силы по-иному взглянуть на соотношение исполнительной и законодательной власти, президентской и парламентской системы.

В Латинской Америке, после достижения ею независимости в начале XIX в., была повсеместно скопирована американская политическая система, предполагающая сильную президентскую власть, подчиненный ей кабинет министров и контролирующий ее парламент. Между тем, как показывает опыт, эта система оказалась эффективной только в условиях США.

Последовательно проведенный принцип разделения властей, развитая система сдержек и противовесов, особая роль Верховного суда как арбитра сторон в спорах между законодательной и исполнительной властью, между центральным правительством и правительством штатов, — все это позволяет США избегать острых и разрушительных конфликтов между властями и государственными органами различного уровня. Не менее существенной оказалась и роль американской двухпартийной системы, при которой партии фактически мало отличаются одна от другой, не идеологизированы, не представляют собой противостоящие течения расколотого общества, и в то же время вбирают в себя основную часть спектра политических настроений. В том же направлении действует и американское федеративное устройство. Президентская система в США функционирует эффективно потому, что очень важные сферы принятия решений контролируют правительства штатов и местные органы власти. Их бюджеты превосходят федеральный бюджет, и все это уменьшает давление на центр с тем, чтобы он не решал все и не брал ответственность за все. Иначе говоря, в условиях широкого консенсуса в обществе президентская система оказалась эффективной, не раскалывающей общество, а еще больше укрепляющей консенсус.

В Латинской Америке с ее традицией сильной государственной власти и централизации, в отсутствие системы сдержек и противовесов, в отсутствие традиции гражданского контроля над военными президентская система, как правило, порождает слабых лидеров, чьи правительства находились в постоянном параличе, а также постоянную конфронтацию между парламентом и президентом. Во фрагментированном, расколотом обществе, где политические партии отражают интересы противостоящих социальных слоев и групп, президенту, как правило, не удастся добиться стабильного большинства в парламенте. Более того, сама система провоцирует раскол сложившейся вокруг победившего на выборах в президенты кандидата: в условиях, когда правительство подчинено не парламенту, а президенту, лучшим способом набрать политические очки для следующих выборов является конфронтация с президентской властью, ответственной за все. Чтобы выйти из этой ситуации, президент требует все больших полномочий,

что в свою очередь еще больше обостряет противоречия с политическими партиями и уменьшает и без того низкий консенсус в обществе.

Таким образом, наступает ситуация перманентного политического кризиса: чем сильнее – формально – президентская власть, тем меньше стимулов для того, чтобы создавать ей эффективную поддержку в парламенте и обществе. Рауль Альфонсин в Аргентине и Эрнан Силес Суасо в Боливии из-за потери политической поддержки были вынуждены до срока уйти со своих постов, несмотря на колоссальные – на бумаге – полномочия. Латиноамериканский опыт свидетельствует достаточно красноречиво о том, что в ситуации кризиса в условиях расколотого, поляризованного общества сильный президентский режим и подчиненные ему вертикальные структуры исполнительной власти оказываются контрпродуктивными с точки зрения расширения консенсуса.

Напротив, парламентская система – кабинет, ответственный перед парламентом, стимулирует через создание политической коалиции поиск компромисса и в конечном счете расширение консенсуса в обществе. Эта система также не гарантирована от кризисов: подотчетные парламенту правительства могут меняться, даже очень часто, но при этом не происходит кризиса и краха всей политической системы. Парламентская система в условиях поляризованного и фрагментированного социума структурирует политическое общество, а не атомизирует его, как президентская вертикально соподчиненная система.

Именно эта, негативная часть латиноамериканского опыта представляется важной для нынешнего политического развития России, поскольку по исходным параметрам политико-государственного устройства она ближе к Латинской Америке, чем к США.

Неизбежно предстоящий нам многолетний структурный кризис, раскалывающий общество, делает необходимым не просто расширение консенсуса, но создание механизма принятия решений, базирующегося на консенсусе. Силой, президентской вертикалью, дополнительными президентскими полномочиями, как показывает опыт Латинской Америки и как все более очевидно свидетельствуют негативный опыт самой России, консенсуса достичь невозможно. Раскол общества неизбежно углубляется, противоречия, ранее "рассосредоточенные" между исполнительной и законодательной властью, концентрируются внутри, казалось бы, всевластных исполнительных структур, лишая их дееспособности и делая заложниками борьбы политических клик. Эффективность исполнительной власти подрывается самим принципом ее концентрации внутри вертикально организованных структур. Авторитаризм оказывается поэтому нефункциональным и с точки зрения последовательного осуществления экономических реформ.

К.Л. Майданик: Я хотел бы подойти к проблеме альтернативности, вариантов и альтернатив развития со стороны "идейно-политического обеспечения" подобного развития.

Исторически главным носителем этой альтернативной тенденции всегда были левые антисистемные силы. Этатистская волна **середины**

XX в. значительно укрепила позиции этих сил в мире. Напротив, отличительной и преобладающей тенденцией циклического ("микро-электронного") и цивилизованного сдвигов **конца XX в.** выступает пока ослабление левых (коммунистических, социал-демократических, социал-популистских, революционно-антиимпериалистических и т.д.) течений и движений, их относительная или абсолютная маргинализация.

Это относится и к странам "третьего мира", и к странам Запада; до середины 90-х годов данная тенденция была характерна и для поставторитарной Восточной Европы.

Упадок роли идеологий и политических партий, кризис утопий коллективистского гуманизма оказались наиболее болезненными именно для левых. Новый престиж рынка – мотора и регулятора постиндустриального развития, императивы разгосударствления, распространение ценностей индивидуализма – все это оказалось чуждо политической культуре левых. Носителями этих тенденций до сих пор становятся совсем иные силы. Затронутыми оказались почти все "краеугольные камни" бытия и сознания левых; все исторические процессы, давшие им жизнь и идентичность – в XVIII, XIX, XX вв.

Абсолютистские и диктаторские режимы разваливаются или подвергаются эрозии без решающего участия левой и, вопреки традиции, демократизация отнюдь не всюду ведет к ее усилению. Роль традиционной классовой борьбы как фактора, конституирующего антисистемную (антикапиталистическую, антиолигархическую, значительно реже – антиэтатистскую) левую, продолжает уменьшаться.

Новые императивы экономического развития, импульсы, идущие из социальной ("антибюрократический" и "антикоррупционный" синдромы гражданского общества) и культурно-психологической сферы; отказ основной части правящего класса от этатистской парадигмы – все это взрывает представление о всеприсутствующем и(или) всемогущем государстве как главном орудии социального и национального прогресса. Между тем в XX в. во всех трех мирах человечества вся левая (кроме анархистов) постоянно выступала за экспансию государства в экономической, социальной (а на Востоке и Юге – и в политической) сферах – и осуществляла ее, приходя к власти. Сегодня она "отступает" вместе с государством.

В странах Запада (Севера) левая переживает общий кризис идентичности. Она находится в трудном поиске плоскости самоопределения и опоры в новом, "постэтатистском" и "постиндустриальном" мире. В развивающихся странах антиколониальная борьба завершилась, а воздействие новой ситуации в мире подорвало привлекательность левых, "антиимпериалистических" вариантов модернизации. В то же время этнический национализм, религиозный фундаментализм и им подобные "новые" идеологии противостояния Западу по общему правилу не ассимилируются пока (и славу Богу!) левой культурой "третьего мира". Здесь развивается – в лучшем случае – "кризис приспособления", поиск новой альтернативы, сочетающей решения задач, поставленных реальностями и императивами XIX, XX и XXI вв.

Однако сказанное лишь отчасти объясняет причины слабости и

кризиса левой в современной России. Ибо здесь "на нее" вроде бы должны сработать результаты почти четырехлетнего правления правых – как либералов, так и "полугосударственников". Результаты эти таковы (развал СССР, криминализация общества и его социальная поляризация, установление неоавторитарного политического режима и т.п.), что антивластный синдром массового сознания и здесь должен был бы привести к результатам, подобным центрально-европейским (Польша, Венгрия, Болгария, Литва, восточные районы Германии, Словакия...). Или, если иметь в виду ряд стран "третьего мира", – к ситуации, когда левая оппозиция составила 30%. В обоих случаях речь идет о силах, которые действуют в рамках левых ценностей и норм...

В России пока происходит нечто иное и дело здесь не только в общих закономерностях и тяжелейшем наследстве, – но и в послегузовской практике сил ("слабостей"), апеллирующих к левой традиции.

Это и банкротство, малодушие, массовое дезертирство вчерашних власть имущих, номенклатуры 80-х годов в августе – сентябре 1991 г.

И, напротив, укорененность части этой же номенклатуры в экономических "прихвацизационных" структурах и парламенте, что делает ее в глазах масс частично ответственной за ситуацию в стране. И догматизм многих коммунистов, не извлекших уроков из происшедшего в стране и в мире. И слабость, раздробленность демократически настроенных коммунистов, неразработанность подлинно альтернативного (прошлому и настоящему) проекта развития страны. И националистическая ревизия прежних ценностей и идеологических установок теми левыми течениями, которые ищут выход в союзе с "белыми", а подчас и "коричневыми" течениями оппозиции.

Об этом стоит, быть может, сказать подробнее. Экстремистские течения оппозиции – от фашистов до части активистов и лидеров КП РФ – сближает примат "национально-государственной" идеи. С этой точки зрения националистическая эволюция коммунистической идеологии действительно предстает как заключительный этап перерождения догматизированного марксизма. С другой стороны, очевидны и тактические мотивы – ведь в стольких странах именно этнический национализм заполнил пустоту, образовавшуюся после краха пустой, "формальной" еще до 1985 г. "государственно-классовой" идеологии. Существенны вместе с тем и реальные проблемы новой национально-государственной идентичности, национальной фрустрации; потери "ранга" на международной арене, наконец, опасность хозяйственного развала и утраты потенциала национальной экономики и независимости страны. Любая стратегия левых сил, любое обновление их идеологии не может игнорировать эти проблемы.

Но "национал-коммунистическая" модель идеологии и соответствующая ей тактика, по сути, выводят носителей данной тенденции за пределы "левого идеологического пространства". Даже формально такая модель ближе к национал-социалистической, чем к антиимпериалистической (латиноамериканского типа). "Социализм" полностью растворяется в "национально-государственной идее", а воинствующий эта-

тизм, антидемократизм и отказ от интернационализма (де-юре или де-факто) придают этой идеологии фундаменталистский, начисто противостоящий "ветрам эпохи" характер.

В целом же в ходе биполярной конфронтации элит (1991–1993) представители коммунистической или социалистической ориентации в глазах значительной части общественного мнения выглядели как сила (вернее – слабость), по определению, принадлежащая прошлому и к тому же готовая развязать гражданскую войну во имя возвращения к нему. Тем более что такое манихейское видение (по образцу: "А вы хотите Хасбулатова?") достаточно цинично навязывалось населению средствами массовой информации. В результате разочарованные, потерявшие после осени 1993 г. доверие к власти и даже протестующие граждане шли не к левым (или центристам), а к правопопулистским демагогам – или теряли интерес к политике вообще. И это несмотря на то, что, по крайней мере, до 40% населения страны сохраняет в своем сознании "социалистические" (левые) ценности и идеалы (естественно, в их советском издании) и лишь 25% – активно противостоят им.

Впрочем, на новом витке "спирали фрустрации и протеста" (1994–1995) именно эти цифры объясняют и наметившееся, наконец, движение избирательных предпочтений масс в сторону левых – и псевдоловых – организаций, что возвращает нас к "проблематике перспектив".

Означает ли сказанное выше, что в поставторитарном, постэтатистском и постиндустриальном мире в принципе, по определению, больше не существует политического пространства для левых сил, которые становятся как бы лишь рудиментом прошлого? Проблема эта со времен известной статьи Ф. Фукуямы (ибо "конец истории" и означал прежде всего конец альтернативности в истории, конец левых) дебатруется достаточно широко.

Уверен, что такое пространство существует, что силы альтернативы нужны и современному, и будущему человечеству. Конечно, речь идет о силах, действующих в рамках новой ("постиндустриальной") парадигмы, ее "веера" тенденций. Что-то проступает уже сейчас. Борьба за демократизацию отношений внутри гражданского общества, за демократию участия и солидарности против новых олигархий; решение глобальных проблем; вопросы социальной справедливости – все это составляет поле и смысл действия левых сил, так сказать "новейшей левой" XXI в. Возникнут и новые, пока еще неясные проблемы, которые поставит через два-три десятилетия само развитие новейшего технологического цикла и постиндустриального общества.

Но сегодня большинство человечества еще живет в странах и обществах, где преобладают противоречия и тенденции развития индустриального и доиндустриального общества. Конечно, оно испытывает давление принципиально новых импульсов, идущих из "Центра" системы. Но такое давление может дать сугубо неоднозначный результат вплоть до различных вариантов общественной инволюции. В данной ситуации историческая миссия левых сил выглядит достаточно традиционно: представляет интересы социального большинства, трудящихся, низов – в их противостоянии с элитами, "верхами"; гражданского

общества – в его противостоянии этатистскому централизму (и коррупции); нации – в столкновении ее интересов со стремлением "Центра" к монополии на решение проблем мира.

Вне этого противодействия левых неолиберальная альтернатива будет навязываться обществу в "чистом виде" (либо в сочетании с худшими проявлениями вырождающегося этатизма). Кто платит по этому счету, мы уже знаем теперь не только по опыту Латинской Америки.

Очевидно, что все сказанное имеет самое прямое отношение к ситуации в России. Конечно, задача создания влиятельной и подлинной левой (или левоцентристской) коалиции здесь сложнее, чем-где либо.

Помимо всего о чем шла речь раньше, еще ряд факторов будет и впредь неминуемо действовать в России против левых. В первую очередь – биологический. Ведь влияние левых ценностей, идеалов и особенно организаций сосредоточено среди "тех, кому за 45". Но также и развитие рыночных (не обязательно капиталистических) отношений; продолжающееся воздействие демонстрационного и имитирующего эффектов; дискредитация левых действиями и влиянием "псевдолевых" (что, на наш взгляд, проявилось и в реакции левоцентристских организаций на войну и геноцид в Чечне).

И все же определенные возможности стабилизации и усиления влияния у левой оппозиции имеются и в России. В кратко- и среднесрочной перспективе это:

обостряющиеся кризисные процессы в социально-экономической сфере (особенно при "выборе" в пользу массовой безработицы); императив защиты социальных гарантий прошлого;

позиция сельского населения, которое (от Мексики до России) сохраняет большую приверженность прежней этатистско-коллективистской системе (свободная купля-продажа земли эту тенденцию на какое-то время еще более усилит);

общая (связанная с ситуацией "коллапса государственности" (1990–199?)), кратко- или среднесрочная потребность в возвращении к большей (регулирующей) роли государственности в экономической жизни, в противостоянии коррупционно-криминальной стихии;

усиление роли и возможностей региональных элит, в гораздо меньшей мере, чем "центровые", проникнутых духом воинствующего, "идеологического" антикоммунизма;

инерция коллективистских ценностей и идеалов, которая очерчивает сегодняшний контур потенциального влияния левых;

угасание односторонне "антикоммунистической" направленности антиноменклатурного комплекса массового сознания.

Постоянным – сегодня, завтра и послезавтра – императивом действия "подлинной" (демократической) левой коалиции в России является и надолго останется противодействие авторитаризму – осуществляется ли тот во имя Рынка или Государства, внутреннего или международного Порядка, праволиберальным или "национал-государственным" режимами, под антисоциалистическим знаменем, православ-

но-националистическими хоругвями или даже псевдосоциалистическими (этатистскими) лозунгами.

Еще одной плоскостью опоры левых станет, по-видимому, постепенная кристаллизация социально-психологического (и идеологического) комплекса "борьбы наемного труда" в условиях становления капиталистических отношений.

Одновременно будет нарастать удельный вес новейших проблем и задач – будь то экологические или связанные с проблемами участия и децентрализации. Особенности генезиса (а скорее всего – и природы) рыночной экономики России гарантируют, что без участия левых эти задачи не будут решены.

Возвращаясь в заключение, в день сегодняшний, вновь хотел бы выразить собственную уверенность, что в России 90-х годов, с ее спецификой первоначально-криминального "накопления", атомизацией и социальной незащищенностью большинства населения, стремительностью "търмондизации" и соблазнами "режимов твердой руки" объективная потребность в сильных и современных левых силах объективно существует.

Если не осуществится кристаллизация подобной силы – выбор между "пинократией" и хаосом станет достаточно вероятным. А новый авторитарный режим, увековечивающий прописку России в "четвертом мире", – это надолго.

Иначе говоря, вопрос не в "дефиците потребности", но в трудности ее реализации, в решении проблемы ее субъекта (обновление левых сил), в выходе их из "ниши" – в широкое политическое пространство.

Н.А. Карагодин: Главная предпосылка успешной в долгосрочном плане экономической политики – наличие условий для существования социально ответственной, дееспособной и компетентной государственной власти. Как показывает нам постперестроечный опыт, равно как и опыт других стран, "вызревание" ответственного государства – очень трудный процесс и во всех странах может протекать различно. В этом отношении мне представляется правильным тезис Т. Ворожейкиной об отсутствии однозначной зависимости между типом политического режима и степенью результативности экономической политики.

По существу, в России в настоящее время идет борьба между несколькими вариантами воссоздания основ государственности, которые опираются на различные "проекты" экономического развития.

Один из них, реализуемый правительством с начала 1992 г., делает ставку на максимальное открытие экономики внешнему миру и "творческую" стихию рыночных сил. В условиях низкоэффективного и сверхцентрализованного хозяйства с огромными структурными перекосами и в значительной мере атрофировавшимися навыками рыночного поведения такое "освобождение экономических сил" не может не вести к резкому нарастанию социальной дифференциации, усугублению хозяйственных диспропорций и в конечном итоге – разрушению основной части накопленного хозяйственного и кадрового потенциала.

По мере углубления экономического кризиса все более очевидно,

что лобовая “рыночная” атака на советскую экономику непродуктивна. На повестку дня настоятельно встает вопрос о поисках модели перехода, в большей мере учитывающей существующие экономические, социальные, культурно-психологические реалии. По всей вероятности (и об этом однозначно свидетельствует опыт многих стран, совершивших прорыв из отсталости к современной экономике), России необходима государственная политика, с одной стороны, стимулирующая назревшие перемены, и с другой – амортизирующая их негативные социальные и экономические последствия. Частью такой политики, на мой взгляд, должны стать разумное регулирование зарплаты и важнейших ценовых пропорций (с замедлением перехода к мировым ценам), выборочный протекционизм и селективное государственное финансирование перспективных отраслей, жесткий государственный контроль за экспортом стратегического сырья и т.д. Этот курс имел бы хорошие шансы для создания основы достаточно широкой общественной коалиции, включающей прежде всего те социальные группы, которые в наибольшей мере страдают от последствий нынешней правительственной линии. Это – основная масса работников бюджетной сферы, машиностроения (особенно оборонных производств), легкой индустрии, сельского хозяйства и т.д.

Объективно в разумном регулировании экономики заинтересовано большинство населения страны. Однако трансформация этой объективной заинтересованности в реальную политическую силу затрудняется многими обстоятельствами. В их числе – огромный экономический вес и политические возможности социальных слоев, выигрывающих от “либерального” курса и крайней рыхлости государства. Сюда относятся прежде всего социальные группы, связанные с внешней и внутренней торговлей, работники ряда “привилегированных”, прежде всего сырьевых отраслей, коррумпированная часть госслужащих, автономистски настроенные региональные элиты, промышленный директорат, получивший возможность распоряжаться государственной собственностью, уголовные структуры и др. Против формирования “прогосударственного” социального блока действует и “отраслевой эгоизм”. Надеюсь “утонуть последними”, отрасли уже не раз демонстрировали неспособность добровольно пойти на взаимные компромиссы, например, в отношении цен. Важно и то, что пропаганда перестроенной и постперестроенной поры уже достаточно твердо внедрила в общественное сознание стереотип о вредоносности любого государственного вмешательства в рыночные процессы. Нельзя также сбрасывать со счета и политическую апатию значительной части страдающих слоев населения, плохое понимание сути происходящих экономических процессов и своих подлинных интересов.

Вопрос о том, какая политическая форма окажется более адекватной назревшей задаче укрепления государственной власти и смены модели экономического развития, отнюдь не прост. При всех известных слабостях российского парламентского механизма (отсутствие влиятельных и ответственных партий, непрофессионализм депутатов и т.д.) усиление исполнительной власти в ущерб законодательной в

нынешних российских условиях также имеет свои очень серьезные негативные стороны.

Частично на них уже указала Т. Ворожейкина. Можно добавить, что в сложившейся ситуации, когда выигрывающие от либерализации социальные группы уже уверенно нащупали рычаги влияния на исполнительную власть, усиление такой власти ведет к закреплению доминирующих позиций этих групп и затрудняет переход к более социально и экономически интегрирующей модели. А это, в свою очередь, делает крайне уязвимой всю хрупкую конструкцию российской демократии.

В.Г. Хорос: Я полностью поддерживаю Н.А. Карагодина, во-первых, в том, что оптимальная экономическая стратегия в наших условиях должна состоять в комбинировании государственно-регулируемых и рыночных механизмов народного хозяйства; во-вторых, его идею о необходимости социального блока сил, обеспечивающих такую стратегию. Вместе с тем хочу сделать несколько пояснений и добавлений.

Николай Александрович охарактеризовал политику, проводимую правительством с 1992 г., несколько академически и деликатно: ставка на максимальное открытие экономики внешнему миру и “творческую” стихию рыночных сил. Что же происходит в реальности? Оказавшись не готовой к нарастающему кризису посттоталитарного общества и выполнению в этой ситуации конструктивных задач, прежняя номенклатурная и околономенклатурная элита (во всяком случае, значительная ее часть и особенно среднее звено) пошла по, казалось бы, неожиданному, но в общем-то вполне естественному пути – попыталась сохранить свои позиции через “коммерциализацию” прежних командно-административных функций. Ведь эти люди, что называется, сидели у ресурсов, и когда они почувствовали, что государственная власть слабеет, они просто “прихватизировали” эти ресурсы (нефть, металл, лес, цемент, редкоземельные элементы и пр.) и, наплодив различные фирмы, АО, СП и т.д., пустили ресурсы в оборот через экспорт, бартер, используя монопольный механизм ценообразования. Возник “грязный гибрид” (выражение А.И. Солженицына) части аппаратчиков с новыми коммерческими структурами монополистско-мафиозного характера, занятых главным образом торгово-посреднической деятельностью. Основные направления правительственного курса – отпуск цен и либерализация экспорта – сознательно или объективно обслуживают интересы именно этих секторов и представляющего их истеблишмента.

Почему же в России не осуществилось нечто похожее на китайский вариант? Причин тут несколько. Маоизм существовал недолго и не успел необратимо разрушить китайскую деревню. Поэтому когда китайские реформаторы вернулись к привычной для крестьянства многовековой практике семейной аренды, это принесло быстрый успех наподобие того, что нам дал в свое время нэп. Далее, Китай располагал сильной диаспорой китайских бизнесменов в сопредельных странах (Гонконг, Сингапур и др.), которые внесли большую лепту в финансирование китайской реформы и предоставление “ноу-хау”.

Наконец, сыграли роль определенные традиции китайской политической культуры, которые облегчили самотрансформацию коммунистической власти в стране.

Дело в том, что со времени Конфуция в китайской политической мысли фигурировала формула “сильное государство – богатый народ”. Иначе говоря, политическая мощь связывалась с благоденствием подданных. Именно на этой формуле основывалась, например, гоминьдановская концепция “государства народного благосостояния”, которая была реализована в послевоенном Тайване. Но и среди китайских коммунистов всегда была сильна линия так называемых прагматиков (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, наконец, Дэн Сяопин). Таким образом, реформистские идеи в Китае обладали высокой степенью легитимности в силу их укорененности в национальной политической традиции. В глазах прагматиков, да и многих китайцев, “культурная революция” была как раз нарушением этой традиции. Поэтому как только после смерти Мао прагматики получили шанс, они нашли поддержку в партии и стране.

КПСС, в отличие от КПК, не смогла стать организатором реформы рыночного типа. Десятилетия репрессий, периодических “чисток” и слепого номенклатурного исполнительства вытравили из правящего слоя прагматически ориентированных, да и просто сколько-нибудь самостоятельно мыслящих людей. Робкие попытки реформ при Хрущеве и Брежневе были блокированы партийно-государственным аппаратом. Не случайно, Горбачев и его немногие сторонники в верхнем эшелоне власти натолкнулись на непонимание в партийной сфере. Да и сам Горбачев толком не знал какую экономическую политику вести, в чем он сам впоследствии признался⁶.

Так или иначе, в России из всех бывших социалистических стран осуществившийся вариант реформ выглядит наиболее неудачным и драматичным. Мы получили пока лишь псевдорынок (или узкий рынок для состоятельного меньшинства), переход от прежней ресурсо-затратной экономики к “ресурсо-растратной”. Легко себе представить последствия, если такой переходный период затянется, – углубление социальной дифференциации в обществе, рост инфляции, гегемония сырьевых отраслей, деиндустриализация и тому подобное. Собственно, все это уже идет полным ходом и по нарастающей.

Кризисные явления в российском обществе зашли настолько далеко, что требуются весьма неординарные и экстренные меры по разрешению или хотя бы смягчению острейших проблем. Такой мерой, как представляется, могло бы стать заключение при помощи государства своего рода “социального пакта” между предпринимателями и профсоюзами основных отраслей на предмет корректировки базовых цен и ценовых пропорций, а также политики доходов.

В краткосрочном плане данная акция может помочь нормализовать ценовую ситуацию, смягчить инфляцию и остановить спад производства. В среднесрочном или долгосрочном плане она была бы направлена на постепенное выравнивание структурных диспропорций, накопившихся в социалистической экономике. Ведь в ней десятилетиями

осуществлялась переброска ресурсов (через “ножницы” цен, налоги, различные льготы, неравномерные инвестиции и пр.) из отраслей, производящих товары народного потребления, в тяжелую индустрию и военно-промышленный комплекс. Исправление этих глубоких перекосов невозможно иначе как обратным путем – постепенным, регулируемым наращиванием производств, связанных с удовлетворением потребностей населения, в том числе через конверсию. Продуманная программа конверсии оборонного комплекса должна стать важным звеном “социального пакта”.

Из сказанного следует, что предлагаемая мера отнюдь не является возвратом к прежней командно-административной системе, но именно переходом к рыночной экономике в специфических условиях бывшей социалистической системы. Что такой переход является не только возможным, но и весьма эффективным, доказывает опыт Китая.

Правда, возникает вопрос: возможен ли такой “общественный договор” в сегодняшней ситуации хаотичной межотраслевой конкуренции, когда многие предприятия и сектора народнохозяйственного комплекса, что называется, тянут одеяло на себя? Мне представляется, что возможен, ибо в нем объективно заинтересованы большая часть отраслей экономики, представленных секторами, ориентированными на внутренний рынок и находящимися сейчас в особенно трудном положении, а также большинство общества. В указанных секторах трудится основная масса населения России и потому они могут оказать необходимое воздействие на другие, временно “благополучные” ныне отрасли (производящие сырье, материалы и др.). Во всяком случае, иного выхода не видно. Такой тип межотраслевой договоренности является, по-видимому, наиболее адекватным для наших условий вариантом “двухсекторной экономики”, сочетающей рыночные методы с разумным государственным регулированием.

Теперь о политическом обеспечении экономической реформы. Как свидетельствует опыт рассмотренных нами стран, активное вмешательство в экономические процессы требует государства, опирающегося на стабильные демократические или авторитарные структуры.

Это тем более относится к нынешней “рассыпающейся”, кризисной России. По мнению многих (и число их постоянно растет), без жестких авторитарных методов с нынешним российским “беспределом” уже не справиться. Но ведь все зависит от характера власти, ее “качества” и направленности. Последняя конституция “подарила” нам самую настоящую авторитарную власть президента при практически совещательном парламенте – а что толку? Сегодня исполнительная власть как раз и “охраняет” нынешнюю кризисную ситуацию – отчасти потому, что многих политических функционеров она вполне устраивает, отчасти потому, что эти деятели просто не в состоянии найти какое-либо разумное решение существующих проблем.

Кроме того, как опять же показывает опыт “третьего мира”, эффективный “авторитаризм развития” нуждается в сильной и хорошо организованной институциональной структуре – армии, офицерском корпусе, проникнутом идеалами модернизации (Южная Корея, Таиланд,

Индонезия, Чили) или дисциплинированной партии (Тайвань, континентальный Китай). В России сейчас такие условия отсутствуют. В офицерском корпусе российской армии не видно (за редкими исключениями) реформаторских сил. Другая проблема для России: несмотря на то, что так называемые демократы успели изрядно скомпрометировать себя в глазах россиян, демократические процессы уже пустили определенные корни в обществе. Свертывать их в пользу какого-либо диктатора или “вождя” было бы контрпродуктивно.

Как же вести политическую модернизацию в этих условиях? Решение подсказывается той самой социально-экономической “раскладкой”, которая была дана выше: укрепление власти без свертывания процесса демократизации возможно через образование доминантной партии в системе политической демократии. Завоевав прочное большинство в законодательной власти на всех уровнях, доминантная партия смогла бы создать прочную связку между законодательными и исполнительными структурами власти, парламентом и президентом. Вместе с тем доминантная партия не есть отрицание демократии, она совместима с существованием и гарантированием прав оппозиции, что обеспечивает необходимую для системы обратную связь. Заметим, что указанная форма политической демократии характерна для многих незападных стран, поздно вступивших на путь модернизации (Япония, Индия, Малайзия). Она все более вырисовывается и в тех странах, которые ранее проходили цикл “авторитаризма развития” (Тайвань, Южная Корея и др.).

Дело, конечно, не только в ссылках на мировой опыт. Данная политическая конструкция объективно вытекает из специфики отечественной ситуации, поскольку предполагает кристаллизацию в доминантной партии определенного блока сил, объединенных общими объективными интересами. Это – те социальные группы, которые страдают ныне от чрезмерно резких сдвигов в распределении национального дохода, порожденных “шоковой” либерализацией хозяйства. Потенциально они образуют несомненное большинство общества, и политические силы, которые сумеют опереться на эти слои (а к ним принадлежит львиная доля российских “производителей” – ученых, инженеров, рабочих, крестьян и т.д.), без всякого сомнения, будут обладать высокой степенью легитимности и действовать на базе широкого консенсуса.

Тенденции к образованию такой антикризисной “центристской” коалиции мы видим на протяжении всех последних лет с 1992 г. – “Гражданский союз”, Съезд товаропроизводителей, группа социал-демократов во главе с С. Глазьевым и др. Периодически обосновываются программы, основанные на идее “двухсекторной экономики”, (аналогичной китайской), сочетания рыночных методов с политикой госрегулирования⁷. Однако эти программы пока еще недостаточно конкретны и убедительны, страдают декларативностью, а соответствующие политические силы остаются относительно слабыми и неконсолидированными. До сих пор малодейственны и организационно слабы профсоюзы, без которых невозможен серьезный социальный пакт, равно как защита интересов широких слоев трудящихся.

Сейчас не вполне ясно, как и когда произойдет кристаллизация указанного социального блока и соответствующей ему доминантной партии. Но рано или поздно, на мой взгляд, события должны пойти именно в этом направлении.

¹ *Amin S.* Le développement inegal: Essai sur les formations sociales des capitalismes peripheriques. P., 1973. P. 329.

² *Shanin T.* Russia as a developing society. Vol. 1. The roots of otherness: Russia's turn of the century. New Haven; L., 1986. P. 186.

³ См.: *Senghaas D.* The European experience: A historical critique of development theory. Leamington; Dover, 1985. P. 179–202.

⁴ Подробнее см.: Угол зрения. М., 1992. С. 111–116.

⁵ *Torre J.C.* The politics of economic crisis in Latin America // J. Democracy. 1993. Vol. 4, N 1. P. 108.

⁶ Свободная мысль. 1993. № 11. С. 124.

⁷ См., напр.: *Глазьев С.* Экономика и политика: Эпизоды борьбы. М., 1994.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (В.Г. Хорос, М.А. Чешков).....	3
Введение	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ПОСТТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ (В.Г. Хорос, М.А. Чешков).....	7
Глава первая	
АВТОРИТАРИЗМ В УСЛОВИЯХ ПСЕВДОМОДЕРНИЗАЦИИ И(ИЛИ) ПСЕВДОКОНСЕНСУСА.....	20
1.1. Олигархическая модернизация: центрально-американский вариант (Гва- темала, Сальвадор, Никарагуа) Т.Е. Ворожейкина.....	21
1.2. Диктатура застоя (Заир) Э.Л. Лебедева.....	30
Глава вторая	
АВТОРИТАРИЗМ НА ОСНОВЕ ОГРАНИЧЕННОГО КОНСЕНСУСА ..	40
2.1. Экономический успех и политическое поражение (Чили) Е.А. Федякова ..	41
2.2. Индонезия: феномен "динамичной стабильности" (В.В. Сумский)	55
2.3. Военно-гражданский "маятник" (Турция) Г.И. Мирский.....	70
2.4. Срыв "Белой революции" (Иран) А.Ю. Умнов	79
Глава третья	
АВТОРИТАРИЗМ НА ОСНОВЕ ШИРОКОГО КОНСЕНСУСА.....	91
3.1. Традиционная политическая культура как фактор модернизации (Таиланд) Н.Г. Рогожина	92
3.2. "Корейское чудо" (Южная Корея 60-х – 70-х годов) Г.И. Мирский.....	108
3.3. Экономический динамизм и эволюция авторитарного режима (Тайвань) А.Ф. Оникиенко	114
Глава четвертая	
МЕЖДУ АВТОРИТАРИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЕЙ.....	124
4.1. От экономической модернизации к политической либерализации (Южная Корея 80-х – начала 90-х годов) Г.И. Мирский	126
4.2. "Политика впереди экономики" (Филиппины) В.В. Сумский	134
4.3. Вариант относительно плавного перехода (Бразилия) К.Л. Майданик, Г.И. Мирский, Д.О. Прудкова	146
Глава пятая	
ДЕМОКРАТИЯ (на примере Индии).....	157
5.1. Историческое становление индийской демократии (А.Г. Володин).....	158
5.2. Гражданское общество в Индии (А.Г. Володин, М.Н. Куньщиков, В.Г. Хорос).....	165
Глава шестая	
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ: СДВИГИ И ТУПИКИ.....	196
6.1. Экономика впереди политики (Китай) А.Ф. Оникиенко	197
6.2. Диспропорции индустриализации и кризис режима (Алжир) В.В. Рыбаков	206

6.3. Популистско-общинный эксперимент (Танзания) <i>Э.Л. Лебедева</i>	221
6.4. Левый радикализм в поисках демократии (Никарагуа) <i>К.Л. Майданик</i>	231
Глава седьмая	
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (опыт стран Азии) <i>И.А. Зевелев</i>	245
Глава восьмая	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИИ (<i>Г.И. Мирский</i>) ..	254
Глава девятая	
ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА РАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРА- ТЕГИИ (<i>Н.А. Карагодин</i>).....	268
Глава десятая	
ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВИ- ВАЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА (<i>М.А. Чешков</i>).....	277
Глава одиннадцатая	
СУДЬБЫ ДЕМОКРАТИИ В “ТРЕТЬЕМ МИРЕ” НА ИСХОДЕ XX СТО- ЛЕТИЯ (<i>Е.Б. Рашковский</i>).....	287
Глава двенадцатая	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В “ТРЕТЬЕМ МИРЕ”: НЕКОТО- РЫЕ ОБОБЩЕНИЯ (<i>В.Г. Хорос, М.А. Чешков</i>).....	298
Вместо заключения	
ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ МИРА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (“круглый стол” авторов).....	306

Научное издание

**АВТОРИТАРИЗМ
И ДЕМОКРАТИЯ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ**

Утверждено к печати
Ученым советом
Института мировой экономики
и международных отношений РАН

Заведующая редакцией
“Наука–экономика” Т.Е. Филиппова
Редактор К.А. Погосова
Художник А.А. Кущенко
Художественный редактор Г.М. Коровина
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректоры Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2006

ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 31.10.95
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 21,0. Усл.кр.-отг. 21,3. Уч.-изд.л. 23,5
Тираж 1500 экз. Тип. зак. 3027.

Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12